

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КООРДИНАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ PUBLIC LAW REGULATION IN THE SYSTEM OF COORDINATION OF INTERESTS OF THE STATE AND THE INDIVIDUALS

КОЗАЧЕНКО Надежда Евгеньевна,

аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).

127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 4.

E-mail: n.kozachenko11@yandex.ru;

KOZACHENKO Nadezhda Evgenievna,

Graduate student Department of Legal administration and Economics, Law Institute,
Russian University of Transport (MIIT).

127055, Moscow, Obraztsova St., 9, p. 4.

E-mail: n.kozachenko11@yandex.ru

Краткая аннотация: Вопросы определения природы публично-правового регулирования традиционно актуальны как с теоретических, так и практических позиций. В современных условиях можно рассматривать этот тип правового регулирования не только как самостоятельную часть механизма правового регулирования, но и в контексте права как универсальной системы согласования интересов государства и личности. В статье рассматриваются теоретические вопросы конструкции типа публично-правового регулирования, что в будущем позволит определить его методы и способы, формы и пределы, а также взаимосвязь публично-правового и частноправового начал.

Abstract: The issues of defining the nature of public-law regulation are traditionally relevant from both theoretical and practical positions. In modern conditions, this type of legal regulation can be considered not only as an independent part of the mechanism of legal regulation, but also in the context of law as a universal system for coordinating the interests of the state and the individual. The article examines the theoretical issues of the design of the type of public-law regulation, which in the future will allow us to determine its methods and means, forms and limits, as well as the relationship between public-law and private-law principles.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, публичное право, частное право, координация, согласование, публично-правовое регулирование

Keywords: mechanism of legal regulation, public law, private law, coordination, harmonization, public law regulation

Для цитирования: Козаченко Н.Е. Публично-правовое регулирование в системе координации интересов государства и личности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_205.

For citation: Kozachenko N.E. Public law regulation in the system of coordination of interests of the state and the individuals // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 205-208. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_205.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Введение. Механизм правового регулирования призван согласовать (координировать) публично-правовые и частноправовые начала при целенаправленном воздействии права на общественные отношения. Вместе с тем, по причинам методологического характера в юридической науке пока еще нет единства мнений по поводу того, чем именно следует считать публично-правовое регулирование общественных отношений с позиций понимания механизма правового регулирования как универсального способа согласования публичных и частных интересов: относительно обособленной частью механизма правового регулирования [11, с. 22], способом координации общественных взаимосвязей [13, с. 45] или особой формой координационного взаимодействия [18, с. 16], проявлением общесоциальных функций права [4, с. 124], реализуемым на практике принципом социальной координации [27, с. 62], алгоритмом снятия противоречий [24, с. 55] или функцией такого алгоритма [23, с. 38], самостоятельной разновидностью юридической технологии [14, с. 7].

В связи с указанным обстоятельством ученые-юристы приписывают публично-правовому регулированию различные сущностные свойства, разнящийся по объему и способам взаимосвязи элементный состав, формы, методы и средства правового воздействия. Например, публично-правовое регулирование ассоциируется с элементами координационной тактики как совокупности способов правового воздействия [8, с. 52], [9, с. 251] и т.д. Однако представляется, что истинная природа публично-правового регулирования как обособленного типа механизма правового регулирования может быть определена в системе координации интересов государства и личности посредством сопоставления правовых способов удовлетворения публичных и частных интересов.

Разрешение вопросов определения характера таких способов в современных условиях относится к целям исследования.

Основой работы выступил метод системного анализа процессов правовой координации социальных взаимосвязей [16, с. 360], а также сопутствующие ему методы и приемы формальной логики, историко-правовой подход и иные частноправовые способы познания.

Основная часть. Исторически публично-правовое регулирование противопоставлялось частноправовому регулированию общественных отношений как иной по своему характеру совокупности приемов воздействия на общественные отношения. Это противопоставление было связано с различием в романо-германской (континентальной) правовой семье публичного и частного права, параметры и аспекты которого не были статичными и менялись исторически, причем, в различных национальных правовых системах каждый раз особым образом.

Существующий разброд мнений не случаен и сохранился вплоть до настоящего времени. Одной из его значимых причин является то

обстоятельство, что деление права на частное и публичное выходит далеко за отраслевые рамки и отнесение тех или иных вопросов к предмету исключительного регулирования того или иного права, публичного либо частного, достаточно условно, поскольку диспозитивные элементы имеются даже и в административном праве [26, с. 312], а традиционная для гражданского права имущественная сфера сегодня все чаще и чаще оказывается под публично-правовым воздействием, что, при прочих равных условиях, повышает эффективность ее регулирования [25, с. 110]. При отнесении той или иной отрасли *преимущественно* к отрасли публичного или частного права предмет правового регулирования, оставаясь важным фактором, тем не менее, отходит на второй план, а метод правового регулирования – обычно, критерий сугубо дополнительный – становится главным и даже определяющим [15, с. 43]. По этой причине правильнее говорить о приеме воздействия – публично-правовом (приеме юридической централизации) или частноправовом (приеме юридической децентрализации) [1, с. 289].

Анализ результатов исследований по этому вопросу последних лет показывает, что, с точки зрения целей настоящего исследования, сегодня сложилось понимание противопоставления публичного начала в праве частному правовому началу по следующим основаниям (критериям).

Во-первых, различны принципы правового регулирования: равноправие сторон в частном праве и принцип «власти – подчинения» в публичном праве. Во-вторых, в частном праве нормы, как правило, диспозитивные, тогда как в публичном праве – императивные. В-третьих, правоотношения в частном праве возникают, изменяются, прекращаются по волеизъявлению их участников, тогда как в публичном праве – исходя из интересов государства и общества, которые выражают публичные субъекты права. В-четвертых, различается субъектный состав: в публичном праве обязательен хотя бы в виде одной стороны правоотношений публичный субъект, обладающий властными полномочиями по отношению к другому субъекту, тогда как в частном праве один из субъектов – всегда частное лицо – и, в том случае, когда субъектом правоотношения выступает государство (его орган или должностное лицо), оно не обладает властными полномочиями, а становится равноправным участником правоотношения. В-пятых, в публичном праве достигаются общие (для государства и общества) цели, а в частном праве – цели частных лиц, удовлетворяются интересы последних [2, с. 35].

Представляется, что, хотя каждый критерий по отдельности не может быть основным и достаточным для разделения права на публичное и частное (например, императивные нормы широкого распространены и в гражданском праве как праве, безусловно, частном), в своей совокупности они дают достаточное представление о разделении права на публичное и частное.

Вместе с тем, с точки зрения понимания особенностей публично-правового типа регулирования в настоящее время в юридической доктрине можно выделить три относительно обособленные группы подходов.

Первую позицию, которой придерживается большинство авторов, чьи работы были процитированы выше, можно условно обозначить как «классическую» [22, с. 12]. Логика рассуждений, с теми или иными уточнениями у различных авторов, здесь следующая.

Прежде всего, общественные отношения возникают по поводу некоторого интереса, который подлежит удовлетворению, а сами эти интересы могут быть публичными и частными. Право опосредует общественные отношения исходя из тех интересов, которые изначально в этих отношениях «заложены» как желаемые к достижению (удовлетворению). По сути, интерес «притягивает» средства и формы его удовлетворения, принципы достижения цели, субъектный состав и т.п. Если удовлетворению подлежат государственные (общественные) интересы, то в отношении и вмешивается государство, которое в состоянии дозволять, предписывать и запрещать, то есть государство (как собирательный термин) не может не осуществлять в рамках публичных правоотношений собственные властные функции. Вмешательство публичного субъекта обуславливает изначальное неравенство сторон правоотношений.

Например, хотя в гражданском исполнительном праве осуществляется исполнение судебных актов, вынесенных чаще всего в рамках диспозитивного гражданского процесса, тем не менее, сам механизм государственного принуждения, задействованный в процессе исполнения, не позволяет относить данную отрасль права к отраслям частного права [6, с. 45]. Или же, контрольно-надзорная деятельность, призванная служить, в том числе, и частноправовым интересам, тем не менее, опосредует, в первую очередь, публично-правовой интерес [20, с. 65], а его субъекты обладают возможностью применения мер государственного принуждения, вытекающей из их властных полномочий, хотя они могут осуществлять свою деятельность и в сугубо частноправовой сфере [17, с. 7].

В итоге, все без исключения элементы механизма правового регулирования (нормы, принципы, формы реализации права и возникшие в результате этого правоотношения) имеют публично-правовую «окраску», они специфичны и отличаются от тех же элементов, но характерных уже для частноправового типа воздействия.

Вторая позиция является следствием и уточнением первой. Ее последователи, как правило, не отрицая значимости выявления особых публично-правовых свойств у всех отмеченных выше элементов соответствующего типа правового регулирования, тем не менее, делают акцент на «практической» составляющей правового регулирования – его методах и приемах, которые понимаются, по возможности, наиболее широко. По особой конструкции приемов правового регулирования можно судить о различии публичного и частного правовых начал, а также их специфике.

Так, О.Е. Землянов пишет, что «отличительной чертой публично-правового регулирования выступает юридико-технический прием компетенции, с помощью которого определяется статус публичных субъектов. Объективной основой для применения приема компетенции является система государственных функций» [7, с. 12]. Результаты публично-правового регулирования чаще всего выражаются во внешних правовых актах [12, с. 55]. Именно о публично-правовой деятельности можно судить в контексте эффективности государственной деятельности [10, с. 77]. При этом, однако, не исключается и то, что регулируя, например, экономическую сферу общественной жизни, публично-правовое регулирование может не только обеспечивать экономическую безопасность Российской Федерации и иные публичные приоритеты, но и способствовать удовле-

творению имущественных потребностей субъектов экономической деятельности – субъектов частного права [3, с. 12].

Ученые-юристы, мнения которых можно условно объединить в *третью* методологическую *позицию*, не придерживаются столь жесткого деления права на частное и публичное (частное и публичное право, скорее, результат применения тех или иных методов правового воздействия) и, соответственно, деления типов регулирования на публично-правовой и частноправовой типы [5, с. 20].

Результаты научных изысканий сторонников данного подхода подразделяются на две относительно самостоятельные группы.

Так, одни ученые называют выделение публично-правового регулирования и частноправового регулирования в качестве самостоятельных типов правового воздействия неточным и предлагают конкретизировать его применительно к отраслям права. Например, В.Д. Сорокин указывает, что, во-первых, метод правового регулирования един, во-вторых, он включает в себя лишь дозволения, обязанности и запреты в качестве идеальных моделей регулирования, и, в-третьих, в зависимости от конфигурации и сочетания этих моделей, можно говорить о выделении трех относительно обособленных типов правового регулирования: гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового [21, с. 76].

Другая (более широко распространенная) палитра мнений оперирует принципиально иной типологией приемов правового регулирования. Не отрицая существования публично-правового и частноправового типов регулирования, ученые-юристы, тем не менее, по сути, считают их историческими обозначениями типов правового регулирования, содержание которых в современных условиях уточняется.

Например, стандартно предлагается выделять разрешительный («запрещено все, кроме прямо разрешенного законом») и общедозволяющий (принцип диспозитивности как формальное закрепление дозволений, самостоятельности и равенства участников правоотношений) типы. Первый из них характерен для публично-правового регулирования, а второй – частноправового [19, с. 21].

Другие исследователи обосновывают необходимость различать институционный и дискретный типы правового регулирования, основанные на соответствующих методах. В частности, институционный метод позволяет придать правовой норме строго определенный характер и сводит к минимуму усмотрение властного субъекта, опосредует публично-правовую сферу общественных отношений, тогда как дискреционный метод, напротив, фиксирует возможность свободного усмотрения субъектов [28, с. 120].

По мнению Е.К. Шевырина, характеристика правил, воздействующих на поведение людей и способ их установления, тип правовых санкций и порядок их реализации, особенности прав и обязанностей, установленных для участников общественных отношений, выступают критериями структурного типа правового регулирования, на основе которого разграничиваются публично-правовой и частноправовой типы правового регулирования [30, с. 11]. Такое различие нередко происходит и в сознании должностных лиц, участвующих в процессе регулирования общественных отношений [29, с. 90].

По трем приведенным примерам очевидно, однако, что, несмотря на разнообразие подходов, логический принцип здесь один: создается новое типологическое деление приемов правового регулирования, которое может отражаться в общепринятых в юридической литературе типах правового регулирования – публично-правовом и частноправовом.

Заключение. Подводя итоги исследованию, необходимо отметить отсутствие в юридической литературе единства мнений относительно понятия и элементного состава категории «механизм правового регулирования». По мнению автора, к элементам, свидетельствующим об особом типе правового регулирования, достаточно отнести: 1) нормы права и иные нормативные правовые предписания, 2) юридические факты, 3) реализацию права и, в качестве «индикаторов» последней: особенности возникших правоотношений и актов применения права.

По причинам методологического характера в юридической науке пока еще нет единства мнений по поводу того, чем именно следует считать публично-правовое регулирование общественных отношений, в связи с чем ученые-юристы приписывают публично-правовому регулированию различные сущностные свойства, разнящийся по объему и способам взаимосвязи элементный состав, формы, методы и средства правового воздействия. В работе обосновывается, что публично-правовое регулирование общественных отношений будет проявлением единого механизма правового регулирования, обусловленным спецификой применяемых правовых способов и средств.

Исторически публично-правовое регулирование противопоставлялось частноправовому регулированию общественных отношений как иной по своему характеру совокупности приемов воздействия на общественные отношения, что было связано с различием в романо-германской (континентальной) правовой семье публичного и частного права, параметры и аспекты которого не были статичными и менялись исторически. По этому поводу в юридической науке представлены различные мнения, в том числе отрицающие необходимость такого различия.

Представляется, что существенных причин, позволяющих отказаться от интуитивно понятного, соответствующего отечественной правовой традиции и положительно себя зарекомендовавшего выделения в механизме правового регулирования двух его самостоятельных типов – публично-правового и частноправового – не усматривается. Исходным началом выступает особенность подлежащего удовлетворению в конкретных правоотношениях интереса (публичного или частного), от которого зависит выбор 1) принципов правового регулирования, 2) правовых норм и 3) путей реализации права.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы права. Учебник в 2 ч. Ч. I. Теоретические проблемы современного права / Под ред. Р.В. Шагиевой. М.: Юрлитинформ, 2023. 544 с.
2. Амвросова О.Н., Атаян Г.Ю. Проблема дуализма права в контексте соотношения понятий «торговое право», «коммерческое право», «хозяйственное право», «предпринимательское право» // Право и политика. 2008. № 8. С.34-39.
3. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С.11-15.

4. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. Кострома, 2007. С. 121.-125.
5. Васильев А.А. Концепция общественного права российского традиционализма как альтернатива дихотомии права на частное и публичное право // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 18-26.
6. Гражданское исполнительное право. Учебник. Под ред. А.А. Власова. М.: Экзамен, 2004. 280 с.
7. Землянов О.Е. Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 28 с.
8. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. Сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. Тамбов, 2011. С. 50-55.
9. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Правовая политика современной России: формы и средства реализации: сборник статей по материалам Международной читательской научно-практической конференции 19 мая 2011 года / Под ред.: Малько А.В., Пузиков Р.В. Тамбов: Изд-во ТРОО "Бизнес-Наука-Общество", 2011. С. 250-253.
10. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред. проф. Г.Г. Бриль – Кострома, 2007. С. 76-82.
11. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Моск. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / Отв. ред. П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. С. 21-25.
12. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 2002. Вып. 3. С. 54-58.
13. Макаров И.И. Координация в праве. Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – 320 с.
14. Максуров А.А. Координационная юридическая технология: дискуссионные вопросы определения качества // Юридическое образование и наука. 2014. № 4. С. 6-8.
15. Максуров А.А. Координационные правоотношения и объект координационной деятельности: проблемы соотношения // Вопросы экономики и права. 2009. № 7. С. 42-44.
16. Максуров А.А. Метод системного анализа как способ изучения эффективности юридических процессов (на примере координационной юридической практики) // Научные труды РАЮН. Вып. 11. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред.: Гриб В.В. - М.: Юрист, 2011. - С. 359-360.
17. Максуров А.А. Субъекты и участники координационной юридической практики через призму их полномочий // Вопросы экономики и права. 2009. № 8. С. 5-8.
18. Мельников Ю.И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. / Под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семенов. Ярославль, 2003. Вып. 1. С. 15-18.
19. Милушева Т.В. Пределы и ограничения государственной власти: (теоретико-правовое исследование). Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2013. 48 с.
20. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). Вып. 6. Ч. 1. 2005. С. 64-67.
21. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Питер, 2023. 320 с.
22. Суханов Е.А. Система частного права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1994. № 4. С. 4-15.
23. Таланова М.В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10. С. 32-39.
24. Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. М.: ЭкОонис, 2013. 498 с.
25. Таланова М.В. Эффективность нормы частного права / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Saarbrücken.: Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. С. 109-116.
26. Терехова А.В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 3. С. 311-323.
27. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. Владимир. 2002. С. 59-64.
28. Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 118-126.
29. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г.. М.: РГГУ, 2007. С. 89-94.
30. Шевырин Е.К. Тип правового регулирования: теоретические и практические проблемы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. 32 с.

References:

1. Aktual'nye problemy prava. Uchebnik v 2 ch. Ch. I. Teoreticheskie problemy sovremennogo prava / Pod red. R.V. Shagievoy. M.: Juritinform, 2023. 544 s.
2. Amvosova O.N., Atajan G.Ju. Problema dualizma prava v kontekste sootnosheniya ponjatij «torgovoe pravo», «kommercheskoe pravo», «hozjajstvennoe pravo», «predprinimatel'skoe pravo» // Pravo i politika. 2008. № 8. S.34-39.
3. Baranov V.M., Kartashov V.N. Osnovnye nedostatki koordinacionnoj praktiki po obespecheniju jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na sovremennom jetape // Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespechenija. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2006. № 6. S.11-15.
4. Bril' G.G. Maloissledovannye obshhesocial'nye funkcii koordinacionnoj juridicheskoy praktiki // Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom jetape. Sb. nauch. tr. V-j Mezhuuz. nauchn.-praktich. konf. / Otv. red.prof. G.G. Bril'. Kostroma, 2007. S.121.-125.
5. Vasil'ev A.A. Konceptija obshhestvennogo prava rossijskogo tradicionalizma kak alternativnaja dihotomii prava na chastnoe i publichnoe pravo // Obshhestvo i pravo. 2012. № 5 (42). С. 18-26.
6. Grazhdanskoe ispolnitel'noe pravo. Uchebnik. Pod red. A.A. Vlasova. M.: Jekzamen, 2004. 280 s.
7. Zemljanov O.E. Publichno-pravovoe regulirovanie: problemy teorii i praktiki. Avtoref.diss....kand.jurid.nauk. Volgograd, 2011. 28 s.
8. Kartashov V.N. K voprosu o ponjatii koordinacionnoj juridicheskoy taktiki // Razvitiye molodezhnoj juridicheskoy nauki v sovremennom mire. Sb. nauch.tr. po materialam VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy internet-konferencii 15 maja 2011 goda. Tambov, 2011. S.50-55.
9. Kartashov V.N. K voprosu o ponjatii koordinacionnoj juridicheskoy taktiki // Pravovaja politika sovremennoj Rossii: formy i sredstva realizacii: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj chitatelskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 19 maja 2011 goda / Pod red.: Mal'ko A.V., Puzikov R.V. Tambov: Izd-vo TROO "Biznes-Nauka-Obshhestvo", 2011. S.250-253.
10. Kartashov V.N. Koordinacionnaja juridicheskaja praktika gosudarstvennyh organov: vzgljad na problemu jeffektivnosti // Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom jetape. Sb. nauch. tr. V-j Mezhuuz. nauchn.-praktich. konf. / Otv. red.prof. G.G. Bril' – Kostroma, 2007. S.76-82.
11. Kartashov V.N. Mehanizm koordinacionnogo regulirovanija // Vestn. nauch. tr. Nizhnekam. filiala Moskov. gumanitarno-jekonom. in-ta. Vyp.3. Chast' 8. Voprosy teorii i istorii gos. i prava / Otv.red. P.A.Kabanov. – Nizhnekamsk, 2001. S.21-25.
12. Kivlenok T.V. Pravovoj akt kak vneshnijaja forma koordinacionnoj dejatel'nosti // Aktual'nye problemy jurisprudencii. Sbornik nauchnyh trudov. Vladimir: VGPU, 2002, Vyp. 3. S.54-58.
13. Makarov I.I. Koordinacija v prave. Jaroslavl': JaF MFJuA, 2012. – 320 s.
14. Maksurov A.A. Koordinacionnaja juridicheskaja tehnologija: diskussionnye voprosy opredelenija kachestva // Juridicheskoe obrazovanie i nauka. 2014. № 4. С. 6-8.
15. Maksurov A.A. Koordinacionnye pravootnosheniya i ob'ekt koordinacionnoj dejatel'nosti: problemy sootnosheniya // Voprosy jekonomiki i prava. 2009. № 7. С. 42-44.
16. Maksurov A.A. Metod sistemnogo analiza kak sposob izucheniya jeffektivnosti juridicheskix processov (na primere koordinacionnoj juridicheskoy praktiki) // Nauchnye trudy RAJuN. Vyp. 11. V 2 t. T. 1 / Otv. red.: Grib V.V. - M.: Jurist, 2011. - S. 359-360.
17. Maksurov A.A. Sub'ekty i uchastniki koordinacionnoj juridicheskoy praktiki cherez prizmu ih polnomochij // Voprosy jekonomiki i prava. 2009. № 8. С. 5-8.
18. Mel'nikov Ju.I. Formy koordinacionnogo vzaimodejstviya v prave: Koordinacionnyj seminar // Vestnik nauchnyh trudov Jaroslavskogo filiala Moskovskoj finansovo-juridicheskoy akademii. Jurisprudencija. / Pod red. Ju.I. Mel'nikova, A.A. Maksurova, G.V. Semenovoj. Jaroslavl'. 2003. Vyp.1. С. 15-18.
19. Milusheva T.V. Predely i ogranichenija gosudarstvennoj vlasti: (teoretiko-pravovoe issledovanie). Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. Saratov, 2013. 48 s.
20. Postnov A.S. Kontrol' i nadzor kak faktory povysheniya jeffektivnosti koordinacionnoj praktiki // Rossijskoe pravo v period social'nyh reform. Materialy konferencii studentov, aspirantov, soiskatelej i molodyh ucheny-juristov (g. Nizhnij Novgorod, 26-27 nojabrja 2004 g.). Vyp. 6. Ch. 1. 2005. S.64-67.
21. Sorokin V.D. Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, process (makrouroven'). SPb.: Piter, 2023. 320 s.
22. Suhanov E.A. Sistema chastnogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo. 1994. № 4. S.4-15.
23. Talanova M.V. K voprosu o klassifikacii funkcij mediativnoj juridicheskoy praktiki // Sovremennoe pravo. 2012. № 10. С.32-39.
24. Talanova M.V. Mediacija v prave: juridicheskaja tehnologija mediativnyh procedur. M.: JekOonis, 2013. 498 s.
25. Talanova M.V. Jefferktivnost' norm chastnogo prava / Chastno-pravovye otnosheniya v uslovijah globalizacii. Saarbrücken.: Lambert academic publishing, 2012. Chast' 1. Glava 7. S.109-116.
26. Terehova A.V. Administrativnoe usmotrenie v rassledovanii neschastnyh slucaev na proizvodstve i administrativnom rassledovanii po delam o narushenijah gosudarstvennyh normativnyh trebovanij ohrany truda // Sibirskoe juridicheskoe obozrenie. 2024. T. 21. № 3. S.311-323.
27. Frolov S.E. Principy koordinacionnoj dejatel'nosti // Aktual'nye problemy jurisprudencii: sbornik nauchnyh trudov. Vladimir. 2002. S.59-64.
28. Cyganovkin V.A. Institucionnyj i diskreccionnyj metody i tipy pravovogo regulirovanija // Jurisprudencija. 2011. № 3. С. 118-126.
29. Chernecov V.Ju. Psihologicheskij podhod k izucheniju problem koordinacionnoj juridicheskoy praktiki // Zakonodatel'stvo i pravoprimenenie v Rossijskoj Federacii. Doklady i soobshhenija VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 17 aprelya 2007 g.. M.: RGGU, 2007. S.89-94.
30. Shevyrin E.K. Tip pravovogo regulirovanija: teoreticheskie i prakticheskie problemy. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2008. 32 s.

ВИДЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА TYPES OF FINANCIAL CONTROL IN THE FIELD OF THE STATE DEFENSE ORDER

ШИРЕНИН Роман Павлович,

специалист, Российский федеральный ядерный центр –
Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики.
пр. Мира, д. 37, г. Саров, Нижегородская область, 607188, Россия.
E-mail: RPShirenin@vniief.ru;

SHIRENIN Roman Pavlovich,

Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental Physics.
Mira str., 37, Sarov, Nizhny Novgorod oblast', 607188, Russia.
E-mail: RPShirenin@vniief.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается текущее состояние понятия «виды финансового контроля» в нормативно-правовых актах Российской Федерации и научно-учебных работах ученых – исследователей проблематики, наглядно демонстрируется связь между общеэкономическим финансовым контролем и финансовым контролем в сфере государственного оборонного заказа, а также предлагается внесение изменений в некоторые нормативно-правовые акты в сфере финансового контроля Российской Федерации.

Abstract: The article presents the current condition of the term “types of financial control” within the legal framework of the Russian Federation, as well as within the scientific and educational works of the topic researchers; highlights the correlation between the general financial control in the Economics and the financial control in the field of the state defense order; suggests changes to the legal framework of the financial control within the Russian Federation.

Ключевые слова: финансовый контроль, виды финансового контроля, государственный оборонный заказ, нормативно-правовая база, внутренний государственный контроль, внешний государственный контроль.

Keywords: financial control, types of financial control, state defense order, legal framework, internal financial control, external financial control.

Для цитирования: Ширенин Р.П. Виды финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 209-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_209.

For citation: Shirenin R.P. Types of financial control in the field of the state defense order // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 209-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_209.

Статья поступила в редакцию: 23.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Государственный финансовый контроль, по своей сути, имеет цель в установлении, неукоснительном соблюдении и поддержании правопорядка в сфере финансовой деятельности правоспособных лиц, юридических или физических, в пределах одного государства. Эффективность вышеуказанного правового института, в том числе при выполнении государственного оборонного заказа (или ГОЗ), напрямую зависит от выбранных методов, способов или видов контроля.

Современные исследования отечественной финансовой науки не позволяют вывести единый подход к пониманию термина «вид» финансового контроля как для финансов в целом, так и в сфере ГОЗ. Как справедливо отмечает Патенкова В. Ю., разделение или классификация финансового контроля по его видовой принадлежности ведет к осознанному выбору методов правового регулирования, тем самым повышая эффективность контроля [1]. Все еще остается дискуссионным остается вопрос теоретического разграничения финансового контроля по его видам в контексте их отличия от остальных связанных терминов – «форма», «метод», «способ» финансового контроля. Данную неопределенность можно наблюдать не просто в публицистических статьях по тематике контроля в финансовом или бюджетном праве, но и в современных научных источниках, учебной литературе и даже в нормативно-правовой базе России.

На данную проблему обращает внимание профессор Химичева Н.И., упоминая о том, что в экономической науке и финансовом законодательстве термины «метод», «форма», «вид», «способ» финансового контроля используются произвольно и с различными определениями. Так, дополняет она, последующий, текущий, предварительный контроль у некоторых исследователей являются формами, у других – видами, у третьих – типами контроля в сфере финансов [2]. Поэтому, с целью устранения понятийной неясности, полагаем необходимым определить границы видов финансового контроля в контексте государственного финансового контроля, причем с возможным использованием в сфере регулирования ГОЗ.

Отечественный ученый-юрист Шохин С.О. предложил собственную классификацию видов финансового контроля. Так, он разделил данный правовой институт по видам, среди которых выделяет государственный финансовый контроль и негосударственный финансовый контроль [3].

Уже упомянутая нами выше профессор Химичева Н.И. предлагает другую классификацию видов контроля в сфере финансов, опираясь на, прежде всего, правовой статус субъектов. В своем учебно-методическом пособии «Финансовое право» она отдельно выделяет федеральный, региональный виды финансового контроля как подвиды государственного финансового контроля (ГФК) с одной стороны, а с другой – общественный (непрофессиональный, публичный) и аудиторский (профессиональный, непубличный) финансовые контроли [2, с. 144].

Государство же предлагает иную классификацию в Бюджетном кодексе РФ. В ст. 265 данного закона закреплены виды государственного (муниципального) финансового контроля: внешний, внутренний, предварительный, последующий [4].

Внешний контроль осуществляется в отношении объектов, непосредственно не подчиненных органу-контролёру. На территории РФ внешний государственный контроль – сфера ведения Счетной палаты РФ и соответствующих счетных органов субъектов РФ; внешний муниципальный финансовый контроль отнесен к счетным органам муниципальных образований РФ. **Вынуждены констатировать, что внешний финансовый контроль в сфере ГОЗ – исключительная прерогатива СП РФ, потому что муниципальные и субъектные органы аудита не имеют такие полномочия и полностью исключены из аудита финансов в сфере обороны государства.**

Внутренним государственным контролем занимается Федеральное казначейство РФ и исполнительные органы субъектов России в том случае, если им были переданы полномочия по ГФК от компетентного органа. Внутренний же муниципальный контроль передан в полномочия исполнительных органов местных администраций.

Почти все исследования, посвященные проблематике финансового контроля, не оспаривают важность разделения видов данного правового института по времени, тем самым выделяя предварительный, текущий и последующий контроли.

Предварительный (государственный) финансовый контроль характерен стадии планирования, составления бюджета, еще до непосредственного начала хозяйственной деятельности по отчетному финансовому периоду. Цель данного вида контроля – предупреждение, предотвращение любых действий должностных лиц, из-за которых может быть причинен ущерб бюджету или общественным интересам в целом. На данной стадии финансового контроля анализируется соответствие финансовых операций нормативным правовым актам. Пожидаева Т.А. считает, что именно стадия планирования бюджета – лучшее время для предварительного аудита как способа найти оптимальные управленческие или финансовые решения и предупредить любого вида ущерб [5]. Славинский П.В. согласен с данной позицией и заявляет, что предварительный финансовый контроль входит в компетенцию уполномоченных органов-контролёров, чтобы контролируемые субъекты не начинали свою хозяйственно-экономическую деятельность до проведения всесторонней проверки обоснованности планируемого бюджета, тем самым полностью исключая возможность ошибки или правонарушения в финансовой сфере [6, с. 20].

Считаем, что необходимо добавить еще одну важную характеристику предварительного финансового контроля, о которой не упоминают ученые – это факт того, что именно данный вид контроля ответственен за создание правил и процедур выполнения намеченных планов по усвоению бюджета или, по крайней мере, за создание методики аудита финансов.

По нашему мнению, данный вид контроля необходим не только для того, что зафиксировать проблему, но и для того, чтобы найти пути ее решения различными способами.

Проанализируем и докажем на практических примерах применение в РФ предварительного государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа.

Показатели бюджета ГОЗ формируются на самом раннем этапе составления федерального бюджета (ФБ), когда заслушиваются предложения Государственных заказчиков и требования Вооруженных Сил РФ. Государственные Заказчики привлекаются в данном случае как распорядители бюджетных ассигнований, поэтому без них невозможно составить план бюджета на планируемый финансовый период; тем самым они представляют предложения по составу показателей ГОЗ по его расходам на продукцию и материалам, которые будут использованы.

Для определения обоснованности показателей проекта бюджетов, Счетная палата РФ (СП РФ) имеет полномочия по аудиту формирования ФБ в соответствии с Федеральным законом «О Счетной палате РФ». Для этого СП РФ имеет в распоряжении множество аудиторских экспертных мероприятий по контролю обоснованности проекта ФБ, по наличию и актуальности методической основы, в соответствии с которой и формируется бюджет, Посланиям Президента РФ и текущей социальной-экономической политике государства. Все это оформляется в виде Заключения СП РФ на проект ФБ на конкретный отчетный период, представляемое палатам Федерального собрания РФ.

В своих Заключениях по соответствию ФБ законодательству СП РФ ориентируется на созданный Коллегией СП РФ так называемый СГА 201 – «Стандарт внешнего государственного аудита (контроля)» [7] по формированию ФБ РФ. В данном Стандарте установлены правила проведения предварительного аудита по формированию бюджета.

Исходя из вышеизложенного очевидно и нами доказано, что предварительный государственный финансовый контроль осуществляется в рамках государственного оборонного заказа на этапе разработки проекта федерального бюджета.

Бюджетный кодекс РФ относит к видам государственного финансового контроля предварительный и последующий финансовый контроль. ***Полагаем, что законодатель неверно очертил границы государственного финансового контроля только предварительным и последующим финансовым контролем, проигнорировав текущий (оперативный) финансовый контроль, который, на наш взгляд, необходим с целью недопущения отклонений от намеченных планов.***

Текущий государственный финансовый контроль осуществляется в настоящее время Счетной палатой РФ, Федеральным казначейством РФ, Федеральной антимонопольной службой, Государственными Заказчиками. Стоит отметить, что позиции разделения видов государственного финансового контроля на предварительный и последующий придерживаются и некоторые ученые в области аудита ГОЗ [6, с. 23].

Если предварительный контроль происходит до хозяйственно-финансовой деятельности субъекта контроля, то ***текущий (государственный) финансовый контроль*** является следующим этапом – во время вышеуказанной деятельности и в момент ее документального оформления. Данный вид аудита следит за траекторией освоения бюджета, чтобы, в случае обнаружения правонарушений, предупредить любого рода отклонения от изначальных планов.

К сожалению, формально на уровне закона данный вид ГФК не закреплён. Впрочем, мы можем наблюдать практическое применение данного вида контроля. Так, в функции СП РФ входят обязанности по оперативному контролю за исполнением бюджета [8]. Счетная палата должна анализировать своевременность и количество поступлений в бюджет или его расходов по сравнению с запланированными показателями, выявлять причину отклонений или определять наличие нарушений в фактических показателях, предлагает пути решения возникших проблем. Для постоянной актуализации собственных методик и применяемых экспертных мероприятий по аудиту СП РФ применяет прежде всего полученные в ходе именно оперативного финансового контроля данные, в том числе в сфере ГОЗ ввиду наличия у СП РФ полномочий по контролю бюджета по нему.

Для оперативного финансового контроля как вида Коллегия СП РФ разработала СГА 202 по оперативному анализу исполнения и кон-

троля ФБ [9]. На основании Стандарта осуществляется вышеуказанный аудит как в общефинансовой сфере, так и в сфере ГОЗ. Стандарт сообщает о том, что сотрудники СП РФ обязаны проводить оперативный анализ исполнения и контроля организации ФБ в текущем отчетном году, на основании чего должны составляться доклады и аналитические записки – отчетные документы по структуре расходов и реализации государственных программ по бюджету. СП РФ проводит оперативный государственный финансовый контроль в два этапа: подготовка форм документов для контрольно-экспертных мероприятий и непосредственное проведение аудита по требуемым операциям.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что текущий государственный финансовый контроль осуществляется Счетной палатой РФ.

Последующий (государственный) финансовый контроль, как мы уже отмечали выше, описан в статье 265 Бюджетного кодекса РФ. Данный вид финансового контроля проводится после исполнения бюджетов всех уровней в РФ. Цель данного вида аудита – установление и подтверждение достоверности исполнения бюджетов, утверждение подлинности отчетной документации по нему. Последующий аудит осуществляется после проведения всех запланированных финансовых операций в хозяйственной деятельности контролируемого субъекта, когда уже невозможно повлиять на траекторию исполнения. Считаем, что результаты данного вида контроля могут быть полезны для планирования будущих мероприятий в следующем отчетном периоде как практика анализа эффективности проведенных работ по освоению бюджета.

Следует отметить, что последующий государственный финансовый контроль также закреплен и в статье 20 ФЗ «О Счетной палате РФ» – он осуществляется при проверке исполнения ФБ РФ за отчетный финансовый год для определения соотношения планируемых показателей с фактическими. Разумеется, все это верно и для сферы ГОЗ, потому что СП РФ имеет полномочия по оценке исполнения его бюджета в плане достоверности отчетности по эффективности использованию средств оборонного бюджета в ходе тематических проверок.

Коллегия СП РФ разработала Стандарт и для последующего финансового контроля – СГА 203 о последующем контроле за исполнением ФБ [10], который перечисляет цели, задачи, виды и методы последующего ГФК. Программа проведения аудиторских мероприятий, в зависимости от конкретных целей их проведения, определяет конкретные виды ГФК уже в сфере ГОЗ.

Результаты проведенного исследования видов государственного финансового контроля позволяют нам сделать следующие выводы:

1. В современной правовой финансовой науке присутствуют различные подходы к пониманию видов финансового контроля, соответственно, это относится и к государственному финансовому контролю за предприятиями, выполняющими государственный оборонный заказ. Подобная неоднозначность в классификации прослеживается также в современных научных разработках, учебно-методической и справочной литературе, и что особенно недопустимо – в нормативных правовых актах.

2. В ходе исследования доказано, что контрольно-счетные органы субъектов и муниципальных образований РФ не могут проводить финансовый аудит в сфере ГОЗ.

3. В ходе исследования нами практически доказано применение всех видов государственного финансового контроля и в общеэкономической деятельности, и в оборонной сфере.

4. По итогам исследования установлено и доказано, что законодательно текущий финансовый контроль не закреплен как вид государственного финансового контроля, однако на практике текущий (оперативный) государственный финансовый контроль осуществляется СП РФ в ходе исполнения ФБ РФ.

На основании проанализированных материалов считаем необходимым дополнить статью 265 Бюджетного кодекса РФ предложениями по уточнению классификации видов ГФК: – пункт 1 изложить в редакции: «Государственный (муниципальный) финансовый контроль подразделяется на внешний и внутренний; предварительный, текущий и последующий»; – дополнить пункт 6 в редакции: «Текущий контроль осуществляется с целью оперативного контроля исполнения и контроля за организацией исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

Список литературы:

1. Патенкова В.Ю. Контроль за деятельностью акционерного общества: правовое регулирование : монография. – М.: Юстицинформ, 2023. – 180 с.
2. Химичева Н.И. Финансовое право: Учебник / Отв. ред. Химичева Н.И. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 768 с.
3. Шохин С.О., Бобрышев Д.Н. Финансовый контроль и деятельность Контрольно-счетной палаты : монография. – М.: Полиграф Сервис, 1999. – С. 31.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (дата обращения 06.12.2024).
5. Пожидаева Т.А. Сравнительная характеристика внешнего (финансового) и внутрихозяйственного контроля за деятельностью организации // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 15. С. 47.
6. Славинский П. В. Государственный финансовый контроль в сфере государственного оборонного заказа: дис. канд. юридических наук. – М., 2018. 208 с.
7. СГА 201. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Предварительный аудит формирования федерального бюджета // <https://rulaws.ru/acts/SGA-201.-Standart-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-solt-budbdiea> (дата обращения 06.12.2024).
8. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621 (дата обращения 06.12.2024).
9. СГА 202 «Оперативный анализ исполнения и контроля за организацией исполнения федерального бюджета» // <https://rulaws.ru/acts/SGA-202.-Operativnyy-analiz-ispolneniya-i-kontrol-za-organizatsiy-ispolneniya-federalnogo-byudzheta-solt-buegfcaa> (дата обращения 06.12.2024).
10. СГА 203. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Последующий контроль за исполнением федерального бюджета // <https://rulaws.ru/acts/SGA-203.-Standart-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-solt-buddgiba> (дата обращения 06.12.2024).

References:

1. Patenkova V.Yu. Control over the activities of a joint-stock company: legal regulation: monography. – Moscow: Justitsinform, 2023. – 180 p.
2. Himicheva N.I. Financial law: Educational book / Executive editor Himicheva N.I. – Issue 4. – Moscow: Norma, 2008. – 768 p.
3. Shokhin S.O., Bobryshev D.N. Financial control and the activity of Chamber of Control and Accounts: monography. – Moscow: Polygraph Service, 1999. – P. 31.
4. Budget code of the Russian Federation no. 145-FZ of July 31, 1998 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702 (date of access: December 06, 2024).
5. Pozhidaeva T.A. Comparative characteristics of external (financial) and internal control over the activities of the organization. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet* (International Accounting), 2012, vol. 15, - P. 47.
6. Slavinsky P.V. State financial control in the field of state defense order: PhD, diss. Moscow, 2018. – 208 p.
7. SSA 201. Standard of the state outer financial audit (control). Preliminary audit of the federal budgeting // <https://rulaws.ru/acts/SGA-201.-Standart-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-solt-budbdiea> (date of access: December 06, 2024).
8. On the Accounting Chamber of the Russian Federation no. 41-FZ of April 5, 2013 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621 (date of access: December 06, 2024).
9. SSA 202. Operative analysis of federal budget execution and control of its execution // <https://rulaws.ru/acts/SGA-202.-Operativnyy-analiz-ispolneniya-i-kontrol-za-organizatsiy-ispolneniya-federalnogo-byudzheta-solt-buegfcaa> (date of access: December 06, 2024).
10. SSA 203. Standard of the state outer financial audit (control). Subsequent control of federal budget execution // <https://rulaws.ru/acts/SGA-203.-Standart-vneshnego-gosudarstvennogo-audita-solt-buddgiba> (date of access: December 06, 2024).

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИИ SOCIO-LEGAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION

СОТСКОВ Федор Николаевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru;

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна,

доцент, кандидат юридических наук, зав. кафедрой частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: martyanova@rgust.ru;

SOTSKOV Fyodor Nikolaevich,

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies.

107150, Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, Russia.

E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru;

MARTIANOVA Galina Vasilyevna,

Associate Professor, Candidate of Law, Head of the Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies.

107150, Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, Russia.

E-mail: martyanova@rgust.ru

Краткая аннотация: В научной статье, на основе анализа нормативных правовых актов, обращается внимание на отсутствие в них юридически значимого определения коррупции, которое, по сути, должно обосновывать целенаправленность борьбы с ней, в том числе и уголовно-правовыми методами. В противном случае, коррупция представляется как некая мифическая аллегория, борьба с которой носит абстрактный характер. Впервые предпринята попытка на основе методов научного познания, сформулировать научно обоснованное определение коррупции, выявить её объективный и субъективный состав, а также представить меры эффективного противодействия её проявлениям.

Abstract: Based on the analysis of regulatory legal acts, the scientific article draws attention to the lack of a legally significant definition of corruption in them, which, in fact, should justify the purposefulness of combating it, including criminal law methods. Otherwise, corruption is presented as a kind of mythical allegory, the fight against which is abstract. For the first time, an attempt has been made to formulate a scientifically based definition of corruption based on the methods of scientific knowledge, to identify its objective and subjective composition, as well as to present measures to effectively counteract its manifestations.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, должностное лицо, оценка и критерии коррупции, объективный и субъективный состав коррупции, общественная опасность коррупции, санкция за коррупцию, уголовно-правовые методы борьбы с коррупцией, взятка.

Key words: corruption, corruption crimes, official, assessment and criteria of corruption, objective and subjective composition of corruption, public danger of corruption, sanction for corruption, criminal law methods of combating corruption, bribery.

Для цитирования: Сотсков Ф.Н., Мартьянова Г.В. Социально-правовая характеристика коррупции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_212.

For citation: Sotskov F.N., Martianova G.V. Socio-legal characteristics of corruption // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_212.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Международное сообщество, на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых наций, 31 октября 2003 года, приняло Конвенцию против коррупции (далее - Конвенция) [1]. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 8 марта 2006 года Федеральным законом № 40 – ФЗ [3], а 08 июня 2006 года она вступила в силу на территории Российской Федерации. В свою очередь, в Российской Федерации, 25 декабря 2008 года был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - Закон №273-ФЗ) [4].

При анализе указанных документов, обращаешь внимание на отсутствие в нормативных правовых актах юридически значимого определения коррупции, которое, по сути, должно обосновывать целенаправленность борьбы с ней, в том числе и уголовно-правовыми методами. В противном случае, коррупция представляется как некая мифическая аллегория, борьба с которой носит абстрактный характер. Более того в нормативных источниках отсутствует законодательное определение понятия «коррупция». Наиболее распространённое мнение - это то, что коррупция имеет значение характеризующее нарушение норм права в целях извлечения личной выгоды [15, 9,13].

Используя логический метод научного познания, исследуем юридические источники, определяющие направления, оценку и критерии коррупции. Предлагается начать анализ с Конвенции. Определённо её содержание не раскрывает исследуемого понятия. В тексте Конвенции, содержатся только основные положения, обозначающие цели (ст. 1 Конвенции), достигаемые посредством содействия принятию и укреплению мер, направленных на результативное предупреждение и борьбу с коррупцией, равно как и развитие международного сотрудничества в данной области, а также поощрение индивидуализации компетентных лиц по надлежащему управлению публичными делами и имуществом.

Помимо целей, документ определяет субъектный состав преступлений, имеющих признаки коррупционной направленности: «публичное должностное лицо», «иностранное публичное должностное лицо» и «должностное лицо публичной международной организации», а также признаки основных правонарушений (ст. 2 Конвенция). Далее приведена сфера применения (п. 1 ст. 3 Конвенция), которая распространяется на предупреждение, расследование и уголовное преследование за коррупцию, равно как и совершение действий, направленных на её предотвращение (замораживание операций, арест, конфискация и возвращение доходов от преступлений коррупционной направленности, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией).

Немаловажным видится наступление ответственности за коррупцию, которая строится по формальному признаку, то есть независимо от наступления вреда (п. 2 ст. 3 Конвенция).

Федеральный закон, установил основные принципы противодействию коррупции, предупреждению и борьбы с ней, а также меры по искоренению последствий коррупционных правонарушений (ст. 1 Закон № 273-ФЗ).

Здесь, следует обратить внимание, что диспозиции приведённого закона, не содержат квалифицирующих признаков коррупции и тех правонарушений, которые имеют её включения. Однако в данном случае необходимо сделать оговорку, касающуюся тех преступлений, которые, как представляется бесосновательно, относят к коррупционным. Например, диспозиции статьи 184 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее –УК РФ) [2]. Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса; 290 УК РФ Получение взятки; 204 УК РФ Коммерческий подкуп и т.д.

Вероятно, такая позиция, несмотря на различия в родовом и видовом объекте преступления, то есть характере и степени общественной опасности, основана на Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [5]. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации установил, что взяточничество является наиболее распространённым и опасным коррупционным преступлением, посягающим на основы государственной власти, нарушающее управленческую деятельность государственных институтов, что может сформировать у граждан представление о возможности подкупа должностных лиц. Представляется, что такая констатация коррупционной составляющей является ошибочной, так как получение взятки и перечисленные выше преступления имеют уголовно-правовую гипотезу, диспозицию и санкцию, равно как и квалифицирующие признаки, в связи, с чем не целесообразно (правильно сказать незаконно), наделять их дополнительной квалификацией.

Ошибочным видится и мнение некоторых исследователей, которые предлагают, в зависимости от степени общественной опасности, условно делить коррупцию на две категории - преступную (криминальную) и отнесённую к правонарушению (дисциплинарную) (Преамбула Конвенции). При этом «дисциплинарная» коррупция будет считаться проступком в силу незначительной общественной опасности действий лица её совершившего. Здесь следует помнить, что общественная опасность, в своем правовом значении имеет качественное и количественное значение, где качество – это её характер, а количество – степень. Отсюда она не может быть высокой, низкой, средней, половинчатой или иметь другие размерные критерии. Тем более, необходимо знать, что преступление от правонарушения отличается отсутствием у последнего признака общественной опасности и никак иначе.

В таком случае, если допустить, даже условно, предложенное деление, то общественную опасность коррупции можно с уверенностью отнести к мифу, чем к реальности. Более того, такая позиция носит алогичный характер, что легко подтверждается построением простого силлогизма. Например, такого: взятка является преступлением. Коррупция – это взятка, значит коррупция – это преступление.

Продолжим далее краткий логический анализ. Преступление – запрещено уголовным законом, значит коррупция – запрещена законом. Согласитесь, что это далеко не так. По сути, нельзя запретить то, что не определено уголовно-правовой структурой, тем более бороться с этим законными методами. Следовательно, в настоящее время, без чёткого понимания сути коррупции, её качественных и количественных признаков нельзя дать однозначного ответа на вопрос: что такое коррупция – миф или реальность? Попробуем разобраться с этой дилеммой. Итак, анализ источников, определяющих направления, оценку и критерии противодействия коррупции, привёл к выводу о том, что такие правовые акты не раскрывают сущность коррупции, а в некоторых случаях содержат не объективную квалификацию рассматриваемого понятия, что делает невозможным эффективно противостоять её проявлениям.

Отсюда, предлагается исследовать объективный и субъективный состав коррупции, для того чтобы предложить научное обоснование её реальности, выявить её общественную опасность и характерные признаки, рассмотреть вопрос о её криминализации, предложить уголовно-правовое определение коррупции и санкцию за совершение коррупционных преступлений. Кроме этого, на обсуждение выносятся такой тезис: коррупция – это не взятка, коррупция – это измена.

При проведении исследования будут применены логический, эмпирический, формально-юридический, формально-абстрактный и другие методы научного познания. Известно, что слово коррупция, в своём лингвистическом значении, в зависимости от языка происхождения, происходит от латинской производной *corruptio, onis f [corruptio]* носящее различное толкование: 1) совращение, подкуп (*militum T*); 2) порча, упадок, коррупция (*sc. morum T*); 3) извращённость, превратность (*opinionum C*); 4) расстройство, расшатанность, плохое состояние (*corporis C*) [6,7,10,11,16].

Определение коррупции в значении (от. лат. *corruptio* - подкуп), т.е. прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения, что как правило, сопровождается нарушением законности, возможно принадлежит составителям толковых словарей.

Рассмотрев этимологию коррупции, обратимся к обеспокоенности международного сообщества, связанной с лексической производной этого слова. В Конвенции была выражена обеспокоенность государств участников проблемами и угрозами порождаемыми коррупцией для стабильности и безопасности общества, подрывающими, по общему мнению, демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость, что наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку; связями между коррупцией и другими формами преступности, такими как организованная и экономическая преступность, включая отмывание денежных средств; - случаями коррупции, связанными с большими объемами активов, составляющими значительную долю ресурсов государств, ставящими под угрозу политическую стабильность и устойчивое развитие этих государств.

Настоящие опасения сформировали у участников Конвенции убеждение в том, что коррупция представляет собой локальную проблему, превратившись в транснациональное явление, которое затрагивает развитие общества и экономику всех стран.

Кроме этого, участники Конвенции убеждены в необходимости формирования всеобъемлющего, междисциплинарного подхода и

технической помощи для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней, равно как то, что незаконное приобретение личного состояния наносит серьезный ущерб демократическим институтам, национальной экономике и правопорядку (Преамбула Конвенции).

Беспокойство международного сообщества, было учтено в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которое установило в определении коррупции, по сути, её уголовно-правовую дефиницию. Так, по закону, понятие «коррупция» характеризуется злоупотреблением должностным лицом служебным положением и полномочиями, дачей и получением взятки, коммерческим подкупом и иными действиями, совершёнными с целью получения материальной выгоды, имущественных услуг и прав, как для себя, так и для третьих лиц, в том числе и юридических (ст. 1 Закон № 273-ФЗ).

В таком случае предлагается проанализировать коррупцию с точки зрения российской уголовно-правовой теории, а именно выявлении родового и видового объекта преступления, а также квалифицирующих признаков её состава, попадающих под действие рассматриваемой Конвенции.

Как видится, к родовому объекту в данном случае, относится совокупность общественных отношений, а к видовому государственному имуществу, обязательным субъектом которых должно быть публичное должностное лицо, не зависимо от государственной принадлежности и направленности организационно-распорядительных функций.

Состав коррупционных преступлений (основного правонарушения) представлен умышленным деянием, если оно направлено на отмыwanie доходов от преступления (п. «h» ст. 2, ст. 23 Конвенция).

В данном виде, очевидно, что международное сообщество не относит взятку к коррупционному деянию. Следовательно, логический метод исследования юридических источников, определяющих направления, оценку и критерии коррупции позволил сформулировать вывод, который подтвердил тезис о необоснованном, то есть несоответствующим международным правовым актам, а значит ошибочном включении в число коррупционных преступлений таких деяний, как: злоупотребление должностным лицом служебным положением и полномочиями; дачей и получением взятки; коммерческим подкупом и иными действиями, совершёнными с целью получения материальной выгоды, имущественных услуг и прав, как для себя, так и для третьих лиц, в том числе и юридических (ст.1 № 273 -ФЗ).

Учитывая проведённый анализ и вывод, полученный в результате его проведения, предлагается следующая юридическая характеристика коррупции. Коррупция – это такое свойство деяния, которое направлено на изменение установленного правопорядка, в том числе и в международных правоотношениях, совершённое лицом, выполняющим частную либо публичную функцию, с целью получения материальной выгоды, имущественных услуг и прав, как для себя, так и для третьих лиц, в том числе юридических.

Раскроем данную характеристику на примере, описанном в историческом повествовании. Так, обращаясь за помощью о своём вызволении из плена, Емельян Пугачёв обратился к купцу Щолокову за помощью, который пообещал: «- Добро, миленький. Я и до губернатора схожу, мы с ним хлеб-соль водим, и до секретаря схожу.

– Постарайтесь бога для! – посунившись к купцу, шёпотом заговорил Пугачёв. - Да посулите губернатору– то сто рублей, а то и поболее. И секретарю, у которого дело моё, также суньте хоша рублей с двадцать. На взятку господишки-то падки» [17, С. 181-182].

В данном случае, очевидно, что возможность передачи или получения взятки не будет носить коррупционный характер. Ни для кого не секрет, что подкуп являлся во все времена способом регулирования тех или иных отношений (например, «бакшиш» у восточных народов или славянское: не подмажешь - не поедешь). В этом случае лицо, наделённое определёнными полномочиями, является взяточником. Тем более, в большинстве случаев, такие лица придают своей персоне очень много значимости, при ограниченных возможностях. Отсюда и наказание они должны нести персонально (если нет группы) именно за взятку или мошенничество.

Если же субъект умышленно, за вознаграждение, своими действиями изменяет установленный правопорядок или пытается его изменить, тогда, коррупционная составляющая будет представлена объективной стороной его умысла и наступившими последствиями, которые, по сути, наступили не в результате правомочий заинтересованного лица, а в результате неправомочных действий уполномоченного субъекта.

Как это понимать? Смотрите, если купец будет просить, чтобы Пугачёва, при возможном выборе наказания не казнили, а, например, отправили пожизненно на каторгу и подкрепит свою просьбу деньгами, то очевидно, что это взятка. Если будет просить, чтобы отпустили и даст за это деньги, то налицо изменение установленного порядка назначения наказания. Вот именно такие действия, которые приводят или могут привести к существенному изменению установленного критерия ответственности и будут носить коррупционный характер, а в целом будут являться коррупционным преступлением.

В подтверждение сказанного, приведем ещё один исторический пример, показывающий состояние римской курии XIII века. В этот период, по утверждению исследователей, там господствовало мздоимство, а духовные должности продавались чуть ли не публично. Прелат, не бравший взятку, считался странным явлением. Епископы и прелаты заботились только об увеличении своего благосостояния, прибегая для этого к различным недостойным методам [8, С. 231]. Очевидно, что здесь, коррупционная составляющая, посягая на морально-этическое качество служителей церкви, ставит под сомнение нравственное состояние духовенства, что, в свою очередь, подрывает веру в религиозные догматы.

Теперь, давайте, возвратимся в наше время, и представим ситуацию взаимодействия граждан с должностными лицами вне зависимости от их ведомственной принадлежности. В таком случае, если гражданин (юридическое лицо) предлагает решить вопрос о получении какой-либо выгоды в свою пользу, при этом предлагает уполномоченному лицу вознаграждение, то это в зависимости от конкретных действий, совершённых таким лицом, будет либо взяткой, либо коррупцией. Например, выгодоприобретатель просит, за вознаграждение, только ускорить решение какого-нибудь вопроса, тогда вознаграждение будет взяткой. Если, выгодоприобретатель, понимая, что решение вопроса будет отрицательным, при этом просит за вознаграждение, совершить действия, способствующие принятию положительного решения, либо выносит такое реше-

ние, то действия такого лица будут носить коррупционный характер.

Таким образом, можно оценить общественную значимость таких действий. Ведь, очевидно, что не исполнение, уполномоченным лицом своих должностных обязанностей, по сути, нарушает управленческую деятельность государственных институтов, что, безусловно, представляет общественную опасность, тем более что характер такой опасности по родовому объекту должен лежать в зоне ответственности за преступления против государственной власти. Значит выдвинутый на обсуждение тезис о том, что коррупция – это измена нашёл своё логическое подтверждение и тем самым подтвердил своё лингвистическое значение в своём худшем, если не сказать низменном проявлении. Отсюда и ответственность должна быть значительно выше той, чем предусмотрена на корысть.

Ведь неизвестно какое развитие имели человеческие отношения, если один известный персонаж не взял бы тридцать серебряников. При этом обратите внимание, что наказание он понёс не за корысть, а за предательство. В этой библейской истории видится не только суть коррупции, но её объективная характеристика и последствия.

Итак, исследовав общественную опасность коррупции в контексте её мифа или реальности, авторы пришли к выводу о безусловной, то есть реальной общественной опасности коррупции, которая по своему родовому объекту, а именно по характеру общественной опасности должна быть отнесена к преступлениям против государственной власти.

Общественная опасность коррупции представлена в данном случае не столько тем, что должностное лицо получило благо за своё деяние, сколько тем, что своими действиями такое лицо подорвало основы государственной власти и деятельность государственных институтов и способствовало формированию у граждан представления о возможности подкупа должностных лиц.

Данный вывод позволяет вынести на обсуждение следующее определение коррупции. Коррупция – это такое свойство деяния, которое направлено на изменение установленного правопорядка, в том числе и в международных правоотношениях, совершённое лицом, выполняющим частную либо публичную функцию, с целью получения материальной выгоды, имущественных услуг и прав, как для себя, так и для третьих лиц, в том числе юридических.

Что касается наказания за коррупцию, то оно видится в суровой санкции, предусматривающей изоляцию коррупционера от общества на длительный срок, с лишением его и его близких родственников, имущественных и вещных прав, возникших с момента, когда лицо, признанное виновным в коррупции, приступило к исполнению своих должностных обязанностей. При этом, в целях соблюдения презумпции невиновности, возможна оговорка, относительно лишения прав, которое может быть реализовано в случае, когда такие лица не смогли доказать в законном порядке легитимность происхождения своих прав.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров, 2006, № 10, октябрь, с. 7 – 54.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СЗ РФ, 20.03.2006, № 12, ст. 1231.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2013.
6. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: ОК 11 000 синоним, рядов-11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 2001. – 568 с.
7. Большой энциклопедический словарь [А-Я] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, СПб.: Большая рос. энцикл., Норинт, 1997 -1434 с.
8. Будда, Конфуций, Магомет, Франциск Ассизский, Савонарола. [Очерки]. – Москва: Республика, 1995 – 347с.
9. Коломийченко Е.В., А.А. Зеленцов. Общая характеристика преступлений коррупционной направленности в России // Евразийский юридический журнал. Уголовное право и криминология. - 2012. - № 9 (52).
10. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов [более 4500 слов и выражений] - Москва: Эксмо. 2006. - 669 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - 28-е изд., перераб. - Москва: Мир и образование, 2015. - 1375 с.
12. Онufrienko A.B. Система преступлений коррупционной направленности: Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации - ФГКОУ ВПО. Москва, 2015. - 234 с.
13. Перечень преступлений коррупционной направленности (Информационные и аналитические материалы по противодействию коррупции). Федеральная служба судебных приставов (по Оренбургской области) ЦА ФССП России // www.fssprus.ru (дата обращения: 14.03.2025).
14. Подосинов А.В. Латинско-русский и русско-латинский словарь. - 6-е изд., стер. - Москва: Флинта: Наука, 2015. - 740 с.
15. Попова В.В. К вопросу о понятиях «коррупция» и «преступления коррупционной направленности» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. - № 3.
16. Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. - Москва: ИНФРА-М, 1996. - 374 с.
17. Шишков В.Я. Емельян Пугачёв. Историческое повествование. (Библиотека «Огонёк». Отечественная классика) собрание сочинений в 8-и т. Т. 5. М.: Правда, 1983.

References:

1. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Bulletin of International Treaties, 2006, No. 10, October, pp. 7-54.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, art. 2954.
3. Federal Law of 08.03.2006 No. 40-FZ "On Ratification of the United Nations Convention against Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 20.03.2006, No. 12, art. 1231.
4. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 (as amended on 08.08.2024) "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 29, 2008, No. 52 (Part 1), art. 6228.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 No. 24 (as amended on December 24, 2019) "On judicial practice in cases of on bribery and other corruption crimes" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 9, September, 2013.
6. Alexandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide: ОК 11 000 synonym, series-11th ed., reprint. and add. – M.: Rus.yaz., 2001. – 568 p.
7. The Great Encyclopedic Dictionary [A-Z] / Chief editor A.M. Prokhorov. – 2nd ed., reprint. and additional – Moscow, St. Petersburg: Bolshaya ros. encikl., Norint, 1997-1434 p.
8. Buddha, Confucius, Mohammed, Francis of Assisi, Savonarola. [Essays]. Moscow: Republika Publ., 1995 – 347c.
9. Kolomyichenko E.V., A.A. Zelenцов. General characteristics of corruption-related crimes in Russia // Eurasian Legal Journal. Criminal law and criminology. 2012. №9(52).
10. Komlev N.G. Dictionary of foreign words [more than 4,500 words and expressions] - Moscow: Eksmo. 2006. - 669 p.
11. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. - 28th ed., revised Moscow: Mir i obrazovanie Publ., 2015. 1375 p.
12. Onufrienko A.V. The system of corruption-related crimes: Abstract of the thesis of the Candidate of Law. Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation - FGKOU VPO. Moscow, 2015. - 234 p.
13. List of corruption-related crimes (Information and analytical materials on combating corruption). Federal Bailiff Service (for the Orenburg Region) of the Central Federal Security Service of Russia // www.fssprus.ru (date of request: 03/14/2025). Russian Russian Dictionary.
14. Podosinov A.V. Latin-Russian and Russian-Latin dictionary. - 6th ed., ster. Moscow: Flint: Nauka Publ., 2015. 740 p.
15. Popova V.V. On the issue of the concepts of "corruption" and "corruption-related crimes" // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. - № 3.
16. Rumyantsev O.G., Dodonov V.N. Legal encyclopedic dictionary. Moscow: INFRA-M, 1996. 374 p.
17. Shishkov V.Ya. Yemelyan Pugachev. Historical narrative. (Ogonyok Library. Russian classics) collected works in 8 volumes. Vol. 5. Moscow: Pravda, 1983.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_216

УДК 342.24

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE ANALYSIS OF RUSSIA'S FEDERAL STRUCTURE

ЛАСКАВАЯ Мария Анатольевна,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального исследовательского университета.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: 89197118000@bk.ru;

LASKAVAIYA Mariya Anatolyevna,

Postgraduate student, Assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law
Perm State University.
15 Bukireva str., Perm, 614068, Russia.
E-mail: 89197118000@bk.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются основные методы исследования асимметрии российского федерализма с конституционно-правовой точки зрения. Автор анализирует применение формализации, конкретно-исторического метода, метода экспертных оценок, SWOT-анализа, метода идеализации и метода правового моделирования при изучении правового статуса субъектов Российской Федерации, разработке авторской классификации субъектов Федерации и подготовке проекта федерального конституционного закона о порядке изменения субъектом Федерации своего статуса.

Abstract. The article considers the basic methods of investigation of asymmetry of Russian federalism from a constitutional and legal point of view. The author analyzes the use of formalization, comparative legal method, specifically-historical method, expert evaluation method, SWOT analysis, idealization method and the legal modelling method in the study of the legal status of the Russian Federation subjects, development of the author's classification Russian's subjects and preparation of a draft of federal constitutional law on the procedure of changing of the legal status of the subject of the Federation.

Ключевые слова: федерализм, правовой статус субъектов Российской Федерации, методы юридического исследования, ретроспективный анализ, идеализация, аппроксимация, формализация, метод экспертных оценок, системный подход

Keywords: federalism, legal status of subjects of the Russian Federation, methods of legal research, retrospective analysis, idealization, approximation, formalization, method of expert assessments, systemic approach

Для цитирования: Ласкавая М.А. Методология научного исследования при анализе федеративного устройства России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 216-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_216.

For citation: Laskavaiya M.A. Methodology of scientific research in the analysis of Russia's federal structure // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 216-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_216.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Асимметрия российского федерализма, по мнению различных исследователей, является одной из ключевых характеристик государственно-территориального устройства современной России. Она проявляется в гетерогенности правового статуса субъектов Российской Федерации, различиях в объеме их полномочий, а также в наличии специфических договорных и уставных механизмов, регулирующих их взаимоотношения с федеральным центром. Текущее исследование направлено на выявление существенных черт данной асимметрии и формулирование правовых подходов к ее регулированию. В этой связи особое значение приобретает выбор методов исследования, адекватных предмету изучения.

Настоящая статья является попыткой предположить, какие методы научного исследования будут целесообразны при анализе территориального устройства Российской Федерации в историческом контексте и на современном этапе ее федеративного строительства, а также при изучении асимметрии субъектного состава и принципов формирования субъектов Федерации. Поскольку одной из задач исследования является разработка проекта федерального конституционного закона о порядке изменения субъектом Российской Федерации своего статуса — это также потребует применения обоснованной научной методологии. Методологический подход обеспечивает комплексность, последовательность и юридическую точность разрабатываемого нормативного акта, а также его соответствие принципам конституционного права и федерализма.

Так, *метод формализации* будет использован для точного и однозначного описания правового статуса субъектов Российской Федерации, закрепленного в Конституции и иных нормативных правовых актах. Этот метод позволит выразить правовые явления через системы формализованных категорий, что особенно актуально при разработке предложений по совершенствованию правового регулирования. Применение формализации также будет важно при составлении проекта федерального конституционного закона о порядке изменения субъектом Российской Федерации своего статуса. Напомним, что такая возможность предусмотрена ч. 5 ст. 66 Конституции: «... Статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом».

В.Д. Зорькин и Л.В. Лазарева справедливо отмечают, что субъекты Федерации в равной степени обладают конституционными гарантиями своего статуса. Устанавливая основные принципы изменения статуса субъекта Федерации, норма ч. 5 ст. 66 не содержит прямого указа-

ния, что конкретно следует понимать под этим изменением. В практике федеративного строительства возникали ситуации, когда субъекты Федерации выходили с инициативами об изменении своего статуса путем его «повышения» или предоставлении «особого» положения в составе Федерации. Такая постановка вопроса была основана на прочтении ч. 1 и 2 статьи 65 Конституции вне системной связи с остальными положениями Конституции и неверном предположении, что наличие особенностей в конституционно-правовом статусе различных видов субъектов Федерации означает их разную конституционную «ценность», при этом статус республики считается наиболее значимым, а статус автономного округа — наименее ценным¹.

В этой связи обязательным при проведении исследования будет использование системного подхода, а также метода ретроспективного анализа.

Метод ретроспективного анализа позволяет рассмотреть историческую динамику изменений статуса субъектов Федерации, включая конституционно-правовые основания, политические и социально-экономические условия, сопровождавшие данные процессы. Исторический опыт показывает, что изменение статуса субъекта Федерации происходило в различных формах: объединение регионов (например, объединение Коми-Пермского автономного округа и Пермской области в Пермский край в 2005 г.), изменение границ (например, новые субъекты в 2014 г.), а также трансформация в иные формы государственно-территориального устройства. Ретроспективный анализ помогает выявить причины и последствия таких изменений, а также оценить их соответствие конституционным принципам федерализма и территориальной целостности России.

Системный подход обеспечивает комплексное исследование порядка изменения статуса субъекта Федерации с учетом его юридических, политических, экономических и социальных аспектов. Он позволяет рассмотреть правовое регулирование не изолированно, а во взаимосвязи с институтами государственной власти, механизмами координации между федеральным центром и регионами, а также международно-правовыми обязательствами России.

Использование системного подхода особенно важно при разработке предложений по совершенствованию правового механизма изменения статуса субъекта Российской Федерации, что подразумевает анализ действующих норм федерального законодательства, выявление пробелов и противоречий, оценку потенциальных рисков дестабилизации правовой системы и определение оптимального баланса между гибкостью федеративного устройства и стабильностью государственной системы.

Во взаимосвязи с ретроспективным анализом представляется логичным использование *конкретно-исторического правоведческого метода*. Он будет использован для изучения развития правового статуса субъектов Российской Федерации с момента формирования современной российской государственности. В этом контексте Г.В. Мальцев абсолютно справедливо подчеркивает, что содержание любых юридических институтов формируется социальными интересами, проникнуто началами борьбы и компромиссов между различными социальными группами и классами². Именно анализ ключевых этапов эволюции российского федерализма, изучение конъюнктуры формирования основных принципов федеративной организации территории России позволит выявить закономерности и тенденции, способствующие углублению асимметрии, а также факторы, влияющие на трансформацию правового положения субъектов.

Одновременно с этим, для определения перспективности исследования асимметрии, предложенных классификаций субъектов Российской Федерации и направлений их правового развития будет использован *метод экспертных оценок*. Как справедливо отмечают И.В. Понкин и А.И. Лаптева метод экспертных оценок — это интегральный метод сбора и интерпретации оценок онтологии проблемного поля на основе множества независимых суждений экспертов (референтный по своей профессиональной квалификации и компетентности предметам оценивания)³.

Опрос ведущих специалистов в области конституционного права, а также представителей органов государственной власти субъектов Федерации позволит получить объективное представление о целесообразности возможных изменений в законодательстве. Метод экспертных оценок преимущественно применим при разработке проекта федерального конституционного закона, так как мнение практикующих юристов и государственных деятелей поможет учесть фактические аспекты функционирования субъектов Федерации.

Подготовлено несколько вопросов для предстоящего опроса экспертных субъектов, как-то:

1. «Какую роль в будущем развитии российского федерализма должны играть правовые и институциональные реформы? Возможно ли, на ваш взгляд, усиление автономии регионов без угрозы для территориальной целостности государства?»

2. «Каковы, на ваш взгляд, основные конституционно-правовые препятствия для создания федерального конституционного закона, регламентирующего порядок изменения субъектом Российской Федерации своего статуса (ч. 5 ст. 67 Конституции)? Возможно ли преодоление этих препятствий с учетом современной конъюнктуры?»

3. «Считаете ли вы целесообразным и необходимым принятие федерального конституционного закона, (создание которого еще 30 лет назад было предусмотрено конституционным законодателем в ст. 66 Конституции), детализирующего процедуру изменения статуса субъекта РФ? Какие механизмы и принципы, на ваш взгляд, должны быть в нем закреплены для обеспечения правовой определенности и стабильности российской федеративной системы?»

4. «Видите ли вы необходимость в пересмотре субъектного состава Российской Федерации, например, путем укрупнения регионов, изменения их статуса или перераспределения полномочий? Какие правовые механизмы могут быть использованы для таких преобразований?».

Впоследствии, *метод идеализации* будет задействован при формулировании авторской классификации субъектов Российской Фе-

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазаревой — М.: ЭКСМО, 2009. С. 527.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права // М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 694.

³ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2023. С. 640.

дерации, направленной на более четкое отражение различий в их правовом статусе. Использование данного метода предполагает выделение теоретически совершенных моделей субъектов Федерации, на основе которых могут быть сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования их статуса. Согласно подходу И.В. Понкина и А.И. Лаптевой метод идеализации предполагает мысленное абстрагирующее наделение исследуемого объекта (в нашем случае — правового статуса субъектов Федерации) более совершенными или более предельными онтологическими параметрами, содержанием или условиями (нежели это имеет или может иметь место в реальности) для исследовательского оперирования самым существенными функциональными или онтологическими особенностями исследуемого объекта¹.

Параллельно с методом идеализации, по словам вышеупомянутых авторов, используется метод аппроксимации и/или метод правового моделирования. В.К. Бабаев отмечает, что «моделирование — это процесс познания природных и социальных явлений путем конструирования в сознании аналога социальной реальности. Мысленно сформулированный законодателем тот или иной вариант идеального поведения, представления о социальных явлениях облекается в форму модели»².

Так, *метод правового моделирования* позволит смоделировать правовые механизмы, регулирующие изменение статуса субъекта Федерации, с учетом реальной практики правоприменения. Использование данного метода будет актуально при анализе эффективности составленного федерального конституционного закона, поскольку это позволит прогнозировать возможные последствия его внедрения и соотнести их с текущими правовыми реалиями.

Особый интерес представляет *метод SWOT-анализа*, позаимствованный юридической наукой у экономических- и бизнес-аналитиков. Как отмечают И.В. Понкин и А.И. Лаптева, SWOT-анализ является методом предиктивной аналитики, который предполагает выявление и синергетическую оценку внутренней и внешней среды онтологии исследуемого объекта через артикулирование и исследовательское соотнесение двух ключевых пар критериев: сильных внутренних (strengths) и внешних (opportunities) сторон и слабых внутренних (weaknesses) и внешних (threats) сторон³.

Данный метод будет применен для оценки сильных и слабых сторон существующей модели российского федерализма, а также для выявления возможностей и угроз, связанных с реформированием института статуса субъектов Федерации. Данный метод позволит объективно оценить перспективы изменения конституционно-правового регулирования асимметрии.

Таким образом, выбор методологической базы исследования асимметрии российского федерализма обусловлен сложностью и многослойностью данного явления. Комплексное применение методов, описанных в настоящей статье, позволит достичь поставленных исследовательских целей в рамках диссертационной работы. Использование данных методов в совокупности обеспечит всесторонний анализ правового статуса субъектов Российской Федерации, позволит предложить новую авторскую классификацию субъектов, а также разработать проект федерального конституционного закона о порядке изменения субъектом Федерации своего статуса.

В перспективе данное исследование может стать основой для дальнейших научных разработок, направленных на совершенствование правового регулирования федеративных отношений в Российской Федерации. Учет методологических аспектов при изучении асимметрии российского федерализма обеспечит более глубокое понимание его сущностных характеристик и перспектив развития.

Список литературы:

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазаревой — М.: ЭКСМО, 2009. С. 527.
2. Мальцев Г.В. Социальные основания права // М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 694.
3. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2023. С. 640.
4. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 1: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2023. С. 412.
5. Теория государства и права: учебник / ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.

References:

1. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / edited by V.D. Zorkin, L.V. Lazareva — M.: EKSMO, 2009. P. 527.
2. Maltsev G.V. Social foundations of law // M.: Norm: INFRA-M, 2011. P. 694.
3. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Methodology scientific research and applied analytics: Textbook. 4th edition, supplement. and redeveloped. In two volumes. Volume 2: Scientific Research / Consortium of Analytics. Right. Digit. — M.: Buki Vedi, 2023. P. 640.
4. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Methodology of scientific research and applied analytics: Textbook. 4th edition, supplement. and redeveloped. In two volumes. Volume 1: Scientific Research / Consortium of Analytics. Right. Digital. — M.: Buki Vedi, 2023. p. 412.
5. Theory of state and law: textbook / ed. by V.K. Babaev. M.: Jurist, 2003. 592 p.

¹ Там же. С. 584.

² Теория государства и права: учебник // ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. С. 370.

³ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 1: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2023. С. 412.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА METHODOLOGY FOR THE STUDY OF SOCIAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

КОРОТОВСКИХ Арсений Андреевич,
аспирант Пермского государственного Национального исследовательского университета.
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: korotovskih_aa@mail.ru;
KOROTOVSKIИ Arseniy Andreevich,
graduate student Perm State University.
15 Bukireva St., Perm, 614068, Russia.
E-mail: korotovskih_aa@mail.ru

Краткая аннотация: В статье дается общая характеристика методологии исследования социальных прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваются возможности использования различных общенаучных и частнонаучных методов в конституционно-правовом исследовании социальных прав и свобод человека и гражданина и их гарантий, закрепленных как на федеральном, так и на региональном уровнях. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие применение рассматриваемых методов в исследовании обозначенной темы.

Abstract: The article provides a general description of the methodology for the study of social rights and freedoms of man and citizen. The possibilities of using various general scientific and private scientific methods in the constitutional and legal study of the social rights and freedoms of man and citizen and their guarantees, fixed both at the federal and regional levels, are considered. Specific examples illustrating the application of the considered methods in the study of the designated topic are given.

Ключевые слова: методология, общенаучные методы, частнонаучные методы, конституционно-правовое исследование, социальные права.

Keywords: methodology, general scientific methods, private scientific methods, constitutional and legal research, social rights.

Для цитирования: Коротовских А.А. Методология исследования социальных прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_219.

For citation: Korotovskih A.A. Methodology for the study of social rights and freedoms of man and citizen // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_219.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Качество любой научно-исследовательской деятельности, возможности достижения поставленных в рамках нее целей и задач во многом зависят от проработанности ее методологической основы. Значимость методологии исследования для обеспечения структурированности самого процесса познания, достоверности и непротиворечивости его результатов, на сегодняшний день не вызывает сомнений и признается большинством авторов¹. Как отмечает, в частности, К.Е. Торчилин, от правильности выбора методов исследования, от корректности их использования в существенной степени зависит научная состоятельность результатов исследования². Е.Г. Комиссарова справедливо указывает, что методология – это «неотъемлемый элемент сознания и культуры научной деятельности юриста-исследователя»³. Следует также согласиться с мнением А.В. Габова, В.Г. Голубцова, О.А. Кузнецовой о том, что «любое плодотворное, результативное исследование правовых явлений ... должно начинаться с установления методологических принципов и рамок работы»⁴. В связи с этим представляется важным правильно определить систему методов, подлежащих использованию в рамках проводимого нами исследования социальных прав и свобод человека и гражданина.

Методологическую основу любого исследования составляют общенаучные методы, в связи с чем видится целесообразным начать именно с этой группы методов исследования. В первую очередь, к их числу относятся методы анализа и синтеза, тесно взаимосвязанные между собой.

Еще дореволюционный ученый-правовед Е.В. Васильковский называл анализ первой ступенью в изучении любого комплексного явления⁵. Как отмечает А.А. Кокорин, анализ заключается в разложении исследуемого явления на составляющие его элементы для их изучения отдельно от целого⁶. Использование данного метода наиболее актуально для изучения сложносоставных объектов познания, на что обращает внимание, в частности, А.А. Малиновский⁷.

В рамках проводимого нами исследования таким сложносоставным объектом познания выступает, в первую очередь, система социальных прав человека и гражданина. Для более детального ее изучения требуется разложить ее на отдельные, более простые составляющие –

¹ См.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – С. 7; Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2005. – С. 235.

² Торчилин К.Е. Методологическая основа познания императивных норм российского права: структура и содержание // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 53.

³ Комиссарова Е.Г. Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского университета. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 25.

⁴ Габов А.В., Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Вступительная статья // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – С. 6, 7.

⁵ Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. I: Учение о толковании и применении гражданских законов. – Одесса: Экономическая типография, 1901. – С. 324.

⁶ Кокорин А.А. Анализ: теория, методология, методика (аксиоматическое эссе). Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 244.

⁷ Малиновский А.А. История и методология юридической науки: Уч. пособие / Под науч. ред. А.Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2022. – С. 230.

конкретные социальные права граждан, закрепленные в Конституции Российской Федерации¹: право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37); право на отдых (ч. 5 ст. 37); на охрану материнства, детства и семьи (ч. 1 ст. 38); право родителей заботиться о детях и их воспитании (ч. 2 ст. 38); на социальное обеспечение (ст. 39); на жилище (ст. 40); на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); на благоприятную окружающую среду (ст. 42).

Противоположный анализу и одновременно тесно связанный с ним метод синтеза заключается в объединении разрозненных элементов в единое целое. При этом важно учитывать, что речь идет не о простом механическом соединении в совокупность, сумму элементов; они должны обладать внутренним единством².

В проводимом нами исследовании метод синтеза позволил, в частности, объединить все перечисленные выше социальные права человека и гражданина в целостную систему, в рамках которой они связаны между собой. Так, реализация права на охрану материнства, детства и семьи тесно связана с правом на социальное обеспечение: ярким примером может служить предоставление родителям (усыновителям) материнского (семейного) капитала. Ни одно социальное право не существует «в вакууме», в отрыве от системы социальных прав. Использование метода синтеза в рамках проводимого исследования также позволило обобщить все ранее выделенные социальные права человека и гражданина, выразив их в таком комплексном праве, как право на достойное существование, закрепленное в ст. 7 Конституции Российской Федерации. Все социальные права человека и гражданина в комплексе служат обеспечению достойного уровня жизни, что показывает их функциональное единство и взаимную связь.

Следующим общенаучным методом, без использования которого, как представляется, невозможно практически ни одно полноценное современное научное исследование, является метод абстрагирования. В проводимом нами исследовании данный метод применяется для выделения сущностных свойств социальных прав человека и гражданина путем абстрагирования от менее значимых, несущественных их характеристик, не определяющих их юридическую природу.

Важное место в системе общенаучных методов исследования занимают методы дедукции и индукции, которые, как и метод анализа и синтеза, противоположны друг другу, и в то же время тесно связаны между собой³. Метод дедукции заключается в логическом выведении частного положения из общего, в движении от общего к частному. Так, например, при помощи метода дедукции можно дать однозначный ответ на дискуссионный вопрос о том, обладают ли социальные права человека и гражданина свойством непосредственного действия: поскольку в ст. 18 Конституции Российской Федерации закреплено, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими», без каких-либо оговорок относительно категорий прав и свобод, о которых идет речь в данной норме, это означает, что указанная конституционная норма в полной мере относится и к социальным правам как одной из групп прав человека и гражданина. Общим положением в данном случае является приведенная выше формулировка, содержащаяся в ст. 18 Конституции Российской Федерации, а логически выведенным из него частным положением – суждение о том, что социальные права человека и гражданина являются непосредственно действующими.

Метод индукции, в свою очередь, подразумевает движение от частного к общему. Так, например, на основе выявленных дефектов в ряде нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в сфере социальной защиты (терминологическая нечеткость, наличие противоречий между нормами различных уровней, пробелов, избыточное количество бланкетных норм) сделан более общий вывод о недостаточно высоком уровне юридической техники регионального законодательства, действующего в сфере социальной защиты. Безусловно, метод индукции обладает множеством недостатков, поскольку нельзя однозначно утверждать, что выведенное на его основе общее суждение будет верно для всех без исключения частных случаев (так, например, очевидно, что имеются и вполне качественные с точки зрения юридической техники региональные нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере). Тем не менее, данный метод позволяет сделать определенные обобщающие суждения, выявить тенденции в развитии законодательства и правоприменительной практики, что крайне ценно в юридических исследованиях. При этом, безусловно, индуктивный метод должен дополняться комплексом других методов, что позволяет компенсировать имманентно присущие ему недостатки, связанные с предположительным характером формулируемых на его основе выводов, не обладающих абсолютной достоверностью.

Важное значение для систематизации знаний и их представления в четком и ясном для понимания виде имеет метод классификации. По предметному основанию выделяют перечислительную, дескриптивную и структурную классификации⁴. В качестве примера перечислительной классификации в проводимом нами исследовании можно привести деление всех субъектов Российской Федерации на те, в которых проведена кодификация региональных нормативных правовых актов о социальной защите (Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Ленинградская, Омская, Ярославская области и г. Санкт-Петербурге) и те, в которых подобная кодификация не проведена (все остальные). Примером дескриптивной классификации, базирующейся на признаках, присущих ее объектам, может служить деление конституционных прав человека и гражданина в зависимости от роли государства в их реализации на негативные (для реализации которых государство должно воздерживаться от определенных действий) и позитивные (для реализации которых от государства требуется совершать определенные активные действия). Структурной классификацией является, например, деление норм о гарантиях социальных прав граждан на нормы федерального, регионального и муниципального уровня; в своей совокупности указанные нормы образуют единую структуру, в которую органически встраивается каждый из уровней.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

² Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. – М.: Либроком, 2010. С. 80.

³ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. – Изд. 5-е, дополн. и перераб. – В 2 т. – Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2025. – С. 487.

⁴ Понкин И.В., Лаптева А.И. Указ. соч. – С. 517, 518.

Метод моделирования также находит свое применение в исследовании социальных прав человека и гражданина. Так, данный метод может использоваться для построения идеальной модели обеспечения гарантий социальных прав граждан и распределения полномочий между федерацией и ее субъектами. Возможным также является формулирование метамодели («модель модели»), которая может заключаться в предложении модельной структуры для социального кодекса субъекта Российской Федерации. С данным методом тесно связан метод идеализации, основанный на мысленном построении идеальной формы исследуемого объекта.

Выделяют также аксиоматический метод, заключающийся в том, что в качестве фундамента некоей теории, концепции используются определенные исходные положения, принимаемые без доказательств (аксиомы), из которых логическим путем выводятся все остальные положения теории¹. В рамках проводимого исследования социальных прав человека и гражданина такой аксиомой выступает идея о том, что современное государство должно быть социальным, что каждый человек имеет право на достойный уровень жизни. Данное теоретическое положение признается как исходное и не требующее доказывания; из данного положения выводятся все последующие.

Любое научное исследование немыслимо без метода абдукции, представляющего собой метод выдвижения гипотез, их проверки и оперирования ими². Так, в ходе проводимого исследования социальных прав человека и гражданина выдвигается гипотеза о необходимости кодификации регионального законодательства в социальной сфере. Данная гипотеза проверяется посредством анализа нормативных правовых актов о социальной защите, действующих в различных субъектах Российской Федерации, выявления в них дефектов и противоречий, что подтверждает гипотезу.

Вспомогательное значение имеет метод аппроксимации, основанный на сознательном упрощении теоретического знания для удобства его использования. Так, например, вместо приведения конкретного наименования кодифицированного нормативного правового акта каждого из субъектов Российской Федерации, в котором проведена такая кодификация, используется более общее понятие «социальные кодексы субъектов Российской Федерации», несмотря на то, что их наименования в действительности различаются. Это позволяет избежать перегруженности научного текста.

В большинстве юридических исследований находит свое применение и метод формализации. Так, при выдвижении предложений об изменении правового регулирования тех или иных отношений (например, об уточнении полномочий субъектов Российской Федерации в вопросах принятия законодательства о социальной защите) необходимо формализовать их посредством предложения новой редакции соответствующих правовых норм.

Метод сравнения используется для сопоставления гарантий социальных прав человека и гражданина, предусмотренных в нормативных правовых актах различных субъектов Российской Федерации. Данный метод тесно связан с методом аналогии и методом экстраполяции, которые могут применяться, в частности, при формулировании предложений о заимствовании опыта какого-либо из субъектов Российской Федерации (например, связанного с успешной кодификацией законодательства о социальной защите) в других регионах.

В исследовании социальных прав человека и гражданина, как и в большинстве юридических исследований, широко используется метод конкретизации, позволяющий проиллюстрировать и уточнить выдвигаемые теоретические положения конкретными примерами из законодательства и судебной практики. Противоположный ему метод обобщения позволяет систематизировать, в частности, научные взгляды на сущность социальных прав и их место в системе прав человека, а также выделить общие тенденции в развитии научных представлений в данной сфере.

Отдельного внимания заслуживает использование частнонаучных правоведческих методов в исследовании социальных прав человека и гражданина. В первую очередь, к ним относится формально-юридический метод, тесно связанный с общенаучным методом формализации, поскольку ключевое значение в рамках данного метода придается именно форме, которой придается приоритетное значение. Указанный метод используется в проводимом исследовании для изучения текста конкретных правовых норм, посвященных гарантиям социальных прав, для определения их смысла исходя именно из их формулировок. Юрико-телеологический метод важен для толкования исследуемых норм исходя из того смысла, который был вложен в них законодателем, с учетом контекста, цели принятия тех или иных норм³. Сравнительно-правовой метод включает в себя синхронический и диахронический сравнительный методы⁴. Синхронический сравнительный метод может быть использован в исследовании социальных прав человека и гражданина для сопоставления между собой регулирования отношений по поводу социальной защиты в Российской Федерации и зарубежных государствах, а также в конкретных субъектах Российской Федерации. В свою очередь, диахронический метод позволяет сравнить регулирование указанных отношений и научные взгляды на социальные права человека в различные периоды истории как России, так и мира в целом. С данным методом, как и с юрико-телеологическим, тесно связан конкретно-исторический метод, акцентирующий внимание исследователя на исторических условиях принятия, действия, толкования тех или иных правовых норм. Так, при оценке положений советского законодательства, посвященных социальным правам граждан, необходимо учитывать исторический контекст принятия указанных норм, господствующую в тот период идеологию и т.д. Недопустимо оценивать ранее действовавшие нормы исключительно с современных позиций, без учета конкретно-исторической обстановки, в которой они принимались и действовали. Юрико-аксиоматический метод как частный случай аксиоматического метода подразумевает наличие в праве неких абсолютных нравственных ценностей, принципов – аксиом, не подвергаемых сомнению и не требующих доказывания⁵. Применительно к исследованию социальных прав такой аксиомой можно назвать право каждого на достойное существование, которое в настоящее время не оспаривается. С данным методом тесно связан юрико-аксиологический (ценностный) подход, акцентирующий внимание исследователя на ценностях, со-

¹ Успенский В.А. Что такое аксиоматический метод? – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – С. 4.

² Понкин И.В., Лаптева А.И. Указ. соч. – С. 592.

³ Васильевский Е.В. Указ. соч. – С. 29, 80–81, 230.

⁴ Тилле А.А., Шеко Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М.: Высшая школа, 1973. С. 13-14.

⁵ Экимов А.И. Правовые аксиомы в естественно-правовом измерении: к методологии исследования // Право и государство в современном культурном измерении. V Мальцевские чтения: Матер. Междун. науч.-практич. конф. / Под ред. Л.Е. Лаптевой, Е.Г. Лукьяновой. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 143, 145.

ставляющих нравственный фундамент тех или иных норм или институтов права.

Структурно-функциональный метод в проводимом исследовании используется для изучения каждого из уровней правовой регламентации гарантий социальных прав граждан (федеральный, региональный, муниципальный) с учетом их функциональных характеристик. С ним связан также системно-правовой метод, подразумевающий необходимость толкования правовых норм в системной взаимосвязи с другими нормами. Метод правовой аналогии как частный случай уже рассмотренного метода аналогии важен для изучения аналогий закона и права, выявления возможностей применения тех или иных норм, принципов из других отраслей права в сфере социальной защиты граждан. Метод правового наблюдения используется для наблюдения за процессами функционирования правовых механизмов, применения федеральных и региональных норм права, устанавливающих гарантии социальных прав граждан. Важен также метод юридического прогнозирования, без использования которого невозможно, например, выдвигать предложения по совершенствованию действующего законодательства, в том числе в социальной сфере, поскольку необходимо оценивать перспективы изменения тех или иных правовых норм. С ним во многом связан и метод юридического моделирования, используемый, в частности, для построения моделей проектов нормативных правовых актов, правотворческих процессов и т.д. Отдельно выделяется критико-правовой метод, направленный на выявление дефектов в действующих нормах права¹. Данный метод активно используется, в частности, при исследовании регионального законодательства о гарантиях социальных прав граждан, для выявления имеющихся в нем дефектов, пробелов и предложения возможных путей их устранения.

Итак, в исследовании социальных прав и свобод человека и гражданина используется комплекс общенаучных и частнонаучных юридических методов, тесно связанных между собой. Указанная методологическая основа обеспечивает структурированность процесса познания изучаемых социальных прав и их гарантий, закрепленных на различных уровнях, способствует получению нового научного знания в рассматриваемой области. При этом использование существующих общенаучных и частнонаучных методов в комплексе, во взаимосвязи между собой, позволяет компенсировать недостатки каждого из методов, обеспечивая более высокий уровень достоверности и непротиворечивости результатов проводимого исследования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Васковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. I: Учение о толковании и применении гражданских законов. – Одесса: Экономическая типография, 1901. 376 с.
3. Габов А.В., Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Вступительная статья // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / Отв. ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 5-21.
4. Кокорин А.А. Анализ: теория, методология, методика (аксиоматическое эссе). Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 292 с.
5. Комиссарова Е.Г. Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 24-30.
6. Малиновский А.А. История и методология юридической науки: Уч. пособие / Под науч. ред. А.Г. Волеводза. – М.: Прометей, 2022. – 562 с.
7. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Флинта, 2005. 464 с.
8. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. – М.: Либроком, 2010. – 280 с.
9. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2025. – 752 с.
10. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 264 с.
11. Тилле А.А., Швек Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М.: Высшая школа, 1973. – 192 с.
12. Торчилин К.Е. Методологическая основа познания императивных норм российского права: структура и содержание // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 53-60.
13. Успенский В.А. Что такое аксиоматический метод? – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 96 с.
15. Экимов А.И. Правовые аксиомы в естественно-правовом измерении: к методологии исследования // Право и государство в современном культурном измерении. V Мальцевские чтения: Матер. Междуна. науч.-практ. конф. / Под ред. Л.Е. Лаптевой, Е.Г. Лукьяновой. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 143–148.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07/01/2020. – No. 31. – Art. 4398.
2. Vaskovsky E.V. Civil methodology. Part I: The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya, 1901. 376 p.
3. Gabov A.V., Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. Introductory article // Methodological problems of civilistic research: A collection of scientific articles. The yearbook. Issue 2. 2017 / Ed. by A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. Moscow: Statute, 2017. pp. 5-21.
4. Kokorin A.A. Analysis: theory, methodology, methodology (axiomatic essay). 2nd edition, revised. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2009– 292 p.
5. Komissarova E.G. Civilistic methodology in the context of scientific knowledge // Bulletin of the Tyumen University. Series: Law. 2008. No. 2. pp. 24-30.
6. Malinovsky A.A. History and methodology of legal science: Textbook / Under the scientific editorship of A.G. Volevodz. Moscow: Prometheus, 2022. 562 p.
7. Mikesheina L.A. Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research: textbook. manual. Moscow: Flinta, 2005. 464 p.
8. Novikov A.M., Novikov D.A. Methodology of scientific research. Moscow: Librocom, 2010. 280 p.
9. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Methodology of scientific research and applied analytics: Textbook. 5th edition, supplement. and redeveloped. In 2 vols. Vol. 2: Scientific Research: The Mastery and art of scientific thinking and scientific work / Consortium of Analytics. Right. The figure." – М.: Buki Vedi, 2025. – 752 p.
10. Tarasov N.N. Methodological problems of legal science. Yekaterinburg: Publishing House of the University of Humanities, 2001. 264 p.
11. Tillet A.A., Shvekov G.V. Comparative method in legal disciplines. Moscow: Higher School, 1973. 192 p.
12. Torchilin K.E. Methodological basis of knowledge of imperative norms of Russian law: structure and content // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. – No. 2. – pp. 53-60.
13. Uspensky V.A. What is an axiomatic method? Izhevsk: Scientific Research Center "Regular and chaotic dynamics", 2001. 96 p.
15. Ekimov A.I. Legal axioms in the natural law dimension: towards a research methodology // Law and the State in the modern cultural dimension. V. Maltsev readings: Mater. International Scientific and Practical Conference / Edited by L.E. Lapteva, E.G. Lukyanova, Moscow: RG-Press, 2019, pp. 143-148.

¹ Понкин И.В., Лаптева А.И. Указ. соч. – С. 706.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

КУДРЯШОВ Константин Михайлович,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина.

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр.1.

E-mail: kudryashovkm@gmail.com;

KUDRYASHOV Konstantin Mikhailovich,

Postgraduate Student at the Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University.

123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, house 9, building 1.

E-mail: kudryashovkm@gmail.com

Краткая аннотация: Эффективное правовое регулирование образовательной сферы является залогом успешного функционирования системы образования и устойчивого развития общества. В статье рассматриваются современные вызовы правового регулирования образовательного пространства в Российской Федерации. Особое внимание уделено соблюдению принципов единого образовательного пространства, а также анализу влияния новых стратегических инициатив на правовое регулирование образовательных процессов. Исследованы вопросы доступности, качества образования, предложено несколько направлений для усовершенствования действующей правовой базы.

Abstract: Effective legal regulation of the educational sphere is the key to the successful functioning of the education system and the sustainable development of society. The article examines the current challenges of the legal regulation of the educational space in the Russian Federation. Special attention is paid to the observance of the principles of a single educational space, as well as to the analysis of the impact of new strategic initiatives on the legal regulation of educational processes. The issues of accessibility and quality of education have been investigated, and several directions have been proposed for improving the current legal framework.

Ключевые слова: правовое регулирование, высшее образование, единое образовательное пространство, доступность образования, цифровая трансформация.

Keywords: legal regulation, higher education, unified educational space, accessibility of education, digital transformation.

Для цитирования: Кудряшов К.М. Правовое регулирование цифровой трансформации образовательного пространства в сфере высшего образования в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_223.

For citation: Kudryashov K.M. Legal regulation of the digital transformation of the educational space in the field of higher education in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_223.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Скорость изменения цифровых технологий в современном мире только нарастает, поэтому внедрение передовых цифровых технологий в образовательный процесс должно сопровождаться вдумчивым и органичным подходом, обеспечивающим равное покрытие всего образовательного пространства РФ, а также бесшовность и совместимость с уже используемыми технологиями.

Конституционное право на образование гарантировано каждому гражданину Российской Федерации [1], однако его реализация зависит от множества факторов, включая адекватное правовое регулирование. В последние годы приняты важные инициативы, направленные на модернизацию образовательной системы, включая цифровые преобразования и стратегическое планирование долгосрочного развития.

М.В. Варлен справедливо отмечала, что «от содержания, идей и принципов, положенных в фундамент образования и воспитания, и, конечно, уровня их реализации напрямую зависят направление совершенствования гражданского общества и перспектива развития российской государственности. Задача государства - способствовать духовному и интеллектуальному развитию граждан посредством актуального образовательного и воспитательного инструментария. Именно поэтому в развитых странах образование является одной из главных внутренних государственных функций, на реализацию которой ежегодно выделяются и тратятся огромные материальные и человеческие ресурсы.» [2]

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, указано, что для достижения цели научно-технологического развития необходимо решить следующие основные задачи:

а) сформировать эффективную систему взаимодействия науки, технологий и производства, обеспечив повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям, создав условия для развития наукоемкого предпринимательства;

б) создать инфраструктуру и условия для проведения научных исследований, и разработок, внедрения наукоемких технологий, отвечающие современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, на основе лучших российских и мировых практик;

в) создать возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки, повышение престижа

профессии ученого и инженера;

г) сформировать эффективную систему управления в области науки, технологий и производства, и осуществления инвестиций в эту область, обеспечив единую научно-технологическое пространство, ориентированное на решение государственных задач и удовлетворение потребностей экономики и общества. [3]

Развитие реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности и технологическое лидерство также указаны в качестве целей и в Указе Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [4]

Указанные выше цели невозможны без достижения подлинного единства образовательного пространства, обеспечивающего взаимодействия науки и технологий.

Понятие «образовательное пространство» получило широкое распространение в научной литературе и нормативных правовых актах Российской Федерации, включая Закон «Об образовании». Однако до сих пор нет четкой трактовки этого термина, что делает исследование понятия «образовательное пространство» крайне актуальным. Следует согласиться с Р. Е. Пономарёвым, что «множественность интерпретаций идеи образовательного пространства, представление его и как среды, и как системы образовательных учреждений, и как системы пространственных единиц, мест развития личности, отсутствие целостности в образовательном пространстве позволяли говорить о недостаточной разработанности данного понятия» [5].

Впервые понятие «образовательное пространство» появляется в работах французского социолога Пьера Бурдьё. В работах 1970-х гг. он писал о символических отношениях, о символической власти между учеником и учителем. Еще не используя понятия образовательного пространства, Бурдьё называл социальным пространством структуру определенных социальных позиций, систему отношений между различными позициями. В 1990-е гг. появилась работа И. Фрумина и Б. Эльконина, в которой впервые в отечественной педагогике было введено понятие образовательного пространства. Но позже Б.Д. Эльконин говорит о том, что понятие необходимо «обновить», поскольку первоначально в большей степени речь шла об образовательных средах, а не об образовательном пространстве. [6]

Как уже указывалось выше, несмотря на наличие обширной нормативной базы, правовое регулирование образовательного пространства в России сталкивается с рядом проблем. Одной из них является проблема отсутствия дефиниции «образовательное пространство» при достаточно частом использовании данного термина в различных нормативных-правовых актах на федеральном и региональном уровнях. Так в статье 2 Федерального закона «Об образовании» дан тезаурус, состоящий из 36 понятий, при этом понятие «образовательное пространство» в нем отсутствует. Но в статьях 3 и 11 речь идет о принципе единства образовательного пространства на территории РФ. [7] Такие же формулировки соблюдения принципа единства образовательного пространства, без самой дефиниции можно увидеть и в региональных законах «Об образовании». [8]

В некоторых региональных нормативных актах образовательное пространство указывается как территория, где происходит процесс образования [9]

Изучая нормативно-правовые акты можно сделать вывод, что сегодня термин «образовательное пространство» используется в различных сочетаниях и масштабах применительно к различным уровням и сферам образования. В частности, в исследованиях и практике применяются понятия:

- образовательное пространство (далее — ОП) личности, субъекта образования;
- ОП образовательных учреждений разного уровня;
- ОП определённой территории (района, муниципального образования, субъекта Российской Федерации; Российской Федерации, мирового);
- ОП определённой системы (например, образовательных учреждений агропромышленного или энергетического комплекса, транспортной системы, военных и других);
- цифровое ОП (включающее Интернет, электронные образовательные ресурсы и т.д.);
- научно-образовательное пространство и другие варианты.

Еще одной проблемой правового регулирования образовательного пространства является сложность в обеспечении принципа единства образовательного пространства на всей территории РФ.

Вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация в период, начиная с 2014 года, породили необходимость дополнительного правового регулирования для обеспечения быстрого и полноценного вхождения новых регионов в состав единого образовательного пространства. С этой целью в 2015 году был принят закон Республики Крым «Об образовании» [10], а также Федеральный закон от 17.02.2023 N 19-ФЗ [11], который ввел новые субъекты в образовательное пространство Российской Федерации.

Проблемы с соблюдением принципа единства образовательного пространства также связаны с сильной дифференциацией субъектов по количественному, материально-техническому, педагогическому и прочим ресурсам, и в декларативном характере многих документов, принимаемых на региональном уровне, и не имеющих практической реализации.

На устранение таких дискриминирующих факторов в настоящее время направлен фокус усилий законодателя. В том числе принято большое количество программ, создающих цифровое образовательное пространство, которое при создании должной инфраструктуры, позволит

реализовать принцип единства.

Цифровизация образовательного пространства в Российской Федерации в той или иной форме реализуется на всех уровнях образовательной системы. Это требует не только новых умений и навыков от выпускников школ, колледжей, высших учебных заведений, но и в целом принципиально иного подхода к организации образовательного процесса. [12]

Основу развития цифрового образовательного пространства в Российской Федерации до 2024 года составляли национальный проект «Образование» и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках реализации которых, было принято большое количество нормативных актов, в том числе затрагивающих и образовательное пространство.

С 2025 года, как продолжение поступательного движения вперед реализуются национальные проекты «Молодёжь и дети» и «Экономика данных», затрагивающие цифровизацию образовательного пространства в сфере высшего образования, в рамках которых реализуются федеральные программы «Кампусы», «Университеты для поколения лидеров», «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы». Для выполнения поставленных в федеральных программах целей потребуется, в том числе, глубокая переработка уже принятых нормативных актов, а также серьезная работа по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере цифровизации образовательного пространства.

Таким образом, правовое регулирование образовательного пространства в Российской Федерации в сфере высшего образования все еще требует значительных усилий не только для устранения существующих проблем, но и выводу цифрового образовательного пространства России на качественно новый уровень.

Комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, повышение доступности и качества образования, а также улучшение защиты прав участников образовательного процесса, позволит обеспечить эффективное функционирование системы образования и способствовать развитию человеческого капитала государства. Для устранения выявленных проблем важно:

- провести глубокий анализ причин недостаточного внимания к проблеме формирования единого образовательного пространства и создать комплекс мер, направленных на улучшение правового регулирования образовательного пространства.

- провести ревизию существующих нормативных правовых актов с целью выявления и устранения коллизий и пробелов.

Необходимо разработать единый подход к регулированию образовательных отношений на федеральном и региональном уровнях, предусмотреть конкретные меры по его обеспечению.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 дек
2. Варлен М.В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. N 10. С. 87 - 94.
3. Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.03.2024, N 10, ст. 1373
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2024, N 20, ст. 2584
5. Пономарев Р.Е. Образовательное пространство: Монография, 2014. — 100 с
6. Кривых С.В. Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах // «Известия Алтайского государственного университета», 2010, №2, с. 14–18.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.
8. Закон Белгородской области от 31.10.2014 N 314 «Об образовании в Белгородской области» // Белгородские известия, N 215, 11.11.2014
9. Постановление Правительства Воронежской обл. от 17.12.2013 N 1102 «Об утверждении государственной программы Воронежской области «Развитие образования» // Информационная система «Портал Воронежской области в сети Интернет» <https://www.govvm.ru/node/7547> (дата обращения: 20.03.2025 г.)
10. Закон Республики Крым от 06.07.2015 N 131-ЗРК/2015 «Об образовании в Республике Крым» // Крымские известия, N 143(5809), 30.07.2015
11. Федеральный закон от 17.02.2023 N 19-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.02.2023, N 8, ст. 1197.
12. Антамошкина Е.Н., Саакян М.А. Подготовка кадров для индустрии туризма в условиях цифровизации образовательного пространства // Туризм: право и экономика. 2021. N 3. С. 27 - 29.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. — 1993. — December 25
2. Varlen M.V. Scientific and educational space and the sovereign future of the Russian state // Actual problems of Russian law. 2023. N 10. pp. 87-94.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2024 N 145 "On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 03/04/2024, N 10, art.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 N 309 "On the national development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/13/2024, N 20, art. 2584
5. Ponomarev R.E. Educational space: Monograph, 2014. — 100 p.
6. Krivikh S.V. The correlation of the concepts of "environment" and "space" in socio-cultural and educational aspects // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, No. 2, pp. 14-18.
7. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 31, 2012, No. 53 (Part 1), art. 7598.
8. Law of the Belgorod Region of October 31, 2014, No. 314 "On Education in the Belgorod region" // Belgorodskie Izvestia, No. 215, 11.11.2014
9. Resolution of the Government of the Voronezh Region dated 17.12.2013 N 1102 "On approval of the State program of the Voronezh region "Development of education" // Information system "Portal of the Voronezh Region on the Internet" <https://www.govvm.ru/node/7547> (date of application: 03/20/2025)
10. The Law of the Republic of Crimea dated 07/06/2015 N 131-SAM/2015 "On education in the Republic of Crimea" // Crimean News, N 143(5809), 07/30/2015
11. Federal Law No. 19-FZ of 02/17/2023 "On the Specifics of Legal Regulation of Relations in the Fields of Education and Science in Connection with the Admission of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia Region, Kherson Region to the Russian Federation and the formation of New Subjects within the Russian Federation - Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region, Kherson region and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02/20/2023, No. 8, art. 1197.
12. Antamoshkina E.N., Sahakian M.A. Personnel training for the tourism industry in the context of digitalization of the educational space // Tourism: Law and economics. 2021. N 3. pp. 27-29.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_226

УДК 342.951

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION WAR: THE IMPACT ON THE VALUE SYSTEM OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

КОНОНОВ Эдуард Анатольевич,

кандидат юридических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия».
Новочеремушкинская ул., 69, г. Москва, 117418, Россия.
E-mail: ed.kononov2012@yandex.ru;

ЗОНИНА Дарья Михайловна,

студент факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета)
Дальневосточного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия».
Восточное ш., 49, г. Хабаровск, 680014, Россия.
E-mail: aninozz@mail.ru;

KONONOV Jeduard Anatol'evich,

Candidate of Legal Sciences
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice».
Novocheremushkinskaya St., 69, Moscow, 117418, Russia.
E-mail: ed.kononov2012@yandex.ru;

ZONINA Dar'ja Mihajlovna,

student of the Law Faculty
Far Eastern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice».
Vostochnoye sh., 49, Khabarovsk, 680014, Russia.
E-mail: aninozz@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются основы системы традиционных духовно-нравственных ценностей в Вооруженных Силах Российской Федерации, в том числе феномен информационной войны как один из факторов влияния. Особое внимание уделено вопросам идеологического содержания через призму анализа исторического развития страны, юридической ответственности и возможности установления запретов на распространение определенной категории информационных материалов.

Abstract: The article examines the foundations of traditional spiritual and moral system in the Armed Forces of the Russian Federation, including the phenomenon of information warfare as one of the influencing factors. Particular attention is paid to issues of ideological content through the prism of analysis of the historical development of the country, legal responsibility and the possibility of establishing prohibitions for the distribution of a certain category of information materials.

Ключевые слова: Вооруженные Силы РФ, средства массовой информации, защита государственной тайны.

Key words: Armed Forces of the Russian Federation, mass media, protection of state secrets.

Для цитирования: Кононов Э.А., Зонина Д.М. Россия в условиях информационной войны: влияние на систему ценностей вооруженных сил Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 226-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_226.

For citation: Kononov Je.A., Zonina D.M. Russia in the context of the information war: the impact on the value system of the armed forces of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 226-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_226.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025

Государственный суверенитет Российской Федерации реализуется благодаря обеспечению обороны страны, в целях которой создаются Вооруженные силы Российской Федерации (далее – ВС РФ) и устанавливается воинский долг и обязанность граждан Российской Федерации в соответствии со ст. 59 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» служение Отечеству наряду с исторической памятью и патриотизмом, относится к традиционным ценностям.

Целью исследования является анализ нормативных правовых актов в общественных отношениях в сфере информационной безопасности традиционных российских духовно-нравственных ценностей Вооруженных Сил Российской Федерации, а также формулирование предложений по разрешению имеющихся проблем.

В соответствии с указанной целью в процессе исследования предполагается решить следующие задачи:

- изучить феномен влияния информационной войны на индивида через призму субъективной восприимчивости человека и гражданина;
- рассмотреть основы законодательства в сфере охраны традиционных духовно-нравственных ценностей в Вооруженных Силах Российской Федерации;
- выявить основные проблемы информационной безопасности традиционных духовно-нравственных ценностей Вооруженных Сил Российской Федерации и предложить пути их решения.

Методологической основой написания работы являются следующие общенаучные методы исследования: сравнительный, историче-

ский, системный, а также частнонаучный метод: технико-юридического анализа.

Россия – сильнейшая страна, уничтожить которую посредством военного конфликта невозможно. Несмотря на то что главным средством ведения войны являются вооружённые силы, в связи с последними событиями в мире мы открыто говорим об информационных атаках как о стратегическом инструменте ведения войны.

Главный принцип информационной войны — это добраться до мыслительного процесса человека. Так, с помощью смартфона формируется отлаженная структура управления и информационные потоки. По каналам коммуникации человека, поиску им значимой для него информации, интересам, хобби, увлечениям формируется цифровой профиль. Затем искусственный интеллект создает алгоритм манипулирования индивидом и формирует ситуацию вовлеченности в исследование того или иного вопроса, чтобы достучаться до субъективности: индивид должен поверить, что сам может разобраться в геополитической проблематике или, например, ситуации, непосредственно связанной с организацией Вооруженных Сил РФ, или сыграть ключевую роль в помощи государству и Вооруженным Силам РФ (далее - ВС РФ).

Однако, стоит отметить, что тактика ведения информационной войны в настоящее время отличается от выбранной изначально. Помимо изначально имеющих обвинений в отношении Вооруженных Сил РФ в совершении преступлений на территории проведения специальной военной операции, сейчас участились случаи мошенничества на территории России. Например, развитой схемой мошеннических действий является представление сотрудниками ФСБ РФ и выполнением различных заданий якобы для помощи ВС РФ. На наш взгляд, это одно из новых преступных направлений информационной войны. В этот момент индивид чувствует, что он пришел к новому знанию или разоблачил свои предубеждения, играет важнейшую роль в истории государства, осуществляет помощь, вносит вклад в общую победу, что без него ВС РФ не справится.

Безусловно, при осознании всех ценностей, связанных с выполнением функций ВС РФ, установлено, армия как элемент политической структуры общества и военной службой как специфическим социальным институтом, обеспечивающим существование вооруженных сил. В связи с этим группу ценностных ориентаций, сформировавшихся на протяжении всего исторического пути России, составляют понятия, с которыми в обществе связываются представления о военнослужащих. К ним, прежде всего, относятся особые нравственные устои и стиль поведения, объединяемые понятиями «воинская честь» и «достоинство», «повышенная ответственность за судьбу России и ее безопасность», «войсковое товарищество», «воинские ритуалы и традиции» и т.д. Данные понятия формируются под влиянием уклада общественной жизни, где военные выступают как обычные граждане, для которых имеют значение такие базовые понятия, как традиции, вероисповедание, семья, человеческая жизнь, благополучие и именно поэтому важно сохранить духовно-нравственное воспитание и традиционные ценности в государстве и, в том числе в Вооруженных Силах РФ [13].

На основании ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова [1]. Кроме того, ст. 3 Закона РФ «О средствах массовой информации» (далее – Закон РФ «О СМИ») устанавливается недопустимость цензуры [3].

Данные нормы, свойственные для демократического режима, на практике образуют определённый ряд проблем.

Несмотря на то что ст. 1 Закона РФ «О СМИ» определено, что поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации [3].

Кроме того, в качестве примера можно привести распространение видеороликов о так называемых взглядах со стороны народа «о проведении чистки аппарата президента» и доверии к главе государства, призыв о смене традиционной ценности милосердия на жестокость с целью отомстить за плохое отношение к военнослужащим РФ, попавшим в плен к противнику.

На первый взгляд данные тезисы поднимают национальный дух, однако, фактически эта «игра контрастов» формирует стихийные взгляды о едином мнении народа, поддержке решений главнокомандующего, и недоверию ко всему остальному государственному аппарату и определению нефорсированной организации ведения боевых действий Вооруженными Силами РФ.

Необходимо отметить то, что общественное мнение граждан, реакция СМИ через призму субъективности журналиста (его отношения к сложившейся ситуации) и моральное состояние военнослужащих – непрерывно взаимосвязанные элементы, а разные позиции конкретных органов СМИ, обусловленные несовпадающими интересами вследствие национальных, религиозных и иных факторов создают условия для формирования деструктивной идеологии.

На наш взгляд, в первую очередь, СМИ должны формировать идеи поддержки Вооруженным Силам РФ с учетом акцентирования не на открытом закреплении образа врага и его дегуманизации, что может сформировать радикальные взгляды и привести к непоправимым последствиям в результате разделения мнений, а на победах Вооруженных Сил РФ и свойственного для их системы духовно-нравственных ценностей исключительного героизма. Граждане нашей страны должны осознавать мощь и величие России, испытывать гордость за свое Отечество и его историю. Особенно это важно для подрастающего поколения, поскольку проблема единства народа страны остро прослеживалась после распада Советского Союза, когда идеологическая система, работавшая более 50-ти лет, перестала действовать, а «западные ценности» приобрели верховенство, что являлось катастрофической ошибкой, которую ныне пытаются быстро исправить.

Сейчас в России активно поднимаются вопросы о возможности установления идеологии. Безусловно, на законодательном уровне установление единой идеологической системы является недопустимым, поскольку ст. 13 Конституции РФ установлено, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие [1].

Данная проблема, глобально внедренная в российское общество, оказала свое влияние и на Вооруженные Силы РФ. Особенно явно это прослеживалось в период девяностых и начале нулевых годов, когда в армии отсутствовал должный и необходимый для того времени порядок. Осложняло всю ситуацию одновременное сокращение численности Вооруженных Сил РФ, острый национальный вопрос и проведение контртеррористических операций в Чечне, отсутствие заработных плат и так далее. В этой связи стоит уделить внимание тому, что по счету поколений, те проблемы запомнились надолго, и воспитание, и взгляды «от родителя к ребенку» формируют ряд поколений с устойчиво сформировавшимся мнением, например, что «в армии плохие условия», «страна развалена, в ней плохо жить», «зарботные платы низкие» и так далее.

Еще в 2019-м году Президент РФ, В.В. Путин, отмечал: «Россия была в достаточно слабом состоянии, была зависима от различного рода финансовых инструментов и механизмов, от политических, внутриполитических... В этом смысле можно с сожалением констатировать, что Россия на тот момент утратила значительную часть своего суверенитета» [14].

И в то непростое время для всей страны большую роль сыграли именно СМИ, когда стало модным показывать происшествия и трагедии, а не радостные события. Именно в те переломные для сознания граждан годы людям интересно стало смотреть не программу об истории великой страны - России, а очередной почти бессмысленный западный (американский) фильм, показывающий насколько хорошо жить в США, а не в нашей стране. Так, у подрастающего поколения пропали герои своего времени. На самом деле, ведь в этот период на рубежах Северного Кавказа и не только, Вооруженные Силы РФ, защищали нашу страну. Кроме того, военнослужащие РФ обеспечивали порядок и сохранение мира, на территориях других государств, граждане которых до сих пор испытывают чувство благодарности и уважения. Сколько стоящих песен, прославляющих подвиги Российской Армии было написано? Но модно было совершенно другое – всё иностранное.

Лишь единицы знают о таких молодых героях Российской Федерации, награжденных посмертно: Шелоховцов Иван Юрьевич, Дергунов Алексей Васильевич, Янина Ирина Юрьевна, Родионов Евгений Александрович и многих других. Именно эти люди должны стать примером для многих, когда независимо от того, что происходило в государстве, понятие «Родины» оставалось в их сознании до конца жизни.

Неизвестным в большинстве своем для молодежи остается и имя Тасболата Ибрашева, который вошел в историю во время миротворческой операции России в конфликте между Южной Осетией и Грузией. В 2008 году он единолично остановил колонну грузинских военнослужащих. Несмотря на увольнение в 2010 году из Вооруженных Сил РФ, сейчас Тасболат Ибрашев добровольцем ушел на фронт и защищает нашу страну на территории проведения специальной военной операции [15].

Вместе с тем сейчас у подрастающего поколения есть свои герои – военнослужащие, выполняющие долг в Сирийской Арабской Республике и участвующие в специальной военной операции на Украине. В первую очередь именно на их подвигах должны формироваться единые взгляды нашего многонационального народа о Родине и об Отечестве, не попадая под влияние иностранных информационных потоков.

На основании вышеизложенного стоит сделать вывод о том, что идеология в стране необходима, но возможность ее установления представляется обоснованной в правовом поле только с помощью документов стратегического планирования, из которых явным примером является Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в первую очередь именно СМИ должны препятствовать распространению деструктивной идеологии.

Однако, несмотря на то что ст. 59 Закона РФ «О СМИ» установлены различные виды ответственности за злоупотребление свободой массовой информации. На сегодняшний день мы можем сказать о том, что меры государственного принуждения должным образом не действуют и ограничиваются для журналистов в большинстве случаев дисциплинарной ответственностью [3].

Стоит отметить, в целом, о необходимости изменить журналистские стандарты на государственном уровне и установить полный запрет на некоторые интернет-ресурсы в случае нарушения ими законодательства РФ.

На данный момент видеоролики, содержащие сведения, в том числе порочащие честь и достоинство Вооруженных Сил РФ, демонстрирующие, например, имеющиеся организационные недостатки, разрешены к просмотру с примечанием Роскомнадзора, что «сайт нарушает законодательство РФ», что считается недопустимым в условиях проведения специальной военной операции.

Однако, в условиях нынешнего мироустройства вопросы ответственности необходимо ужесточить, и наличие вышеуказанной формулировки не останавливает никого для просмотра той или иной информации.

В данном случае, по-нашему мнению, наравне с имеющимся списком экстремистских материалов, признанных таковыми по решению суда, необходимо установить аналогичный список материалов, дискредитирующих Вооруженные Силы РФ, поскольку сам факт действия института административной преюдиции по ст. 20.3.3 КоАП РФ смягчает и размывает понятие дискредитации, содержание которого зависит от субъективизма должностного лица, принимающего решение [2].

Таким образом, фактически критику действий Вооруженных Сил РФ с указанием на какие-либо недостатки, реализовать невозможно, поскольку все осуществляется через призму субъективизма.

Кроме того, на практике не всегда осуществляется защита сведений, которые в соответствии с п. 1 ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» относятся к государственной тайне, в частности, о содержании стратегических и оперативных планов, о боевой и мобилизационной готовности, о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке [4].

Вместе с изложенным и во исполнение пунктов п. 39, 40, 46, 91 Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности» не-

обходимо внести изменения в ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне». Так, к сведениям, не подлежащим отнесению к государственной тайне и засекречиванию, о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина дополнить следующей формулировкой: «за исключением сведений устанавливающих факты насильственной смерти и (или) причинения вреда здоровью военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований и органов, предусмотренных Федеральным законом «Об обороне», а также военнослужащим РФ, попавшим в плен, в период и месте проведения вооруженных конфликтов, боевых действий и столкновений.» [4, 7].

Также необходимо дополнить ст. 4 (недопустимость злоупотребления свободой массовой информации) Закона РФ «О СМИ» 10 абз.:

«Запрещается использование в радио-, видео-, телепрограммах, информационно-телекоммуникационных сетях, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей путем создания условий для распространения деструктивной идеологии, в том числе дискредитирующей Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска и воинские формирования и органы, предусмотренные Федеральным законом «Об обороне».» [3].

В заключение стоит сказать о том, что изменение журналистских стандартов необходимо, поскольку нынешние прогрессивно формируют негативные эмоции, связанные, например, с недобросовестной политикой на местах, различными трагедиями, межконфессиональными конфликтами, абсурдными ситуациями в общественной жизни.

В последнее время начала зарождаться тенденция распространения положительной информации. Одним из таковых примеров является Международная выставка-форум «Россия» на ВДНХ, где каждый из субъектов РФ представляет свои открытия и достижения [13].

В свою очередь, во избежание попаданий под манипулятивные методы информационного воздействия освещение позитивной информации, побед, открытий и достижений в России, и особенно в Вооруженных Сил РФ, должно контролироваться со стороны государственного аппарата.

На основании вышеизложенного представляется возможным использовать выводы и предложения в законотворческой деятельности и правоприменительной практике, что на наш взгляд может повысить эффективность правового регулирования, а значит реализацию прав и свобод человека и гражданина в рассматриваемой сфере.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом поправок] // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Российская газета. № 256. 2001.
3. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. № 32. 1992.
4. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) «О государственной тайне» // Российская газета. № 182. 1993.
5. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. № 63-64. 1998.
6. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О статусе военнослужащих» // Российская газета. № 104. 1998.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
9. Горбачев С.С. Актуальность и противоречия ценностного единства при информационном обеспечении Вооруженных Сил России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 178–183.
10. Дудулин В.В. Воинские традиции как основа воспитания защитников отечества: историко-педагогический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5. С. 94–98.
11. Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35–42.
12. Якушина Н.В. Ценности и ценностные ориентации военнослужащих Российской Армии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 12 (вып. 3). С. 325–336.
13. Международная выставка-форум «Россия». [Электронный ресурс]. URL: <https://vdnh.ru/russia/> (дата обращения: 26.07.2024)
14. Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/13179607> (дата обращения: 28.07.2024)
15. ВГТРК. Вести Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/240261/> (дата обращения: 28.07.2024)

References:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 [s uchetom popravok] // Sobranie zakonodatelstva RF. 2014. № 31. St. 4398.
2. «Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh» ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 08.07.2024, s izm. ot 18.07.2024) // Rossiyskaya gazeta. № 256. 2001.
3. Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 11.03.2024) «O sredstvakh massovoy informatsii» // Rossiyskaya gazeta. № 32. 1992.
4. Zakon RF ot 21.07.1993 № 5485-1 (red. ot 04.08.2023) «O gosudarstvennoy tayne» // Rossiyskaya gazeta. № 182. 1993.
5. Federalnyy zakon ot 28.03.1998 № 53-FZ (red. ot 23.03.2024) «O voynskoy obyazannosti i voennoy sluzhbe» // Rossiyskaya gazeta. № 63-64. 1998.
6. Federalnyy zakon ot 27.05.1998 № 76-FZ (red. ot 29.05.2024) «O statuse voennosluzhashchikh» // Rossiyskaya gazeta. № 104. 1998.
7. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2021. № 27 (chast II). St. 5351.
8. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniuyu i ukrepleniiyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2022. № 46. St. 7977.
9. Gorbachev S.S. Aktualnost i protivorechiya tsennostnogo edinstva pri informatsionnom obespechenii Vooruzhennykh Sil Rossii // Sotsialno-politicheskie nauki. 2022. T. 12. № 2. S. 178–183.
10. Dudulin V.V. Voinskie traditsii kak osnova vospitaniya zashchitnikov otechestva: istoriko-pedagogicheskiy analiz // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2023. № 5. S. 94–98.
11. Karavaev I.N. Kontseptsiya mentalnoy voyny kak sostavnaya chast ucheniya o voyne i armii // Voennaya mysl. 2022. № 3. S. 35–42.
12. Yakushina N.V. Tsennosti i tsennostnye orientatsii voennosluzhashchikh Rossiyskoy Armii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. № 12 (vyp. 3). S. 325–336.
13. Mezhdunarodnaya vystavka-forum «Rossiya». [Elektronnyy resurs]. URL: <https://vdnh.ru/russia/> (data obrashcheniya: 26.07.2024)
14. Informatsionnoe agentstvo TASS. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://tass.ru/politika/13179607> (data obrashcheniya: 28.07.2024)
15. VGTRK. Vesti Buryatiya. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/240261/> (data obrashcheniya: 28.07.2024)

ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ QUESTIONS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS

РАКИТСКИЙ Владислав Владимирович,

преподаватель кафедры огневой подготовки,

ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: Rakitskiy777@mail.ru;

АРХИПКИНА Анастасия Сергеевна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры конституционного и административного прав

ФГБОУ ВО «Байкальской государственной университет».

664003, Россия, Иркутская область, Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: nsakharova@yandex.ru;

RAKITSKY Vladislav Vladimirovich,

I do not have an academic degree, I do not have an academic title, I am a teacher in the department of fire training,

Federal State Educational Institution of Higher Education

"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.

E-mail: Rakitskiy777@mail.ru;

ARKHIPKINA Anastasiia Sergeevna,

Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law

at the Federal State Educational Institution of Higher Education Baikal State University.

664003, Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, 11 Lenin St.

E-mail: nsakharova@yandex.ru

Краткая аннотация: в представленной статье рассмотрена административная ответственность государственных служащих на основе мнений специалистов, изучающих данный вопрос. В статье сделан вывод о том, что разные категории государственных служащих за одни и те же нарушения по-разному несут административную ответственность. В связи с этим необходимо совершенствовать административную ответственность государственных служащих. В частности, предлагается выделить в административном законодательстве отдельную главу, определяющую административную ответственность гражданских служащих.

Abstract: the article presents an examination of the administrative liability of civil servants based on the opinions of experts studying this issue. The article concludes that different categories of civil servants bear administrative liability differently for the same violations. In this regard, it is necessary to improve the administrative liability of civil servants. In particular, it is proposed to allocate a separate chapter in administrative legislation defining the administrative liability of civil servants.

Ключевые слова: государственный служащий, государственная служба, административная ответственность, правонарушение, дисциплинарный проступок, должностное лицо.

Keywords: civil servant, civil service, administrative responsibility, offense, disciplinary misconduct, official.

Для цитирования: Ракитский В.В., Архипкина А.С. Вопросы административной ответственности государственных служащих // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 230-231. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_230.

For citation: Rakitsky V.V., Arkhipkina A.S. Questions of administrative responsibility of civil servants // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 230-231. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_230.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В теории права принято различать два понимания юридической ответственности. В соответствии с первой концепцией юридическая ответственность является негативным фактором, возникающим в результате реагирования государства на совершение лицом правонарушения. Вторая же концепция, в отличие от первой, включает в себя и позитивный фактор, заключающийся в стимулировании лиц соблюдать установленное законодательство и не совершать правонарушений [10, с. 74-80], [3, с. 175-184].

Главная функция государственной службы заключается в управлении, «публичное управление – это деятельность аппарата публичной власти по решению общих для общества данной страны задач». [8, с. 19]. От того, насколько эффективным будет данное управление, зависит успешное развитие нашего государства. В соответствии с Конституцией РФ [1] Россия является социальным, правовым и демократическим государством. А для того, чтобы государство соответствовало указанным установлениям основного закона страны, должна существовать эффективная государственная служба. При этом работа государственных служащих должна быть направлена на недопущение в своей деятельности правонарушений. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «административная ответственность выступает в качестве действенного средства обеспечения правопорядка и безопасности» [7, с. 53], в том числе при осуществлении деятельности государственных служащих.

Как отдельный институт административного права административная ответственность государственных служащих не рассматривается самостоятельно. Данную ответственность принято рассматривать в рамках общего института административной ответственности должностных лиц. В связи с этим можно говорить о том, что в действующем административном праве отсутствует институт административной ответственности государственных служащих. Под ответственностью государственного служащего понимается способность государственного служащего воспринимать содержание и способность выполнять задачи, возложенные на него законодательством о государственной службе, предвидение последствий, которые могут наступить в результате его деятельности как в общественной сфере, так и в сфере его полномочий [4, с. 226-228].

Если буквально воспринимать содержание ст. 2.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (далее по тексту - КоАП РФ), то можно заключить, что государственный служащий не может стать субъектом административного правонарушения, если он не совершил адми-

нистративного проступка. Говоря проще, в качестве основания для привлечения государственного служащего к административной ответственности необходимо, чтобы он совершил деяние, которое отвечает признакам как дисциплинарного проступка, так и административного правонарушения. В данном случае возникает двоякая ситуация, которая с достаточной степенью наглядности характеризует особенность ответственности государственного служащего. При этом административная ответственность у государственных служащих возникает за правонарушения, которые напрямую связаны с нарушением правил, которые они обязаны соблюдать в связи с их деятельностью как государственного служащего.

По сравнению с обычными гражданами у государственных служащих административная ответственность за совершение административного правонарушения более строгая. Это обусловлено тем, что повышенная степень административной ответственности у государственного служащего является следствием его особого положения. Ведь, совершая административное правонарушение, государственный служащий посягает на нормальную деятельность государственного органа, в котором он проходит службу, что оказывает пагубное влияние на авторитет государственных органов, а, в конечном счете, и на само государство [9, с. 280].

Государственный служащий должен быть привлечен к административной ответственности в ситуации, когда он совершает административное правонарушение, связанное с ненадлежащим исполнением или вообще с неисполнением возложенных на него законодательством обязанностей, которые посягают на права и законные интересы граждан, а также за нарушение установленных законодательством запретов и предписаний для государственного служащего. Указанные административные правонарушения должны быть напрямую связаны с внешней административной деятельностью органа, в котором служит государственный служащий. Если же государственный служащий совершает правонарушение внутри государственного органа, в котором он проходит службу (так называемая внутриаппаратная деятельность), то такие его действия должны квалифицироваться как дисциплинарный проступок [5, с. 164].

Государственный служащий может быть привлечен к административной ответственности если норма КоАП РФ или закона субъекта РФ об административных правонарушениях прямо предусматривает ответственность именно для гражданского служащего. Указанное правило применимо в отношении государственных гражданских служащих, однако оно неприменимо в отношении иных категорий государственных служащих.

В теории административного права отсутствует разделение гражданских служащих на категории в связи с тем, какую организационную роль они выполняют в государственном органе в процессе исполнения своих должностных обязанностей.

В связи с этим для определения ясности, в каких случаях государственный служащий подлежит административной ответственности, предлагается включение в КоАП РФ специальной главы, определяющей административную ответственность для гражданских служащих. В данную главу следует включить нормы, которые бы устанавливали административную ответственность исключительно для гражданских служащих, а также порядок, при котором государственные служащие привлекались бы к административной ответственности. Включение в КоАП РФ указанной главы, безусловно, послужило бы эффективным и четкому исполнению государственными служащими своих должностных обязанностей и обеспечило бы обязательное привлечение государственного служащего за совершение административного правонарушения.

Включение в КоАП РФ главы, определяющей административную ответственность гражданских служащих, сделает возможным установить конкретный перечень норм, за нарушение которых гражданский служащий несет административную ответственность, а также конкретные санкции, которые могут быть применены к государственному служащему (дисциплинарные меры, штраф, лишение права занимать определенную должность и иные санкции). Все это сделает открытым и прозрачным процесс привлечения государственных служащих к административной ответственности. Граждане будут четко понимать, за какие именно действия государственный служащий должен нести административную ответственность [6, с. 96].

Кроме того, включение указанной главы в КоАП РФ послужит для целей надзора за деятельностью государственных служащих. Это имеет большое значение для неукоснительного исполнения своих должностных обязанностей государственными служащими.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>. 08.08.2024.
3. Аслanian, Н. П. "Теория единой юридической ответственности" как околонучное теоретическое построение // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3(85). С. 175-184.
4. Евдокимова А.Д. Административная ответственность, применяемая к государственным служащим // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 226-228.
5. Закопырин В.Н. Административная ответственность государственных служащих // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 164.
6. Ленева И.Г. Вопросы эффективности служебной деятельности государственных служащих в контексте ответственности // Вестник науки. 2024. № 12. С. 96.
7. Макарейко, Н. В. Административная ответственность в системе охранительных институтов административного права // Академический юридический журнал. 2020. № 2(80). С. 53-60.
8. Метелева, Е. Р. Реформы в системе публичного управления в России: цели, направления, результаты // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 3. С. 19.
9. Минина У.С. Особенности привлечения к административной ответственности государственных служащих // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 11. С. 280.
10. Ракитский В.В. Об усилении административной ответственности отдельных статей кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Научный дайджест ВСИ МВД России. 2022. № 3 (17). С. 74-80.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 as amended during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information // <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Code of the Russian Federation on administrative offenses dated December 30, 2001 No. 195-FL (as amended on 26.12.2024) // Official Internet portal of legal information // <http://pravo.gov.ru>. 08.08.2024.
3. Aslanyan, N. P. "The theory of unified legal responsibility" as a near-scientific theoretical framework // Academic Law Journal. 2021. Vol. 22, No. 3(85). pp. 175-184.
4. Evdokimova A.D. Administrative liability applied to civil servants // Young scientist. 2020. No. 49 (339). P. 226-228.
5. Neduporin V.N. Administrative liability of civil servants // State Service and personnel. 2019. No. 1. P. 164.
6. Leneva I.G. Issues of the effectiveness of the official activities of civil servants in the context of responsibility // Bulletin of Science. 2024. No. 12. P. 96.
7. Makareiko, N. V. Administrative responsibility in the system of protective institutions of administrative law // Academic Law Journal. 2020. No. 2(80), pp. 53-60.
8. Meteleva, E. R. Reforms in the public administration system in Russia: goals, directions, results // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7, No. 3. C. 19.
9. Minina U.S. Features of bringing to administrative responsibility of civil servants // Scythian. Questions of student science. 2023. No. 11. P. 280.
10. Rakitsky V.V. On strengthening the administrative liability of certain articles of the Code of Administrative Offenses // Scientific Digest of the ICS of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (17). P. 74-80.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_232

УДК 768,43

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CYBERSECURITY

ДЖУРУК Дмитрий Сергеевич,

кандидат технических наук, начальник кафедры информационных технологий
Восточно-Сибирского института МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: irkutsk.dmitriy@yandex.ru;

ВОЛКОВ Павел Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

308019, Россия, Белгородская область, г. Белгород ул. Горького д. 71.

E-mail: pavel77782@inbox.ru;

ЩЕГЛОВ Александр Иванович,

Старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки
Барнаульского юридического института МВД России.

656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

E-mail: sanja-2015@bk.ru;

DZHURUK Dmitry Sergeevich,

Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Information Technology
at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

E-mail: irkutsk.dmitriy@yandex.ru;

VOLKOV Pavel Anatolievich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Administrative Activities
of the Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308019, Russia, Belgorod, Gorky Street, 71.

E-mail: pavel77782@inbox.ru;

SHCHEGLOV Alexander Ivanovich,

Senior Lecturer, Department of Firearms and Technical Training,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

49, Chkalova St., Barnaul, Altai Territory, 656038, Russia.

E-mail: sanja-2015@bk.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования искусственного интеллекта в кибербезопасности для обнаружения и предотвращения киберугроз. В современных реалиях применение систем искусственного интеллекта в области кибербезопасности открывает новые уникальные возможности. В отличие от человека, подобные системы способны непрерывно осуществлять мониторинг информационных потоков, в целях выявления потенциально опасного трафика. Вместе с тем модели искусственного интеллекта обладают рядом недостатков, которые потенциально могут сделать модель уязвимой.

Abstract: the article discusses the use of artificial intelligence in cybersecurity to detect and prevent cyber threats. In modern realities, the use of artificial intelligence systems in the field of cybersecurity opens up new unique opportunities. Unlike humans, such systems are capable of continuously monitoring information flows in order to identify potentially dangerous traffic. However, artificial intelligence models have a number of disadvantages that can potentially make the model vulnerable.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, кибербезопасность, угрозы безопасности.

Keywords: artificial intelligence, information security, cybersecurity, security threats.

Для цитирования: Джурук Д.С., Волков П.А., Щеглов А.И. Применение искусственного интеллекта в кибербезопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 232-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_232.

For citation: Dzhuruk D.S., Volkov P.A., Shcheglov A.I. The use of artificial intelligence in cybersecurity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 232-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_232.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025

В современном мире, где цифровизация проникает во все сферы жизни, безопасность данных становится критически важной задачей. Развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для укрепления кибербезопасности. Использование технологий искусственного интеллекта в данной области представляет собой перспективное направление, позволяющее значительно повысить эффективность обнаружения и предотвращения киберугроз. Автоматизация процессов анализа больших объемов данных с помощью алгоритмов машинного обучения способствует оперативному выявлению потенциальных уязвимостей и кибератак. Однако внедрение искусственного интеллекта в кибербезопасность несет в себе не только новые возможности, но и определенные риски. Разработка надежных и безопасных систем на основе искусственного интеллекта требует глубокого понимания как технологий искусственного интеллекта, так и специфики киберугроз. Научные исследования в этой области играют ключевую роль в развитии методов и подходов, направленных на повышение уровня кибербезопасности с использованием инновационных технологий [1][2][3].

Искусственный интеллект в последние годы внес существенный вклад в развитие кибербезопасности, предложив новые методы для борьбы с угрозами информационной безопасности. В эпоху, когда объемы данных и сложность информационных систем неуклонно растут, тра-

диционные подходы к обеспечению безопасности становятся недостаточно эффективными. В этом контексте искусственный интеллект представляет собой ключевой инструмент, позволяющий обеспечивать высокий уровень защиты информационных ресурсов. Интеграция искусственного интеллекта в сферу кибербезопасности, делает его незаменимым инструментом для защиты информации от вредоносного программного обеспечения, фишинговых атак, а также в прогнозировании и предотвращении киберугроз с использованием алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных. Как отмечается в исследованиях именно «интеллектуализация», достигаемая за счет внедрения «интеллектуальных» методов обработки данных, является одним из перспективных направлений развития информационных систем [3][4].

Говоря об интеграции искусственного интеллекта в кибербезопасность, необходимо более подробно остановиться на преимуществах такого подхода. В Федеральном законе «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»¹ выделено три принципа обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры (далее - КИИ). Во-первых, это принцип законности, во-вторых - непрерывности и комплексности обеспечения безопасности КИИ, и в-третьих - приоритет предотвращения компьютерных атак [5]. Таким образом применение технологий искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач, связанных с мониторингом и анализом данных позволяет не только обеспечить один из основных принципов информационной безопасности, но и значительно ускорить выявление угроз и обеспечить возможность оперативно реагировать на них. Это не только сокращает потенциальный ущерб от атак, но и экономит человеческие ресурсы, позволяя IT-специалистам сосредотачиваться на более сложных аспектах информационной безопасности.

Еще одним преимуществом использования искусственного интеллекта в защите информации является способность систем к самообучению. Традиционные методы обнаружения угроз часто основываются на сигнатурах, что делает их уязвимыми к новым типам атак. Модели машинного обучения, основанные на искусственном интеллекте, способны анализировать данные о предыдущих кибератаках, выявлять закономерности и подстраиваться под новые угрозы. Искусственный интеллект способен анализировать потоки данных в реальном времени, выявляя аномалии и подозрительную активность, что существенно повышает точность детектирования. Такой подход способен обнаружить ранее неизвестные угрозы, даже в случае отсутствия известных сигнатур. Эта функциональность особенно важна в контексте постоянно развивающихся и усложняющихся кибератак, требующих незамедлительного реагирования. Основой применения искусственного интеллекта в кибербезопасности является машинное обучение, включая обучение с учителем, без учителя и обучение с подкреплением [6]. Непрерывное дообучение нейросетевой модели позволяет системам постоянно совершенствоваться, адаптируясь к постоянно меняющимся типам киберугроз. Это позволяет более оперативно реагировать на новые видоизмененные кибератаки, сигнатуры которых отсутствуют, однако общий паттерн совпадает с ранее выявленной атакой. Так выявление определенных неочевидных паттернов в сетевом трафике, может указывать на различного рода киберугрозы. Однако в случае самообучения необходимо помнить что, любое обучение модели очень чувствительно к обучающей выборке, в связи с чем необходимо проводить тщательную проверку и валидацию данных. Такой подход также способен обеспечить распознавание образов в программных кодах, что особенно актуально для идентификации «уязвимостей нулевого дня». В этом контексте искусственный интеллект не только играет ключевую роль, но и представляет собой непревзойденный инструмент для защиты цифровых систем от угроз [7].

Еще одним преимуществом, применения искусственного интеллекта является его способность к улучшению процессов идентификации и аутентификации, используя биометрические данные и поведенческие характеристики для создания более надежных систем защиты. В настоящее время специалисты в области безопасности рекомендуют применять другие биометрические данные, набор которых принято называть Behavioral Biometrics (поведенческая биометрия, BB). В отличие от старых методов идентификации, адаптированных под нужды и особенности компьютеров, они, наоборот, позволяют компьютеру опознавать пользователя по его поведению. Американское агентство передовых исследований DARPA предложило именовать этот класс новаторских подходов к опознанию «активной аутентификацией» (Active Authentication) [8][9].

Вместе с тем, следует учитывать, что использование такого подхода также сопряжено и с определёнными рисками, которые требуют дальнейшего изучения и решения. Одним из значительных вызовов является обеспечение защиты алгоритмов искусственного интеллекта от внешних вмешательств и манипуляций. Необходимо помнить, что даже у простых в использовании систем машинного обучения есть свои проблемы. Среди них - угроза состязательных атак, которая стала одной из важных проблем приложений машинного обучения. Но существуют и атаки, которые направлены на выяснение параметров работы системы. Эта информация поможет атакующему создать обманывающую систему примеры [10][11][12]. Это требует от разработчиков непрерывного усовершенствования методик обучения и алгоритмов безопасности, тщательной проверки данных используемых в обучающей выборке. Также нерешенным остаются вопросы приватности и защиты персональных данных. Искусственный интеллект, анализируя огромные объемы информации для обеспечения информационной безопасности, должен строго соблюдать принципы конфиденциальности, не нарушая законодательно установленные рамки. Это подразумевает необходимость разработки специализированных протоколов и правил обработки данных, координируемых с принципами кибербезопасности.

В заключение можно сказать, что интеграция искусственного интеллекта в сферу кибербезопасности открывает перед специалистами и исследователями новые возможности для обеспечения высокого уровня защиты информационных систем. Тем не менее, важно продолжать критически оценивать риски и проблемы, возникающие в связи с активным распространением технологий искусственного интеллекта в сфере информационной безопасности, а также развивать комплексные подходы к управлению рисками кибербезопасности в целях создания более безопасного цифрового будущего. Эффективная интеграция искусственного интеллекта в области кибербезопасности во многом зависит от синергии между исследователями в области информационной безопасности и специалистами в области искусственного интеллекта.

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4736

Список литературы:

1. Ровина Е.Е., Гурьянова З.З. Компьютерные преступления вчера и сегодня // Научный дайджест ВосточноСибирского института МВД России .- 2022.- №3(17).- С.81-85
2. Гаскова Д.А., Массель А.Г. Технология анализа киберугроз и оценка рисков нарушения кибербезопасности критической инфраструктуры // Вопросы кибербезопасности .- 2019.- №2(30).- С.42-49
3. Гарбук С.В., Правиков Д.И., Полянский А.В., Самарин И.В. Обеспечение информационной безопасности АСУ ТП с использованием метода предиктивной защиты // Вопросы кибербезопасности .- 2019.- №3(31).- С.63-71
4. Зык А.В. Киберпреступники в современном обществе. Мотивы преступлений с использованием информационных технологий // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России .- 2022.- №3(17).- С.22-27
5. Горохова С.С. О некоторых аспектах обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации // Право и политика .- 2018.- №6.- С.27-36
6. Гайфулина Д.А., Котенко И.В. Применение методов глубокого обучения в задачах кибербезопасности. Часть 1 // Вопросы кибербезопасности .- 2020.- №3(37).- С.76-86
7. Тикки Д.А., Никольский В.Е., Авакян Е.В., Самошкин Н.С., Мокряк А.В. Применение искусственного интеллекта в информационной безопасности // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности .- 2024.- №1(39).- С.62-67
8. Довгаль В.А., Довгаль Д.В. Анализ перспективных методов поведенческой биометрии для аутентификации пользователей // Естественно-математические и технические науки .- 2017.- №3(206).- С.139-142
9. Лапина Т.И., Димов Э.М., Петрик Е.А., Лапин Д.В. Управление доступом к информационным ресурсам в информационных системах // Моделирование, оптимизация и информационные технологии .- 2018.- №4(23).- С.523-534
10. Намиот Д. Е., Ильюшин Е. А., Чижов И. В. Искусственный интеллект и кибербезопасность // International Journal of Open Information Technologies .- 2022.- №9.- С.135-147
11. Намиот Д. Е., Ильюшин Е. А., Чижов И. В. Атаки на системы машинного обучения - общие проблемы и методы // International Journal of Open Information Technologies .- 2022.- №3.- С.17-22
12. Намиот Д.Е. Введение в атаки отравлением на модели машинного обучения // International Journal of Open Information Technologies .- 2023.- №3.- С.58-68

References:

1. Rovina E.E., Guryanova Z.Z. Computer crimes yesterday and today // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.- 2022.- №3(17).- Pp.81-85
2. Gaskova D.A., Massel A.G. Technology of cyber threat analysis and risk assessment of cybersecurity violations of critical infrastructure // Cybersecurity issues.- 2019.- №2(30).- Pp.42-49
3. Garbuk S.V., Pravikov D.I., Polyansky A.V., Samarina I.V. Ensuring information security of automated process control systems using the predictive protection method // Cybersecurity issues.- 2019.- №3(31).- Pp.63-71
4. Zyk A.V. Cybercriminals in modern society. Motives of crimes using information technologies // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.- 2022.- №3(17).- Pp.22-27
5. Gorokhova S.S. On some aspects of ensuring the security of critical information infrastructure in the Russian Federation // Law and Politics.- 2018.- No. 6.- pp.27-36
6. Gaifulina D.A., Kotenko I.V. Application of deep learning methods in cybersecurity tasks. Part 1 // Cybersecurity issues.- 2020.- №3(37).- Pp.76-86
7. Tikki D.A., Nikolsky V.E., Avakian E.V., Samoshkin N.S., Mokryak A.V. Application of artificial intelligence in information security // International Journal of Information Technology and Energy Efficiency .- 2024.- №1(39).- Pp.62-67
8. Dovgal V.A., Dovgal D.V., Analysis of promising methods of behavioral biometrics for user authentication // Natural-mathematical and technical sciences.- 2017.- №3(206).- Pp.139-142
9. Lapina T.I., Dimov E.M., Petrik E.A., Lapin D.V. Management of access to information resources in information systems // Modeling, optimization and information technologies.- 2018.- №4(23).- Pp.523-534
10. Namiot D. E., Ilyushin E. A., Chizhov I. V. Artificial intelligence and cybersecurity // International Journal of Open Information Technologies.- 2022.- No. 9.- pp.135-147.
11. Namiot D. E., Ilyushin E. A., Chizhov I. V. Attacks on machine learning systems - common problems and methods // International Journal of Open Information Technologies.- 2022.- No. 3.- pp.17-22
12. Namiot D.E. Introduction to poisoning attacks on machine learning models // international Journal of Open Information Technologies.- 2023.- No. 3.- pp.58-68

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ INTERNATIONAL EXPERIENCE IN REGULATING DIGITAL PLATFORMS AND ITS FEATURES

ГУРЫШЕВА Кристина Валерьевна,

аспирант Высшей школы государственного аудита
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: cristina-gyrusheva@yandex.ru;

GURYsheva Kristina Valeryevna,

Graduate student Higher School of Public Audit Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: cristina-gyrusheva@yandex.ru

Краткая аннотация: Цифровые платформы являются драйвером экономического роста многих стран, формируют многосторонние отношения, обуславливающие появление дисбалансов и проблем, которые требуют законодательного урегулирования. Проведенный анализ нормативных правовых актов и законодательных инициатив иностранных государств, направленных на регулирование деятельности цифровых платформ, позволило выявить две тенденции: общеплатформенное регулирование с отдельными законодательными актами и принятие специализированных нормативных правовых актов, регулирующих конкретные функциональные направления цифровых платформ. Вне зависимости от выбранного подхода, их целью является обеспечение понятного взаимодействия цифровых платформ, партнеров и пользователей, защита добросовестной конкуренции и защита прав всех участников экономических отношений. Вместо реактивного подхода к правоприменению, ориентированного на установление факта правонарушения и последующего применения мер ответственности, наблюдается переход к проактивной модели, предусматривающей усиление превентивных мер, направленных на предупреждение потенциальных нарушений законодательных норм.

Abstract. Digital platforms are the driver of economic growth in many countries, forming multilateral relations, causing the emergence of imbalances and problems that require legislative regulation. The analysis of regulatory legal acts and legislative initiatives of foreign countries aimed at regulating the activities of digital platforms revealed two trends: platform-wide regulation with separate legislative acts and the adoption of specialized regulatory legal acts regulating specific functional areas of digital platforms. Regardless of the chosen approach, their goal is to ensure clear interaction between digital platforms, partners and users, protect fair competition and protect the rights of all participants in economic relations. Instead of a reactive approach to law enforcement, focused on establishing the fact of an offense and the subsequent application of liability measures, there is a transition to a proactive model that provides for strengthening preventive measures aimed at preventing potential violations of legislative norms.

Ключевые слова: цифровая платформа, цифровой рынок, платформенная экономика, общеплатформенное регулирование, правовое регулирование цифровых платформ, антимонопольное регулирование, защита персональных данных, добросовестная конкуренция.

Keywords. digital platform, digital market, platform economy, general platform regulation, legal regulation of digital platforms, antitrust regulation, personal data protection, fair competition.

Для цитирования: Гурышева К.В. Международный опыт регулирования цифровых платформ и его особенности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 235-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_235.

For citation: Gurysheva K.V. International experience in regulating digital platforms and its features // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 235-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_235.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

В настоящее время наблюдается развитие цифровой экономики, основным элементом которой являются цифровые платформы и экосистемы, их инфраструктурные возможности обладают ключевыми атрибутами для экономического роста. Появление цифровых платформ, интеграция платформенных подходов в бизнес-процессы способствовали кардинальным изменениям в структуре рынка, приводящим к трансформации бизнес-моделей и поведенческих паттернов потребителей.

Цифровые платформы, в некоторых случаях являясь структурными составляющими цифровых экосистем, объединяют различные группы участников (поставщиков, исполнителей услуг, потребителей и пр.), создавая сетевые эффекты и экспоненциальный рост. В настоящее время цифровые сервисы конкурируют с традиционными видами бизнеса, однако не во всех странах цифровые рынки достигли пика роста. В ближайшем будущем цифровая среда будет предоставлять еще больше преимуществ для видения бизнеса в отличие от традиционной розничной торговли, что в свою очередь отразится на значительном росте платформенной экономики во всем мире.

С одной стороны, технологическое развитие положительно коррелирует с развитием цифровых рынков. С другой стороны, столь динамичное развитие поднимает вопрос влияния на конкуренцию, потребительский выбор и основные права пользователей цифровых платформ. По этой причине ряд государств уже приняли нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность цифровых платформ, иные страны только находятся на этапе законодательных инициатив в данной области. Вопросы экономической мощи цифровых платформ, злоупотребления доминирующим положением и защиты прав пользователей являются одними из законодательных приоритетов.

За последние тридцать лет политика Европейского союза в сфере цифровых технологий претерпела значительные изменения, которые можно охарактеризовать как переход к концепции «европейского цифрового конституционализма». Одним из основных направлений стратегии формирования единого цифрового рынка является переход от стимулирования внутренних рынков к сбалансированному продвижению инноваций, разработке правовых инструментов, защищающих права хозяйствующих субъектов, и обеспечению прозрачности, честности и подотчетности цифровых платформ.

В 2022 году в Европейском союзе был подписан нормативный правовой акт «Закон о цифровых рынках» (DMA: Digital Market Act) (да-

лее - DMA) [1], устанавливающий общие начала электронной коммерции. Данный закон направлен на содействие развитию торговых отношений, противодействию недобросовестному поведению, а также обеспечению прозрачности функционирования онлайн-платформ для субъектов предпринимательской деятельности. Целью DMA является создание конкурентоспособной и справедливой среды на цифровом рынке между коммерческими пользователями и конечными потребителями посредством внедрения превентивных норм.

В данном законе отсутствует дефиниция «цифровая платформа», однако вводится понятие «гейткипер», под которым понимается крупная онлайн-платформа, оказывающая платформенные услуги, к которым относятся поисковые системы, магазины приложений и сервисы обмена сообщениями. «Гейткиперы» выступают связующим звеном между продавцами товаров, исполнителями услуг и потребителями, осуществляя посредническую функцию. К «гейткиперам» относятся крупные онлайн-платформы, которые, во-первых, имеют значительное рыночное влияние, позволяющее устанавливать нечестные правила игры для других участников рынка, ограничивая конкуренцию и развитие инноваций. Во-вторых, крупные цифровые платформы функционируют с элементами сетевого эффекта, что оказывает влияние на смежные рынки. Их действия могут иметь каскадный эффект, затрагивающий многие аспекты экономики и общественной жизни граждан. DMA распространяется на компании, соответствующие указанным критериям в течение трех последних лет.

Данный закон устанавливает нормы, которые обязаны исполнять «гейткиперы», а именно вводится запрет на предоставление приоритетного положения собственным товарам и услугам по сравнению с конкурирующими предложениями третьих лиц; запрет на ограничение доступа к услугам других цифровых платформ и экосистем, а также устанавливаются механизмы для контроля за соблюдением «гейткиперами» установленных обязательств, которые, в свою очередь, направлены на снижение барьеров для входа на цифровые рынки для новых субъектов, создание справедливых условий конкуренции, поскольку компании будут соревноваться на основе качества своих продуктов и услуг, а не на основе рыночной власти. Немаловажным является предоставление пользователям контроля над персональными данными, представляемыми крупным онлайн-платформам.

Принятие DMA обеспечило переход от традиционного антимонопольного регулирования, которое применялось постфактум в случае выявления совершения правонарушения, что часто характеризовалось процессуальными задержками и ограниченной эффективностью, к системе превентивного регулирования «ex-ante» посредством установления императивных норм, регламентирующих деятельность крупных цифровых платформ. В отличие от регулирования, распространяющегося на отрасль в целом, действие DMA направлено на конкретные платформы как юридические лица. При этом, основанием для применения DMA служит соответствие платформы установленным критериям размера и характеристик, определяющим ее как «гейткипера» цифрового рынка.

Также DMA имплементирует инструменты защиты конкуренции, охватывающие широкий спектр регуляторных требований, от структурного разделения до поведенческих ограничений, включая обязательства по недопущению дискриминации, соблюдению стандартов совместимости и интероперабельности.

Так, в сложившейся правовой системе одновременно действуют две формы правового регулирования экономических отношений: антимонопольное законодательство, применяемое «ex-post», и отраслевое регулирование, осуществляемое «ex-ante». Правоприменение в сфере защиты конкуренции трансформируется в регуляторный процесс, когда превентивные меры правовой защиты, носящие характер нормативного предписания, налагают обязательства, требующие непрерывного контроля и выходящие за рамки простого предотвращения антиконкурентного поведения.

«Закон о цифровых услугах» (DSA: Digital Services Act) (далее – DSA) [2], принятый в 2022 году, внес существенный вклад в создание прозрачных условий взаимодействия между различными участниками, как самими платформами, так и их партнерами, потребителями. DSA распространяется на крупные онлайн-платформы, критерием их определения являются охват более 10% от общего количества потребителей Европейского союза. Для таких платформ установлены специальные требования. Малые и средние компании имеют преимущество относительно крупных, так как их обязательства пропорциональны масштабу их деятельности и возможностям. Более того, при значительном росте таких компаний преимущество будет заключаться в освобождении от ряда требований в течении переходного этапа, что будет стимулировать их развитие и расширять охват партнеров и потребителей.

Принцип DSA основан на эквивалентности правового регулирования онлайн и оффлайн деятельности, что предполагает запрет в цифровой среде действий, запрещенных для традиционных форм бизнеса.

DSA существенно усиливает механизмы противодействия распространению незаконной информации и обеспечения защиты основополагающих прав пользователей сети «Интернет» посредством введения следующих мер:

- установление механизмов противодействия обороту незаконной продукции;
- введение обязательства по верификации бизнес-аккаунтов и проведение выборочных проверок товаров (услуг) на предмет соответствия правовым нормам и отсутствия в официальных базах данных информации о незаконной деятельности;
- обеспечение прозрачности в части раскрытия информации о применяемых алгоритмах, используемых для формирования поисковой выдачи;
- введение мер предотвращения злоупотреблений со стороны крупных цифровых платформ посредством проведения независимого аудита систем.

С целью осуществления контроля и надзора за крупными цифровыми платформами создана Европейская комиссия, направленная на обеспечение эффективного правоприменения.

DMA и DSA являются законодательными актами, которые асимметричны по своей сути. На стадии разработки DMA был отделен от DSA из-за концептуальных различий в подходах. DMA предусматривает применение средств защиты конкуренции «ex-ante» в отношении плат-

форм, выступающих в роли «гейткиперов», в то время как DSA регулирует вопросы ответственности платформ, обеспечения гарантий защиты основных прав пользователей и предотвращения социальных рисков.

Наиболее высокого уровня развития электронная коммерция достигла в Китае. В 2019 году был принят Закон «Об электронной коммерции» (далее – Закон), устанавливающий ключевые понятия, регламентирующий правовой статус операторов платформ электронной коммерции, определяющий их права и обязанности, закрепляющий порядок разрешения споров в сфере электронной торговли, формирования и исполнения договоров, а также устанавливающий меры гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за нарушение его положений. Кроме того, Закон содержит рамочные нормы, предусматривающие возможность предоставления органами провинций и соответствующих департаментов преференций для стимулирования развития электронной коммерции в Китае. В данном Законе операторы электронной коммерции рассматриваются как полноценные участники экономической деятельности, однако статьей 2 из-под действия Закона исключаются финансовые продукты и услуги, а также аудиовизуальные программы, видеопрограммы и контентные сервисы.

Особое значение в контексте правового регулирования электронной коммерции приобретают налоговые обязательства операторов, установленные положениями Закона «Об электронной коммерции». В частности, на операторов возлагается императивная обязанность оформления налоговых накладных, что является необходимым условием соблюдения налогового законодательства и влечет наступление ответственности за неисполнение. Целью данной нормы является обеспечение налоговым органам доступа к сведениям о совершенных сделках и является необходимой для корректного исчисления налоговых обязательств. Так, Закон «Об электронной коммерции», формируя нормативную основу деятельности операторов платформ электронной коммерции, инкорпорирует требование выставления налоговых накладных, производное от налогового законодательства соответствующего государства. Закон также устанавливает ответственность оператора электронной коммерции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по предотвращению и пресечению нарушений продавцами прав интеллектуальной собственности, что является актуальной проблемой в рассматриваемой сфере. В соответствии со статьей 41 Закона «Об электронной коммерции», платформа обязана разработать правила, обеспечивающие защиту прав интеллектуальной собственности, и установить механизмы сотрудничества с правообладателями интеллектуальной собственности с целью реализации этой защиты. Кроме того, Закон вводит запрет на применение операторами платформ электронной коммерции необоснованных ограничений и санкций в отношении партнеров, а также «оператор платформы электронной коммерции должен регистрировать и хранить информацию о товарах, услугах и транзакциях, которая публикуется на платформе, и обеспечивать полноту, конфиденциальность и доступность такой информации» [3].

В 2021 году был опубликован документ «Руководство по классификации для интернет-платформ». Данный документ выделяет шесть видов цифровых платформ, классифицируя их по масштабу (сверхкрупные, крупные, средние и малые) и популярности среди пользователей. Такая классификация соответствует подходу, применяемому Европейским Союзом в соответствии с «Законом о цифровых рынках». Ключевым элементом предложенного регулирования является установление специальных обязанностей для платформ, отнесенных к категории «сверхкрупных».

Таблица 1. Сравнительная таблица критериев отнесения онлайн-сервисов к цифровой платформе в Китае и Европейском союзе

Критерий	Китай	ЕС
Порог рыночной стоимости крупных платформ	14 млрд. долларов	600 млрд. долларов
Количество пользователей	50 млн. пользователей	45 млн. пользователей

Исходя из таблицы 1 в рамках разработки классификации цифровых платформ не используются критерии, такие как количество зарегистрированных или активных продавцов на цифровой платформе, годовой оборот и количество совершенных сделок. Установленные пороговые значения для классификации хозяйствующих субъектов в качестве крупных и сверхкрупных являются заниженными, что потенциально может привести к возникновению избыточного регуляторного бремени для значительного числа платформ электронной коммерции.

«Антимонопольное руководство по платформенной экономике» и изменения антимонопольного законодательства Китая определило новую стратегию китайского правительства, направленную на усиление контроля за деятельностью платформ электронной коммерции как ключевых субъектов цифровой экономики страны. Контроль и надзор за добросовестной деятельностью платформ электронной коммерции, включая обеспечение качества и безопасности реализуемой продукции, соблюдение прав потребителей, возложены на государственные органы. Вместе с тем, законодательство Китая предусматривает механизм саморегулирования, выраженный в установлении обязанности самопроверки посредством формирования ассоциаций, наделенных полномочиями по разработке и контролю за соблюдением соответствующих стандартов качества и безопасности товаров. В результате достигается гармоничное сочетание государственного и негосударственного регулирования в сфере электронной коммерции.

Так, наблюдается смена правительственного курса Китая от поддержки конкурентоспособности и развития интернет-компаний к внедрению механизмов регулирования. Наблюдаемая трансформация обусловлена достижением интернет-компаний значительной доли рынка электронной коммерции и усилением их контроля над китайской экономикой. Введение новых регуляторных требований создает дополнительные обременения для малых платформ. Данные изменения неизбежно повлекут за собой увеличение издержек, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, что, как следствие, может привести к прекращению деятельности части индивидуальных предпринимателей и компаний и к увеличению стоимости реализуемых товаров и оказываемых услуг.

В 2021 году были предприняты меры по усилению защиты данных, посредством принятия «Закона о безопасности данных» [4] и «Закона о защите личной информации» [5]. В соответствии с данными законами данные разделяются на 3 группы в зависимости от их важности: обычные, ключевые и персональные данные. «Закон о защите личной информации», также принятый в 2021 году, усиливает конфиденциальность персональных данных. Законодательно закрепляется, что компания, владеющая мобильным приложением или сервисом не вправе отка-

зывать пользователей в использовании сервиса в случае отсутствия их согласия на предоставление персональных данных, за исключением, когда такие данные обязательно необходимы для функционирования соответствующего приложения или сервиса. Пользователи наделяются правом на получение полной и достоверной информации о целях, способах, месте, лицах, осуществляющих использование их персональных данных. Компании должны получать от пользователей информированное согласие на использование, хранение, обработку данных. При этом пользователи могут в любой момент отозвать свое согласие. Трансграничная передача данных подлежит строгому регулированию. В случае накопления значительных объемов данных о гражданах Китая, компания обязана пройти процедуру проверки кибербезопасности и получить одобрение уполномоченных органов Китая до осуществления передачи данных зарубежным партнерам.

С 2022 года действуют нормативные документы, изданные Государственной канцелярией по делам интернет-информации Китая совместно с Министерством общественной информации и Министерством промышленности и информатизации. В соответствии с указанными правилами информационные ресурсы, функционирующие на основе алгоритмических рекомендаций, подлежат специальному лицензированию; распространение посредством рекомендаций недостоверной информации, в том числе фейковых новостей, не допускается. Компании обязаны предоставлять пользователям сведения об основных принципах, назначении и порядке функционирования рекомендательных сервисов, а также обеспечивать возможность отказа от получения рекомендаций, сформированных с использованием алгоритмических технологий. Также запрещена ценовая дискриминация потребителей, основанная на анализе их поведения в сети с применением алгоритмических методов.

Введение новых регуляторных мер позволило Китаю решить практически все ключевые проблемы, связанные с развитием платформенной экономики. Органы государственной власти Китая демонстрируют последовательный курс создания комплексного регулирования и предполагается, что посредством применения регуляторных механизмов будет обеспечено повышение уровня социальной ответственности бизнеса, а также приведение деятельности хозяйствующих субъектов в соответствие с императивными требованиями обеспечения национальной безопасности.

В США разработан нормативный правовой акт, направленный на регулирование деятельности цифровых платформ в сфере торговли, в частности, «Закон о честности, информировании и справедливости онлайн-маркетплейсов в отношении потребителей» (Inform Consumers Act) [6] (далее – Закон о защите прав потребителей на онлайн-маркетплейсах), который устанавливает правовые нормы для функционирования отдельного вида цифровых платформ – онлайн-маркетплейсов. Под «онлайн-маркетплейсом» понимается физическое или юридическое лицо, осуществляющее управление цифровой платформой, которая содержит функциональные возможности, обеспечивающие участие продавцов и потребителей в процессах купли-продажи, оплаты, хранения и доставки потребительских товаров на территории США, и чья деятельность регулируется договорными отношениями с потребителями, определяющими порядок использования ими платформы для приобретения потребительских товаров.

«Закон о защите прав потребителей на онлайн-маркетплейсах» возлагает на онлайн-маркетплейсы обязанность по проведению верификации продавцов, использующих их цифровую инфраструктуру посредством предоставления документов, подтверждающих личность, лицензий, информации о банковских счетах и иных релевантных данных. Кроме того, на них возлагается обязанность по разработке и внедрению мер по противодействию обороту контрафактной продукции, а также по обеспечению потребителей достоверной информацией о реализуемых товарах и их продавцах, включая беспрепятственный доступ к подробным сведениям о товарах, существенных для принятия решения о покупке (персональные данные продавца, наименование юридического лица, адрес, контактные данные, страна происхождения товара).

В 2020 году вступил в силу Калифорнийский закон «О защите персональных данных потребителей» (CCPA: California Consumer Privacy Act) (далее – Закон о защите персональных данных, CCPA) [7]. CCPA устанавливает для компаний, осуществляющих обработку персональных данных, комплекс требований, включающих предоставление потребителям информации о категориях и целях сбора данных до момента получения, размещение информации о политике конфиденциальности, предоставление потребителям права доступа к информации, ее удалению, переносу, возможность отказа от распространения личной информации (за исключением случаев передачи данных исполнителю услуг), а также в целях обеспечения защиты прав несовершеннолетних лиц, компании обязаны разработать механизм, предусматривающий получение предварительного согласия на сбор и обработку их персональных данных. Неисполнение требований, установленных CCPA, влечет за собой ответственность в виде штрафа за каждое нарушение. Привлечение к ответственности за нарушение норм «Закона о защите персональных данных» создает действенный механизм обеспечения соблюдения законодательства, стимулирует компании к исполнению своих обязательств по защите персональных данных, а также способствует повышению прозрачности действий компаний и обеспечивает потребителям возможность принятия обоснованных решений по предоставлению своих данных.

Помимо вышеизложенного, в США разрабатываются и другие законодательные инициативы, в частности:

- Законопроект «Digital Platform Commission Act of 2023» [8] вводит понятие «цифровая платформа», предусматривает создание комиссии, определяет ее структуру и полномочия. Законопроектом определяются критерии, при одновременном выполнении которых цифровая платформа будет признана «значимой», среди которых: рыночная власть цифровой платформы, ее способность оказывать влияние на распространение новостного контента на национальном уровне, количество пользователей в сутки, а также степень зависимости бизнес-пользователей, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства, от цифровой платформы для доступа к рынку сбыта.

- Законопроект «Stopping Harmful Offers on Platforms by Screening Against Fares in E-commerce Act of 2023» [9] разработан для решения проблемы оборота контрафактных товаров, реализуемых посредством цифровых платформ, которые могут представлять угрозу для здоровья и безопасности потребителей.

- законодательная инициатива «American Choice Innovation Online Act» [10], целью которой является обеспечение добросовестной конкуренции на цифровом рынке путем недопущения приоритетного положения продуктов платформы по отношению к продуктам (услугам) других

компаний, а также недопущение вмешательства в процесс ценообразования.

Так, в США преобладают отраслевые нормативные-правовые акты и законопроекты, которые создают фрагментарное регулирование, применяемое в отдельных штатах. Отдельные аспекты регулирования отнесены к механизмам саморегулирования, что позволяет участникам рынка самостоятельно устанавливать правила, способствующие эффективному функционированию компании. Ассоциация интернет-рекламы разрабатывает стандарты для цифровой рекламы, цифровые платформы разрабатывают собственные регламенты, определяющие правила работы с пользователями, включая политику конфиденциальности, безопасности данных и взаимодействия с рекламодателями, инструменты для управления соглашениями пользователей на обработку персональных данных. Анализ текущей ситуации на цифровых рынках указывает на ограниченную эффективность антимонопольного регулирования США, что создает благоприятные условия для достижения доминирующего положения некоторыми цифровыми платформами и злоупотребления им. Данная тенденция, подтверждается рядом судебных исков, выдвинутых против крупных цифровых компаний за нарушение антимонопольного законодательства и принципов добросовестной конкуренции. Примером может послужить дело против Facebook (с 2022 года Meta Platforms, Inc. (деятельность запрещена в России как экстремистская), в котором Федеральная торговая комиссия и 48 штатов подали иск, утверждая, что компания осуществляет действия, направленные на незаконное сохранение монопольного положения в сфере социальных сетей. В частности, предпринимались шаги по подавлению конкурентов, устранению потенциальных угроз со стороны новых участников рынка и приобретение социальной сети Instagram (соцсеть запрещена в РФ как экстремистская) и приложения WhatsApp.

Таким образом, недавно принятые нормативные правовые акты и разрабатываемые законодательные инициативы в зарубежных юрисдикциях направлены на снижение рисков, которые можно классифицировать по 4 основным областям: защита прав потребителей, обеспечение защиты и надлежащей обработки персональных данных, поддержание добросовестной конкуренции, а также недопущение продажи контрафактной продукции. Основной целью регулирования является создание благоприятной среды для развития цифровой экономики и прозрачного взаимодействия всех участников цифрового рынка, что позволит повысить предсказуемость деловой среды и снизить риски, способствовать росту малого и среднего предпринимательства, а также национальной экономики в целом. На современном этапе развития цифровых экономик данные приобретают статус экономического инструмента, являющегося необходимым ресурсом для увеличения добавленной стоимости и извлечения более высокой прибыли, особенно в условиях сетевых эффектов, оказываемых цифровыми платформами. Возможность осуществления контроля над данными и их обработка приобретает стратегическое значение в рамках экономической деятельности. Проактивный подход к правовому регулированию предполагает установление превентивных норм, мониторинг их соблюдения, введение обязанности по проведению надлежащей проверки в целях обеспечения добросовестной конкуренции и защиты прав потребителей, а также прозрачного и предсказуемого механизма взаимодействия между участниками цифрового рынка. В случае выявления надзорными органами неисполнения или нарушения установленных обязанностей обеспечивается возможность оперативного принятия мер, направленных на восстановление нарушенных прав.

На основе проведенного анализа нормативных правовых актов и законодательных инициатив зарубежных стран можно выделить две тенденции: общеплатформенное регулирование с отдельными законодательными актами и принятие специализированных нормативных правовых актов, регулирующих конкретные функциональные направления деятельности цифровых платформ. Вторая тенденция находит свое отражение в практике таких государств, как Китай, Индия, Турция, страны ЕАЭС. Очевидно, что еще многие законодательные акты и функционирующие институты требуют существенной доработки в соответствии с особенностями цифровых рынков. Необходимо учитывать, что новое правовое регулирование цифровых платформ не должно ограничивать возможности их развития, поскольку они способствуют экономическому росту, а также позволяют непрофессиональным участникам рынка поставлять товары и услуги, что до недавнего времени было прерогативой исключительно профессионалов.

Список литературы:

1. The Digital Markets Act // URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/index_en (accessed: 05/02/2025).
2. The Digital Services Act // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (accessed: 05/02/2025).
3. Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Политика Китайской народной республики в сфере регулирования цифровых платформ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-sfere-regulirovaniya-tsifrovyyh-platform> (дата обращения: 23.10.2024).
4. Data Security Law of the People's Republic of China // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 02/11/2024).
5. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/index.html> (accessed: 04/11/2024).
6. Inform Consumers Act // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/936> (accessed: 29/10/2024).
7. Закон Калифорнии о защите персональных данных потребителей (CCPA). URL: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/compliance/regulatory/ccpa-faq> (дата обращения: 30.10.2024).
8. Digital Platform Commission Act of 2023. // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1671#:~:text=The%20bill%20provides%20the%20commission,verification%20and%20age%2Dappropriate%20design> (accessed: 29/10/2024).
9. Stopping Harmful Offers on Platforms by Screening Against Fares in E-commerce Act of 2023 // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2934/text> (accessed: 29/10/2024).
10. American Choice Innovation Online Act // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/2992/text> (accessed: 04/11/2024).

References:

1. The Digital Markets Act // URL: https://digital-markets-act.ec.europa.eu/index_en (accessed: 05/02/2025).
2. The Digital Services Act // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (accessed: 05/02/2025).
3. Sakharov A.G., Shelepov A.V. The policy of the People's Republic of China in the field of regulation of digital platforms // Bulletin of International organizations: education, science, new Economy. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-sfere-regulirovaniya-tsifrovyyh-platform> (accessed: 23/10/2024).
4. Data Security Law of the People's Republic of China // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 02/11/2024).
5. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China // URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/index.html> (accessed: 04/11/2024).
6. Inform Consumers Act // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/936> (accessed: 29/10/2024).
7. Закон Калифорнии о защите персональных данных потребителей (CCPA). URL: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/compliance/regulatory/ccpa-faq> (дата обращения: 30.10.2024).
8. Digital Platform Commission Act of 2023. // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1671#:~:text=The%20bill%20provides%20the%20commission,verification%20and%20age%2Dappropriate%20design> (accessed: 29/10/2024).
9. Stopping Harmful Offers on Platforms by Screening Against Fares in E-commerce Act of 2023 // URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2934/text> (accessed: 29/10/2024).
10. American Choice Innovation Online Act // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/2992/text> (accessed: 04/11/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_240

УДК 351/354

КВЕСТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СИМУЛЯЦИИ ЗАДЕРЖАНИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ QUEST AS A LEARNING TOOL: STRUCTURE, CONTENT, AND EFFECTIVENESS ASSESSMENT USING THE EXAMPLE OF A SIMULATED OFFENDER APPREHENSION

ВОЛКОВ Александр Николаевич,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры физической подготовки

Нижегородская академия МВД России.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: wolkow.70@mail.ru;

ВЕРШИНИНА Екатерина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административной деятельности ОВД

Нижегородская академия МВД России.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: Ver_es@mail.ru;

КУЗНЕЦОВ Сергей Вячеславович,

кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры физической подготовки

Нижегородская академия МВД России.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: wolf09111965@rambler.ru;

МАЙОРОВА Светлана Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД

Нижегородская академия МВД России.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: plavalaguna@inbox.ru;

НИКОЛАЕВ Владимир Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права

Нижегородская академия МВД России.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин института экономики управления и права
Волжский государственный университет водного транспорта.

603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5.

E-mail: nikolaev52@yandex.ru;

VOLKOV Alexander Nikolaevich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Head of Physical Training

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

E-mail: wolkow.70@mail.ru;

VERSHININA Ekaterina Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

E-mail: Ver_es@mail.ru;

KUZNETSOV Sergey Vyacheslavovich,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Physical Training

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

E-mail: wolf09111965@rambler.ru;

MAJOROVA Svetlana Anatolyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative Affairs of the Department of Internal Affairs

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

E-mail: plavalaguna@inbox.ru;

NIKOLAEV Vladimir Borisovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye Shosse, 3.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Volga State University of Water Transport.

603950, Russia, Nizhny Novgorod, Nesterov Str., 5.

E-mail: nikolaev52@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается проблематика использования квестов как инструмента обучения в подготовке сотрудников правоохранительных органов. Рассматривается квест, моделирующий ситуацию задержания правонарушителя, который позволяет курсантам отработать навыки принятия решений в условиях, приближенных к реальным. Описаны структура и содержание квеста, основанные на принципе ветвления сценариев, а также предложена система оценки действий участников по четырём критериям:

соблюдение процедур, безопасность, эффективность и профессионализм.

Abstract. The article explores the use of quests as a learning tool in the training of law enforcement personnel. It examines a quest that simulates a situation of apprehending an offender, allowing cadets to practice decision-making skills in conditions close to real-life scenarios. The structure and content of the quest, based on the principle of branching scenarios, are described. Additionally, a system for evaluating participants' actions according to four criteria is proposed: adherence to procedures, safety, efficiency, and professionalism.

Ключевые слова: квест, обучение, правоохранительные органы, задержание, оценка действий, интерактивные методы.

Key words: quest, training, law enforcement, apprehension, action evaluation, interactive methods.

Для цитирования: Волков А.Н., Вершинина Е.С., Кузнецов С.В., Майорова С.А., Николаев В.Б. Квест как инструмент обучения: структура, содержание и оценка эффективности на примере симуляции задержания правонарушителя // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 240-245. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_240.

For citation: Volkov A.N., Verшинina E.S., Kuznetsov S.V., Majorova S.A., Nikolaev V.B. Quest as a learning tool: structure, content, and effectiveness assessment using the example of a simulated offender apprehension // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 240-245. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_240.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В современной образовательной практике всё большее внимание уделяется интерактивным методам обучения, которые позволяют не только передавать знания, но и развивать навыки критического мышления, принятия решений и работы в условиях неопределённости. Одним из таких методов является квест – интерактивная модель, которая имитирует реальные ситуации и требует от участника активного взаимодействия с контентом. В данной статье рассматривается квест, разработанный для обучения курсантов полицейской академии навыкам задержания правонарушителей.

Актуальность исследования связана с растущим интересом к игрофикации и интерактивным методам обучения, которые позволяют эффективно развивать навыки критического мышления и принятия решений. В контексте подготовки сотрудников правоохранительных органов такие методы особенно важны, так как они помогают моделировать сложные, многовариантные ситуации, с которыми сталкиваются полицейские. Практическая значимость заключается в возможности использования квестов для повышения качества профессиональной подготовки, что в конечном итоге способствует улучшению работы правоохранительных органов и повышению уровня безопасности в обществе.

Цель статьи – раскрыть истоки и замысел квеста, объяснить его структуру и содержание, а также предложить систему оценки действий участников.

Квест (от англ. quest – «поиск») — это интерактивная история, в которой участник принимает решения, влияющие на развитие сюжета. Изначально квесты возникли как жанр компьютерных игр, где игроку необходимо решать головоломки, взаимодействовать с персонажами и исследовать виртуальный мир для достижения цели [1,2,3]. Однако со временем концепция квестов вышла за рамки игровой индустрии и стала использоваться в образовании, маркетинге и профессиональной подготовке [4].

Ключевой особенностью квеста является его нелинейность: участник сталкивается с множеством выборов, каждый из которых ведёт к различным исходам. Это делает квесты эффективным инструментом для моделирования сложных ситуаций, требующих анализа, планирования и принятия решений. В образовательном контексте квесты часто используются для развития навыков решения проблем, работы в команде и критического мышления [5,6].

Квест-игры – это разновидность квестов, которая сочетает элементы игры и обучения. Они могут быть как цифровыми (например, компьютерные игры), так и физическими (например, настольные игры или живые квесты). Квест-игры часто включают элементы ролевой игры, где участники принимают на себя определённые роли и взаимодействуют друг с другом для достижения общей цели [7].

Идея использования квестов в обучении берёт своё начало в теории игрофикации (gamification), которая предполагает применение игровых элементов в неигровых контекстах для повышения мотивации и вовлечённости обучающихся [8,9,10,11]. В профессиональном обучении квест-игры используются для моделирования реальных рабочих ситуаций. Например, в медицинском образовании квест-игры могут имитировать процесс диагностики и лечения пациентов, а в бизнес-обучении — процесс управления проектами или разрешения конфликтов. Такие игры позволяют участникам не только усвоить теоретические знания, но и отработать практические навыки в безопасной, но реалистичной обстановке.

Одним из наиболее ярких примеров использования квестов в профессиональном обучении является подготовка сотрудников правоохранительных органов.

Так, квесты могут применяться для закрепления полученных базовых, а также для успешной отработки и практического закрепления умений и навыков обучающихся образовательных организаций МВД России. Они помогают разобраться в основаниях применения мер государственного принуждения, применяемых сотрудниками полиции в каждом конкретном случае, а в частности смоделировать порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в соответствии с требованиями федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 года [12].

Наиболее часто общение и взаимодействие с правонарушителями остается за наружными службами полиции, осуществляющими охрану общественного порядка, такими как ППСП, УУП/ПДН, ДПС. Навыки коммуникации и уверенное знание своих обязанностей, а также знания прав граждан, которые подлежат ограничению – обязательный инструмент грамотного сотрудника. Уметь грамотно сослаться за пункт, часть статьи Федерального Закона «О полиции» — тоже заложено в систему оценивания в квесте.

Квесты позволяют моделировать ситуации, с которыми полицейские сталкиваются в своей работе, такие как задержание правонару-

шителей, расследование преступлений или работа с гражданскими лицами. Например, в квесте, описанном в данной статье, обучающиеся образовательных организаций МВД России отрабатывают навыки задержания подозреваемого, принимая решения, которые влияют на развитие событий.

Квесты в этой сфере особенно ценны, так как они позволяют курсантам отработать навыки в безопасной, но реалистичной обстановке. Это снижает риск ошибок в реальных ситуациях и повышает уровень профессионализма сотрудников [8].

Квест построен на принципе ветвления сценариев, где каждый выбор участника влияет на развитие событий. Такой подход соответствует концепции «обучения через действие» (learning by doing), которая подчёркивает важность практического опыта в усвоении знаний [13]. Кроме того, квест включает элементы ролевой игры, что способствует развитию эмпатии и понимания мотивов действий других людей [9].

Квест начинается с описания ситуации: обучающийся, проходящий практику в патрульной постовой службе территориального органа внутренних дел, вместе с напарником получает вызов о подозрительной активности в парке (см. рисунок 1).

Ты — курсант полицейской академии, проходящий стажировку в патрульной службе. Вместе с напарником, опытным лейтенантом П., вы получаете вызов о подозрительной активности в парке. По описанию, мужчина в чёрной куртке ведёт себя агрессивно и, возможно, находится в состоянии алкогольного опьянения. Вы прибываете на место и видите мужчину, который пытается открыть дверь припаркованной машины.

Рисунок 1. Описание ситуации

Участнику предлагается выбрать один из нескольких вариантов действий, каждый из которых ведёт к различным исходам (см. рисунок 2).

Выбор 1:

- 1. Подойти к мужчине спокойно, представиться и спросить, что он делает. Перейти к разделу А.**
- 2. Немедленно потребовать, чтобы мужчина показал руки и отступил от машины. Перейти к разделу В.**
- 3. Попытаться незаметно подойти сзади, чтобы заблокировать возможное бегство. Перейти к разделу С.**

Рисунок 2. Начало квеста

Каждый выбор имеет свои последствия, что делает квест нелинейным и многовариантным. Структура квеста построена по принципу «дерева решений», где каждая ветка представляет собой отдельный сценарий развития событий. Например, если курсант решает подойти к подозреваемому спокойно, он может столкнуться с ситуацией, когда тот оказывается невиновным, но потерял ключи от машины. Если же курсант действует агрессивно, это может спровоцировать конфликт или попытку побега. Таким образом, квест не только обучает правильным действиям, но и демонстрирует последствия ошибок (см. рисунок 3).

Раздел А:

Ты спокойно подходишь к мужчине, представляешься и спрашиваешь, что он делает. Мужчина оборачивается, и ты замечаешь, что он выглядит растерянным. Он говорит, что это его машина, но он потерял ключи.

Твои действия:

- 1. Попросить его показать документы на машину. Перейти к разделу D.**
- 2. Предложить ему подождать, пока вы проверите его историю через базу данных. Перейти к разделу Е.**
- 3. Решить, что он говорит правду, и предложить помочь найти ключи. Перейти к разделу F.**

Рисунок 3. Ветки квеста

В конечном итоге квест заканчивается некоторым исходом. Для оценки действий курсанта используются четыре критерия: соблюдение процедур, безопасность, эффективность и профессионализм. Каждый критерий оценивается по шкале от 1 до 5 баллов, где 1 — минимальный уровень, а 5 — максимальный.

1. Соблюдение процедур

Оценивается, насколько действия обучающего соответствуют требованиям федерального закона «О полиции» [12].

Оценивается порядок действий сотрудника полиции при общении с гражданами, который предусмотрен статьей 5 федерального закона «О полиции» [12] (см. рисунок 4).

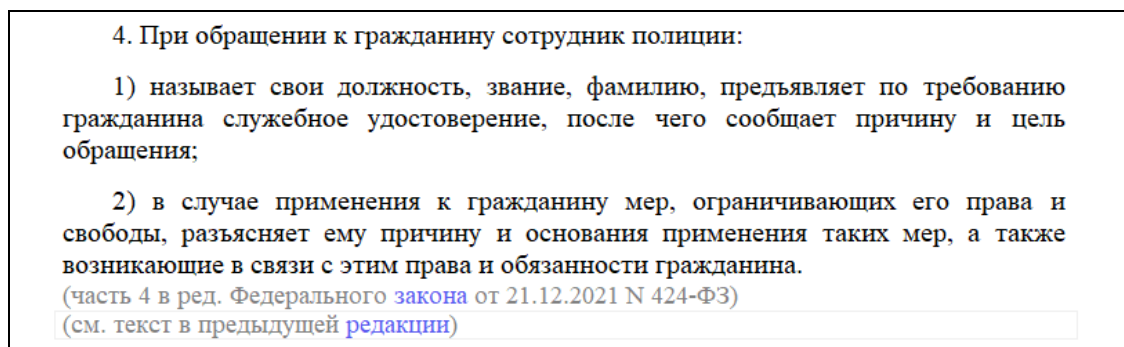

Рисунок 4. Часть 4 статьи 5 ФЗ «О полиции»

Кроме того, анализируются знания обучающегося относительно оснований, запретов, ограничений, условий и порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в соответствии с главой 5 федерального закона «О полиции» [12].

Если обучающийся принял решение о задержании гражданина, педагогических работник производит оценку действий курсанта на соответствие требованиям статьи 14 федерального закона «О полиции», раскрывающий процедуру задержания, сроки и возникающие при этом права гражданина [12].

В итоге складывается оценка действий обучающегося на соответствие требованиям нормативных правовых актов:

1 балл: Грубое нарушение процедур. Например:

применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия без оснований, предусмотренных статьями 20, 21, 23 федерального закона «О полиции» [12];

производство задержания без оснований, предусмотренных статьей 14 федерального закона «О полиции» [12];

игнорирование прав правонарушителя, предусмотренных статьей 14 федерального закона «О полиции» [12].

2 балла: Серьезные нарушения процедур, такие как:

отсутствие проверки документов, или, наоборот, требование предъявить документы без оснований, предусмотренных п. 2 ч. 1 статьи 13 федерального закона «О полиции» [12];

не разъяснение причин и оснований применения мер ограничения, а также возникающих в связи с этим прав и обязанностей гражданина, то есть нарушение ч. 4 статьи 5 федерального закона «О полиции» [12].

несвоевременный вызов подкрепления или неправильное оформление процессуальных документов.

3 балла: Незначительные нарушения, например, задержка в оформлении документов или недостаточно тщательный досмотр.

4 балла: Действия в основном соответствуют процедурам, но есть небольшие недочёты, например, недостаточно чёткое следование инструкциям.

5 баллов: Полное соблюдение всех процедур и протоколов. Ты действовал строго по инструкции, без нарушений.

2. Безопасность

Насколько обучающийся обеспечил безопасность себя, напарника, подозреваемого и окружающих.

1 балл: Полное пренебрежение безопасностью. Например, курсант подверг себя и других серьёзной опасности, не оценив риски.

2 балла: Серьёзные ошибки в обеспечении безопасности, такие как отсутствие контроля над подозреваемым или неправильное использование средств защиты.

3 балла: Незначительные ошибки, например, недостаточно быстрая реакция на угрозу или неполный контроль над ситуацией.

4 балла: Безопасность в основном обеспечена, но есть небольшие недочёты, например, недостаточно чёткая координация с напарником.

5 баллов: Полное обеспечение безопасности. Курсант действовал так, чтобы минимизировать риски для всех участников ситуации.

3. Эффективность

Насколько быстро и грамотно обучающийся решил ситуацию.

1 балл: Ситуация была решена крайне неэффективно. Например, подозреваемый сбежал, или курсант потратил слишком много вре-

мени на действия, которые не привели к результату.

2 балла: Серьёзные ошибки в эффективности, такие как задержка в принятии решений или неправильная оценка ситуации.

3 балла: Незначительные ошибки, например, небольшая задержка в действиях или недостаточно быстрая реакция.

4 балла: Ситуация решена эффективно, но есть небольшие недочёты, например, неоптимальное использование ресурсов.

5 баллов: Ситуация решена максимально быстро и грамотно. Обучающийся действовал чётко и без промедлений.

4. Профессионализм

Насколько обучающийся действовал хладнокровно, уверенно и грамотно.

1 балл: Полное отсутствие профессионализма. Например, курсант действовал панически, грубо или непредсказуемо.

2 балла: Серьёзные ошибки в профессионализме, такие как неуверенность в действиях, излишняя агрессия или неспособность контролировать эмоции.

3 балла: Незначительные ошибки, например, небольшая нервозность или недостаточно чёткие команды.

4 балла: Курсант действовал уверенно и грамотно, но были небольшие недочёты, например, недостаточно чёткая коммуникация с напарником.

5 баллов: Полный профессионализм. Обучающийся действовал хладнокровно, уверенно и грамотно, демонстрируя высокий уровень подготовки.

Рассмотрим ветку, которая завершается оценкой «Отлично». Курсант спокойно подходит к гражданину, представляется, предъявляет по требованию гражданина служебное удостоверение, сообщает причину и цель обращения (спрашивает, что делает гражданин). Гражданин объясняет, что потерял ключи от машины. Курсант просит показать документы, ссылаясь на п. 2 ч. 1 статьи 13 федерального закона «О полиции» [12] ввиду основания подозревать гражданина в совершении угона автомобиля, но подозреваемый не может их найти. Тогда курсант предлагает подождать, пока напарник проверит номер машины через базу данных. Оказывается, машина числится угнанной. Курсант предъявляет требование проследовать в отдел полиции. В случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъясняет причину и основания их применения, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, и, применив средства ограничения подвижности, доставляет гражданина в ближайший территориальный орган внутренних дел.

В этой ветке соблюдены все процедуры, обеспечена безопасность, ситуация решена эффективно, а действия курсанта демонстрируют высокий профессионализм (см. рисунок 5).

Задержание по всем правилам

Ты действовал строго в строгом соответствии с нормативными правовыми актами: применил средства ограничения подвижности, провёл досмотр, доставил подозреваемого в территориальный ОВД и составил все необходимые документы.

- **Соблюдение процедур:** 5/5
- **Безопасность:** 5/5
- **Эффективность:** 4/5
- **Профессионализм:** 5/5

Итог: Отличная работа! Ты показал себя как грамотный и ответственный сотрудник.

Рисунок 5. Исход квеста на оценку «Отлично»

Рассмотрим ветку, которая завершается оценкой «Неудовлетворительно». В этой ветке курсант решает помочь подозреваемому найти ключи, не проверив его историю. Внезапно напарник замечает, что номер машины не совпадает с описанием в базе данных. Подозреваемый пытается сбежать, и курсант не успевает его задержать. В этой ветке нарушены процедуры, безопасность не обеспечена, ситуация решена неэффективно, а действия курсанта демонстрируют недостаток профессионализма (см. рисунок 6).

Проверка машины на улики

Ты решил осмотреть машину, но не сразу надел наручники на подозреваемого. Он воспользовался моментом и попытался сбежать.

- **Соблюдение процедур:** 2/5
- **Безопасность:** 3/5
- **Эффективность:** 2/5
- **Профессионализм:** 3/5

Итог: Ты упустил важный момент — обеспечение безопасности. Нужно быть внимательнее!

Рисунок 6. Исход квеста на оценку «Неудовлетворительно»

Разработанный нами квест по каждой ветке включает в себя 5 эпизодов, в которых нужно принять то или иное решение. Квест имеет 9 вариантов завершения: 2 исхода на оценку «Отлично», 3 исхода на оценку «Хорошо», 2 исхода на оценку «Удовлетворительно» и 2 исхода на оценку «Неудовлетворительно».

Квест, рассмотренный в данной статье, представляет собой эффективный инструмент обучения, который позволяет курсантам образовательных организаций МВД России отработать навыки задержания правонарушителей в безопасной, но реалистичной обстановке. Его структура, основанная на принципе ветвления сценариев, обеспечивает многовариантность и нелинейность, что делает процесс обучения практико-ориентированным. Система оценки действий, включающая четыре ключевых критерия, позволяет не только определить уровень подготовки курсанта, но и указать на конкретные области для улучшения.

Таким образом квесты и квест-игры представляют собой эффективный инструмент профессионального обучения, который позволяет участникам отработать навыки в безопасной, но реалистичной обстановке. Квесты могут стать важным элементом образовательных программ, направленных на подготовку сотрудников правоохранительных органов. Их использование способствует не только усвоению теоретических знаний, но и развитию практических навыков, необходимых для успешной работы в реальных условиях.

Список литературы:

1. Ален К. и Циммерман Э. Правила игры: основы игрового дизайна. - Кембридж: MIT Press, 2004. - 672 с.
2. Квест как популярная форма работы с молодежью: рек. указ. / Дальневост. гос. науч. б-ка, информ.-библиогр. отд.; [сост. Л. М. Тимкова; редкол.: Т. Ю. Якуба и др.]. - Хабаровск: [ДВГНБ], 2018. - 43 с. - (Библиографический бюллетень; вып. 19).
3. Бахтызина, А. П., Зинченко, С. В., Бижанова, Е. Михайловна Анализ опыта организации квестов в мире и России // Вестник ПензГУ. 2020. №4 (32).
4. Семенов, А. Е. Применение квест-технологий в образовательной деятельности / А. Е. Семенов, А. В. Михайлова // Инноватика-2020: Сборник материалов XVI Международной школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 23–25 апреля 2020 года / Под редакцией А.Н. Солдатова, С.Л. Минькова. - Томск: Общество с ограниченной ответственностью "СТТ", 2020. - С. 305-311.
5. Джи, Джей Пи. Чему могут научить нас видеоигры в плане обучения и грамотности. - Нью-Йорк, 2003. - 256 с.
6. Алексеева, Т. В., Губина, Л. В. Квест как метод когнитивного обучения / Т. В. Алексеева, Л. В. Губина // Педагогическое образование в России. 2022. № 2. - С. 44–52.
7. Макгонигал, Дж. Реальность разрушена: Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир. - Нью-Йорк: Пингвин, 2011. - 400 с. 8.
8. Детердинг С., Диксон Д., Халед Р., Наке Л. От элементов геймдизайна к игровости: определение геймификации // Материалы 15-й Международной академической конференции MindTrek. - 2011. - С. 9-15. 9.
9. Ваутерс П., ван Нимвеген К., ван Остендорп Х., ван дер Спек Э. Д. Метаанализ когнитивных и мотивационных эффектов серьезных игр // Журнал педагогической психологии. - 2013. - Том 105, № 2. - С. 249-265.
10. Зикерман, Г., Линдер, Дж. Игрофикация в бизнесе: Как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. - 272 с.
11. Хабилов, Р. А. Игрофикация в образовании: теория и практика // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 6.
12. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Консультант Плюс».
13. Колб, Д. А. Эмпирическое обучение: опыт как источник обучения и развития. - Прентис-Холл, 1984. - 256 с.

References:

1. Alain K. and Zimmerman E. Rules of the game: fundamentals of game design. Cambridge: MIT Press, 2004. 672 p.
2. Quest as a popular form of youth work: rec. the decree. / Far Eastern State Scientific University, inform.-bibliographic department; [comp. L. M. Timkova; ed. by T. Y. Yakuba et al.]. - Khabarovsk: [DVGNB], 2018. 43 p. (Bibliographic Bulletin; issue 19).
3. Bakhtyzina, A. P., Zinchenko, S. V., Bizhanova, E. Mikhailovna Analysis of the experience of organizing quests in the world and Russia // Bulletin of Penza State University, 2020, No. 4 (32).
4. Semenyuk, A. E. The use of quest technologies in educational activities / A. E. Semenyuk, A.V. Mikhailova // Innovatika 2020: Proceedings of the XVI International School-Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, Tomsk, April 23-25, 2020 / Edited by A.N. Soldatov, S.L. Minkov. Tomsk: Limited Liability Company "STT", 2020. pp. 305-311.
5. Ji, JP. What video games can teach us in terms of learning and literacy. - New York, 2003. 256 p.
6. Alekseeva, T. V., Gubina, L. V. Quest as a method of cognitive learning / T. V. Alekseeva, L. V. Gubina // Teacher education in Russia. 2022. No. 2. pp. 44-52.
7. McGonigal, J. Reality is destroyed: Why games make us better and how they can change the world. New York: Penguin, 2011. 400 p. 8.
8. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Naake L. From game design elements to playfulness: the definition of gamification // Proceedings of the 15th International Academic Conference MindTrek. - 2011. - pp. 9-15. 9.
9. Wouters P., van Nimwegen K., van Ostendorp H., van der Spek E. D. Meta-analysis of cognitive and motivational effects of serious games // Journal of Educational Psychology. - 2013. - Volume 105, No. 2. - pp. 249-265.
10. Zikerman, G., Linder, J. Gamification in business: How to break through the noise and capture the attention of employees and customers. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. - 272 p.
11. Khabirov, R. A. Gamification in education: theory and practice // Modern problems of science and education. 2015. No.
12. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On the Police" // SPS Consultant Plus.
13. Kolb, D. A. Empirical learning: experience as a source of learning and development. - Prentice-Hall, 1984. 256 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_246

УДК 342.2

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СОВЕТОВ СУБЪЕКТОВ РФ PROBLEMATIC ISSUES IN THE LEGAL STATUS OF CONSTITUTIONAL (CHARTER) COUNCILS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

САВОСЬКИН Александр Владимирович,

заведующий кафедрой конституционного и международного права
Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург;
старший научный сотрудник кафедры конституционного и административного права,
Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск доктор юридических наук, доцент,
454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76.
ORCID:0000-0002-7112-6845,
E-mail: savoskinav@yandex.ru;

КУРЯТНИКОВ Виталий Владимирович,

доцент кафедры конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск.
454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76.
ORCID:0000-0002-1092-3111,
E-mail: kuryatnikov74@gmail.com;

SAVOSKIN Aleksandr Vladimirovich,

Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg;
Senior Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law,
South Ural State University, Chelyabinsk, Doctor of Law, Associate Professor.
454080, Russia, Chelyabinsk, ave. 76 Lenin Street.
ORCID: 0000-0002-7112-6845,
E-mail: savoskinav@yandex.ru;

KURYATNIKOV Vitaly Vladimirovich,

Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk,
454080, Russia, Chelyabinsk, ave. 76 Lenin Street.
ORCID:0000-0002-1092-3111,
E-mail: kuryatnikov74@gmail.com

Краткая аннотация. Конституционные (уставные) советы – это новое для отечественной науки и практики явление. Законодатель не определил их правовой статус. Созданные к настоящему моменту в четырех республиках конституционные советы существенно различаются между собой. В настоящей статье исследуются вопросы понятия конституционных (уставных) советов субъектов РФ, их независимости и их полномочий. Отдельно исследуются такие полномочия как: официальное толкование конституции (устава) субъекта РФ, нормоконтроль, право законодательной инициативы, обращение в Конституционный Суд РФ, участие в парламентском контроле.

Abstract. Constitutional (charter) councils are a new phenomenon for domestic science and practice. The legislator has not defined their legal status. The constitutional councils created to date in four republics differ significantly from each other. This article examines the issues of the concept of constitutional (charter) councils of the subjects of the Russian Federation, their independence and their powers. Separately, the following powers are examined: official interpretation of the constitution (charter) of the subject of the Russian Federation, normative control, the right of legislative initiative, appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation, participation in parliamentary control.

Ключевые слова: конституционный совет, уставный совет, конституционный контроль, нормоконтроль, право законодательной инициативы, толкование конституции, правовая охрана.

Keywords: constitutional council, charter council, constitutional control, normative control, the right of legislative initiative, interpretation of the constitution, legal protection.

Для цитирования: Савоськин А.В., Курятников В.В. Проблемные вопросы в правовом статусе конституционных (уставных) советов субъектов РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 246-249. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_246.

For citation: Savoskin A.V., Kuryatnikov V.V. Problematic issues in the legal status of constitutional (charter) councils of the subjects of The Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 246-249. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_246.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Прошло уже несколько лет с того момента, когда субъектам РФ было предложено создавать свои конституционные (уставные) советы субъектов РФ. Однако практика учреждения таких советов минимальна – всего четыре органа в республиках Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия).

Увы, но федеральный законодатель не обязал субъекты РФ создавать специализированные органы охраны Основных законов, а потому таковая обязанность лишь обосновывается в юридической доктрине, обусловленная объективной необходимостью в правовой охране Основного закона и отсутствием в субъектах РФ специализированных органов, предназначенных для этого¹.

Прошедшие годы показали, что перед субъектами, принявшими решение создавать свои советы для правовой охраны конституций (уставов) субъектов РФ, существуют как объективные, так и субъективные препятствия. В рамках настоящей публикации мы не будем останавли-

¹ Кожевников О.А., Карасев А.Т. Трансформация российского конституционного правосудия на современном этапе: некоторые размышления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 2. С. 70.

ваться на причинах повлекших упразднение предшественников советов – конституционных (уставных) судов (хотя эти причины в определённой мере тоже мешают созданию советов¹), а остановимся на проблемных вопросах в статусе непосредственно конституционных (уставных) советов.

Соответственно первая проблема заключается в том, что ни в законодательстве, ни в юридической теории не предложено устоявшегося понятия конституционного (уставного) совета субъекта РФ. Так происходит во многом в силу того, что характеристики советов могут существенно отличаться в различных субъектах РФ. Более того, вариативность в создании конституционных (уставных) советов следует только приветствовать. Однако, если в качестве цели совета субъекта РФ рассматривать обеспечение им верховенства и прямого действия Основного закона субъекта РФ, то соответствующее понятие условно «идеального» конституционного (уставного) совета субъекта РФ будет выглядеть следующим образом – это самостоятельный и независимый коллегиальный орган государственной власти субъекта РФ, не входящий в законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, обладающий полномочиями по проверке нормативных правовых актов субъектов РФ и нормативных правовых актов муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ, а также полномочием по официальному толкованию Основного закона субъекта РФ.

На практике же созданные советы не подпадают под сформулированное понятие, так как прежде всего не являются органами государственной власти, не имеют надлежащих полномочий, а иногда и иных характеристик из приведенного выше «идеального» определения.

Вторая проблема (вытекающая из первой), заключается в неопределённости содержания правового статуса конституционных (уставных) советов субъектов РФ и прежде всего неопределённость в вопросе об их независимости.

Начнем с того, что законодатель определил всего лишь один (и то условный) ориентир в создании конституционных (уставных) советов – они «создаются при» региональных парламентах. Позволяет ли подобная формулировка создавать конституционные (уставные) советы как самостоятельные (отдельные) органы и как она влияет на их независимость? Отвечая на эти вопросы нужно признать, что не все субъекты РФ пошли по пути обособления советов (например, Республика Адыгея создала фактически общественный совет при парламенте), однако сама по себе законодательная конструкция не исключает независимости и самостоятельности конституционных (уставных) советов субъектов РФ.

Во-первых, таковыми созданы конституционные советы в республиках Татарстан и Саха (Якутия). Во-вторых, отечественное государственное строительство знает примеры создания автономных и независимых структур, существующих при иных органах власти, например, Уполномоченный по правам ребенка «при Президенте РФ», или Контрольно-счетная палата Санкт-Петербурга (изначально учреждённая вообще, как «структурное подразделение Законодательного Собрания Санкт-Петербурга»). В-третьих, федеральная законодательная формулировка не конкретизирована, а потому оставляет широкую свободу усмотрения законодателю субъекта РФ. В-четвертых, наиболее авторитетные исследователи органов правовой охраны отмечают, что использование законодателем конструкции «создаётся при» не противоречит характеристике независимости и самостоятельности такого органа².

Однако нельзя не признать, что формулировка о создании советов при парламентах является не вполне удачной и может породить негативную тенденцию создавать советы в форме фактически общественных, совещательных, и несамостоятельных структур, а потому во избежание разночтения было бы хорошо исключить ее из текста закона.

До внесения предлагаемых изменений, независимость конституционных (уставных) советов должна обеспечиваться комплексом мер и решений: демократичной процедурой назначения советников, исключающей доминирование одной ветви власти; длительным сроком полномочий советников и надлежащим их правовым и социальным статусом, юридической самостоятельностью советов (в отличие от того как это реализовано в Республике Адыгея, когда Конституционный совет не является юридическим лицом и фактически ничем не отличается от любого иного общественного совета при любом ином органе власти); наличием эффективных полномочий, включающих право советов признавать нормативные акты недействующими или лишать их юридической силы в случае их противоречия конституции (уставу) субъекта РФ.

Третья проблемная зона – это полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ. Набор соответствующих полномочий является дискуссионным и во многом будет зависеть от выбранной в субъекте РФ модели. Однако, по нашему мнению, он в любом случае должен включать в себя исключительное право толкования Основного закона субъекта РФ (хотя бы в силу того факта, что Основной закон нуждается в толковании, а все остальные органы наименее подходят для этой роли).

Однако нельзя не констатировать, что законодатели субъектов РФ отказали своим советам в праве официального (обязательного) толкования конституций, то есть они могут их толковать, но результаты такого толкования являются необязательными для иных органов и граждан³.

Следует только «похвалить» Конституционный совет Республики Саха (Якутия) который в своем регламенте и в своих постановлениях (например, п. 4 резолютивной части Заключения Совета от 26 декабря 2024 года по делу «О толковании отдельных положений Конституции Республики») пишет об обязательности результатов разъяснения им Конституции Якутии. Однако подобная позиция Конституционного Совета Республики Якутия хоть и является прогрессивной, и приветствуется нами, все же противоречит законодательству Республики. Возможно, имен-

¹ Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9, Тараборин Р.С., Хвастунов К.В. Проблемы разграничения компетенции судов общей юрисдикции и органов региональной конституционной (уставной) юстиции // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1 (109), Брежнев О.В. О некоторых аспектах взаимодействия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и судов общей юрисдикции // Российская юстиция. 2020. № 4 и др.

² Брежнев О.В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32–36, Саликов М.С. Региональный конституционный контроль в России: возможен ли ренессанс? // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 4–11, Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74 и др.

³ Примечательно, что в первоначальной редакции законопроекта о Конституционном Совете Якутии, внесенном Главой Республики, такое право Совета предусматривалось, но в итоговом варианте закона было исключено.

но подобная опережающая практика советов станет хорошей почвой для последующего внесения изменений в законодательство, но возможна и обратная ситуация, когда подобный подход спровоцирует конфликт между советом и иными органами субъекта РФ.

Однако и с наделением советов полномочием по официальному толкованию конституций (уставов) субъектов РФ нужно быть аккуратным. Не стоит соответствующее полномочие предоставлять, например, Конституционному совету Республики Адыгея, поскольку его статус в качестве фактически общественного совета при парламенте Адыгеи недостаточен для столь серьезного полномочия и повлечет фактическую передачу полномочия по толкованию парламенту, при котором создан Совет.

Еще одно вполне ожидаемое и закономерное полномочие конституционных (уставных) советов – это полномочие по проверке нормативных актов (нормоконтроль). Однако по-прежнему неясно на соответствие каким актам и (или) нормам конституций (уставов) должна вестись проверка.

Если обратиться к самому лаконичному тексту закона «О Конституционном Совете Республики Адыгея», то исходя из буквального толкования его ч. 2 ст. 1 проверка может вестись и на соответствие Конституция РФ, и федеральному законодательству и непосредственно Конституция Адыгеи. Наиболее логичной и верной была бы проверка поправок на соответствие Основам конституционного строя Республики Адыгея. В то же время информационные анонсы Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея (например, от 14 февраля 2024 года) говорят о проверке Советом конституционных поправок на соответствие федеральному закону.

Если же обратиться к полномочиям и практике работы, например, Конституционного совета в Якутии, то этот Совет в обязательном порядке проверяет все конституционные поправки, а также иные законы, если предметом регулирования выступают основы конституционного строя Республики или национально государственный статус и административно-территориальное деление Республики. На соответствие каким именно положениям Конституции Республики Якутия осуществляется проверка закон умалчивает. Практика проверки таких законопроектов показала, что Конституционный совет Республики Якутия осуществляет проверку конституционных законов как на соответствие всей Конституции Республики, а не главе 1 «Основы конституционного строя» (например, Заключение № 8-3 от 18 мая 2023 года¹), так и не посредственно основам конституционного строя (например, Заключение № 5-3 от 10 ноября 2022 года²). Таким образом, Конституционный Совет Республики Якутия, исходя из предмета проверки и обстоятельств дела, самостоятельно определяет на соответствие каким положениям Конституции ведется проверка, в том числе проверяет проекты конституционных норм на соответствие основам конституционного строя.

Еще одно очень интересное возможное полномочие конституционных (уставных) советов субъектов РФ – это полномочие обращаться в Конституционный Суд РФ. На сегодняшний день такая возможность федеральным законодателем не предусмотрена, хотя Конституционный Суд России, конечно, может выступить серьезным поборником и защитником конституционных (уставных) советов субъектов РФ. В то же время строго юридически он не может обеспечить непосредственную правовую охрану Основного закона субъекта РФ, так как не может проверить акт на соответствие конституции (уставу) субъекта РФ.

При этом нельзя не упомянуть Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 на конституционные поправки 2020 года, в котором сформулирована правовая позиция, приведшая к упразднению региональной конституционной юстиции. Думается, что не стоит в ближайшие годы ожидать появления у советов права обращаться в Конституционный Суд РФ, однако и исключать его появления в будущем нельзя.

Также нельзя исключать и возможность конституционных (уставных) советов участвовать в контрольной деятельности парламента. Более того на это в известной мере ориентирует упомянутая выше формулировка об их создании при парламентах субъектов РФ. Однако, думается, что такое полномочие будет идти в разрез с их назначением (правовой охраной Основного закона субъекта РФ), может повлечь их политизацию, а потому не желательно в числе возможных альтернатив развития правового статуса советов.

Еще одно предполагаемое полномочие конституционных (уставных) советов – право законодательной инициативы. Позволим себе сослаться на мнение Светланы Эдуардовны Несмеяновой, отметившей, что, например, «Конституционный Суд РФ на сегодняшний день способен адекватно разработать отдельные законопроекты, потому что настолько часто он вынужден обращаться к анализу определенных законов, подзаконных актов, что как никто иной разбирается в необходимом содержании того или иного нормативного акта»³. Сказанное в полной мере может быть применимо и к конституционным (уставным) советам. При этом совет внося инициативу, действует не в личных интересах, а в публичном интересе, а парламент не связан содержанием инициативы и может изменить предлагаемый проект закона.

Так же отметим, что предоставление права законодательной инициативы советам особенно важно в свете отсутствия у них права дисквалифицировать акты, противоречащие Основному закону субъекта РФ. Использование права законодательной инициативы может повлиять на устранение уже выявленного в законе субъекта РФ противоречия, то есть уже после принятия им решения по существу.

Не останавливаясь подробно на вопросах нормоконтроля и иных возможных полномочиях совета⁴, в завершении хотелось бы отметить, что установление компетенции конституционных (уставных) советов субъектов РФ должно происходить за счет корректировки компетенции иных органов государственной власти. Однако, это возможно реализовать если создавать советы в порядке ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Однако, практика показывает, что субъекты РФ избрали другой путь и наделяют свои советы преимущественно альтернативными и совещательными полномочиями, не позволяющими эффективно

¹ <https://konsovet.sakha.gov.ru/deyatelnost/resheniya-konstitutsionnogo-soveta-rsja>

² Там же.

³ Несмеянова С.Э. О возможном влиянии Конституционного Суда Российской Федерации на законодателя // Журнале конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 8.

⁴ Более подробно см. Савоскин А.В., Курятников В.В., Мещерягина В.А. Перспективы нормоконтроля в субъектах РФ после поправок 2020 г. к Конституции РФ // Вестник Тюменского государственного университета. 2022. № 4 (32). С. 113-130.

обеспечивать верховенство и прямое действие Основных законов.

Список литературы:

1. Брежнев О.В. О некоторых аспектах взаимодействия конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и судов общей юрисдикции // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 43-45.
2. Брежнев О.В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32-36.
3. Кожевников О.А., Карасев А.Т. Трансформация российского конституционного правосудия на современном этапе: некоторые размышления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 2. С. 67-73.
4. Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65-74.
5. Несмеянова С.Э. О возможном влиянии Конституционного Суда Российской Федерации на законодателя // Журнале конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 6-10.
6. Савоскин А.В., Курятников В.В., Мещерягина В.А. Перспективы нормоконтроля в субъектах РФ после поправок 2020 г. к Конституции РФ // Вестник Тюменского государственного университета. 2022. № 4 (32). С. 113-130.
7. Саликов М.С. Региональный конституционный контроль в России: возможен ли ренессанс? // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 4-11.
8. Тараборин Р.С., Хвастунов К.В. Проблемы разграничения компетенции судов общей юрисдикции и органов региональной конституционной (уставной) юстиции // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1 (109). С. 45-50.

References:

1. Brezhnev O.V. On Some Aspects of Interaction between Constitutional (Statutory) Courts of Subjects of the Russian Federation and Courts of General Jurisdiction // Russian Justice. 2020. No. 4. Pp. 43-45.
2. Brezhnev O.V. Legal Status of the Constitutional (Statutory) Council of a Subject of the Russian Federation: First Experience of Legislative Regulation // State Power and Local Self-Government. 2022. No. 11. Pp. 32-36.
3. Kozhevnikov O.A., Karasev A.T. Transformation of Russian Constitutional Justice at the Present Stage: Some Reflections // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 67-73.
4. Kryazhkov V.A. Constitutional review in the constituent entities of the Russian Federation: what it may be like after the abolition of constitutional (charter) courts // State and Law. 2021. No. 9. Pp. 65-74.
5. Nesmeyanova S.E. On the possible influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the legislator // Journal of Constitutional Justice. 2010. No. 3. Pp. 6-10.
6. Savoskin A.V., Kuryatnikov V.V., Meshcheryagina V.A. Prospects for normative review in the constituent entities of the Russian Federation after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation // Bulletin of the Tyumen State University. 2022. No. 4 (32). Pp. 113-130.
7. Salikov M.S. Regional constitutional review in Russia: is a renaissance possible? // Russian law: education, practice, science. 2022. No. 5. P. 4-11.
8. Taraborin R.S., Khvastunov K.V. Problems of delimitation of competence of courts of general jurisdiction and regional constitutional (charter) justice bodies // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 1 (109). P. 45-50.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_250

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ВОПРОСЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА) THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY AND MODERN TIMES (ISSUES OF SUCCESSION)

ИВАНОВ Иван Васильевич,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1, 2.

E-mail: sarmat212@yandex.ru;

IVANOV Ivan Vasilyevich,associate professor department of constitutional and municipal law
of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
candidate of law, associate professor,
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9, building 1, 2.
E-mail: sarmat212@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы становления и развития Государственного Совета Российской империи и Российской Федерации. Отмечается, что идея, заложенная М.М. Сперанским о создании специального органа государственного управления в Российской империи, была воспринята в современной России. В этом видится универсальный характер этого органа для Российской государственности, когда огромные территории, требуют особого управления в лице первых лиц государства и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. В этом заключается преемственность Государственного Совета Российской империи и Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что в современной России Государственный Совет является «рабочим органом» Президента России, т.к. реализует его основные полномочия.

Abstract: the article examines the issues of formation and development of the State Council of the Russian Empire and the Russian Federation. It is noted that the idea laid down by M.M. Speransky on the creation of a special body of state administration in the Russian Empire was adopted in modern Russia. This shows the universal nature of this body for Russian statehood, when vast territories require special management in the person of the first persons of the state and the highest officials of the subjects of the Russian Federation. This is the continuity of the State Council of the Russian Empire and the Russian Federation. The author comes to the conclusion that in modern Russia the State Council is the "working body" of the President of Russia, since it implements his main powers.

Ключевые слова: Государственный Совет Российской Федерации; публичная власть; правопреемство (преемственность); народ; государственность; полномочия.

Key words: State Council of the Russian Federation; public authority; legal succession; people; statehood; powers.

Для цитирования: Иванов И.В. Государственный Совет Российской Федерации: история и современность (вопросы правопреемства) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 250-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_250.

For citation: Ivanov I.V. The state council of the Russian Federation: history and modern times (issues of succession) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 250-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_250.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

Государственный Совет является особым государственным учреждением (органом) в истории России. Он существовал в Российской империи с 1810 по 1917 гг. и был образован в Российской Федерации в 2000 году. История этого органа показывает его необходимость для эффективного осуществления публичной власти в Российском государстве. Рассмотрим формирование этого органа в царской России и современной Российской Федерации. Существуют ли общие черты этих органов или их объединяет только название?

Доктринальное обоснование создания Государственного Совета Российской империи было заложено в записке М.М. Сперанского «О необходимости учреждения Государственного Совета», написанной в 1809 году.

Учрежден Государственный Совет Российской империи был манифестом Александра I от 1 января 1810 года «Образование Государственного совета», как законосовещательный орган при Императоре, обеспечивающий в том числе финансовый контроль в государстве. Изначально Государственный Совет Российской империи участвовал в реализации комплекса мер по обеспечению устойчивого развития государства, не ограничиваясь только законопроектной деятельностью. Во время первой Русской революции (1905-1907 гг.) Государственный Совет приобретает качество верхней палаты парламента на основании манифеста от 20 февраля 1906 г. «О переустройстве учреждения Государственного Совета», наряду с началом работы в апреле 1906 г. первой Государственной Думы в качестве нижней палаты парламента. Причисление этих органов к парламентаризму является во многом спорным по признаку возможности оспаривания существования самого парламента в России до Февральской революции 1917 г. по образцу зарубежных стран.

Прекращение деятельности Государственного Совета, по сути его ликвидация, связана с Октябрьской революцией 1917 г. Этому органу было не место в системе Советской власти. Он относился к государственному аппарату, который был «сломлен» новой властью. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 14 декабря 1917 г. «Об упразднении Государственного совета и Государственной канцелярии» члены Государственного совета, его обслуживающий аппарат были уволены датой 25 октября 1917 г., сам государственный орган упразднен.

В 1991 году первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин предпринимал попытку воссоздать Госсовет в качестве консультативного органа. Распоряжением Президента РСФСР от 14.08.1991 г. № 17-П было утверждено положение о Государственном совете, в который

по должности входили члены Совета Министров РСФСР. Просуществовал этот орган не долго.

Настоящим возрождением Государственного Совета в современной России необходимо считать его учреждение на основании Указа Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации». Целью создания Государственного Совета в этом Указе было заявлено обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Председателем Государственного Совета по должности изначально являлся Президент Российской Федерации, его членами были все главы субъектов Российской Федерации.

Коренные изменения в статусе Государственного Совета Российской Федерации связаны с поправками к Конституции Российской Федерации 2020 года, когда этот государственный орган получил конституционный статус. Упоминание Государственного Совета содержится в п. «е.5» ст. 83 Конституции России в части закрепления полномочий Президента Российской Федерации, где определяется, что этот орган формируется главой государства в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

Развитие своего статуса Государственный Совет получил в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – Закон № 394). Исследователи отмечают, что после придания этому органу конституционного статуса, положено начало упорядочению нормативных положений о его роли в единой системе публичной власти [3; 29-32].

Исходя из задач Государственного Совета (ст. 5), его функций (ст. 6), закрепленных в Законе № 394, можно установить, что он обеспечивает реализацию внутренней и внешней политики Российской Федерации, с учетом обеспечения согласованного функционирования органов публичной власти.

Государственный Совет Российской Федерации в качестве конституционного государственного органа можно назвать «рабочим органом» Президента Российской Федерации, который отличается по ряду оснований от его Администрации, но в целом способствует реализации конституционных полномочий главы государства по согласованному функционированию единой системы публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции России); осуществлению внутренней и внешней политики (п. «а» ст. 86 Конституции России).

Ввиду особой роли Государственного Совета отдельные ученые рассматривают его фактически как составной элемент президентской власти [2; 5-13]. Другие исследователи отмечают три основных государственных органа, на которые в своей деятельности опирается Президент России: Государственный Совет, Администрация Президента России; Совет Безопасности [1; 18-21].

Основное отличие Государственного Совета от Администрации Президента России заключается во включении в его состав ключевых должностных лиц государства, органов государства, среди них: Председатель Правительства России; Председатель Совета Федерации; Председатель Государственной Думы; Руководитель Администрации Президента России, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации. Если Руководитель Администрации Президента России, его заместители, находящиеся в их подчинении государственные служащие Администрации Президента России, обеспечивают осуществление полномочий главы государства, но самостоятельно не реализуют эти полномочия, то члены Государственного Совета под руководством Президента России проводят политику по реализации внутренней и внешней политики. Например, главы субъектов Российской Федерации проводят в жизнь решения Государственного Совета Российской Федерации в регионах; Председатель Правительства Российской Федерации в целом в государстве.

Тезис о признании Государственного Совета Российской Федерации «рабочим органом» Президента Российской Федерации можно аргументировать следующими положениями:

1) Государственный Совет формируется исключительно

Президентом Российской Федерации и направлен на исполнение им конкретных полномочий (ч. 2 ст. 80, п. «е.5» ст. 83, п. «а», ст. 86 Конституции Российской Федерации);

2) Обеспечение деятельности Государственного Совета в

полном объеме осуществляет Администрация Президента Российской Федерации в порядке ч. 3 ст. 12 Закона № 394. В этих целях в структуре Администрации Президента России создано специальное Управление по вопросам формирования и деятельности Государственного Совета Российской Федерации, положение о котором утверждено Указом Президента Российской Федерации от 30.07.2024 г. № 643. Можно сказать, что аппарат Государственного Совета и Администрации Президента России едины;

3) Государственный Совет не входит в систему разделения

властей и его задачами и функциями является согласованное функционирование единой системы публичной власти, что идентично соответствующим направлениям деятельности Президента России.

Стоит отметить, что Государственный Совет имеет свою структуру, в которую согласно п. 1 Указа Президента России от 21.12.2020 № 800 «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» входят его органы и Секретарь. Органами Государственного Совета являются три комиссии: по направлению социально-экономического развития; по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти; по координации и оценке эффективности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации (п. 3 Указа Президента от 21.12.2020 г. № 800). Эти органы состоят из членов Государственного Совета, поэтому как такого специального управленческого аппарата не образуют в лице государственных служащих.

Конституционно-правовая природа Государственного Совета определяется масштабами Российского государства, необходимостью единой работы всех ветвей власти, когда они организационно обособлены и отсутствие аналога «центра управления полетов» создает риски в проведение эффективной внутренней и внешней политики в стране в целом.

Этим определяется и отсутствие полномочий Государственного Совета в Законе № 394. Отсутствие формально-юридических полномочий позволяет этому органу принимать различные управленческие решения, руководствуясь только своими задачами и функциями, которые крайне обширны. Думается, что законодатель специально не закрепил полномочия Государственного Совета, заранее не ограничивая его сферу деятельности.

Таким образом, по факту Государственный Совет может принимать решение по любому вопросу государственного управления, инициировать реформы во всех сферах жизни общества, является «рабочим органом» Президента Российской Федерации.

В этом видится его связь с Государственным Советом Российской империи, который был учреждением по управлению внутренними и внешними делами государства, наряду с Советом Министров. Этот орган Российской империи мог обсуждать любой вопрос государственной и общественной жизни государства, имел расширенный аппарат управления в виде Департаментов. В условиях огромных территорий государства его деятельность была оправдана и нашла преемственность в Государственном Совете Российской Федерации.

Список литературы:

1. Гуторова А.Н. Политические партии и народное доверие // Конституционное и муниципальное право. 2024. N 12. С. 18 - 21.
2. Скуратов Ю.И. Конституционная модель места и роли президентской власти в системе разделения властей в Российской Федерации // Современное право. 2024. N 11. С. 5 – 13;
3. Тетерин А.В., Чертова Н.А. Гражданский мир как категория конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. N 10. С. 29 - 32.

References:

1. Gutorova A.N. Political parties and popular trust // Constitutional and municipal law. 2024. N 12. pp. 18 - 21.
2. Skuratov Yu.I. Constitutional model of the place and role of presidential power in the system of separation of powers in the Russian Federation // Modern law. 2024. N 11. pp. 5 - 13;
3. Teterin A.V., Chertova N.A. Civil peace as a category of constitutional law // State power and local self-government. 2024. N 10. pp. 29 - 32.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ LEGAL BASIS AND ETHICAL STANDARDS FOR DISSEMINATION OF MASS INFORMATION IN RUSSIA

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и маркетинговых технологий,
Байкальский государственный университет.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 3.

E-mail: irina.090@mail.ru;

IGNATIEVA Irina Valentinovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Journalism and Marketing Technologies, Baikal State University.

11 Lenin St., building 3, Irkutsk, 664003, Russia.

E-mail: irina.090@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены правовые и этические основы распространения массовой информации в России. Основное внимание обращено на объект профессиональной деятельности – массовую информацию, передаваемую по различным каналам средствами массовой информации, в том числе, с помощью Интернета и социальных сетей, и адресованную различным аудиторным группам. Выявлены существующие проблемы правового и этического регулирования и внесены соответствующие предложения.

Abstract. The article examines the legal and ethical principles of dissemination of mass information in Russia. The main attention is paid to the object of professional activity – mass information transmitted through various channels by mass media, including the Internet and social networks, and addressed to various audience groups. The existing problems of legal and ethical regulation are identified and appropriate proposals are made.

Ключевые слова: информация, цифровая информация, цензура, медиаэтическая медиация, деструктивный контент, ответственность.

Keywords: information, digital information, censorship, media ethical mediation, destructive content, responsibility.

Для цитирования: Игнатьева И.В. Правовые основы и этические нормы распространения массовой информации в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 253-257. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_253.

For citation: Ignatieva I.V. Legal basis and ethical standards for dissemination of mass information in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 253-257. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_253.

Статья поступила в редакцию: 23.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно ч.4 ст.29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Правовые основы распространения массовой информации в России закреплены в Законе РФ от 27 декабря 1991 года №2124-I «О средствах массовой информации». Согласно этому документу, в Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации не подлежат ограничениям, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Данное положение закреплено в ч.5 ст.29 Конституции РФ, в которой гарантируется свобода массовой информации, запрещается цензура.

В современных условиях развития Интернета, масштабного создания общедоступных информационных и телекоммуникационных ресурсов, возникновения и активного продвижения электронных услуг, требуется четкое понимание юридического содержания терминов понятийного аппарата, в том числе, информации.

Определение информации даётся в Федеральном законе от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 23.11.2024, вступила в силу с 1 января 2025 года) (далее – ФЗ № 149-ФЗ).

Согласно ФЗ № 149-ФЗ «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Однако, данное определение не содержит основных признаков информации, выражающих ее юридическую сущность.

Слово «информация» происходит от лат. informatio, что в переводе обозначает сведение, разъяснение, ознакомление. На сегодняшний день существует множество определений понятия «информация», которое остаётся одним из самых дискуссионных в науке.

Так, Норберт Винер считает, что «информация – это часть знаний, которая используется для ориентирования, активного действия, управления, то есть в целях сохранения, совершенствования, развития системы»¹.

По мнению Н.В. Макаровой «информация – это сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые уменьшают имеющуюся о них степень неопределённости, неполноты знаний»².

Клод Шеннон даёт следующее определение «информация – это снятая неопределённость, то есть то, что уменьшает меру неопределённости». В словаре русского языка С.И. Ожегова информация определяется как «сведения об окружающем мире и протекающих в нём про-

¹ Введение в теорию информации. [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/data/2021/11/15/1443350589/Vvedenie_v_teoriyu_informatsii.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

² Баяндин А.В. Что такое информация? / А.В. Баяндин // Исследования в области естественных наук. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://science.snauka.ru/2012/04/234> (дата обращения: 25.02.2025).

цессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством» [4].

В статье 5 ФЗ № 149-ФЗ закреплено, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений [1, с. 21], в этом случае, информация обладает особыми признаками, которые позволяют выделить её среди других объектов гражданских прав: информация является непотребляемым благом, возможно её неограниченное распространение и тиражирование, отсутствует монополия на обладание и использование, она физически неотчуждаема.

Таким образом, общее определение информации с учётом её статуса как объекта гражданских прав – это сведения о предметах и явлениях окружающей действительности, ценность которых носит имущественный характер и обладает указанными признаками.

Кроме объекта гражданских прав, информацию можно рассматривать и в других контекстах, например, 1) как нематериальное благо. Например, персональные данные могут быть составной частью тайны личной жизни или иных тайн, закреплённых в законодательстве. 2) Как сопутствующий объект обязательственных и корпоративных правоотношений. В таких отношениях информация не является основным объектом, а выполняет вспомогательную роль при осуществлении лицами прав и выполнении обязанностей в соответствующих сферах. 3) Как элемент другого объекта. Например, информация может выступать в качестве элемента другого объекта, такого как базы данных. 4) Как результат интеллектуальной деятельности. В этом случае информация способна участвовать в гражданском обороте и быть защищаемым объектом.

В любом случае, общим является присутствие четырех компонентов: процесса познания того, о чем передается информация; передающего информацию; воспринимающего информацию и самой информации. Учитывая разнообразные определения изучаемого термина, хочется согласиться с К. Штейнбухом, утверждавшим, что «мы не можем дать исчерпывающего и достаточного определения таким понятиям, как «материя», «энергия» и «информация» [8, с. 248].

Массовая информация – это предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы¹.

К проблемам распространения массовой информации в России относится: отсутствие законодательно закреплённых этических принципов. Однако, есть Закон РФ «О СМИ», который регулирует правовую сторону медиаотрасли. Для регулирования неформальной стороны работы медиаотрасли² используются кодексы профессиональной этики журналиста. Например, в России действует «Кодекс профессиональной этики российского журналиста»³.

Также с 2005 года в Российской Федерации функционирует Общественная коллегия по жалобам на прессу⁴, которая рассматривает информационные споры нравственно-этического характера, возникающие в сфере массовой информации, в том числе дела о нарушениях принципов и норм профессиональной журналистской этики. Коллегией по жалобам на прессу разработан Регламент медиаэтической медиации. Медиаэтическая медиация – это примирительная процедура, позволяющая урегулировать информационные споры субъектов реализации свободы массовой информации. Она осуществляется с участием специально назначаемых лиц (медиаэтических медиаторов) и основана на принципе свободы массовой информации.

Цель следования регламенту – содействовать эффективному урегулированию споров профессионально-этического и медиаэтического характера, формированию культуры профессиональной журналистики, укреплению доверия к средствам массовой информации.

В реалиях современного общества невозможно говорить только об информации в прямом смысле этого слова, с открытием Интернета произошла массовая трансформация сознания, медийное потребление молодёжи (до 35 лет), которая проводит онлайн значительную часть времени, диверсифицировано, тогда как люди 60+, имеющие более низкий уровень освоения интернета, обладают привычкой к телепросмотру, что не даёт такого разнообразия информации. При этом, цифровая информация также относится к массовой, так как она предназначена и доступна для широкой аудитории. Цифровые средства массовой информации включают в себя любые онлайн-платформы, в том числе, электронную почту, социальные сети, веб-сайты и потоковое видео. Проблемы аналогичные информации, распространяемой в СМИ, в том числе, отсутствие законодательно закреплённых этических принципов, следствием которых является появление большого количества ложной, недостоверной и манипулятивной информации⁵.

Еще одной проблемой как цифровой, так и массовой информации является нарушение авторских прав и плагиата. Цифровая среда облегчает незаконное использование контента, что создаёт сложности с защитой авторских прав журналистов и медиакомпаний. Редакция, издатель и распространитель должны соблюдать имущественные и личные неимущественные права авторов используемых произведений. В противном случае распространение продукции СМИ может быть запрещено по решению суда.

Следующей проблемой является распространение запрещённых материалов.

По мнению О.В.Третьяковой «произведения СМИ, рассказывающие о девиантном поведении, обладают свойством «психологического заражения». Криминальная романтика настолько проникает в массовую культуру, что преступное и девиантное поведение иногда преподносится как образец для подражания» [6, с. 500].

¹ Статья 2 Закона РФ «О средствах массовой информации».

² Медиаотрасль – это отрасль медиа, сфера деятельности, связанная с системами массовых коммуникаций, СМИ.

³ «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» был принят Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года. С тех пор нормы кодекса не менялись.

⁴ Общественная коллегия по жалобам на прессу – независимая структура гражданского общества, осуществляющая саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации. Задача коллегии – внесудебное разрешение конкретных информационных споров, связанных с нарушением профессиональной этики журналиста и медиаэтики. Структура коллегии состоит из двух палат: Палаты медиа-сообщества и Палаты Медиа-аудитории, численность каждой – 25 человек. Ротация членов палат происходит один раз в пять лет путём выбора нового состава членов коллегии.

⁵ СМИ в ИТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sviaz-expo.ru/ru/articles/24025/> (дата обращения: 25.02.2025).

19 августа 2024 года на территории Российской Федерации вступили в законную силу изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 217-ФЗ в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которыми устанавливается административная ответственность за проведение деструктивных онлайн- трансляций. Согласно ФЗ № 217-ФЗ распространение в сети «Интернет» информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа:

- на граждан – в размере от 50 тысяч до 100 тысяч рублей; на должностных лиц – от 100 тысяч до 200 тысяч рублей;
- на юридических лиц – от 800 тысяч до 1 млн. рублей.

Во всех случаях оборудование, использованное для изготовления таких материалов, подлежит конфискации. Указанные положения не распространяются на произведения науки, литературы, искусства, имеющие историческую, художественную или культурную ценность, материалы зарегистрированных средств массовой информации, а также на фото, видеоматериалы, которые предназначены для использования в научных или медицинских целях либо изучение которых предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными образовательными программами.

Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для осуществления экстремистской деятельности, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости. Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 218-ФЗ), которым внесены поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), направленные на противодействие распространению деструктивного контента в информационном пространстве будут считаться отягчающим обстоятельством при совершении таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести, лёгкого вреда здоровью, побои, истязание, угроза убийством, похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда¹. Однако, основная масса публикаций в сети носит анонимный характер, и установить, кто именно разместил ту или иную информацию, иногда не представляется возможным.

Следует учесть мнение И.Н. Деминой, что «ценности определяют жизненные приоритеты» [3, с. 657], поэтому ответственность за распространение деструктивной информации должны нести и владельцы интернет-ресурсов, что подтверждено судебной практикой (Постановление ВАС Московского округа от 9 марта 2004 г. Дело № КГ-А41/390-04).

Согласно решению суда «ссылка ответчика на то, что сведения в виде сообщений распространялись не им, а анонимными посетителями принадлежащего ему сайта, доступ к которому является свободным, обоснованно отклонена судом с указанием на то, что сама возможность появления порочащих сведений на страницах данного интернет-сайта является следствием создания ответчиком как его владельцем соответствующих технологических условий»².

Трансляция деструктивного контента идёт через определённые домены³, самым популярным среди них является youtube.com, yting.com, googlevideo.com и др.

По данным на 3 января 2025 года, доступно 20 доменов, список доменов YouTube расположен на сайте netify.ai⁴.

Администратором домена выступает юридическое или физическое лицо, которое указано в поле «admin-о» формы описания домена. «Администратор домена определяет порядок использования домена [и поэтому] несет ответственность за выбор доменного имени, возможное нарушение прав на торговую марку, равно как и за конфликтные ситуации, возникающие при использовании доменного имени. Администратор самостоятельно выбирает и регистрирует индивидуальный пароль для доступа к информации о домене и несет ответственность за все действия, совершенные с использованием его пароля согласно договору...»⁵.

Данное обязательство и ответственность находят закрепление в каждом типовом договоре РосНИИРОС⁶ с конкретным администратором домена, в пункте 4.2 которого указано, что администратор домена принимает на себя ответственность за действия сотрудников, а также за действия третьих лиц с использованием его пароля.

Таким образом, администратор домена с момента внесения его имени в центральную базу данных РосНИИРОС лично отвечает за использование домена, в том числе, в незаконных целях, вне зависимости от того, кем осуществляется использование домена.

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4914.

² В соответствии с Регламентом и Правилами регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF (утверждены решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81 (редакция от 07.11.2022)), в «Регламенте и тарифам на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне .RU» и Правилами регистрации доменов второго уровня в зоне .RU в первую очередь администратор домена несет ответственность за всё, что происходит в адресном пространстве его домена, за все конфликтные ситуации, за использование его домена в незаконных целях.

³ Домен (или доменное имя) – это уникальное имя сайта, адрес, по которому страницы ресурса доступны в интернете. Домен не связан напрямую ни с сервером сайта, где находятся все данные ресурса, ни с его IP-адресом – уникальным идентификатором для обмена запросами. Интернет-служба, которая называется DNS «связывает» между собой доменное имя и IP сайта, поэтому к сайту можно обращаться по домену.

⁴ В 2024 году у российских провайдеров были заблокированы некоторые домены YouTube, например youtube.com, googlevideo.com, yiting.com,youtu.be, ggph.com, youtubei.googleapis.com.

⁵ Google LLC – администратор домена YouTube.com. MarkMonitor Inc. – администратор доменов Twitch.

⁶ РосНИИРОС – российский научно-исследовательский институт развития общественных сетей. Осуществляет свою деятельность в рамках двух основных направлений: развитие компьютерных сетей для организаций науки и образования, развитие базовых элементов инфраструктуры российского сегмента сети Интернет. Институт был создан Государственным комитетом РСФСР по делам науки и высшей школы, Институтом атомной энергии им. И. В. Курчатова и Информационно-вычислительным центром ИАЗ им. И. В. Курчатова в 1992 году и зарегистрирован как некоммерческая организация.

Работа YouTube в России основана на законе о самоконтроле социальных сетей, который действует с февраля 2021 года (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Согласно ему, интернет-площадки должны самостоятельно выявлять и блокировать запрещённую информацию. Нововведения в законе позволяют добиться оперативного удаления социально опасной информации, требующей немедленного реагирования.

Закон закрепил за Роскомнадзором обязанность по формированию и ведению реестра социальных сетей для контроля соблюдения ими требований российского законодательства. С этой целью на сайте ведомства создан специальный раздел (www.530-fz.rkn.gov.ru), где представлена общая информация по закону (обязанности сторон, требования, приказы, рекомендованные счетчики), данные о нахождении ресурса в соответствующем реестре, а также сервисы для владельцев и пользователей социальных сетей.

В 2023 году Роскомнадзор¹ включил YouTube, Rutube, Twitch в реестр социальных сетей. Владельцам ресурсов направили уведомления с указанием требований законодательства. В соответствии с ним интернет-площадки обязаны самостоятельно контролировать контент и иметь форму обратной связи для жалоб пользователей на размещение запрещённой информации.

Интернет-ресурсы должны размещать правила социальных сетей, счётчик посещаемости, электронную форму для обращений пользователей о выявлении противоправной информации, а также ежегодно публиковать отчёт о рассмотрении подобных обращений. Соцсети должны уведомлять пользователя об ограничениях к его контенту, принимать меры по предписаниям Роскомнадзора, в том числе, отменять введённые меры по ограничению доступа к контенту пользователей. С помощью указанных сервисов граждане получают возможность подать в ведомство обращение об обнаружении ресурса с признаками социальной сети, об отмене мер по ограничению доступа к информации, принятых владельцем ресурса, а также направить на горячую линию иные вопросы относительно взаимодействия с социальной сетью.

Владельцы интернет-ресурсов смогут перейти в личный кабинет для дальнейшего взаимодействия с Роскомнадзором, в том числе по оценке противоправности контента и необходимости его удаления.

В настоящий момент в реестр социальных сетей включены Facebook, Twitter, Instagram, TikTok, Likee, Youtube, ВКонтакте и Одноклассники. Соответствующие уведомления о включении в реестр Роскомнадзор направил владельцам указанных интернет-ресурсов.

В 2023 году были приняты поправки в КоАП РФ, предусматривающие штрафы до 8 млн рублей для социальных сетей за несоблюдение закона о самоконтроле: это статья 19.7.10-4. Неисполнение владельцем социальной сети предписания Роскомнадзора о мониторинге соцсети для выявления информации, схожей до степени смешения с той, что ранее уже требовало удалить ведомство. Штраф для граждан – от 100 тыс. до 200 тыс. рублей, для должностных лиц – от 500 тыс. до 800 тыс. рублей, для юридических лиц – от 4 млн до 6 млн рублей и статья 13.50 («Неисполнение обязанностей владельцем социальной сети»). Отсутствие публикации ежегодного отчёта о результатах рассмотрения обращений о распространяемой с нарушением закона информации и результатах мониторинга соцсети, размещение в соцсети правил её использования и (или) неисполнение обязанности по информированию пользователей о введённых в них изменениях. Штрафы для граждан – от 50 тыс. до 100 тыс. рублей, для должностных лиц – от 200 тыс. до 400 тыс. рублей, для юридических лиц – от 600 тыс. до 1 млн рублей.

Таким образом, к ответственности за размещение деструктивных материалов на площадках YouTube и Twitch могут привлекаться либо авторы таких трансляций, либо владельцы доменов на основании новых статей КоАП РФ.

Определение запрещённого контента содержится в ФЗ № 149-ФЗ. В частности, к запрещённой информации относятся материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера; информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений; информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства; информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами. Пренебрежение профессиональными стандартами и этикой привели к тому, что аудитория всё меньше доверяет СМИ, в том числе, информации в социальных сетях, в которой все больше и больше находит распространение информация, основанная на слухах и предположениях под видом достоверных сведений. Нередко встречается сознательный подлог фото- и видеоматериалов, добывание информации противозаконными методами, в том числе, путём подкупа должностных лиц и сотрудников правоохранительных органов. Нередко происходит демонстрация на телеэкранах обезображенных трупов, следов насилия и издевательств над людьми, прочих элементов излишнего натурализма, оказывающих деморализующее психологическое воздействие на население, то есть, деструктивный контент. При этом, манипуляция контентом, когда СМИ транслируют мнение, а не дают возможность увидеть ситуацию с разных сторон и сделать собственный вывод негативно сказывается на популярности СМИ.

Для решения этих проблем рекомендуется, например, регулярно проводить мастер-классы, обучающие семинары для журналистов, встречи с экспертами по правовым вопросам, на которых бы поднимались актуальные проблемы профессиональной журналистской этики и правовой культуры; эффективно контролировать соблюдение СМИ этических норм, в том числе внутри журналистского сообщества, например, через Общественную коллегия по жалобам на прессу. Придать дополнительные полномочия Роскомнадзору по осуществлению цензуры материалов, нарушающих правовые и этические нормы распространения массовой информации в России.

¹ Роскомнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Список литературы:

1. Бабинцев И.И. Информация как объект гражданского права: научно-исследовательская работа / И.И. Бабинцев. Нижний Новгород, 2019. 33 с.
2. Баяндин А.В. Что такое информация? / А.В. Баяндин // Исследования в области естественных наук. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://science.snauka.ru/2012/04/234> (дата обращения: 25.02.2025).
3. Демина И.Н. «Ценности» в российском научном дискурсе / И.Н. Демина // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 657-679.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва, 1997. 944 с.
5. Статья 2 Закона РФ «О средствах массовой информации».
6. Третьякова О.В. Правовой и этический аспекты освещения в СМИ девиантного поведения / О.В. Третьякова // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 3. С. 498-513.
7. Фесик П.Ю. Публичный интерес как правовая категория / П.Ю. Фесик // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1. С. 14-22.
8. Штейнбух К. Автомат и человек / К. Штейнбух. Москва, 1966. 419 с.

References:

1. Babintsev I.I. Information as an object of civil law: research work / I.I. Babintsev. Nizhny Novgorod, 2019. 33 p.
2. Bayandin A.V. What is information? / A.V. Bayandin // Research in the field of natural sciences. 2012. No. 4 [Electronic resource]. URL: <https://science.snauka.ru/2012/04/234> (date of access: 02/25/2025).
3. Demina I.N. "Values" in Russian scientific discourse / I.N. Demina // Issues of the theory and practice of journalism. 2022. Vol. 11, No. 4. Pp. 657-679.
4. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow, 1997. 944 p.
5. Article 2 of the Law of the Russian Federation "On Mass Media".
6. Tretyakova O. V. Legal and Ethical Aspects of Coverage of Deviant Behavior in the Media / O. V. Tretyakova // Issues of Theory and Practice of Journalism. 2020. Vol. 9, No. 3. Pp. 498-513.
7. Fesik P. Yu. Public Interest as a Legal Category / P. Yu. Fesik // Academic Law Journal. 2024. Vol. 25, No. 1. Pp. 14-22.
8. Shteinbukh K. Machine and Man / K. Shteinbukh. Moscow, 1966. 419 p.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДОВ (ВЕЧНЫЕ КАПИТАЛЫ) В СООТНОШЕНИИ С ФИНАНСОВЫМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВИДАМИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

LEGAL REGULATION OF ENDOWMENT FUNDS (PERPETUAL CAPITAL) IN RELATION TO FINANCE AND ECONOMIC TYPES OF RUSSIAN LAW

АШМАРИНА Елена Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор Кафедры международного и публичного права
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

105187, Россия, г. Москва, Щербаковская, д. 38.

E-mail: aberasiya@yandex.ru;

ASHMARINA Elena Mihaylovna,

Doctor of Law, Professor, Department of International and Public Law

FGOU VO "Financial University under the Government of the Russia Federation (Financial University)".

38 Shcherbakovskaya Street, Moscow, 105187, Russia.

E-mail: aberasiya@yandex.ru

Краткая аннотация: Целью статьи является научное осмысление роли финансового и экономического видов права в комплексном правовом регулировании эндаумент-фондов (институт). Поскольку отношения в сфере эндаумент-фондов расположены в плоскости пересечения предметов правового регулирования положениями не только финансового, но и гражданского, предпринимательского, трудового и др. видов права, автор полагает, что целесообразно сосредоточить целостный комплекс этих отношений в рамках экономического права (мегаотрасль российского права)¹. Дальнейшее совершенствование правового регулирования отношений в сфере деятельности эндаумент-фондов видится когнитивным познавательным межотраслевым процессом в пределах инновационной мегаотрасли (экономическое право) с преобладанием финансово- и налогово-правовых аспектов.

Abstract: The purpose of the article is to scientifically understand the role of financial and economic types of law in the comprehensive regulation of the institution of endowment funds. Since relations about endowment funds are located in the plane of intersection of subjects of legal regulation by the provisions of not only financial, but also civil, entrepreneurial, labor and other types of law, the author believes that it is advisable to concentrate a holistic complex of these relations within the framework of economic law (mega-industry of Russian law). Further improvement of the legal regulation of relations in the field of activities of endowment funds is seen as a cognitive cognitive intersectoral process within the innovative mega-industry with a predominance of financial and tax and legal aspects.

Ключевые слова: Эндаумент-фонды. Экономическое право. Финансовое право. Налоговое право. Гражданское право. Предпринимательское право.

Keywords: Endowment funds. Economic law. Financial law. Tax law. Civil law. Business law.

Для цитирования: Ашмарина Е.М. Правовое регулирование эндаумент-фондов («вечные капиталы») в соотношении с финансовым и экономическим видами российского права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 258-262. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_258.

For citation: Ashmarina E.M. Legal Regulation of Endowment Funds ("Perpetual Capital") in Relation to Finance and Economic Types of Russian Law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 258-262. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_258.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2025

Дата публикации: 30.05.2025

1. Общие положения и исторические аспекты деятельности эндаумент-фондов в России (вместо введения). Востребованный сегодня когнитивный межотраслевой подход побуждает рассмотреть такой актуальный инструмент перераспределительной деятельности, как эндаумент-фонд в плоскости экономико-правового контента.

Эндаумент-фонд, формируемый в некоммерческой организации (НКО), как инструмент финансовой устойчивости любой социально-экономической сферы, направлен на перераспределение и выравнивание, циркулирующих в ней финансовых потоков. Опосредуя социальные потребности, эндаументы традиционно используются в целях поддержки уязвимых слоев населения: образование (талантливые малообеспеченные дети) и наука; культура и искусство (творческие коллективы в отдаленных регионах страны); медицина и здравоохранение (напр. фонд «Подари жизнь»); охрана окружающей среды и экология (пока направление не получило должного развития); правовая помощь и просвещение; спорт и физкультура; архивное дело; возможны некоторые др. социальные направления.

Финансовая деятельность, связанная с эндаументами, условно может быть дифференцирована на три этапа.

Первый этап заключается в формировании основного целевого капитала (*далее – ЦК*), который является постоянной величиной (*К: «тело»*) и не подлежит расходованию материнской компанией / некоммерческой организацией (*далее – НКО*). Этот капитал формируется за счет пожертвований доноров и наследодателей.

Второй этап – передача ЦК сторонней профессиональной организации, имеющей лицензию Банка России, именуемой управляющей компанией (*далее – УК*), для оборота ЦК на финансовых рынках. Задачей УК является приращение основного ЦК, то есть получение (*ДК*) дохода (дополнительного капитала).

Третий этап – расходование дополнительного капитала (*ДК*): как на цели жизнедеятельности материнской компании (НКО), так и на благотворительную деятельность в соответствии с ее уставными документами.

¹ В соответствии с Номенклатурой, к общественным наукам (раздел 5) относятся, в частности такие ее области, как «Право» (5.1.) и «Экономика» (5.2.) [1]. Нас интересует их системная взаимосвязь. *Прим. авт.*

Основной целью эндаумент-фонда, как инструмента переаспределения финансовых ресурсов, является обеспечение долгосрочной стабильности (создание «подушка безопасности»): по общему правилу - это примерно десятилетний срок.

Легальное определение ЦК содержится в ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» (далее - *ФЗ о ЦК НКО*)¹.

В мировой истории феномен эндаумент-фонда известен с 1502 г., когда королевская фамилия Великобритании пожертвовала средства Оксфорду и Кембриджу. В Российской империи до 1917 года традиция «вечных капиталов» (эндаументов) имела устойчивые корни [2, с. 235] [1; 2, с. 20-28]. Так, известный жертвователь Павел Демидов, основал училище в г. Ярославле с предоставлением ему капитала на условии долгосрочного инвестирования; купцы Строгановы, Морозовы и многие др. занимались аналогичной благотворительностью. В 1817 году вышел специальный сенатский указ, призванный регулировать это явление. Начиная с середины XIX в. и до 1917 года, совокупный фонд «вечных капиталов» в России превышал национальный доход страны (поддерживались театры, картинные галереи, образовательные организации, дома призрения для инвалидов и престарелых, пр.).

В пост-советской России к практике обращения ЦК вернулись в 2007 году после принятия *ФЗ о ЦК НКО*. Россия практически заново приступила к созданию традиции эндаументов («вечных капиталов»). В настоящее время одним из наиболее заметных эндаумент-фондов является Благотворительный фонд Владимира Потанина. Совместно с Российской экономической школой (РЭШ) Фонд Потанина в рамках двухлетнего проекта проводит научно-информационные мероприятия по теме эндаументов. По их данным на конец 2024 года эндаумент-фонды в количестве около 280 действуют более чем в 80 городах и регионах России и носят очень многообразный характер², будучи, как правило, направлены на решение местных задач и финансируются местным же сообществом.

2. Некоторые аспекты и направления совершенствования правового обеспечения деятельности эндаумент-фондов в современной России. На возрожденный финансовый феномен, находящийся на этапе своего становления, очень негативное воздействие оказали кризисные процессы 2018 - 2022 годов. Вместе с тем, несмотря на возникшие риски, наличие «подушки безопасности» в виде собственного источника финансовых ресурсов (K + DK) у НКО, функционирующих в социально-экономической сфере, продемонстрировало целесообразность использования рассматриваемого финансового инструмента. Сегодня отдельные проблемы сферы эндаумент-фондов, в целом, можно охарактеризовать, как проблемы их «роста». Так, профессиональное сообщество указывает на следующие аспекты, требующие осмысления и адаптации к современной реальности.

2.1. Проблемы «роста». Одной из таких проблем видится очень ограниченная информированность общественности об этом важнейшем социальном инструменте (в т.ч. в научных статьях и в прессе). Отметим, что такое положение дел не случайно. Дело в том, что рассматриваемый общественно-экономический сегмент расположен на стыке предпринимательской и некоммерческой (социальной) видов экономической деятельности. Аналогично, его правовое регулирование, будучи комплексным носит как публично-правовой, так и частно-правовой характер. Отсутствие строгой узкоотраслевой принадлежности делает правовой институт, аккумулирующий соответствующие формы права [3, с. 305-311, с. 313.] комплексным. Можно утверждать, что согласно современной юридической доктрине о делении права на отрасли и блоки, а именно публично-правовые (государственные) и частно-правовые (цивилистические) науки³, институт эндаумент-фондов вписывается в такие традиционные правовые конструкции, как финансовое, гражданское, трудовое, социального обеспечения, предпринимательское и другие виды права

. Учитывая такой разнообразный межотраслевой характер правового оформления и явную финансово-экономическую сущность феномена эндаумент-фондов, следует предположить, что его целостное правовое обеспечение видится органично расположенным в пределах экономического права России, представленного в качестве мегаотрасли [4, с.122-131]. Исследование и осмысление этого института представляется когнитивным процессом, лежащим на пересечении таких отраслей научных знаний, как экономика и право. Если содержание этих областей представить в виде «кругов Эйлера», то на стыке (сегмент пересечения) расположено экономическое право, в том числе институт эндаумент-фондов (как совокупность норм, регулирующих перераспределительную деятельность по созданию ЦК; его обороту с целью получения дохода; использованию этого дохода); контролю за использованием (в том числе, публичному).

К современным проблемам функционирования эндаумент-фондов (по мнению профессионального сообщества) можно также отнести: отсутствие централизованного и единообразного регламента деятельности многочисленных эндаумент-фондов (в том числе стандартизированного подхода к представляемой ими отчетности). При этом видятся два магистральных направления преодоления этой проблемы, а именно, во-первых, использование административного ресурса Минэкономразвития, или Министерства науки и образования; во-вторых - создание саморегулируемых организаций (СРО).

Большую озабоченность у профессионального сообщества вызывает крайне ограниченная возможность использования налоговых льгот (кроме сферы культуры) при очевидной социальной направленности финансово-экономической эндаумент-фондов. Также настало время принципиального обновления правовой базы, регулирующей рассматриваемый вид хозяйственной деятельности.

По общему правилу целевой капитал (ЦК) может иметь двоякую экономико-правовую природу.

Во-первых, может быть создан специальный фонд (юридическое лицо в форме НКО), для осуществления своей уставной узконаправ-

¹ п.1 ст. 2 *ФЗ от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»*.

² Общественная палата Российской Федерации / Материалы круглого стола «Фонды целевого капитала (эндаумент-фонды): вопросы развития и эффективности. 2024.

³ Номенклатура специальностей научных работников, утвержденная Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. №118 (ред. от 30.03.2023) "Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. N 1093".

ленной социально ориентированной деятельности (например, Фонд «Подари жизнь»).

Во-вторых, возможно формирование фонда (ЦК в рамках НКО) в системе с другим(и) юридическим(и) лица(ми) (например, Университет; библиотека; филармония; картинная галерея; музей) в виде дополнительного имущества с целью ведения общей уставной деятельности. В этом случае в одном фонде (НКО) таких капиталов (ЦК) может быть несколько (в системе ВУЗа, например, их могут дифференцировать по факультетам). Таким образом, наблюдается принцип «матрешки»: фонд в фонде (фонд ЦК в НКО, которая сама является фондом и соотносится).

2.2. Опыт оперативной деятельности эндаумент-фондов в сфере образования (администрирование). До недавнего времени наиболее активная практика образования и использования ЦК наблюдалась в образовании (примерно 62 % российских эндаумент-фондов). Крупнейшие из них МГИМО; РЭШ (Российская экономическая школа); Финуниверситет; др.

Оперативная деятельность эндаумент-фондов ведется на основе планирования. Планирование предполагается, как долгосрочным (более 10 лет), так и средне- и краткосрочным.

В этой связи в университетах деятельность, связанная с эндаумент-фондами, может условно рассматриваться как стратегическая и оперативная.

Стратегическая деятельность призвана синхронизироваться с целями социально-экономического развития университета; целевая модель развития университета, в свою очередь, соотносится со стратегической моделью развития инновационной отраслевой экосистемы - образовательной среды.

Оперативную деятельность можно условно разделить на три этапа (приводили выше).

Итак, направления 1 (аккумулирование (К), путем привлечения средств жертвователей и завещателей) и 3 (распределение и использование доходов (□К), полученных от УК на цели науки и образовательной деятельности) можно уверенно охарактеризовать, как некоммерческую и благотворительную деятельность; а направление 2 (выбор и взаимодействие с управляющей компанией (УК), которой собранные средства передаются для приращения капитала (□К)) - представляет собой деятельность, которая носит сугубо коммерческий и, даже агрессивно-коммерческий характер. Этот дуализм приводит к комплексности правового обеспечения целостного рабочего цикла оборота ЦК (К) и дохода (□К) от его обращения.

Технически оперативная деятельность ведется (по общему правилу) на основе сметы доходов и расходов НКО, а также составляется отчетность (в частности, баланс). Для учета поступлений от благотворителей и наследодателей открывается отдельный специальный счет.

По результатам работы НКО-учредитель обязана раскрывать информацию жертвователям об использовании ЦК.

Думается, что на первом этапе некоммерческой деятельности НКО преобладает частно-правовой характер правового регулирования общественных отношений, однако с присутствием публично-правовых элементов (положения гражданского [5, с. 10-99] и финансового видов права).

Представители профессионального сообщества указывают на целесообразность введение в процесс взаимодействия еще и такого иг- рока, как страховая компания (с целью страхования/перестрахования и нивелирования непредвиденных рисков, которые постигли, например, валютные активы в 2022 году).

На втором этапе в ходе операций, осуществляемых УК, очевидны различные направления коммерческой деятельности (наблюдается некий баланс частно-правового и публично-правового правового регулирования общественных отношений (конкурентное, финансовое, трудовое, предпринимательское виды права).

Помимо трех этапов основной деятельности существует сопутствующая деятельность (например, проведение конкурсов УК).

2.3. Частно-правовое регулирование деятельности эндаумент-фондов. Положениями гражданского права определен организационно-правовой статус (форма) эндаумент-фондов. Так, эндаумент— это НКО, созданная в организационно-правовой форме фонда, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. В п.2.1 ст. 2 ФЗ об НКО содержится понятие социально-ориентированной некоммерческой организации (СО НКО), как осуществляющей деятельность, направленную на решение социальных проблем. Законами субъектов РФ и актами представительных органов МСУ перечень социально ориентированных видов деятельности может быть конкретизирован.

В соответствии с ФЗ об НКО (ст.31.1) для СО НКО предусмотрены такие преференции, как налоговые льготы (по федеральным, региональным, местным налогам) и преимущества (размеры страховых взносов), а также возможность получения субсидий из региональных и муниципальных бюджетов.

2.4. Публично-правовое регулирование деятельности эндаумент-фондов (положения финансового и налогового видов права). Налогообложение в области аккумулирования и использования средств ЦК осуществляется на основании положений Налогового кодекса Российской Федерации (далее: НК РФ). В процессе перераспределительной финансовой деятельности в области эндаумент-фондов возникают налоговые обязанности, предусмотренные статьями 13, 14, 15 и 18 НК РФ. В соответствии с выше указанными этапами этой перераспределительной деятельности: аккумулирование первичного капитала (К); его приращение (□К); использование (□К), возможна следующая конкретизация налоговых обязанностей (платежей), а также льгот по ним, установленных закононо.

(1). На этапе аккумулирования средств в основной капитал (К) предусмотрены следующие налоги и льготы.

(1.1) У благотворителя (жертвователя), предоставляющего средства в порядке дарения:

физические лица – НДФЛ (Гл. 23 НК РФ); в соответствии со ст. 219 («Социальные налоговые вычеты») предусмотрена налоговая

льгота.

юридические лица и ИП – Налог на прибыль организаций (Гл. 25 НК РФ), а также *Упрощенная система налогообложения* (Гл. 26.2 НК РФ). Налоговые льготы не предусмотрены; средства, передаваемые в эндаумент-фонды формируются из чистой прибыли (после ее налогообложения); на организации (доноры) возможно только распространение льготного режима в виде инвестиционного налогового кредита (ст. 66 и п. 7 ст. 67 НК РФ).

Кроме того, пожертвование в виде недвижимости в эндаумент-фонд *не облагается НДС*.

У получателя (НКО): *Средства и активы, полученные НКО от жертвователей налогом на прибыль не облагаются*; они в полном объеме направляются в УК в рамках доверительного управления. В свою очередь, *НДС*, который не был уплачен жертвователем в случае передачи недвижимости в эндаумент-фонд, восстанавливается и подлежит зачету в рамках эндаумент-фонда (НКО).

(2). На этапе получения дохода эндаумент-фондом от УК (□К) – средства, полученные от УК в виде дохода от управления основным капиталом *налогом на прибыль не облагается*; операции с недвижимостью облагаются *НДС* в общем порядке (налогоплательщик – УК за счет эндаумент-фонда).

(3). На этапе расходования полученных доходов (□К). Льготы по *НДФЛ* предусмотрены (п. 11) ст. 217 НК РФ по таким выплатам, как стипендии студентов, аспирантов, ординаторов и ассистентов-стажеров, а также материальная поддержка, оказываемая нуждающимся обучающимся (ст. 36 ФЗ об образовании).

За исключением указанных налоговых льгот организация (НКО) обязана уплачивать такие виды налоговых платежей, как налог на имущество организаций; страховые взносы; *НДФЛ* (по трудовым и гражданско-правовым договорам), земельный налог и транспортный налог (в случае наличия соответствующей собственности).

В случае соответствия параметров экономической деятельности организации (НКО) установленным требованиям (гл. 26.2 НК РФ) она может перейти на такой специальный налоговый режим, как упрощенная система налогообложения.

Если НКО попутно ведет предпринимательскую или иную, приносящую доходы деятельность, она платит налог на прибыль от этих доходов на общих основаниях (ведется раздельный учет доходов и расходов по некоммерческой и предпринимательской видам деятельности).

3. Некоторые направления возможного совершенствования отношений в области деятельности эндаумент-фондов в России (вместо заключения). Дальнейшее развитие отношений в сфере рассмотренного феномена, как представляется, возможны в таких направлениях, как оптимизация оперативной деятельности эндаумент-фондов (индивидуально в каждом конкретном НКО); инициативная работа со стороны профессионального сообщества в отношении выработки предложений по совершенствованию действующего законодательства; аналитическая когнитивная межотраслевая работа в отношении эндаумент-фондов, выведенная на научный уровень. Рассмотрим коротко два последних направления.

3.1. Совершенствование действующего законодательства в сфере эндаумент-фондов. Думается, что следует наметить следующие пути решения проблем (отмечали выше) с помощью принципиального обновления действующего законодательства, регулирующего перераспределение финансов в сфере эндаумент-фондов.

1. Прежде всего необходимо принятие новой редакции ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» с внесением изменений и дополнений в таких направлениях, как: (1.1.) формирование глоссария, аккумулирующего дефиниции и основной понятийный аппарат об эндаумент-фонде; (1.2.) дифференциация правового обеспечения двух направлений деятельности фондов ЦК: фонды, специально создаваемые (например, «Подари жизнь») и фонды, формируемые с целью прироста имущества, направляемого на социально-ориентированные цели (в образовательной и иных видах деятельности); (1.3.) изменение уровня возможного использования дохода для ведения оперативной деятельности ЦК с целью увеличения размера административных расходов (специфика требует постоянного повышения профессиональной квалификации персонала НКО); (1.4.) следовало бы изменить положения законодательства о расформировании целевого капитала с учетом инфляционных и кризисных процессов; (1.5.) вероятно настало время ввести (хотя бы рекомендательно) положение об обязательности страхования **рисков**.

2. Представляется своевременным внесение поправок в налоговое законодательство РФ, а именно: (1.1.) в федеральное законодательство (НК РФ): для жертвователей / организаций в гл. 25 НК РФ (Налог на прибыль организаций), а именно в статью 264 (возможность для них относить расходы, связанные с благотворительностью, либо на себестоимость в установленном законодательстве проценте, либо в статью 265 (возможность относить всю сумму пожертвований на внереализационные расходы); (1.2.) в региональное законодательство с целью возможного получения региональных льгот по налогу на имущество организаций (гл. 30 НК РФ) и по транспортному налогу (гл. 28 НК РФ).

3.2. Презентация совокупности принципов и норм, регулирующих перераспределительные финансово-экономические отношения в области эндаумент-фондов, в качестве института экономического права. Учитывая, что отношения в области эндаументов регулируются (в основном) положениями гражданского и финансового права, а также – фрагментарно - трудового права (наличие трудового коллектива в организации/фонде); правом социального обеспечения (деятельность СО НКО); предпринимательского права (деятельность УК имеет непосредственную цель – извлечение прибыли) и некоторых других видов права, был сделан промежуточный вывод о межотраслевом характере правового регулирования. Исходя из инновационной концепции о наличии мегаотрасли экономического права в трехмерной модели обновленной системы российского права [1, с. 208-225], представляется целесообразным определить в ней место института эндаумент-фондов, как совокупности норм права. Представители юридической науки (например, Н.И. Матузов, А.В. Малько) под правовым институтом традиционно понимали: «комплекс

взаимосвязанных правовых норм, регулирующих определенную разновидность близких по содержанию (родственных) общественных отношений» [6, с. 186; 207; 214]. По мнению В.А. Мальцева правовой институт представляет собой группы правовых норм, регулирующих однородные видовые отношения внутри подотрасли, а также отношения, регулируемые самостоятельно [7, с. 212]. Поскольку прослеживаются непосредственные связи с отдельными направлениями экономической деятельности¹, можно утверждать, что отдельные совокупности норм, регулирующих означенные экономические отношения органично вписываются в правовой институт эндаумент-фонда. Аналогично, применительно к правовому обеспечению видов экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором², следует отметить корреспонденцию и сопряжение института эндаумент-фонда с такими видами, как: Деятельность финансовая и страховая (К); Деятельность по операциям с недвижимым имуществом (L); Образование (P); Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (Q); Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (R).

Таким образом, формулируем общий вывод: совокупность норм, регулирующих отношения в сфере перераспределительной деятельности эндаумент-фондов, следует охарактеризовать как комплексный институт (раздел) в пределах экономического права. Этот институт включает субинституты, а именно нормы, регулирующие перераспределительные финансово-экономические отношения с использованием ЦК в отдельных видах экономической деятельности, например: (К); (L); (P); (Q); (R).

Список литературы:

1. Белякова С.В.; Завражина И.М. История «вечных капиталов» и современность // Наука и образование. Том 7. №2. 2024 / Мастера публикаций.
2. Лезина О.В., Терновоя Л.О. Университеты и благотворители // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. Т. 4. № 178. С. 20-28.
3. Ершов, В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. № 1. 2009. С. 305-311. С. 313.
4. Ашмарина, Е.М. Инновационная технология «Экономическое право» в условиях глобализации: Монография / – Москва: РУСАЙНС, 2024. 280с. 18,0 п.л. С. 122-131; 94-110.
5. Елисеев, В.С., Веленто, И.И. Теория экономического права: теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения: учебное пособие . - Москва: Проспект, 2019. – 416с. С. 10-99.
6. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е издание. – Москва : Дело, 2020. – 528 с. С. 186; 207; 214.
7. Мальцев, В.А. Финансовое право : учебник / В.А. Мальцев. – 13-е издание, переработанное – Москва : Кнорус, 2013. – 236 с. С. 212.

References:

1. Belyakova S.V.; Zavrazhina I.M. History of "eternal capital" and modernity // Science and education. Vol. 7. No. 2. 2024 / Masters of publications.
2. Lezina O.V., Ternovaya L.O. Universities and philanthropists // Ethnosociety and interethnic culture. 2023. Vol. 4. No. 178. Pp. 20-28.
3. Ershov, V.V. The system of legal forms in the Russian Federation // Russian justice. No. 1. 2009. Pp. 305-311. Pp. 313.
4. Ashmarina, E.M. Innovative technology "Economic law" in the context of globalization: Monograph / - Moscow: RUSAINS, 2024. 280s. 18.0 p.l. pp. 122-131; 94-110.
5. Eliseev, V.S., Velento, I.I. Theory of Economic Law: Theory of Branches of Law Ensuring Economic Relations: A Textbook. - Moscow: Prospect, 2019. - 416 p. P. 10-99.
6. Matuzov, N.I. Theory of State and Law: A Textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. - 5th Edition. - Moscow: Delo, 2020. - 528 p. P. 186; 207; 214.
7. Maltsev, V.A. Financial Law: A Textbook / V.A. Maltsev. -13th Edition, Revised - Moscow: Knorus, 2013. - 236 p. P. 212.

¹ Номенклатура специальностей научных работников. Например: экономические основы функционирования некоммерческих организаций в сфере услуг (5.2.3.4.9); финансовые услуги: виды, специфика, функции в экономической системе (5.2.4. 2) и др.

² ОКВЭД 2 – Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Приказ Росстата от 08.09.2017 № 1045-ст. с дальнейшими изменениями и доп.). Документ опубликован не был. См.: Консультант Плюс.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ INTERACTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND MASS MEDIA

БЕЗСАЛИЙ Олеся Рашидовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».
620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольска, 21.
E-mail: Bezsaliiy@inbox.ru;

BEZSALIY Olesya Rashidovna,

PhD, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activity
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev".
620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Komsomolskaya st., 21.
E-mail: Bezsaliiy@inbox.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются проблемные аспекты взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества и средствами массовой информации. Выявляются проблемы отсутствия единого подхода к определению указанного взаимодействия. Отмечается, что без должного минимального уровня правовой грамотности граждан, плохим качеством взаимодействия между правоохранительными органами и обществом невозможно достигнуть целей экономического, социально-го и духовного развития, хотя такие цели уже находятся в повестке российской власти и нашего общества.

Abstract: The article examines problematic aspects of interaction between the prosecutor's office of the Russian Federation and civil society institutions and the media. It identifies problems of the lack of a unified approach to defining this interaction. It is noted that without the proper minimum level of legal literacy of citizens, poor quality of interaction between law enforcement agencies and society, it is impossible to achieve the goals of economic, social and spiritual development, although such goals are already on the agenda of the Russian government and our society.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, гражданское общество, средства массовой информации.

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, civil society, mass media.

Для цитирования: Безсалий О.Р. Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества и средствами массовой информации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 263-265. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_263.

For citation: Bezsaliiy O.R. Interaction of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with civil society institutions and the media // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 263-265. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_263.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В научном сообществе содержится большое количество публикаций российских и иностранных исследований касающихся вопросов проблематики работы демократических институтов общества, в их числе и так называемых институтов гражданского общества.

О взаимодействии институтов гражданского общества и прокуратуры писал доктор исторических наук, профессор Галкин А.Г. и прокурор Краснодарского края Каинов А.С. в контексте, что для эффективного осуществления прокурорского надзора прокуратуре РФ необходимо привлекать институты гражданского общества [1, с. 81]. С указанной точкой зрения необходимо согласится и поддержать ее, но при этом обозначить некоторую специфику данного взаимодействия так как, указанное взаимодействие является одной из самых неоднородных, но в то же время весомых форм общественной жизни в любом демократическом государстве.

Важнейшим компонентом демократического общества во всех его содержательных смыслах существования является работа институтов гражданского общества и свободных средств массовой информации, как государственных, так и находящихся в частных руках.

В числе институтов гражданского общества, как правило, основными являются общественные (в том числе гражданские организации) абсолютно разного направления: благотворительные фонды, религиозные организации, негосударственные средства массовой информации, частные образовательные учреждения, различные объединения ученых-исследователей и деятелей культурного пространства. Иначе говоря, главным образом любая форма взаимодействия граждан, которая уместается в рамки дозволенных законом форматов взаимодействия, и есть институт гражданского общества. Отдельного внимания требуют и такие институты гражданского общества, как например ДОСААФ (Общероссийская общественно-государственная организация, цель которой - содействие укреплению обороноспособности страны и национальной безопасности) - субъект который является общероссийской общественно-государственной организацией, иначе говоря, институтом сугубо гражданского общества, но работающим на базе государственной собственности, с привлечением специалистов государственной профессиональной армии и средств федерального бюджета для финансирования проектов указанного добровольного общества.

Несмотря на большой и разнообразный фонд исследований, посвященный институтам гражданского общества, большинство ученых-исследователей сходятся в одном: для существования демократического общества и всех его составляющих необходимы в первую очередь надзор за соблюдением законодательства, неотвратимая ответственность за нарушение закона и система сдержек и противовесов во всех ветвях власти. В этом разрезе применимо к нашему государству главным образом всеобъемлющий надзор осуществляют органы прокуратуры Рос-

сийской Федерации. Уровень развития теоретической базы о взаимодействии прокуратуры со СМИ и институтами гражданского общества можно охарактеризовать как не имеющий единой формы научного описания и общетеоретической системы знаний. Но в условиях цифровой реальности представляется невозможным дальнейшее развитие исследуемых направлений без серьезной проработки теоретических аспектов взаимодействия названных институтов и организаций.

Под взаимодействием органов прокуратуры с институтами гражданского общества следует понимать совместную деятельность двух субъектов, каждый из которых, имея собственные цели и пути их достижения, вместе с тем стремится к достижению общей глобальной цели – защиты прав и свобод человека, стабильного состояния законности и правопорядка.

Деятельность органов прокуратуры по осуществлению взаимодействия с институтами гражданского общества строиться на определенных принципах, к которым главным образом относятся: комплексность подхода к вопросам взаимодействия, оперативность реагирования на потребности институтов гражданского общества в рамках регулярного взаимодействия и решения разовых вопросов, непрерывность взаимодействия с руководителями организаций и реагирования на потребности гражданского общества, объективность и осмысленность действий прокурорских работников уполномоченных на взаимодействие с институтами гражданского общества, законность деятельности и неукоснительное соблюдение Конституции РФ и других законов, подзаконных актов, а так же эффективность достигаемая соблюдением всех перечисленных принципов.

Согласно Приказу Генерального прокурора от 17 мая 2018 года № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» (далее – Приказ № 296) органы прокуратуры должны регулярно информировать граждан посредством официальных интернет-сайтов и порталов прокуратуры, информационные агентства, печать, радио и телевидение о состоянии законности и правопорядка. В том числе, оперативно сообщать в средства массовой информации о передаче в суд уголовных дел, которые имеют повышенный социальный резонанс и уровень общественного внимания, и вынесении впоследствии по таким делам решений суда, в том числе о проведении прокурорских проверок, в процессе которых вскрыты многочисленные нарушения законов. При этом распространяемые прокуратурой сообщения должны быть выверенными, объективными и не содержать информации ограниченного доступа, в том числе конфиденциального характера.

В Приказе № 296 Генеральный прокурор РФ требует от своих подчиненных обеспечивать взаимодействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации с общественными организациями и объединениями федерального уровня, готовить предложения для руководства Генеральной прокуратуры Российской Федерации о встречах с представителями общественных объединений и иных институтов гражданского общества с перечнем вопросов для обсуждения, совместно с Университетом прокуратуры Российской Федерации участвовать в разработке программ, методических пособий и иных материалов по вопросам взаимодействия с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества, осуществлять координацию работы органов прокуратуры по взаимодействию с общественностью. В том числе, не реже одного раза в полугодие организовывать с привлечением работников структурных подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации мероприятия с представителями общественности. Особое внимание обращать при этом на вопросы защиты прав граждан и предпринимателей.

Интересно, что отдельным пунктом Приказа является требование к Университету прокуратуры Российской Федерации предусмотреть проведение систематических исследований по вопросам повышения эффективности взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью, а также разработку научно-практических рекомендаций по совершенствованию форм и методов этой деятельности, принципов анализа и учета общественного мнения. Такой запрос от Генерального прокурора РФ говорит о большом внимании к вопросу взаимодействия органов прокуратуры и институтов государственной власти. А также уделяет большое внимание информационной сфере взаимодействия.

В двадцать первом веке всеобщей информатизации, компьютеризации и глобальных поисковых сетей, одной из ключевых проблем является недостаточность работы прокурорских работников с глобальной сетью Интернет, их недостаточная компетенция работы с информационными ресурсами и обработкой информации. Американский специалист в области государственности Карен Моссбергер первой ввела в научный оборот понятие «цифровой гражданин» [3, 221]. Оно подразумевает под собой человека, владеющего цифровыми информационными компьютерными технологиями, которые он использует для активного участия в общественно-социальной жизни, политических процессах, работе электронных сервисов правительства (на примере России — это сеть «Государственные Услуги», «Государственные услуги Авто» и «Онлайн приемная Прокуратуры РФ»). По мнению К. Моссбергера, такие люди эксплуатируют сеть Интернет периодически в течение повседневной жизни с хорошим уровнем эффективности для себя и для общественного социума, в котором находятся и действуют. При этом под цифровым гражданством понимается не только применение Интернета, бесперывное нахождение в непосредственно сети, но должное и правовое поведение в ней. Все названное включает и общую компьютерную грамотность, высокую культуру общения в сети Интернет, соблюдение правовых норм, регулирующих отношение в Сети. Таким образом, в контексте времени представляется важным формирование в профессиональной среде прокурорских работников мнения о важности специальных знаний в области информационных компьютерных цифровых технологий.

В контексте взаимодействия прокуратуры и институтов гражданского общества видится важной возможность обработки такого массивного хранилища данных как сети Интернет. Ведь в практике прокурорской работы известны многие случаи, когда материал из глобальной информационной сети становится предметом прокурорской проверки или поводом для ее проведения. В то же время, освоение прокурорами новых информационных технологий спровоцировало бы не только улучшение результатов по обеспечению законности на конкретных участках поднадзорных территорий, но и продуктивность работы в целом, так как навык работы с такими данными увеличил бы объем информации, которую мо-

жет обработать и проанализировать каждый конкретный прокурорский работник.

Несмотря на то, что эти ресурсы как средства массовой информации не зарегистрированы, они выполняют функцию информационных площадок, с возможностью размещения контента разной направленности, как в видео, так и в текстовом формате.

Прокуратура также должна выполнять просветительскую роль. Правовое просвещение представляет собой особый вид деятельности правоохранительных органов, регулирующий отдельные внутренние ведомственными актами. В прокурорской работе главным документом инструктирующим прокуроров на этот счет является Приказ Генерального прокурора России от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию».

Обратимся к определению, предложенному Председателем Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедевым, который считает, что правовое просвещение – это распространение в обществе знаний о праве и разъяснение положений действующих законов и других нормативных актов [2, 6-13].

Предложенные мероприятия требуют серьезного подхода представителей властного аппарата управления, решительных и продуманных действий, финансирования и объединения в достижении целей с институтами гражданского общества и средствами массовой информации (как государственными, так и частными). Безусловно, указанные процессы (группируемые в предложенном варианте) так или иначе, каждодневно и непрерывно прорабатываются всеми правоохранительными органами. В стороне не остается и прокуратура, содержание работы которой определяют и утверждают верховенство права, единение и усиление охраняемых законом прав и свобод общества, государства, гражданина и каждого отдельного человека.

Необходимо отметить, что некоторые формы взаимодействия общества и органов прокуратуры находят абсолютно новые формы жизни. Так, например, в сентябре 2022 года во время Дальневосточного экономического форума Генеральная прокуратура РФ представила гостям форума официальное мобильное приложение Генпрокуратуры России [4]. Отмечается, что сервис имеет большой потенциал для работы и с коммерческими организациями. На данный момент, например, с его помощью можно отправить сообщение на «Прямую линию для предпринимателей» или пожаловаться на нарушение прав, а также записаться на прием в органы прокуратуры, воспользоваться Единым реестром проверок или сводными планами проверок. Естественно, некоторые функции приложения работают еще в тестовом режиме, но такое новшество в сфере взаимодействия органов прокуратуры с обществом, считаем большим и важным шагом к усилению работы по взаимодействию. Такое нововведение способствует и укреплению доверия граждан к правоохранительной системе в целом, ведь чем больше способов взаимодействия прокуратуры и других государственных органов с обществом, тем более открытым является такое общение.

В настоящее время, мероприятия, проводимые органами прокуратуры с привлечением институтов гражданского общества, вызывают у граждан повышенный интерес, что положительно влияет на имидж страны.

В современных условиях, когда другие государства путем объявления санкций в экономической, культурной, социальной и других сферах мешают прогрессивному подъему России, особо возрастает важность контакта между обществом и государством. Именно поэтому, необходимость роста взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества так важна, поскольку в том числе от итогов такой работы зависит и будущее государства в целом. Так как, если роста единения между рядовыми гражданами и государством в лице органов и институтов власти не будет, то перспективы нарастания уровня экономического благосостояния населения, увеличения рождаемости, продолжительности жизни и других важных показателей тоже становятся менее близкими к сегодняшнему дню.

Список литературы:

1. Галкин А.Г., Каинов А.С. Место и роль прокуратуры в функционировании институтов гражданского общества // общественные науки. Право. 2018. №1.С.81-86.
2. Выступление Председателя Верховного суда Российской Федерации В.М. Лебедева: редакционный материал // Российский судья. 2009.№1.С.6-13.
3. Karen Mossberger. Digital Citizenship. URL://<https://direct.mit.edu/books/monograph/3275/Digital-CitizenshipThe-Internet-Society-and> (дата обращения - 17.02.2025).
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL://<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/mobile-app> (дата обращения - 17.02.2025).

References:

1. Galkin A.G., Kainov A.S. The place and role of the prosecutor's office in the functioning of civil society institutions // social sciences. Right. 2018. No. 1.P.81-86.
2. Speech by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V.M. Lebedeva: editorial material // Russian judge. 2009.No.1.P.6-13.
3. Karen Mossberger. Digital Citizenship. URL://<https://direct.mit.edu/books/monograph/3275/Digital-CitizenshipThe-Internet-Society-and> (accessed 02/17/2025).
4. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL://<https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/mobile-app> (date of access - 02/17/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_266

УДК 341.637

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА THE CONCEPT AND ESSENCE OF JUDICIAL REPRESENTATION

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета;
кандидат юридических наук, доцент.

3-я Красноармейская ул., 3/6, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

ГАВКАЛЮК Анна Богдановна,

стажер - исследователь научно-учебной лаборатории международного правосудия
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Кантемировская ул., 3, корп. 1, г. Санкт-Петербург, 194100, Россия.

E-mail: annettjnn@gmail.com;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of Civil Protection of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of Law of the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering;
Candidate of Law, Associate Professor.

3/6 3rd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg, 190005, Russia.

E-mail: vitya-shen@mail.ru ;

GAVKALYUK Anna Bogdanovna,

intern Researcher at the Scientific and Educational Laboratory
of International Justice National Research University "Higher School of Economics".

Kantemirovskaya St., 3, building 1, St. Petersburg, 194100, Russia.

E-mail: annettjnn@gmail.com

Краткая аннотация: Настоящее исследование раскрывает особенности судебного представительства.

Abstract: The present study reveals the features of judicial representation.

Ключевые слова: судебное представительство, гражданский процесс, арбитражный процесс, окружающая среда, охрана окружающей среды.

Keywords: judicial representation, civil procedure, arbitration process, environment, environmental protection.

Для цитирования: Шеншин В.М., Гавкалюк А.Б. Понятие и сущность судебного представительства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 266-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_266.

For citation: Shenshin V.M., Gavkalyuk A.B. The concept and essence of judicial representation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 266-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_266.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Статья 48 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации четко формулирует неотъемлемое право каждого гражданина определять, как будет происходить рассмотрение его дела в суде «граждане могут вести свои дела в суде как лично, так и через представителей. Личное участие в деле не лишает гражданина права иметь представителя в этом деле...» Эта формулировка признает двойственную природу доступа к правосудию, допуская как самостоятельное представительство, так и признавая, что доступ к квалифицированным юристам является не только возможностью, но и основным правом. Это также гарантирует, что каждый человек может в любой момент судебного процесса обратиться за профессиональным представительством, чтобы обеспечить наилучшую возможную защиту своих интересов, и что никто не будет заперт в ситуации, которая не позволит ему добиться благоприятного результата.

Институт юридического представительства в гражданских процессах олицетворяет собой стремление к справедливости и точности, выступая в качестве жизненно важного механизма защиты законных прав всех участников, будь то частные лица или юридические лица. Более того, его важнейшая роль заключается в оказании помощи суду в полном изучении всех важных аспектов конкретного дела, чтобы прийти к обоснованному и справедливому юридическому решению, основанному на полном и всестороннем понимании всех имеющихся фактов. Эта многогранная роль подчеркивает важность юридического представительства для обеспечения того, чтобы судебная система защищала людей и поддерживала сам принцип справедливости.

Юридическое представительство является центральным и незаменимым элементом функционирующей системы гражданского правосудия, напрямую способствующим защите прав и свобод граждан. Юридический представитель, действующий от имени своего клиента, является активным и преданным своему делу защитником, заинтересованным в интересах своего клиента и в надлежащем функционировании судебного процесса. Они также играют важнейшую роль в том, чтобы помочь суду беспристрастно установить факты и обстоятельства рассматриваемого дела, гарантируя, что все доказательства будут приняты во внимание и что любое решение будет отражать всестороннее и объективное понимание дела, а также справедливое и правильное применение закона.

Теоретические основы юридического представительства в гражданском праве часто находят отражение в анализе договора поручения, который, по мнению таких ученых, как Д. И. Мейер, является центральным в юридической практике. С этой точки зрения договор доверенно-

сти (договор о представительстве по доверенности), как объясняет Мейер, — это «правоотношение, в котором одно лицо обязуется выступать в качестве представителя другого лица в каком-либо гражданском процессе». Далее он описывает, что «исключительной целью этого соглашения является создание именно такого правоотношения». Этот анализ подчеркивает неотъемлемую связь между правовой концепцией представительства и практикой юридического представительства, а также выделяет непреходящую роль договорного права в системе юридического представительства в гражданских делах.¹

В выводах, вышеуказанные положения, отражали сущность представительства, как некий договор в гражданском праве.

В свою очередь, Д. И. Мейер давал трактовку судебному представительству через призму «юридическое отношение и гражданское действие», на этом фоне у него возникало множество вопросов, таких как: «Имеется ли сходства между представительством и договором доверенности? Какие различия между этими двумя понятиями и не является ли само по себе представительство частью договора доверенности?».

Действительно, в гражданском праве вышеуказанная деятельность сопряжена со сделками, то есть с формами выражения гражданских правоотношений, которые в свою очередь регулируются материальным правом. Отсюда и возникает заключение, по которому договор доверенности является рычагом для работы представительства в границах гражданского права.

Однако следует отметить, что представительство не ограничивается только договором доверенности. В действительности представительство может быть установлено различными способами, включая полномочия, назначение и другие формы. Таким образом, представительство имеет широкий спектр проявления и может быть применено в различных сферах гражданского права.

Более того, представительство играет важную роль в обеспечении защиты интересов сторон в гражданском праве. Оно позволяет делегировать полномочия и доверить осуществление определенных действий другому лицу, что способствует более эффективному ведению дел и достижению желаемых результатов.

Гражданское судопроизводство включает в себя множество аспектов, и одним из ключевых является понятие представительства. Так, И. М. Ильинская и Л. Ф. Лесницкая рассматривают судебное представительство, как выполнение процессуальных задач от имени и для представляемого лица, независимо от того, на какой стороне оно выступает. Данные действия призваны убедить суд в законности и обоснованности провозглашенного иска, либо наоборот, в неправомерности заявленного требования.²

С другой стороны, существует альтернативное мнение, выраженное А.А. Мельниковым. Автор отражает институт судебного представительства через призму кодифицированных норм, установленных гражданским процессом, где стороны могут поручить ведение дела и реализацию своих прав дееспособным лицам, которые в соответствии с законодательством способны выполнять указанные функции.³

Представительство может осуществляться на добровольной основе, когда стороны заключают договор на оказание юридических услуг, в обязательном порядке, когда закон предусматривает обязательное наличие представителя (например, для защиты прав недееспособных лиц), а также по назначению суда, когда представляемый не может самостоятельно защитить свои права и интересы.

Судебное представительство включает в себя две основные линии взаимоотношений, которые взаимодействуют друг с другом:

Первая линия включает судебного представителя и доверителя, т. е. то лицо, которое поручило представителю, осуществлять его защиту в суде. Такие отношения подвязаны договором (соглашением). Законное представительство строится на другом постулате. Данные взаимоотношения подкреплены нормами материального права, которые возникают в связи с конкретным случаем. Если представитель выступает в гражданском производстве, то оно будет регулироваться нормами гражданского законодательства.

Вторая линия взаимоотношений — представитель и суд, здесь действуют нормы процессуального права.

В соответствии с главой 5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴, процесс представительства в суде строго регламентирован. Российское законодательство четко определяет, что представительство в суде допускается на всех стадиях гражданского процесса, начиная с подачи дела в суд первой инстанции и заканчивая всеми последующими стадиями. В этот процесс входит пересмотр решений суда в апелляционном, кассационном и надзорном порядках, рассмотрение дела на основании новых обстоятельств и в процессе исполнения решения суда.

Важно отметить, что судебное представительство имеет свои особенности, которые отличают его от представительства в гражданском праве. Различия обусловлены целями и характером взаимоотношений между представителем и представляемым, а также составом участников. Существуют конкретные причины для возникновения и юридические последствия такого представительства, включая ответственность за предоставление поручения на осуществление юридических действий. Представитель в суде — это юридически компетентное лицо, действующее от имени и в интересах участника процесса (представляемого), выполняя действия, разрешенные его полномочиями.

Деятельность законного представителя в рамках гражданского спора определяется выполнением различных юридических задач, которые тщательно выполняются для отстаивания и защиты интересов клиента. Важно отметить, что юридические последствия этих действий, включая возникновение новых прав, принятие на себя обязательств или изменение существующих правовых отношений, не возлагаются на представителя, а напрямую относятся к представляемой стороне. Эта система атрибуции подчеркивает, что действия представителя фактически являются действиями представляемого, и гарантирует, что только представляемый получает выгоду или несет последствия любых юридических

¹ Мейер Д. И. Договор доверенности: юридическое отношение и его сущность. // Вопросы гражданского права. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — С. 45.

² Ильинская И. М., Лесницкая Л. Ф. Представительство в гражданском процессе: субъектный и деятельностный аспекты. — М.: Юридический центр Пресс, 2018. — С. 78.

³ Мельников А. А. Представительство в гражданском праве: новые аспекты и подходы. — М.: Издательство Норма, 2020. — С. 102.

⁴ Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2022. — No. 2(55). — P. 37-41. — EDN KJJQEX.

действий, предпринятых его представителями. Таким образом, еще больше подчеркивается важность ответственного и квалифицированного юридического представительства.

Статус и полномочия адвоката закреплены в федеральном законе, что является некой гарантией его деятельности, список не ограничивается лишь двумя категориями вышеуказанного положения, расширяется также статьями процессуального законодательства, в зависимости от такого в каком судопроизводстве он участвует в данном статусе. Обязанности, которые непосредственно возникают после получения вышеуказанного статуса, закрепляют в себе защиту прав и законных интересов клиента, применяя все средства и способы, которые не запрещены действующим законодательством, также адвокату необходимо соответствовать требованиям, где он обязательно должен участвовать в качестве назначенного защитника, бесплатно оказывать данную услугу, также совершенствовать свои навыки, как специалиста в юридической области, применяя их в своей повседневной практике.

Помимо прав и обязанностей адвоката, законодатель предусмотрел гарантии его деятельности¹. Это обусловлено необходимостью обеспечить успешное выполнение адвокатом своих обязанностей по предоставлению квалифицированной юридической помощи, что выражается в обеспечении его законной независимости и неприкосновенности.

В рамках дела № А40-96578/2020, адвокат представлял интересы организации-ответчика, которая являлась одной из сторон договора поставки. Истцом по данному делу выступила другая организация, которая обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с ответчика задолженности, возникшей в результате неисполнения ответчиком своих обязательств по договору.²

В гражданском судопроизводстве независимость адвоката является основополагающей гарантией справедливого правосудия³. Успешное представительство адвоката, приведшее к отказу в удовлетворении иска (как в примере со взысканием задолженности), демонстрирует важность квалифицированной юридической помощи. Статья 49 ГПК РФ устанавливает широкий круг лиц, которые могут выступать судебными представителями, включая адвокатов и иных лиц с соответствующими полномочиями, оформленными надлежащим образом. Ключевым моментом является наличие полномочий, а не получение какого-либо дополнительного «разрешения» на участие в деле. Любые попытки воспрепятствовать участию адвоката в гражданском процессе, не имеющие законных оснований, являются нарушением права на квалифицированную юридическую помощь, гарантированного Конституцией РФ. Это может проявляться, например, в необоснованном отказе в доступе к материалам дела, игнорировании ходатайств адвоката или ограничении его общения с клиентом. Аналогия с Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П полностью применима и к гражданскому процессу: адвокат, имеющий надлежащие полномочия, не может быть зависим от усмотрения судьи или других участников процесса. При этом адвокат обязан действовать в рамках закона, соблюдая процессуальные нормы и этические принципы адвокатской деятельности.

Нарушения представителем правил гражданского процесса влекут за собой целый ряд негативных последствий как для самого представителя, так и для его доверителя, а также могут негативно сказаться на ходе судебного разбирательства.

Для представителя последствия могут включать:

1. Дисциплинарную ответственность: если представитель является адвокатом, он может быть привлечен к ответственности адвокатской палатой вплоть до лишения статуса за нарушение профессиональной этики и ненадлежащее исполнение обязанностей.

К законным представителям несовершеннолетних относятся:

Родители (или один из родителей): чаще всего выступают законными представителями своих детей.

Усыновители: имеют те же права и обязанности, что и родители.

Опекуны/попечители: назначаются органом опеки и попечительства для представления интересов ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Представители учреждений: в некоторых случаях законным представителем может выступать администрация детского дома или другого аналогичного учреждения.

Последствия нарушений законным представителем несовершеннолетнего:

Отстранение от представительства: Судом: если суд установит, что действия или бездействие законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего, суд может отстранить его от участия в деле и назначить другого представителя, например адвоката или представителя органа опеки и попечительства. Это происходит, если суд считает, что представитель некомпетентен или действует в ущерб интересам ребенка.

Орган опеки и попечительства: Орган опеки, в свою очередь, может отстранить родителя, опекуна или попечителя от исполнения обязанностей законного представителя, если обнаружит, что они действуют не в интересах ребенка. Это может быть связано с ненадлежащим исполнением обязанностей, пренебрежением интересами ребенка, злоупотреблением своими правами и т.д.

Административная ответственность: Штрафы: в некоторых случаях орган опеки и попечительства может наложить административный штраф на родителя, опекуна или попечителя за ненадлежащее исполнение обязанностей, если это прямо предусмотрено законом.

Семейная ответственность: Лишение родительских прав: если действия родителя угрожают жизни или здоровью ребенка, а также ес-

¹ Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.

² Постановление от 15 июня 2021 г. по делу № А40-40338/2020. Арбитражный суд Московского округа (ФАС МО).

³ Гавриленко, В. А. Сравнительный анализ законодательства государств арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 5-9. – EDN IWWWVHU.

ли родитель не выполняет свои обязанности, он может быть лишен родительских прав.

Ограничение родительских прав: в менее серьезных случаях родитель может быть ограничен в родительских правах.

Освобождение от обязанностей опекуна/попечителя: Орган опеки может освободить опекуна или попечителя от их обязанностей, если они ненадлежащим образом выполняют свои функции или пренебрегают интересами ребенка.

Гражданско-правовая ответственность: Возмещение убытков: если действия или бездействие законного представителя привели к убыткам несовершеннолетнего, законный представитель может быть обязан возместить эти убытки.

Отличия от адвокатской ответственности: Ключевое отличие заключается в том, что законные представители не являются профессиональными участниками судебного процесса, и к ним не применяются такие же строгие дисциплинарные меры, как к адвокатам. Вместо этого к ним применяются меры, направленные на защиту интересов ребенка, включая отстранение от представительства, лишение родительских прав и другие формы ответственности, связанные с их родительскими или опекунскими обязанностями.

Примеры нарушений законным представителем: Недобросовестное ведение дела (например, не сбор необходимых доказательств)¹. Конфликт интересов (например, преследование своих интересов в ущерб ребенку)². Неучастие в судебных заседаниях без уважительных причин³. Несогласие с позицией ребенка (если ребенок достаточно взрослый и может выразить свое мнение)⁴. Неисполнение решений суда в отношении ребенка. Сокрытие от суда важной информации. Растрата или нецелевое использование имущества ребенка⁵.

Нарушение обязанностей законным представителем несовершеннолетнего — серьезная проблема, которая может привести к значительным негативным последствиям для ребенка. В отличие от адвоката, законный представитель несет ответственность в первую очередь перед ребенком и государством, и меры, принимаемые в отношении него, в большей степени направлены на защиту интересов несовершеннолетнего, чем на наказание самого представителя. Суд и органы опеки имеют право отстранить такого представителя, если его действия наносят вред ребенку.

Ключевым аспектом ответственности юридического представителя в гражданском судопроизводстве является его финансовая ответственность за любой ущерб, возникший в результате его действий. Представители могут нести личную ответственность за возмещение своим клиентам любых убытков, непосредственно связанных с их ошибками, упущениями или промахами. Помимо этого прямого обязательства перед клиентом, они также могут быть привлечены к ответственности судом. Эти наказания могут принимать форму денежных штрафов за нарушения судебных процедур, умышленные действия, направленные на препятствование правосудию, или действия, которые иным образом подрывают целостность правовой системы, тем самым создавая систему ответственности, охватывающую множество различных источников.

Репутационные потери: нарушение правил представительства негативно сказывается на репутации представителя, что может привести к потере доверия со стороны клиентов и коллег.

Гражданско-правовую ответственность: представитель может быть привлечен к ответственности за причинение ущерба доверителю и может быть обязан выплатить компенсацию через суд.

Для доверителя последствия могут быть следующими:

Потеря дела: некомпетентные действия представителя могут привести к проигрышу судебного спора.

Материальные убытки: доверитель может понести финансовые потери, включая утрату имущества, возмещение убытков противоположной стороне и дополнительные судебные расходы.

Затягивание судебного процесса: нарушения со стороны представителя могут привести к задержкам в рассмотрении дела.

Психологический ущерб: доверитель может испытывать разочарование, стресс и потерю времени, связанные с некачественной работой представителя.

Невозможность реализации прав: некомпетентность представителя может привести к тому, что доверитель не сможет защитить свои права в суде.

Примеры нарушений со стороны представителя, которые могут повлечь за собой указанные последствия, включают: ненадлежащее исполнение поручения; конфликт интересов; некомпетентность в ведении дела; недобросовестное поведение, включая предоставление ложной информации; нарушение процессуальных сроков; превышение полномочий.

Важно также отметить, что, несмотря на широкие возможности для назначения представителей, российское законодательство также предусматривает определенные ограничения в отношении права на представительство. Это означает, что не все дееспособные лица могут выступать в качестве представителей. Например, существуют определенные категории лиц, которым запрещено представлять интересы других лиц в суде. Эти специфические ограничения и условия, при которых они применяются, подробно описаны в статье 51 ГПК РФ.

Таким образом, все это подчеркивает важность тщательного понимания и соблюдения законодательных норм при взаимодействии с

¹ Гавриленко, В. А. Характеристика способов совершения преступлений против лесных насаждений / В. А. Гавриленко, А. Б. Доильницын // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 2(47). – С. 47-51. – EDN JLOOBJ.

² Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.

³ Назарова, И. С. Правовые аспекты реализации алиментных обязательств на несовершеннолетних детей / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSFSO.

⁴ Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.

⁵ Назарова, И. С. Наследники в делах о банкротстве / И. С. Назарова, Д. В. Попков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 295-298. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_295. – EDN ULDRFY.

юридической системой. Необходимо уделить особое внимание изучению соответствующих статей ГПК РФ, чтобы полностью понимать, кто может выступать в качестве представителя, и какие условия и ограничения могут быть применены.

Список литературы:

1. Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2(55). – С. 37-41. – EDN KJJQEX.
2. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
3. Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Гавриленко, В. А. Сравнительный анализ законодательства государств арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 5-9. – EDN IWWVHU.
5. Гавриленко, В. А. Характеристика способов совершения преступлений против лесных насаждений / В. А. Гавриленко, А. Б. Доильницын // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 2(47). – С. 47-51. – EDN JLOOBJ.
6. Ильинская И. М., Лесницкая Л. Ф. Представительство в гражданском процессе: субъектный и деятельностный аспекты. – М.: Юридический центр Пресс, 2018. – С. 78.
7. Мейер Д. И. Договор доверенности: юридическое отношение и его сущность. // Вопросы гражданского права. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 45.
8. Мельников А. А. Представительство в гражданском праве: новые аспекты и подходы. – М.: Издательство Норма, 2020. – С. 102.
9. Назарова, И. С. Актуальные аспекты правового положения детей-сирот в Российской Федерации / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.
10. Назарова, И. С. Наследники в делах о банкротстве / И. С. Назарова, Д. В. Попков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 295-298. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_295. – EDN ULDRFY.
11. Назарова, И. С. Правовые аспекты реализации алиментных обязательств на несовершеннолетних детей / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSFSO.

References:

1. Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – No. 2(55). – P. 37-41. – EDN KJJQEX.
2. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with social institutions : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education" : dissertation for the degree of candidate of pedagogical Sciences / Vinichenko Lyudmila Aleksandrovna. – Belgorod, 2009. – 231 p. – EDN QEIOBL.
3. Gavrilenko, V. A. Issues of arbitration of disputes on compensation for damage caused by emergencies in the countries of the Arctic region / V. A. Gavrilenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – No. 2(51). – Pp. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Gavrilenko, V. A. Comparative analysis of the legislation of the states of the Arctic region in the field of compensation for damage from emergency situations / V. A. Gavrilenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – No. 3(52). – Pp. 5-9. – EDN IWWVHU.
5. Gavrilenko, V. A. Characteristics of methods of committing crimes against forest plantations / V. A. Gavrilenko, A. B. Doilnitsyn // Right. Safety. Emergency situations. – 2020. – No. 2(47). – Pp. 47-51. – EDN JLOOBJ.
6. Ilinskaya I. M., Lesnitskaya L. F. Representation in civil proceedings: subject and activity aspects. Moscow: Law Center Press, 2018. p. 78.
7. Meyer D. And the Power of Attorney agreement: a legal relationship and its essence. // Questions of civil law. – M.: Yurayt Publishing House, 2019. – p. 45.
8. Melnikov A. A. Representation in civil law: new aspects and approaches. Moscow: Norma Publishing House, 2020. p. 102.
9. Nazarova, I. S. Actual aspects of the legal status of orphaned children in the Russian Federation / I. S. Nazarova, A. S. Pavlyk, L. A. Shenshina // Law and law. – 2023. – No. 2. – pp. 78-81. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_78. – EDN QENLAQ.
10. Nazarova, I. S. Heirs in bankruptcy cases / I. S. Nazarova, D. V. Popkov // Law and the state: theory and practice. – 2024. – No. 10(238). – Pp. 295-298. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_295. – EDN ULDRFY.
11. Nazarova, I. S. Legal aspects of the implementation of alimony obligations for minor children / I. S. Nazarova, A. S. Pavlyk, L. A. Shenshina // Civil service and personnel. – 2023. – No. 2. – pp. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSFSO.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ISSUES OF IMPLEMENTING THE RIGHT TO ACCESS JUSTICE

ДАВЫДОВА Марина Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Иркутск, Россия.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.
E-mail: davidovam@yandex.ru;

ФИДЕЛЬ Петр Михайлович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: p_fidel@mail.ru;

DAVYDOVA Marina Vitalievna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: davidovam@yandex.ru;

FIDEL Petr Mikhailovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.
664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.
E-mail: p_fidel@mail.ru

Краткая аннотация: доступ к правосудию – это право на надлежащее осуществление правосудия, процесс со всеми конституционными гарантиями, включая добросовестное и своевременное исполнение судебного акта. Право на доступ к правосудию одно из основных прав личности. Авторы статьи ставят своей целью разрешение вопроса, данное право является в настоящее время формальным или реальным правом.

Abstract. Access to justice is the right to the proper administration of justice, a process with all constitutional guarantees, including the conscientious and timely execution of a judicial act. The right to access to justice is one of the fundamental rights of an individual. The authors of the article aim to resolve the issue of whether this right is currently a formal or real right.

Ключевые слова: правосудие, конституционное право, конституционная гарантия, доступ к правосудию, закон.

Keywords: justice, constitutional law, constitutional guarantee, access to justice, law.

Для цитирования: Давыдова М.В., Фидель П.М. Вопросы реализации права на доступ к правосудию // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_271.

For citation: Davydova M.V., Fidel P.M. Issues of implementing the right to access justice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_271.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В современном мире, характеризующемся усложнением общественных отношений и появлением новых видов правонарушений, роль правосудия становится все более значимой. Эффективная судебная система является необходимым условием для обеспечения стабильности и развития общества, защиты прав и свобод граждан, а также поддержания законности и правопорядка. От качества работы судов напрямую зависит доверие общества к государству и его институтам.

Право каждого на доступ к правосудию закреплено в статье 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция)¹ и гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Правосудие – это вид правоохранительной и правоприменительной деятельности, в результате которой реализуется судебная власть.

Конституция не дает определение правосудию, хотя, статьей 118 устанавливает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Понятие правосудия закреплено в Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ № 1-ФКЗ)². В части первой статьи 4 ФКЗ № 1-ФКЗ подчеркивается, что правосудие осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и законом.

Кроме того, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ)³ в статье 5 указано, что «правосудие по гражданским делам, относящимся к компетенции судов общей юрисдикции, осуществляется только этими судами по правилам, установленным законодательством о гражданском судопроизводстве».

Иными словами, правосудие это компетентная деятельность уполномоченных государственных органов (судов), заключающаяся в

¹ Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании от 12.12.1993 г. (с изм. и доп. 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

рассмотрении и разрешении гражданских, уголовных, административных, а также арбитражных дел, осуществляемая в специальном процессуальном порядке, предусмотренном законом. Эта деятельность, будучи вершиной юридической практики, пронизана принципами законности, справедливости и беспристрастности, что позволяет обеспечить защиту прав и свобод граждан, а также организаций, гарантируя им доступ к эффективным средствам разрешения споров и привлечения виновных к ответственности.

Правосудие не ограничивается простым применением юридических норм к конкретным обстоятельствам. Это сложный и многогранный процесс, требующий от судей глубокого понимания не только права, но и социальной, экономической и политической обстановки. Судья, как гарант соблюдения закона, должен обладать не только знаниями и опытом, но и высоким моральным обликом. Процессуальный порядок, в котором осуществляется правосудие, служит гарантией его справедливости и законности. Он обеспечивает равные возможности для сторон. Соблюдение процессуальных норм исключает произвольное вмешательство в судебный процесс и создает условия для объективного и всестороннего рассмотрения дела.

Реализация права на доступ к правосудию означает возможность обращения в судебные органы и рассмотрения ими этого обращения. По сути, это право есть у каждого лица, вопрос в доступности правосудия. Очевидно, что гражданское общество не может сформироваться без эффективной модели отправления правосудия, тогда как правосудие не может быть эффективным, если оно не является доступным [3, с. 12].

Доступ к правосудию – это охраняемое государством и обеспеченное законом право беспрепятственного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав и свобод. Эффективный доступ к правосудию не ограничивается лишь физической или процессуальной возможностью подать иск. Он предполагает наличие эффективных механизмов разрешения споров, квалифицированную юридическую помощь, а также понимание сторонами процесса своих прав и обязанностей.

Доступность правосудия – это совокупность условий (организационных, институциональных и правовых), обеспечивающих для лица возможность обращения в суд, квалифицированного рассмотрения и разрешения спора, а также эффективное восстановление нарушенных прав [7, с. 10].

Обеспечение доступа к правосудию является фундаментальным принципом правового государства. Без него невозможно гарантировать равенство всех перед законом и защиту прав человека. Государство обязано создавать и поддерживать систему, в которой каждый, независимо от своего социального статуса, имущественного положения или других факторов, мог бы обратиться в суд и получить справедливое решение.

Существует ряд факторов, которые могут препятствовать доступу к правосудию. К ним относятся: высокая стоимость юридических услуг, сложность процессуальных норм, географическая удаленность судов, недостаточная информированность населения о своих правах и способах их защиты, а также коррупция в судебной системе. Преодоление этих препятствий требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательства, развитие системы бесплатной юридической помощи, повышение квалификации судей и работников аппарата суда, а также просвещение населения в области права.

В современном мире, с развитием цифровых технологий, появляются новые возможности для обеспечения доступа к правосудию. Он-лайн-консультации юристов, электронные системы подачи исков и рассмотрения дел, а также другие цифровые инструменты могут существенно упростить и ускорить процесс обращения в суд. Однако необходимо учитывать, что использование цифровых технологий не должно приводить к дискриминации отдельных групп населения, например, тех, кто не имеет доступа к интернету или не владеет необходимыми цифровыми навыками.

Таким образом, доступ к правосудию – это право, а доступность правосудия – это принцип, с помощью которого это право реализуется. С другой стороны, ни один принцип не может быть разрешен, без соответствующих гарантий, в противном случае он становится бесплодной формулировкой. По этой причине необходимо установить гарантии, то есть, специальные меры и условия, которые принимаются государством и обеспечивают режим правопорядка и законности в обществе¹.

Думается, что отсутствие в Конституции РФ прямого закрепления принципа доступности к правосудию не является правовым пробелом, поскольку из конституционных норм вытекают многие гарантии данного принципа. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, право на доступ к правосудию не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что государство должно гарантировать права участников, в том числе, уголовного процесса, возможности по отстаиванию ими своих законных интересов на всех его стадиях².

Вместе с тем, существуют ограничения, одним из которых является доступность юридической помощи. Например, в Российской Федерации не существует системы льгот для оплаты услуг представителей. Не все граждане могут позволить себе оплатить представительские услуги и вынуждены вести судебные дела самостоятельно, рассчитывая на помощь суда, что в рамках правового государства и верховенства закона неприемлемо. Проблема усугубляется территориальной разрозненностью и концентрацией квалифицированных юристов в крупных городах. В отдаленных регионах доступ к квалифицированной юридической помощи затруднен, что создает неравенство перед законом для жителей этих территорий. Это особенно актуально для коренных малочисленных народов, которые в силу географических и социально-экономических факторов часто оказываются наиболее уязвимыми перед лицом правовой системы.

Кроме того, недостаточная правовая грамотность населения является серьезным препятствием для эффективной защиты своих прав. Многие граждане не знают своих прав и обязанностей, не понимают сложного юридического языка и процедур, что делает их легкой добычей для недобросовестных юристов или лиц, пытающихся обойти закон. Отсутствие систематической правовой просветительской работы со стороны го-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2022 г. № 18-КГ22-12-К4. Суд отменил вынесенные ранее судебные решения и направил дело о выплате средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку гражданское законодательство относит неграмотность к уважительным причинам пропуска срока исковой давности обращения в суд, связанным с личностью истца.

² Правовые позиции Конституционного Суда РФ по отдельным вопросам. Право на доступ к правосудию в разумный срок в уголовном судопроизводстве. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сударства и общественных организаций способствует сохранению этой проблемы.

При этом, с 2011 года в России действует Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в соответствии с которым социально незащищенным группам населения юридическая помощь оказывается бесплатно. Однако, существующий институт подвергается обоснованной критике, поскольку граждане не всегда осведомлены о том, что помощь оказывается бесплатно не по всем категориям дел – часть 1 статьи 20 ФЗ № 324-ФЗ. Действие закона должно распространяться и на уголовное, и на административное судопроизводство, а лица, указанные в статье 20 ФЗ № 324-ФЗ, бесплатно получать все виды юридической помощи независимо от категории дел. Кроме того, органы государственной власти субъектов РФ должны предусмотреть выдачу гражданам единого документа, предоставляющего право на бесплатную юридическую помощь. Также стоит упростить механизм предоставления адвокатами отчетности для получения оплаты за оказанные ими услуги¹.

Право на доступ к правосудию включает в себя не только доступ к судам общей юрисдикции или к конституционному правосудию, но, и право на эффективный судебный процесс, в котором подсудимые могли быть внимательно заслушаны и их доводам уделялось внимание органами правосудия без отсрочек и волокиты, без формальных барьеров или экономических препятствий, а также без национальных предрассудков, политической, религиозной или иной дискриминации [6, с. 23].

Вместе с тем право на доступ к правосудию требует, чтобы судопроизводство осуществлялось в разумные сроки, без волокиты и с соблюдением всех процессуальных гарантий. В реалиях сегодняшнего времени это невозможно сделать без соответствующих информационных технологий, которые все чаще и чаще стали использоваться в судебной системе.

Электронное судопроизводство в России сейчас представлено системой Государственной автоматизированной системой Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»), где сочетаются юридически-процессуальные и электронно-технические элементы. Кроме того, были расширены возможности использования сервиса «Мой арбитр», в результате чего стало возможным ознакомление с материалами дела в режиме онлайн. Стоит отметить, что система судов общей юрисдикции и мировых судей в этом отношении существенно отстает от арбитражных судов – хотя сервис ГАС «Правосудие» и позволяет подать документы онлайн, ознакомиться с материалами дел можно только путем личного присутствия в здании суда. Определения суда, которые в «Мой арбитр» находятся в свободном доступе, в «Правосудии» также не размещаются.

Думается о необходимости усовершенствования системы ГАС «Правосудие», путем предусмотрения возможности при обращении в суд заполнять, например, жалобу или ходатайство с помощью предложенных системой шаблонов процессуальных документов, а не только прикреплять приложения в электронном виде и оплачивать госпошлину.

Внедрение информационных технологий в судебную деятельность – одновременно и дополнительные возможности, и новые проблемы, например, для удаленной работы с судами закон требует особого оформления полномочий. Если речь идет о деятельности адвоката, необходима квалифицированная электронная подпись (далее – КЭП). Однако, нужна она не только адвокату для подписи ходатайства или жалобы, но и руководителю адвокатского образования (для удостоверения выданных ордеров на защиту). По закону ордер должен быть подписан с использованием КЭП, иначе суды могут его не воспринять в качестве документа, подтверждающего полномочия адвоката [5, с. 124].

Представляется, что необходимо разрешить при подаче электронных документов в суд подписывать ордер усиленной электронной подписью не руководителю адвокатского образования, а адвокату, который его предъявляет, о чем внести соответствующие дополнения в п. 2.3.6 «Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде», утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 (в ред. от 23.01.2024).

Кроме того, система электронного судопроизводства должна улучшить организацию работы судебной системы, в том числе, ускорить документооборот, обеспечить открытость и гласность судебных органов через упрощенный доступ к информации. Это достигается за счет внедрения единой базы данных, в которой фиксируются все процессуальные действия, документы и решения по каждому делу. Такая централизация позволяет избежать потери документов, упрощает поиск необходимой информации и сокращает время на подготовку судебных заседаний.

Внедрение электронного судопроизводства также способствует повышению прозрачности судебных процессов. Стороны по делу и иные заинтересованные лица получают возможность в режиме реального времени отслеживать ход рассмотрения дела, ознакомиться с материалами дела и получать уведомления о назначенных судебных заседаниях. Это не только повышает доверие к судебной системе, но и позволяет участникам процесса более эффективно реализовывать свои права и обязанности.

Наряду с оптимизацией документооборота и повышением прозрачности, электронное судопроизводство способствует повышению эффективности работы судей и сотрудников аппарата суда. Автоматизация рутинных операций, таких как формирование повесток, ведение протоколов судебных заседаний и подготовка судебных решений, позволяет судьям сосредоточиться на более важных вопросах, требующих глубокого анализа и правовой оценки. Это, в свою очередь, приводит к повышению качества принимаемых судебных актов и сокращению сроков рассмотрения дел.

Более того, электронное судопроизводство открывает новые возможности для развития аналитики и статистики в судебной системе. Накопленные данные о судебных процессах могут быть использованы для выявления проблемных областей в законодательстве и правоприменительной практике, а также для оценки эффективности различных судебных процедур. Это позволяет своевременно вносить необходимые коррективы в нормативные акты и совершенствовать организацию работы судебной системы.

Наконец, внедрение системы электронного судопроизводства является важным шагом на пути к цифровой трансформации общества в целом. Оно способствует развитию цифровой грамотности среди граждан, стимулирует использование современных информационных техноло-

¹ Адвокаты жалуются, что тратят на заполнение отчетов больше времени, чем на оказание самой бесплатной помощи. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/otchetnost-ob-okazanii-byup-uprostyat/> (дата обращения: 28.02.2025).

гий и создает благоприятные условия для развития инновационной экономики [6, с. 25].

В конце 2021 года в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ были включены положения о возможности участия в судебном заседании с помощью веб-конференций.

Несмотря на очевидное удобство цифровизации правосудия, некоторые правоведы выделяют серьезные риски, связанные с этим процессом. Так, 1) не урегулирован вопрос проверки полномочий и идентификации участников заседания. Для участия в онлайн- заседании гражданину достаточно зарегистрироваться на портале «Госуслуги» и направить ходатайство с электронными образами своих документов (доверенности, диплома, паспорта). Как полагают К.Г. Корякина и О.В. Хохрякова, это лишает суд возможности осуществить фактическое установление личности [2, с. 17].

2) Не урегулирован вопрос о действиях суда в случае сомнений при установлении личности и проверке полномочий участника заседания. Помимо проверки полномочий, заседание в режиме онлайн также не позволяет суду осуществлять контроль над действиями участников процесса, например, ведения фото и видеосъемки процесса без разрешения суда путем записи с экрана.

3) Сложности в предоставлении доказательств на обозрение и невозможность получения судом расписок.

4) Не урегулированы законодательно действия суда в случае, когда во время заседания связь прерывается либо качество связи не позволяет разобрать речь говорящего [4, с. 49].

Помимо этого, не все участники заседания обладают достаточными техническими навыками, в связи с чем могут возникать различные казусы (например, гражданин не может включить микрофон на своем устройстве и изъясняется жестами). Вместе с тем, как отмечает Ю.В. Малинский, «необходимо развитие процессуального законодательства для урегулирования возникающих проблем и установления баланса между доступностью правосудия и устранением возможных рисков» [3, с. 13].

В качестве одного из спорных примеров совершенствования системы доступа к правосудию можно назвать изменения 2020 г., заключающиеся в том, что граждане могут обжаловать в Конституционный Суд РФ только примененный к ним закон, при этом включающие условие: «...если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты»¹. Это нововведение вызвало неоднозначную реакцию в юридическом сообществе и среди правозащитников. С одной стороны, оно направлено на снижение нагрузки на Конституционный Суд РФ, предотвращая поток обращений, которые могли бы быть разрешены в рамках обычной судебной системы.

Однако, с другой стороны, данное условие существенно ограничивает доступ граждан к конституционному правосудию. Процесс исчерпания всех внутригосударственных средств судебной защиты может быть длительным и дорогостоящим, что создает барьер для граждан, особенно для тех, кто не обладает достаточными финансовыми ресурсами или юридической грамотностью. В научной литературе справедливо замечается, что «это условие для обращения во внутригосударственные органы совершенно излишне и обременительно. Указанное ограничение превращено в норму, которая практически не будет действовать, т. е. этому способу защиты гражданами своих прав и свобод фактически пришел конец» [1, с. 85]. Не согласны с мнением автора, считаем данный вывод противоречащий ст. 46 Конституции РФ.

Таким образом, доступность правосудия является одним из важных элементов организации судопроизводства в Российской Федерации, что в конечном итоге должно позволить каждому гражданину реализовать право на судебную защиту своих прав и законных интересов. Обеспечение доступности правосудия требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательства, развитие альтернативных способов разрешения споров, повышение правовой грамотности населения и предоставление квалифицированной юридической помощи. Необходимо также учитывать особенности различных категорий граждан, нуждающихся в особой защите, таких как несовершеннолетние, инвалиды, пенсионеры и лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Список литературы:

1. Гапонова В. Н. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства / В. Н. Гапонова, Я. М. Мазунин, О. А. Юсупова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 4(20). – С. 194-202.
2. Жуйков В.М. Новые проблемы прямого действия Конституции РФ и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека / В.М. Жуйков // Закон. 2022. № 7. С. 85-90.
3. Корякина К.Г. Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе / К.Г. Корякина, О.В. Хохрякова // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 12-18.
4. Малинский Ю.В. Доступность правосудия в системе арбитражных судов и условия ее реализации / Ю.В. Малинский // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 6. С. 12-15.
5. Мальцева А.М. Судебные онлайн-заседания как форма реализации права на судебную защиту / А.М. Мальцева // Администратор суда. 2022. № 1. С. 47-50.
6. Подшивалов Т.П. Право цифровой среды: моногр. / Т. П. Подшивалов, Е.В. Титова, Е.А. Громова. Москва: Проспект, 2022. 896 с.
7. Рублев А.Г. Конституционно-правовые вопросы права на доступ к правосудию в условиях цифровизации / А.Г. Рублев // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3 С. 23–34.
8. Якушева Е.Е. Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия / Е.Е. Якушева // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 8-12.

References:

1. Gaponova V. N. On the issue of the appointment of criminal proceedings / V. N. Gaponova, Ya. M. Mazunin, O. A. Yusupova // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. – 2021. – № 4(20). – Pp. 194-202.
2. Zhukov V.M. New problems of direct action of the Constitution of the Russian Federation and access to justice in order to protect human rights and freedoms / V.M. Zhukov // Law. 2022. No. 7. Pp. 85-90.
3. Koryakina K.G. Legal analysis of the risks of using a web conferencing system in arbitration proceedings / K.G. Koryakina, O.V. Khokhryakova // Bulletin of arbitration practice. 2020. No. 3. Pp. 12-18.
4. Malinsky Yu.V. Accessibility of justice in the system of arbitration courts and the conditions for its implementation / Yu.V. Malinsky // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 6. Pp. 12-15.
5. Maltseva A.M. Online court hearings as a form of exercising the right to judicial protection / A.M. Maltseva // Court administrator. 2022. No. 1. P. 47-50.
6. Podshivalov T.P. Law of the digital environment: monograph / T. P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. Moscow: Prospect, 2022. 896 p.
7. Rublev A.G. Constitutional and legal issues of the right to access to justice in the context of digitalization / A.G. Rublev // Electronic supplement to the "Russian Law Journal". 2023. No. 3 P. 23-34.
8. Yakusheva E.E. Digital technologies and ensuring accessibility of justice / E.E. Yakusheva // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 7. P. 8-12.

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE JUDICIAL SYSTEM

УСМАНОВА Резида Минияровна,

декан юридического факультета Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, доцент
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru;

БОЙКО Наталья Николаевна,

доцент кафедры публичного и частного права Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: amulet-str@yandex.ru;

USMANOVA Rezida Miniyarovna,

Dean of the Faculty of Law of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology,
Doctor of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: rezidausmanova@yandex.ru;

BOYKO Natalia Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Public and Private Law of the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: amulet-str@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается антикоррупционная политика в системе судебной власти как ключевой элемент обеспечения правопорядка и справедливости в государстве. Авторы предлагают рекомендации по улучшению существующих механизмов борьбы с коррупцией в судебной системе, направленные на повышение прозрачности, ответственности и эффективности работы судов.

Abstract: The article examines the anti-corruption policy in the judicial system as a key element of ensuring law and order and justice in the state. The authors propose recommendations for improving existing mechanisms to combat corruption in the judicial system, aimed at increasing transparency, accountability and efficiency of the courts.

Ключевые слова: антикоррупционные механизмы, суд, судебная власть, законность.

Keywords: anti-corruption mechanisms, court, judicial power, legality.

Для цитирования: Усманова Р.М., Бойко Н.Н. Антикоррупционная политика в системе судебной власти // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_275.

For citation: Usmanova R.M., Boyko N.N. Anti-corruption policy in the judicial system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_275.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В настоящее время уровень коррупции в России достаточно высок, что оказывает отрицательное влияние на экономическое и социальное развитие страны. Коррупция в России распространена на разных уровнях – от мелких взяток до крупных коррупционных схем, которые затрагивают высшие эшелоны власти. Проблема коррупции проявляется в различных сферах жизни – в здравоохранении, образовании, налоговой политике, государственных закупках и т.д.

Подвержены коррупции и органы судебной власти. По мнению В.Г. Татарникова, коррупция в судебной системе нарушает нормальное функционирование всех звеньев организации органов власти, в связи с чем, является наиболее опасным явлением [11, с. 77]. Как отмечается в литературе [6], коррупция в судебной сфере – системное явление, нередко порождаемое самой судебной властью. Данная сфера достаточно коррупциогенна: по экспертным оценкам, примерно 20% дел в судах разрешается коррупционным путем.

В России меры по противодействию коррупции основаны на ряде важных актов. В первую очередь это Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, которая для России имеет особое значение. Конвенция предоставляет правовую основу для разработки и внедрения антикоррупционного законодательства. Россия, подписав и ратифицировав этот документ, взяла на себя обязательства по внедрению мер, направленных на предотвращение коррупционных преступлений, наказание виновных и восстановление справедливости. Это включает в себя создание эффективных механизмов контроля и надзора за деятельностью государственных органов. Все эти меры включены в ряд федеральных актов. Так, например, принятый Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [14] предусматривает, в частности, обязанность организаций – вне зависимости от организационно-правовой формы и форм собственности – принимать меры по предупреждению коррупции, в том числе меры по предупреждению и урегулированию конфликта интересов.

Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 утвержден национальный план противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы [13]. Ряд положений антикоррупционного механизма регулируется и указной деятельностью Президента РФ. В частности, имеются такие акты Президента РФ, которыми гарантируется защита прав лиц, обратившихся в правоохранительные органы по факту ставших известными ему кор-

рупционных деяниях [12].

В правовом регулировании антикоррупционного механизма роль принадлежит и судебной практике. Например, в актах Конституционного Суда отмечается, что эффективное противодействие коррупции напрямую связана с защитой конституционно значимых ценностей [8], или, что борьба с коррупцией обеспечивает защиту публичных интересов [7].

Собственными актами судебной власти предусматриваются также различные меры, направленные на предупреждение коррупции. В частности Верховным Судом РФ разработан План по противодействию коррупции на 2025 – 2028 годы, Приказом Конституционного Суда РФ от 10 сентября 2021 г. № 19 утвержден План противодействия коррупции в аппарате Конституционного Суда Российской Федерации на 2021 – 2024 годы. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 296, был утвержден Плана противодействия коррупции в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации на 2025-2028 годы. Согласно ему предусмотрены ожидаемые результаты в ходе реализации проводимых мероприятий. Специально для предотвращения коррупции в системе судебной власти создано Управление по вопросам противодействия коррупции Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, одной из функций которого является выработка мер по эффективному проведению государственной политики в области противодействия коррупции в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах и системе Судебного департамента.

Несмотря на принятие ряда мер по противодействию коррупции, данная проблема остается актуальной, что подтверждается многочисленными случаями коррупционных преступлений в судах, освещаемых в средствах массовой информации.

Один из наиболее острых вопросов, связанных с коррупционными рисками в судебной системе, обусловлен, как верно отмечено, реализацией принципа независимости судей. В отношении судей нельзя провести прокурорскую и иные виды проверок, их нельзя остановить на улице и досмотреть. Все способы и приемы по установлению факта совершения коррупционных преступлений не применимы в отношении судей, ввиду их иммунитета.

Проблематика независимости судей остаётся в числе первоочередных вопросов. Некоторые исследователи высказывают мнение, что независимость судей является не более чем мифом, скрывающим под собой всепроникающее коррупционное влияние. Их независимость кажется более хрупкой перед лицом местных администраций, а совещательная коллегия оборачивается лишь фикцией. А.В. Мальков полагает, что иммунитет у российских судей излишне завышен и этот факт никак не способствует борьбе с коррупцией в судебной системе, в связи с чем, его необходимо ограничить, а учитывая его важное значение – необходимо ослабить презумпцию невиновности для данной категории правонарушений [5, с. 32]. Однако мы с этим не совсем согласны, ввиду того, что данный принцип относится к числу конституционных и он не может быть ограничен во благо реализации антикоррупционной политики.

Мы предлагаем следующие способы совершенствования антикоррупционной политики.

1. Необходимо установить институт общественного контроля. Существуют многообразные формы общественного контроля деятельности судей. Проблема заключается в том, что сама общественность в этой деятельности не заинтересована и не задействована. Между тем, усиление значения общественного контроля в исследуемой области могла бы способствовать развитию гражданского общества и построению справедливой и законной судебной системы. При этом подотчетность и контроль со стороны общества, предусмотрена Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». К примеру, с противодействия коррупции, повышения гласности и открытости в некоторых арбитражных судах начата запись телефонных разговоров. Эта мера введена, в частности, в Арбитражном суде Красноярского края и в Арбитражном апелляционном суде г. Москвы. Принятие таких мер позволит не только снизить давление на судей и должностных лиц, но и исключить конфликт интересов в их деятельности.

Важнейшим элементом антикоррупционной политики является также опубликованию в сети Интернет на сайте арбитражных судов информации о доходах, об обязательствах имущественного характера и имуществе судей, федеральных государственных гражданских служащих, их несовершеннолетних детей и супругов [2, с. 191].

2. Использование суда присяжных для противодействия коррупции представляет собой многообещающий подход к укреплению правосудия и повышения доверия к судебной системе. Однако для реализации этого потенциала необходимо обеспечить надлежащую подготовку присяжных, повысить прозрачность процессов и создать условия для независимости суда от внешнего влияния. В сочетании с другими антикоррупционными мерами суд присяжных может стать эффективным инструментом в борьбе с коррупцией. Например, в Боливии, для борьбы с коррупцией уголовные дела рассматриваются на публичных слушаниях и судом присяжных [3].

Примечательно, что в своем в правовых позициях Конституционного Суда РФ сказано, что о судопроизводстве с участием присяжных заседателей, в котором не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость [10].

3. Шире применять механизм финансовой отчетности судей [9]. Финансовая отчетность судей может включать декларации о доходах, расходах, а также информацию о собственности и других активах. Это позволит обществу и контролирующим органам отслеживать возможные несоответствия между официальными доходами судей и их жизненным уровнем. Однако по-нашему введение обязательной финансовой отчетности может вызвать сопротивление среди судей, которые могут рассматривать это как вмешательство в их частную жизнь или как угрозу их независимости. Поэтому этот подход требует тщательной проработки, чтобы обеспечить баланс между прозрачностью и защитой личных данных. В конечном итоге, успешная реализация данного механизма может значительно повысить уровень доверия общества к судебной системе и укрепить ее независимость.

4. Внедрение цифровизации [4]. Переход на электронное судопроизводство позволяет автоматизировать многие аспекты судебного процесса, включая подачу и рассмотрение дел. Это снижает вероятность манипуляций с документами и уменьшает личные контакты между судьями, адвокатами и сторонами дела, что может снизить возможности для коррупционных действий. Внедрение современных информационных систем для анализа данных о судебных делах может помочь выявлять аномалии и подозрительные паттерны в работе судей. Такие системы могут использовать алгоритмы для анализа статистики по решениям судей, что позволит выявлять возможные случаи предвзятости или коррупции.

Возможно активное использование и искусственного интеллекта (ИИ). Системы ИИ могут автоматизировать процесс мониторинга судебных решений и деятельности судей. Используя технологии обработки естественного языка (NLP), ИИ может анализировать тексты судебных актов и выявлять случаи, когда решения могут быть обусловлены коррупционными факторами. Это также включает создание отчетов о деятельности судей, что способствует повышению прозрачности и ответственности.

Однако с увеличением роли технологий в судебной системе возрастает риск зависимости от них. В случае сбоя системы или технических проблем это может негативно сказаться на функционировании судебной системы.

5. Многие исследователи говорят о необходимости проведения профилактической работы среди судей. Действительно, эффективные меры противодействия коррупции должны включать не только наказание за совершенные правонарушения, но и профилактическую работу, направленную на предотвращение коррупционных практик. Среди таких работ можно выделить: обучение и повышение квалификации; предоставление психологической поддержки и консультаций; обеспечение возможности для судей сообщать о случаях давления или коррупции в безопасной и анонимной форме. Конечно же, реализация программ профилактической работы требует значительных финансовых и временных ресурсов, и поэтому необходима поддержка со стороны государства и общества для обеспечения устойчивого финансирования таких инициатив.

В литературе с целью уменьшения антикоррупционных факторов в судебной системе предлагаются и такие меры как:

- закрепить норму о запрете судьям общаться с участниками уголовного процесса во внепроцессуальном формате, поскольку подобное общение может говорить о наличии интереса судьи в исходе дела, либо об оказании на него давления, в том числе со стороны сотрудников прокуратуры, органов предварительного расследования;

- дополнить процессуальные права судей возможностью обжалования решения вышестоящего суда об отмене или изменения судебного решения, которое им вынесено. Данное право позволит судьям отстаивать свою позицию по конкретному делу. Судебная система не должна превращаться в административный орган, где решения нижестоящего органа без проблем отменяются вышестоящим;

- установить возможность судьи приносить жалобу на обоснованность и законность частного постановления, которое вынесено в его адрес вышестоящим судом;

- следует закрепить необходимость учета мнения потерпевших лиц по уголовному делу при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного. При этом, потерпевший должен быть уведомлен о принятом решении и он также должен иметь право на обжалование подобного судебного решения [1, с. 140].

Подводя итог нашему исследованию, обозначим главные моменты.

Во-первых, антикоррупционная политика в судебной системе имеет несколько ключевых целей: устранение коррупционных практик; обеспечение открытости судебных процессов и доступности информации о деятельности судов для граждан и СМИ; укрепление доверия к правосудию.

Во-вторых, среди основных механизмов антикоррупционной политики мы выделяем такие как, внедрение электронных систем управления делами и документооборота, что позволяет снизить риск коррупционных действий при рассмотрении дел. Особая роль отводится и профилактическим мероприятиям, а именно проведение регулярных тренингов по вопросам этики и антикоррупционной политики для судей и работников суда. По-нашему необходимо и создание механизмов для защиты тех, кто сообщает о коррупции, чтобы стимулировать граждан к активным действиям против коррупционных практик. Необходим и общественный контроль.

В-третьих, в государстве, тем не менее, мы сталкиваемся с проблемами реализации в должной мере антикоррупционных механизмов. В частности, ограниченные финансовые и человеческие ресурсы могут препятствовать эффективному внедрению антикоррупционных мер.

Таким образом, антикоррупционная политика в системе судебной власти является необходимым условием для обеспечения справедливого и эффективного правосудия. Она требует комплексного подхода, включающего создание независимых институтов, обучение работников суда, внедрение современных технологий и защиту информаторов. Преодоление вызовов, стоящих перед антикоррупционной политикой, требует совместных усилий государства, общества и международного сообщества. Только так можно создать устойчивую систему правосудия, свободную от коррупции.

Список литературы:

1. Антонян Г.Г. Проблемы реализации антикоррупционной политики в судебной сфере РФ // Форум молодых ученых. 2018. № 4 (20). С. 139-142.
2. Идрисова С.З. Гласность как важнейший механизм в реализации антикоррупционной политики в сфере деятельности арбитражных судов // Образование и право. 2013. № 3-4. С.183-192.
3. Иншаков С.М Казакова В.А. Борьба с коррупцией в странах мира // Научный портал МВД России. 2023. № 2. С. 119-127.
4. Кобзарь-Фролова М.Н., Шукина Т.В. Правовое регулирование процессов цифровизации в экономической деятельности государства и управленческой практике судебных органов, органов государственной власти // Вопросы экономики и права. 2021. № 159. С. 14-19.
5. Малько А.В. Судебный федерализм в условиях глобализации (сравнительный анализ) // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 31-34.
6. Мусаелян М.Ф., Хатаева М.А. Правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 108-120.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 1796-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абызова Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 17 во взаимосвязи со статьей 16 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», статьями 7.1 и 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» и статьей 1 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/405317295/> (дата обращения: 12.03.2025).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 561-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Араkelова Валерия Геннадьевича и Постригань Натальи Александровны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 4 и подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацем вторым части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 10, 12 и 13 Федерального закона «О противодействии коррупции», а также статьями 3, 16 и 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31032022-n-561-o/> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Поляков Н.М. Коррупция в судебной системе и методы борьбы с ней // Отечественная юриспруденция. № 11 (25). 2017. С. 33-36.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шавяева и запросом Свердловского областного суда». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99733/ (дата обращения: 12.03.2025).
11. Татарников В.Г. Проблемы совершенствования норм об ответственности за коррупционные преступления в судебной системе // Пролог: журнал о праве. 2022. № 1. С. 76-85.
12. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70350274/> (дата обращения: 12.03.2025).
13. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. N 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/402619978/> (дата обращения: 12.03.2025).
14. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 12.03.2025).

References:

1. Antonyan G.G. Problems of implementing anti-corruption policy in the judicial sphere of the Russian Federation // Forum of Young Scientists. 2018. No. 4 (20). pp. 139-142.
2. Idrisova S.Z. Glasnost as the most important mechanism in the implementation of anti-corruption policy in the field of arbitration courts // Education and law. 2013. No. 3-4. Pp.183-192.
3. Inshakov S.M. Kazakova V.A. The fight against corruption in the countries of the world // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2. pp. 119-127.
4. Kobzar-Frolova M.N., Shchukina T.V. Legal regulation of digitalization processes in the economic activity of the state and the managerial practice of judicial authorities, public authorities // Issues of economics and law. 2021. No. 159. pp. 14-19.
5. Malko A.V. Judicial federalism in the context of globalization (comparative analysis) // Russian Justice. 2013. No. 7. pp. 31-34.
6. Musaeian M.F., Khataeva M.A. Legal problems of combating corruption // Journal of Russian Law. 2012. No. 1. pp. 108-120.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 21, 2022 No. 1796-О "Refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Aбызов Mikhail Anatolyevich for violation of his Constitutional Rights by Article 6 of the Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation", sub-paragraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation, Part 1 of Article 17 in conjunction with Article 16 of the Federal Law "On monitoring the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes", Articles 7.1 and 8 of the Federal Law "On Combating Corruption" and Article 1 of the Federal Law "On Prohibiting Certain Categories of Persons from Opening and Maintaining Accounts (Deposits), Storing Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, and Owning and (or) Using Foreign Financial Instruments." [electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/405317295/> (date of access: 03/12/2025).
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 31, 2022 No. 561-О "On the refusal to accept for Consideration the complaint of citizens Valery G. Arakelov and Natalia Alexandrovna Postrikan for Violation of Their Constitutional Rights by paragraph 1 of Article 4 and subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation, paragraph two of the first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Articles 10, 12 and 13 of the Federal Law "On Combating Corruption", as well as articles 3, 16 and 17 of the Federal Law "On Monitoring the Compliance of Expenses of Persons holding Public Positions and Other Persons with their Incomes". [electronic resource]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-31032022-n-561-o/> (date of application: 03/12/2025).
9. Polyakov N.M. Corruption in the judicial system and methods of combating it // Russian jurisprudence. No. 11 (25). 2017. pp. 33-36.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 19, 2010 No. 8-П "On the case of checking the Constitutionality of paragraphs 2 and 3 of the second part of Article 30 and Part Two of Article 325 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens R.R. Zainagudinov, R.V. Kudaev, F.R. Fayzulin, A.D. Khasanov, by A.I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court." [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99733/ (date of access: 03/12/2025).
11. Tatarnikov V.G. Problems of improving the norms on responsibility for corruption crimes in the judicial system // Prologue: journal of law. 2022. No. 1. pp. 76-85.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated April 2, 2013 No. 309 "On Measures to implement Certain Provisions of the Federal Law On Combating Corruption". [electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/70350274/> (date of access: 03/12/2025).
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 478 dated August 16, 2021 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024". [electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/402619978/> (date of application: 03/12/2025).
14. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption". [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (date of access: 03/12/2025).

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ MUNICIPAL REFORM IN RUSSIA: INTEGRATION, MODERNIZATION, EFFICIENCY

ВАСИЛЬКОВА Евгения Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права

Таганрогского института управления и экономики.

347900, Россия, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Петровская, 45.

E-mail: e.vasilkova@tmei.ru;

VASILKOVA Evgeniya Andreevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.

E-mail: e.vasilkova@tmei.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты муниципальной реформы в России, направленной на интеграцию местного самоуправления в единую систему публичной власти. Автор анализирует правовые и институциональные изменения, вызванные поправками в Конституцию РФ и новым федеральным законодательством. Особое внимание уделено вопросам децентрализации, балансирования автономии муниципалитетов и их включения в вертикаль государственной власти. Исследуются механизмы взаимодействия между различными уровнями управления, например цифровизация документооборота. Автор делает вывод о том, что успешная реализация реформы позволит повысить эффективность управления на местах и улучшить качество жизни граждан.

Abstract: The article examines the key aspects of municipal reform in Russia aimed at integrating local self-government into a unified system of public authority. The author analyzes legal and institutional changes resulting from amendments to the Russian Constitution and new federal legislation. Particular attention is paid to issues of decentralization, balancing municipal autonomy, and their inclusion in the state power hierarchy. The mechanisms of interaction between different levels of governance are explored, including the digitalization of document flow. The author concludes that the successful implementation of the reform will enhance the efficiency of local governance and improve the quality of life for citizens.

Ключевые слова: муниципальная реформа, местное самоуправление, публичная власть, децентрализация, интеграция, государственное управление.

Keywords: municipal reform, local self-government, public authority, decentralization, integration, public administration.

Для цитирования: Василькова Е.А. Муниципальная реформа в России: интеграция, модернизация, эффективность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_279.

For citation: Vasilkova E.A. Municipal reform in Russia: integration, modernization, efficiency // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_279.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

На современном этапе политической модернизации российского государства важное значение имеет оптимизация публично-властных институтов всех уровней. Совершенствование муниципального уровня (местное самоуправление) не является исключением и сохраняет свою актуальность на протяжении длительного времени, так как Российская Федерация продолжает искать оптимальную модель местной власти.

Местное самоуправление (далее МСУ) выступает основополагающим принципом народовластия и основой конституционного строя в нашем государстве, так как его двойственная природа позволяет осуществлять посредничество между государством и обществом с целью поддержания баланса государственных и общественных интересов. Наряду с этим МСУ выполняет другие немаловажные функции: идентификационную (формирование гражданской идентичности), стабилизационную (предотвращение социальных конфликтов), ресурсную (распределение жизненно важных благ) и др.

В Конституции РФ [1] неоднократно упоминается муниципальный уровень власти. Например, статья 12 подчеркивает, что в Российской Федерации признается и гарантируется МСУ, а ее органы не входят в систему органов государственной власти. Это положение важно для такой категории как «основы конституционного строя», так как обеспечивает децентрализацию власти. Местное самоуправление является неотъемлемой частью конституционного строя РФ, обеспечивая реализацию демократических принципов, эффективное управление на местах и защиту прав граждан, а также способствует развитию гражданского общества, повышению качества жизни и сохранению единства страны. В статье 130 Конституции РФ подчеркивается реализация права граждан на территориальное самоопределение, а в статье 132 законодатель указывает на то, что МСУ является элементом единой системы публичной власти в РФ.

В процессе конструирования современного механизма эффективного управления государством и обществом необходимо соблюдать баланс автономии и системной интеграции на всех уровнях публичной власти, который позволит обеспечить нормальное функционирование муниципальных образований, регионов и страны в целом.

В 2020 году в Конституцию РФ [1] внесли поправки, которые запустили преобразование структуры и иерархии органов власти. Одна из ключевых целей реформы — обеспечить полноценное оперативное и стратегическое взаимодействие всех трёх уровней: центр — регионы — муниципальные образования. Согласно статье 12 Конституции РФ [1] взаимодействие государственного и местного уровней осуществляется на принципах: субсидиарности, самостоятельности МСУ, разграничении полномочий. Но законодатель, введя понятие «публичная власть», создал правовую основу для установления единой вертикали управления, совмещения принципов самостоятельности МСУ и подчинённости государ-

ственным интересам.

Интеграция местного самоуправления в единую систему публичной власти предполагает создание более тесных связей между различными уровнями управления: федеральным, региональным и местным. Это позволит улучшить координацию действий, повысить эффективность реализации государственных программ, а также оперативно решать проблемы граждан. К основным направлениям интеграционной политики в отношении МСУ можно отнести: создание единой информационной системы; совместное планирование; координацию бюджетных процессов; расширение полномочий органов местного самоуправления; распределение ответственности; оптимизацию институциональной структуры.

Основой для формирования системы местного самоуправления в России стал Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (далее — ФЗ 131) [2], однако с учетом изменений в социально-экономической и политической сферах возникла необходимость в обновлении законодательства. В этой связи был разработан проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (проект № 40361-8) [3] который был принят Государственной Думой РФ 5 марта 2025 года и в этот же день направлен в Совет Федерации. Изменения коснутся разных сфер, предполагается:

- интеграция местного самоуправления в единую систему публичной власти;
- упрощение процедур взаимодействия между различными уровнями власти;
- расширение полномочий местных органов власти;
- предлагается достаточно гибкая структура;
- возможность объединения муниципальных образований для повышения эффективности;
- расширение полномочий местных органов власти, включая, новые функции в области экономики, социальной политики и экологии;
- участие в реализации федеральных и региональных программ;
- изменения в сфере муниципальных выборов, которые предполагают упрощение процедур регистрации кандидатов;
- возможность использования электронных голосований;
- более гибкие правила финансирования выборов и др.

Эти изменения направлены на повышение эффективности местного самоуправления и улучшение жизни граждан, что является актуальной задачей для современной России.

Для качественной интеграции МСУ с систему публичной власти, важным аспектом является процесс взаимодействия между органами государственной власти и органами МСУ. На сегодняшний день, такое взаимодействие осуществляется с помощью устоявшихся инструментов, например:

- соглашения о сотрудничестве заключаемые в разных значимых для местного населения сферах: обеспечение общественной безопасности (например, соглашения с МВД о профилактике правонарушений), социальная поддержка населения (совместные проекты с региональными министерствами социальной политики), развитие инфраструктуры (соглашения о софинансировании строительства дорог, коммунальных объектов);
- совместные участие в федеральных и региональных программах: развитие городской среды (например, программы благоустройства), развитие малого и среднего бизнеса (гранты, субсидии), социальная защита (помощь малоимущим, развитие инклюзивной среды);
- делегирование полномочий, например органы МСУ могут исполнять отдельные государственные полномочия в сфере образования и здравоохранения.

Из опыта реализации положений ФЗ 131 [2], определяющий МСУ исключительно как самостоятельный уровень власти, прослеживается достаточно большое количество затруднений во взаимодействии органом МСУ с региональными и федеральными органами власти на практике. Именно поэтому, взаимодействие в новом законе акцентируется на упрощении процедур при сохранении классических инструментов, что предполагает более тесное сотрудничество между органами, а также совместное планирование и реализацию программ разного уровня, но с новым подходом.

Упрощение взаимодействия между различными уровнями власти при сохранении его качества и продуктивности, является ключевым аспектом для повышения эффективности управления в государстве. Это позволяет не только сократить бюрократические барьеры, но и улучшить предоставляемые населению услуги. Основные направления и меры по упрощению такого взаимодействия предполагают трансформацию управленческих процессов, которая выражается в оптимизации документооборота:

- разработка и внедрение систем электронного документооборота позволяющая обмениваться документами в цифровом формате и отслеживать их статус, что значительно сокращает время на согласование и обработку документов, а также повышает прозрачность и ускоряет взаимодействие между органами и отдельными должностными лицами;
- использование цифровых подписей для подтверждения подлинности документов упрощает процесс их утверждения и уменьшает необходимость в бумажных носителях;
- разработка стандартных форм для различных видов документов упрощает их заполнение и согласование;
- согласование требований к документам на всех уровнях власти позволяет избежать дублирования и снижает количество ошибок при их оформлении;
- введение жестких сроков для согласования документов и инициатив между уровнями власти позволяет ускорить процесс принятия

решений.

Не нужно забывать, что взаимодействие между органами государственной власти и органами МСУ должно быть продуктивным. При интеграции МСУ в систему органов публичной власти большое значение имеет создание межведомственных комиссий состоящих из представителей различных уровней власти, для совместного рассмотрения и согласования инициатив, проведения регулярных заседаний для обсуждения актуальных вопросов и совместного планирования мероприятий. Важна разработка совместных программ и проектов позволяющая избежать дублирования усилий и ресурсов (координация действий), организация семинаров и конференций для обмена опытом между различными уровнями власти, что позволит улучшить подходы к взаимодействию.

Немаловажное значение в этой сфере имеют отлаженные механизмы обратной связи с населением. В современных условиях остаются актуальными опросы и анкетирование для выявления проблем и потребностей граждан, организация горячих линий и консультационных центров для быстрого получения информации и решения вопросов, связанных с взаимодействием между уровнями власти, создание общественных советов при органах власти для обсуждения важных вопросов и получения мнений населения, а также приобретают огромное значение создание специальных онлайн-платформ, где граждане и местные органы власти смогут оперативно обмениваться информацией о проблемах и инициативах.

Анализ процесса муниципальной реформы в России свидетельствует о значимости интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении ее относительной автономии. Внесенные изменения в Конституцию РФ и федеральное законодательство направлены на повышение эффективности взаимодействия между уровнями власти, оптимизацию бюджетного процесса, цифровизацию управленческих процедур и укрепление правовой основы муниципального управления. Внедрение принципа субсидиарности и усиление координации между федеральными, региональными и муниципальными органами власти создают правовые предпосылки для повышения результативности государственной политики на местах. Однако реализация реформы требует дальнейшей детализации механизмов разграничения полномочий, предотвращения дублирования функций и разработки эффективных инструментов контроля и обратной связи с населением. Таким образом, успешность реформы будет зависеть от сбалансированного подхода к вопросам децентрализации и централизации, институциональной устойчивости местного самоуправления и степени адаптации новой модели управления к социально-экономическим реалиям регионов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: [с изменениями, внесенными законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) : [принят Государственной думой 16 сентября 2003 года : одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Законопроект № 40361–8. – Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 15.03.2025).

References:

1. Constitution of the Russian Federation: Adopted by nationwide vote on December 12, 1993 [with amendments introduced by the Federal Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, March 14, 2020 No. 1-FKZ, October 4, 2022 No. 5-FKZ, October 4, 2022 No. 6-FKZ, October 4, 2022 No. 7-FKZ, October 4, 2022 No. 8-FKZ]. – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State System of Legal Information". – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.03.2025).
2. On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on December 13, 2024) [adopted by the State Duma on September 16, 2003; approved by the Federation Council on September 24, 2003]. – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State System of Legal Information". – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.03.2025).
3. On General Principles of the Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority. Bill No. 40361–8. – Text: electronic // Legislative Activity Support System of the State Automated System "Legislation". – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed: 15.03.2025).

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

ВОРОНОВ Александр Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административно-правовых и процессуальных дисциплин
Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России,
профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин
НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата».
105120, Россия, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com;

ВАСЯЕВ Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com;

VORONOV Alexander Alekseevich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Procedure Disciplines
of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the NOU «Russian Academy of Advocacy and Notaries».
3/5 Maly Poluyarslavsky Lane, building 1, Moscow, 105120, Russia.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com;

VASYAEV Alexander Alexandrovich,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA).
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

Краткая аннотация: В настоящей статье исследуются проблемные аспекты применения искусственного интеллекта в правозащитной деятельности. В современный период развития высоких технологий искусственный интеллект обладает потенциалом влияния на развитие гражданского общества и правового государства. С одной точки зрения, перспективы использования искусственного интеллекта предполагают, что он станет инструментом наблюдения, контроля и подавления прав физических и юридических лиц. Другая точка зрения характеризует его как инструмент для повышения эффективности и прозрачности существующей правозащитной системы. Поскольку системы искусственного интеллекта разрабатываются и развиваются экспоненциально по времени, в статье ставится вопрос, в какой степени это повлияет на реализацию правозащитной деятельности в общем контексте функционирования государства и организации общества? Делается вывод о том, что в настоящее время использование искусственного интеллекта в правозащитной деятельности следует рассматривать, прежде всего, как инструмент поддержки и помощи правозащитникам, а не как замену им. Внедрение механизмов искусственного интеллекта будет реализовываться по пути анализа особенностей осуществления конкретных видов правозащитной деятельности, выработки принятия наиболее эффективных решений и алгоритмов поведения субъектов ее реализации.

Abstract: This article examines the problematic aspects of the application of artificial intelligence in human rights activity. In the modern period of high technology development, artificial intelligence has the potential for the development of civil society and the rule of law. From one point of view, the prospects for using artificial intelligence suggest that it will become an tool for observing, monitoring and suppressing the rights of individuals and legal entities. Another point of view characterizes it as a tool for increasing the efficiency and transparency of the existing human rights system. Since artificial intelligence systems are developed and develop exponentially in time, the article raises the question to what extent this will affect the implementation of human rights activity in the general context of the functioning of the state and the organization of society? The conclusion is concluded that the use of artificial intelligence in human rights activity should be considered, first of all, as a tool for support and assistance to human rights activists, and not as a replacement for them. The introduction of artificial intelligence mechanisms will be implemented along the path of analyzing the features of specific types of human rights activities, developing the most effective decisions and algorithms of behavior of subjects of its implementation.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информация, правозащитная деятельность, правозащита, электронные программы, эффективность.

Key words: artificial intelligence, information, human rights activities, human rights, electronic programs, efficiency.

Для цитирования: Воронов А.А., Васяев А.А. Применение искусственного интеллекта в правозащитной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 282-286. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_282.

For citation: Voronov A.A., Vasyaev A.A. Application of artificial intelligence in human rights activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 282-286. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_282.

Статья поступила в редакцию: 26.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В настоящее время во всех сферах организации общества и деятельности российского государства наблюдается существенный рост разработок и применения цифровых технологий, кибернетики, искусственного интеллекта, что приводит к необходимости максимально быстро и эффективно использовать цифровые инструменты в реализации целевого функционирования основных элементов правовой системы, направленного на повышение эффективности обеспечения и защиты конституционных прав и свобод граждан.

Развитие IT-индустрии, информационные и иные высокие технологии, их прикладной инструментарий сегодня являются определяющим фактором эффективности взаимодействия государственных органов и общества, обеспечивающие в том числе, необходимый информационный обмен и реализацию механизма эффективной цифровой коммуникации. В то же время, как отмечают исследователи, «использование ин-

формационных и коммуникационных технологий не является чем-то новым, а сам процесс возвращается к более широким институциональным и политическим траекториям» [3].

Любая юридическая деятельность подразумевает эффективное применение правовых средств всеми субъектами, реализующими права и обязанности в различных типах правового регулирования [11]. При этом, законодатель не ограничивает субъекта правоприменения в применении любых вспомогательных механизмов, если при этом не нарушается действующее законодательство.

Важнейшая роль в механизме обеспечения прав и свобод граждан сегодня отводится правозащитной системе в лице ее субъектов, осуществляющих правозащитную деятельность путем оказания квалифицированной юридической помощи и осуществлении иных информационных, организационных и распорядительных действий на основаниях, при условиях и в пределах, определенных действующим законодательством. Соответственно, оперативное получение необходимой информации, связанной с нарушением прав и свобод, ее анализ и принятие эффективных и выверенных решений в настоящее время невозможно без применения интеллектуальных информационных систем. Все это достаточно обоснованно определяет актуальность настоящей работы.

Основной целью работы является изучение функциональных аспектов применения возможностей искусственного интеллекта (далее по тексту — ИИ) в правозащитной деятельности, обеспечивающего эффективную защиту прав и свобод граждан. Обозначенная цель отражает и предмет работы, причем изучение данных возможностей производится с учетом условий и степени цифровой трансформации правовой системы, обеспечивающей, при этом, наличие информационного взаимодействия, как субъектов правозащитной деятельности, так и государственных органов власти. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, регулирующие особенности и характер применения ИИ в правозащитной деятельности. Соответственно, в итоге мы должны получить обоснованные выводы об особенностях применения ИИ в правозащитной деятельности, а также о возможных проблемах и способах их решения.

Среди технологий искусственного интеллекта, которые уже используются в российской правовой системе, ученые называют технологии, позволяющие создавать правовые документы нормативного и индивидуального характера, технологии проверки данных о физических и юридических лицах, технологии электронного документооборота, технологии, используемые справочными правовыми системами для сбора информации о судебной практике и действующих нормативных правовых актах, технологии государственного контроля за деятельностью субъектов права, технологии, позволяющие осуществлять взаимодействие между субъектами права, технологии, используемые в государственных автоматизированных системах и др. В то же время признается, что применение ИИ в юридической деятельности ни в коей мере не заменит опыт, навыки, творческий подход, эмоциональный интеллект профессионального юриста [2]. К слову сказать, применение в практической деятельности указанных выше технологических решений и компьютерных систем и регулирование отношений в указанной сфере определяются преимущественно специализированным законодательством в части защиты интеллектуальной собственности, персональных данных, информации и др. Нормативная база, которая бы в целом регулировала все отношения, связанные с разработкой и применением технологий ИИ в российском законодательстве пока не сформирована.

Обратим внимание, что проблематика использования ИИ в правоприменительной деятельности волнует представителей самых разных систем. Например, представители институтов судебной власти обращают внимание, что технический разум еще не готов разрешать споры и с его помощью можно регулировать только отдельные элементы правоотношений [1]. Представители правоохранительной системы считают возможным использование ИИ для анализа поступающей информации (например, для поиска преступников), причем указанные технологии способны решить проблему получения полной, качественной и достоверной информации для принятия ка кого-либо решения на любом уровне [9].

Особый интерес вызывает вопрос применения искусственного интеллекта при оказании юридической помощи. В данном случае, особенно в сфере правового консультирования исследователи оценивают возможности ИИ как колоссальные, поскольку уже существуют программы, способные к самообучению и самостоятельному пополнению базы ответов на распространенные юридические вопросы граждан [8]. С другой стороны, нельзя в полной мере заменить живое общение юриста с доверителем компьютерными технологиями, поскольку только в процессе доверительного переговорного процесса возможны получение не только информации об общей проблеме, но и частные особенности, присущие каждому конкретному юридическому спору.

Отталкиваясь от темы работы и поставленной цели, обратим внимание, что в любой организационной системе, к которой относится и правозащитная, важнейшими элементами функционирования являются адаптация субъектов к новым условиям организации деятельности; контроль и принятие управленческих решений [6]. Соответственно, необходимо оценить, как технологии ИИ могут влиять на указанные выше процессы.

Отметим, что в современную эпоху технологического развития искусственный интеллект, а точнее, его функциональные возможности обладает потенциалом влияния на гражданское общество и правовое государство, однако при этом существует разрыв между обещаниями инновационных решений и возможными этическими проблемами применения ИИ. Этот важный аспект обуславливает то обстоятельство, что программы ИИ разрабатываются преимущественно коммерческими организациями, преследующими свои, подчас односторонние цели, связанные лишь с извлечением прибыли. В то же время, правовые системы «Гарант» и «КонсультантПлюс» по организационно-правовой форме являются коммерческими организациями, но выполняют общественно значимую функцию по систематизации и обобщению отечественного законодательства, элементов юридической доктрины и правоприменительной практики. В свете быстрого распространения ИИ в ближайшее время следует ожидать его использования и в указанных справочных правовых системах, что, как нам представляется, позволит сформировать эффективную базу правоприменения, содержащую значительный объем правовой информации.

С одной стороны, перспективы использования ИИ предполагают, что он станет инструментом наблюдения, контроля и определенного ущемления (своего рода, подавления) прав граждан. Другая точка зрения, напротив связана с ИИ, как инструментом повышения эффективности и прозрачности существующей правозащитной системы. Поскольку возможности ИИ изменяются очень быстро, возникает вопрос, в какой степени это повлияет на функционирование общества и государства?

В отличие от «обычных» компьютерных программ, которые могут выполнять ограниченные математические операции, ИИ обладает возможностями, приближающими его к мышлению человека. Наибольшую подготовленность к использованию ИИ подготовлены правовые системы «Гарант» и «КонсультантПлюс», которые представляют собой сборники информации из законодательства, судебной практики и научных изысканий. Современные юристы в принципе не могут оперировать такими объемами информации и проводить ее анализ. Именно это обстоятельство является одной из основных «характеристик» ИИ и лежащих в его основе баз данных, которая определяет такие широкие возможности [10].

Также, в отличие от других программ, которые необходимо периодически обновлять или заменять на новую версию, для ИИ в этом нет необходимости, поскольку он «учится», «адаптируется» и «совершенствуется» 24 часа в сутки. Поэтому ИИ способен более полно, всесторонне и бесперебойно, чем юрист, анализировать имеющуюся информацию, определять закономерности и модели, на основе которых он может принимать решения, советовать определенные тактики поведения.

Одной из характеристик ИИ является способность адаптироваться и менять свое поведение, если он определит, что существующая модель его работы неадекватна текущей ситуации. Это отличает ИИ от любой другой программы и приближает его к человеческому образу мышления. Помимо способности решать логические задачи, ИИ обладает потенциалом и в том, что называется человеческим творчеством (на сегодняшний день не на самом высоком уровне). Именно поэтому мы являемся свидетелями создания произведений искусства, поэзии, музыки и живописи с помощью алгоритмов ИИ. Вместо того, чтобы программировать «все подряд», ИИ учится на существующих данных и измененный алгоритм применяет обновленные знания к новым ситуациям.

Основой принятия решений ИИ является алгоритм или некий метод компьютерного (машинного) обучения. Это выражение сегодня обозначает ряд точно определенных правил и процедур, на базе которых некие значения преобразуются в новые данные или описывают выполнение процедуры. По сути, алгоритм — это инструкция по решению заданной проблемы, некая программа, «объясняющая», какие команды и в каком порядке следует выполнять.

Этапы решения задачи с помощью алгоритма включают в себя анализ и точное выявление проблемы, общее и детальное описание алгоритма решения задачи, написание компьютерной программы, ее тестирование и применение, анализ результатов ее работы. В рамках ИИ все эти стадии объединены.

Будущее применения ИИ в правовой сфере все еще неопределенно, поэтому здесь возможны разные сценарии [7]. В рамках одного сценария он контролирует все аспекты бытия человека. В обществе с развитым ИИ, согласно такому взгляду исчезают индивидуализм, неприкосновенность частной жизни и права человека. В этом сценарии ИИ проникает в человеческую жизнь в форме некой тоталитарной системы. Другой сценарий — своего рода утопия, в которой ИИ идеально гармонирует со всеми потребностями человека, а глобальный алгоритм выполняет все требования индивида, соблюдая при этом права физических и юридических лиц.

С помощью инновационных алгоритмов и массовой обработки данных уже сейчас создатели электронных программ и их пользователи могут исследовать профили граждан и отслеживать их деятельность и в сети, и в реальном мире, бросая вызов праву на неприкосновенность частной жизни [12]. Как известно, компании могут использовать алгоритмы для анализа индивидуальных предпочтений на основе истории интернет-поиска. Этот анализ позволяет корпорациям (прежде всего, социальным сетям) корректировать рекламу, контент и предложения для каждого интернет-пользователя.

Недостаточное понимание работы ИИ может ограничить способность людей исправлять нарушения закона или оспаривать судебные решения. Разработчики программного обеспечения при этом, как правило, не готовы раскрывать свои алгоритмы (это является интеллектуальной и коммерческой тайной). Если невозможно проверить, что решения принимает тот или иной алгоритм, это, в конечном итоге, может привести к сегрегации человечества и системной дискриминации. Тут следует оговориться, что деятельность в условиях неизвестности работы некоего механизма системы не является новой, поскольку специалисту в той или иной профессии приходится работать в складывающихся объективных условиях неизвестности. Так, например, на сегодняшний день огромное количество принимаемых законных и подзаконных актов не позволяет юристу даже с большим стажем работы знать весь объем постоянно дополняющегося и видоизменяющегося правового материала.

Дискриминация, возникающая в результате недостаточной прозрачности, может быть и косвенной, и непреднамеренной. Алгоритмы часто обучаются на собранных базах данных. В том же случае, если эти данные содержат некие социальные предрассудки, что почти предопределено в культурах с длительной историей, алгоритм способен перенять их. Такая система, которую мы считаем объективной, может непропорционально затрагивать определенные группы, например, по признаку расы, пола или социально-экономического статуса.

На основе многочисленных данных ИИ обучается выявлять закономерности и шаблоны. Если данные, используемые алгоритмом, являются предвзятыми (например, в определенной расовой или этнической группе более высокий уровень преступности), алгоритм может принять эти «предвзятости» и применить их к своим прогнозам, рекомендуя, предположим, лицу более суровую меру пресечения [4].

С другой стороны, арифметическая справедливость не всегда тождественна человеческой справедливости. Автоматические алгоритмы воспринимают взгляды, вкусы и чувства своих создателей. Поэтому важно принять стандарты, регламентирующие использование ИИ, при

осуществлении правозащитной деятельности.

Более того, у ИИ есть возможность усиления существующего правового неравенства. Алгоритм можно запрограммировать на распознавание существенных черт, взглядов или моделей поведения, которые влияют на расовые или гендерные стереотипы и оказывают негативное воздействие на маргинализированные группы или отдельных лиц, что способно привести к их дискриминации. Наконец, на практике существует вероятность того, что ИИ сформирует систему ценностей, не соответствующую «человеческим» правовым и этическим нормам [5]. Например, алгоритм может быть ориентирован на достижение такой цели, как максимальная эффективность, но при этом могут игнорироваться права человека.

Важнейшим направлением использования ИИ в правозащитной деятельности следует считать интеллектуальную поддержку принятия решений при реализации необходимой правозащитной функции, причем современные методы основаны на взаимодействии методов целеполагания, мониторинга, экспертного оценивания. И каждый вариант оказания поддержки принятия решения субъектом осуществления правозащитной деятельности используется ИИ исходя из практической целесообразности.

По мере того, как системы ИИ становятся более совершенными, возникают вопросы о том, смогут ли они развить свое собственное самосознание. Учитывая, что современные системы ИИ обладают все более выраженной способностью принимать решения и осуществлять самостоятельную деятельность, мы должны задать вопрос об их собственной юридической и этической ответственности. Определение того, кто несет ответственность за результаты решений алгоритма, ставит вопросы об определении ответственности и установлении этических рамок, в которых он сможет действовать. Несомненно, в ходе разбирательства при определении индивидуальной ответственности физических и юридических лиц возникнут различные вопросы, но также может быть поставлен вопрос об ответственности самой системы, основанной на ИИ. Следует ли применить в этом случае аналогию с ответственностью, применяемой к людям? На наш взгляд, любое решение, принятое алгоритмом ИИ, должно оцениваться в соответствии с установленными законом требованиями, в противном случае такое результат деятельности ИИ недопустим.

Несомненным плюсом в использовании ИИ является то, что все больше дел представлены в процессе не устного, а письменного рассмотрения их рассмотрения. Таким образом, алгоритмы решают задачи, традиционно выполняемые правозащитниками, а именно сбор, анализ, обобщение и т.д. информации, независимо от внешних условий.

Современные модели ИИ, с одной стороны, полезны и помогают в том числе правозащитникам. Они уже сейчас эффективнее человеческих возможностей в определенных задачах, таких как обработка речи, распознавание изображений, анализ поведения объекта исследования, составление протокола судебного заседания. С другой стороны, существование системы, которая могла бы думать, дало бы ИИ возможность выполнять любую аналитическую задачу, которую может выполнить юрист в своей профессиональной деятельности.

Искусственный интеллект очень быстро реагирует на поставленные перед ним задачи и оперативно предлагает их успешное решение, особенно когда это касается анализа большого объема фактической информации. Думается, что благодаря этим функциям ИИ в будущем станет возможным кардинально изменить многие сферы человеческой жизни, включая правозащитную.

Поиск и сбор информации, ее обработка, если говорить о применении алгоритмов ИИ в деятельности правозащитников, значительно сократит время работы юристов, сделает ее более эффективной.

Искусственный интеллект способен распознавать закономерности юридической практики, предлагать разнообразные варианты действий (решений), выполнять задачи аналитического свойства, осуществлять автоматизацию рутинных задач, таких как подготовка процессуальных документов, консультирование, поиск информации, мониторинг нормативных актов и судебной практики, оптимизацию графика работы правозащитника, поиск потенциальных доверителей, рекламирование правозащитной деятельности, принятия решений на основе предыдущих судебных прецедентов.

Технологии искусственного интеллекта помогут молодым юристам оказывать более профессиональную юридическую помощь, на основе анализа большого объема данных, и выявлять закономерности, которые существенно повышают уровень достоверности и уместности доказательственной информации.

Очевидно, что адаптация к новым технологиям может оказаться непростой задачей для юристов, тем более в долгосрочной перспективе.

Создание условий для унификации учета судебной практики – одна из важнейших задач, которую можно решить с помощью искусственного интеллекта, что должно привести к максимально полной реализации принципа правовой определенности судебных решений.

Таким образом, искусственный интеллект может стать триггером реформы всей правовой системы страны.

Использование заранее заданных алгоритмов в правозащитной деятельности следует рассматривать прежде всего как инструмент поддержки и помощи правозащитникам, а не как замену им. Таким образом, ИИ сегодня становится инструментом повышения эффективности и скорости оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к заключению, что эффективная правозащитная деятельность в эпоху цифровизации базируется на применении интеллектуальных информационных систем. Для принятия эффективного решения необходимо использовать новейшие технологии искусственного интеллекта с целью проведения анализа поступающей и уже имеющейся информации об осуществлении практической правозащитной деятельности и возможном нарушении прав и свобод граждан. Вполне очевидно, что внедрение механизмов искусственного интеллекта будет реализовываться на основе анализа особенностей осуществления конкретных видов правозащитной деятельности и выработ-

ки алгоритма принятия наиболее эффективных решений и линии поведения субъектов ее реализации.

Список литературы:

1. Андреев В.К. О применении искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российское правосудие. – 202. – № 3. – С. 78-83.
2. Березина Е. А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 12. – С. 25–38.
3. Ватлина Л.В. Культура цифровой трансформации предоставления государственных услуг // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 1(133). – С. 73-78.
4. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 216 с.
5. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15-25.
6. Крошилин А.В., Крошилина С.В., Попова А.А. Интеллектуальная поддержка принятия управленческих решений в организационных системах распределения задач между сотрудниками // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 12. – С. 55-60.
7. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Рожавский З.Д. Искусственный интеллект в контексте уголовно-правовых рисков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023 – №13. – С. 209-221.
8. Мещерягина В.А. Использование искусственного интеллекта при оказании бесплатной юридической помощи гражданам // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 127-130.
9. Никитин Е.В. Организация правоохранительной деятельности с использованием информационных систем поддержки принятия решений: проблемы и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3 (34). – С. 88-93.
10. Руденкова Ю.С., Хазиев Ш.Н., Усов А.И. Искусственный интеллект и судебная компьютерно-техническая экспертиза // Теория и практика судебной экспертизы – 2024. – № 19. – С. 76-87.
11. Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: СПб., 2000. – С. 6.
12. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

References:

1. Andreev V.K. On the use of artificial intelligence in judicial activity // Russian justice. 202. No. 3. pp. 78-83.
2. Berezina E. A. The use of artificial intelligence in legal activity // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17. – No. 12. – pp. 25-38.
3. Vatlina L.V. Culture of digital transformation of public service provision // Izvestiya St. Petersburg State Economic University. – 2022. – № 1(133). – Pp. 73-78.
4. Information technologies in the criminal process of foreign countries: a monograph / ed. jurid. Sciences S.V. Zueva. Moscow: YurLitinform, 2020. 216 p.
5. Kleandrov M.I. Reflections on the topic: can a robot be a judge? // Russian justice. - 2018. – No. 6. – pp. 15-25.
6. Kroshilin A.V., Kroshilina S.V., Popova A.A. Intellectual support for managerial decision-making in organizational systems of assignment of tasks between employees // Modern high-tech technologies. - 2024. – No. 12. – pp. 55-60.
7. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Rozhavsky Z.D. Artificial intelligence in the context of criminal law risks // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. – 2023 – No. 13. – pp. 209-221.
8. Meshcheryagina V.A. The use of artificial intelligence in providing free legal assistance to citizens // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. – No. 3. – pp. 127-130.
9. Nikitin E.V. Organization of law enforcement activities using decision support information systems: problems and prospects // Law and order: history, theory, practice. – 2022. – № 3 (34). – Pp. 88-93.
10. Rudenkova Yu.S., Khaziev Sh.N., Usov A.I. Artificial intelligence and forensic computer-technical expertise // Theory and practice of forensic examination – 2024. – No. 19. – pp. 76-87.
11. Turbova Ya.V. Legal awareness in the structure of legal activity: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.01: St. Petersburg, 2000, p. 6.
12. Federal Law No. 123-FZ dated 04/24/2020 "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collection of Legislation Russian Federation. – 2020. – No. 17. – Art. 2701.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO PRESCHOOL EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD

ВИЛАЧЕВА Мария Николаевна,

Уральский государственный экономический университет,
старший преподаватель кафедры конституционного и международного права.
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: vilacheva.m@yandex.ru;

VILACHEVA Maria Nikolaevna,

Ural State Economic University, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and International Law.
620144, Russia, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 62.

E-mail: vilacheva.m@yandex.ru

Краткая аннотация: предметом анализа научной статьи является российский и международный опыт правового регулирования права на дошкольное образование, которое только в Российской Федерации возведено в степень конституционной нормы. Автором исследуются преимущественно положения законов стран-участниц СНГ, выделяется их положительный опыт в рассматриваемой сфере, который может быть имплементирован во внутринациональное законодательство России.

Abstract: the subject of the analysis of the scientific article is the Russian and international experience of legal regulation of the right to preschool education, which is elevated to the degree of constitutional norm only in the Russian Federation. The author mainly examines the provisions of the laws of the CIS member countries, highlights their positive experience in the field under consideration, which can be implemented into the domestic legislation of Russia.

Ключевые слова: дошкольное образование; образование; страны-участницы СНГ, образование в СНГ, право.

Keywords: preschool education; education; CIS member countries; education in the CIS, law.

Для цитирования: Вилачева М.Н. Сравнительный анализ правового регулирования права на дошкольное образование в Российской Федерации и за рубежом // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 287-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_287.

For citation: Vilacheva M.N. Comparative analysis of the legal regulation of the right to preschool education in the Russian Federation and abroad // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 287-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_287.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Прямое закрепление в ст. 43 Конституции РФ общедоступного и бесплатного права на дошкольное образование не является случайностью и предопределяет его высокую значимость, а также обязанность государства сформировать эффективные гарантии реализации данного права.

В зарубежных конституциях право на дошкольное образование практически не встречается [24]. Термин «дошкольное» употребляется лишь в ч. 3 ст. 35 Конституции Грузии [5], но лишь в контексте дошкольного воспитания, а не обучения.

Например, в США отсутствует право на дошкольное образование [27], поэтому возможность получить присмотр и уход до поступления в школу регулируется на уровне государственных программ поддержки семьи. Услуги по присмотру и уходу, а также образовательные услуги для детей раннего дошкольного возраста оказываются частными учреждениями за счет государственного субсидирования. Если у ребенка отсутствует гражданство США, он не может претендовать на получение государственных субсидий и посещает только частные дошкольные учреждения, предназначенные для детей предшкольной подготовки от пяти до восьми лет за счет оплаты родителей [28].

Аналогичная ситуация характерна Федеративной Республике Германия, где право на дошкольное образование не предусмотрено и подавляющее большинство дошкольных образовательных учреждений – частные, при этом государственные дошкольные образовательные учреждения составляют не более 20% от общего количества [25].

В этой связи российский конституционный опыт представляется уникальным, поскольку ст. 43 Конституции РФ напрямую закрепляет дошкольное образование в России, прямо предусматривая возможность бесплатного получения общедоступного дошкольного образования установленного качества в государственных или муниципальных образовательных учреждениях.

Неразвитость (или вообще отсутствие) за рубежом права на дошкольное образование возможно объясняется его отсутствием в международных актах [1, 2].

В то же время неиспользование в международных актах и зарубежных конституциях конструкции «дошкольное образование» вовсе не означает отсутствия его правового регулирования на законодательном уровне. Более того, страны постсоветского пространства, перенявшие положительный советский опыт дошкольного образования, существенно продвинулись вперед в вопросах его правовой регламентации.

Так, согласно ст. 49 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» [9], гарантируются доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Дошкольное образование является первым уровнем в структуре основного образования, правовому регулированию которого отведен целый раздел, достаточно подробно раскрывающий перечень организаций, реализующих программы дошкольного образования, разграничение этапов дошкольного образования по возрастным категориям (ранний возраст, дошкольный возраст),

видам учреждений дошкольного образования: детский сад; санаторный детский сад; дошкольный центр развития ребенка; видам структурных подразделений (ясли-сад; санаторный ясли-сад) в образовательных организациях, которые реализуют программы дошкольного образования, за исключением учреждений дошкольного образования; процесс получения дошкольного образования; научно-методическое обеспечения дошкольного образования.

Сравнивая с российским законодательством, стоит отметить, что в Федеральном законе «Об образовании» содержание системы дошкольного образования урегулировано в недостаточной степени. Элементом системы образования предстает «организация, осуществляющая образовательную деятельность» [3], характеристика и виды которой в России не раскрываются.

Помимо субъектов, важным элементом системы дошкольного образования в Республике Беларусь является образовательная программа дошкольного образования [18], которая может быть реализована только в организациях дошкольного образования. В отличие от России форма семейного дошкольного образования нормативно не предусматривается. Даже указанная в ст. 139 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании», возможность получения дошкольного образования на дому предполагает посещение семьи специалистом-педагогом и только в случаях, если воспитанник дошкольного образовательного учреждения не может его посещать по состоянию здоровья.

Еще более внушительным выглядит законодательное регулирование дошкольного образования в Республике Узбекистан, где принят отдельный Закон «О дошкольном образовании и воспитании» [13]. Несомненным его преимуществом является закрепление обширного понятийного аппарата сферы дошкольного образования.

Дошкольные образовательные организации в Республике Узбекистан подразделяются на два вида по принципу финансирования: на государственные и негосударственные. В качестве отличительных особенностей этих видов также выделяется принцип лицензирования деятельности негосударственных образовательных организаций дошкольного образования. В отличие от России не предусматривается возможность оказания только услуг по присмотру и уходу за детьми без получения лицензии.

К альтернативным формам дошкольного обучения в Республике Узбекистан отнесена деятельность физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, которые оказывают образовательные услуги по реализации программы дошкольного образования в форме семейной дошкольной образовательной организации, которые создаются исключительно в сельской местности по разрешению, выданному районным хокимиятом [13].

В Законе «О дошкольном образовании» Республики Грузия [16] (далее – Закон Грузии) называются услуги раннего воспитания и образования для детей до двух лет, и услуги для их родителей (законных представителей) по педагогическим образовательным навыкам и методической поддержке.

По достижении возраста двух лет и до поступления в первый класс ребенок начинает осваивать программу готовности к школе, которая определяет основные цели и задачи дошкольного образования, необходимые навыки, которыми должен овладеть ребенок для зачисления в школу [22]. Более того, в Республике Грузия вводятся некие «альтернативные» формы аттестаций обучающихся по государственному образовательному стандарту готовности к школе [11].

Аналогичный подход можно проследить и в Республике Азербайджан, где итоговая аттестация дошкольников предусматривается в Законе «О дошкольном образовании» [12] и Государственном стандарте и программе дошкольного образования (куррикулум) [15], включает в себя три компонента: диагностическое оценивание (определения первичного уровня развития в сентябре или – накануне представляемых новых тем); текущий мониторинг; итоговая аттестация.

Основная цель оценивания детей дошкольного возраста – помочь воспитателям определить соответствующий вид деятельности как для отдельных детей, так и для всей группы. Оценивание проводится на принципах укрепления у детей уверенности и желания учиться; участия детей в процессе оценивания своих достижений [21].

В Российской Федерации предусмотрен диаметрально противоположный подход, где не проводится промежуточная аттестация, а образовательный стандарт не является основой объективной оценки подготовки обучающихся [3].

Также в Республике Грузия, в отличие от России на законодательном уровне закреплены полномочия Национального агентства продовольствия в сфере раннего и дошкольного воспитания и образования, и полномочия Национальной службы статистики Грузии в сфере раннего и дошкольного образования. В первом случае юридическое лицо публичного права контролирует обеспечение надлежащего продовольствия учреждений дошкольного образования. Во втором случае Национальная служба статистики имеет прогностические задачи: аккумулирует информацию от всех муниципальных образований о численности учреждений; педагогических работников; детей, вовлеченных в реализацию образовательной программы дошкольного образования. Эту практику можно вполне адаптировать к Российскому правовому регулированию, закрепив полномочия за Федеральной службой государственной статистики.

На сегодняшний день Росстат лишь начинает сбор сведений о дошкольном образовании в рамках общего направления «образование» [26] по направлениям: численность воспитанников; численность педагогических работников; электронные средства обучения в дошкольных образовательных организациях; обеспеченность детей дошкольного возраста местами; охват детей дошкольным образованием с разбивкой по возрастам; информация для расчета показателей, используемых для формирования рейтинга некоммерческих организаций и социального предпринимательства и др.

Согласно Распоряжения Правительства РФ [4] данная информация собирается с целью определения количества детей, обеспеченных местами в дошкольных образовательных организациях. По нашему мнению, потенциал сбора, обработки и аналитики статистической информа-

ции требуется расширять, ведь именно она становится основой управления укомплектованностью государственных и муниципальных дошкольных образовательных учреждений. Например, в Эстонской Республике на муниципальные органы власти возлагается обязанность прогнозировать потребность в педагогических кадрах, оказывать помощь образовательным учреждениям в подборе работников [6].

Крайне лаконично право на дошкольное образование представлено в Казахстане в статье 15 Федерального закона «Об образовании», закрепляющей общеобразовательный стандарт дошкольного образования. Вместе с тем, Приказом Министра образования и науки Республики Казахстан № 254 [17] закрепляются правила оказания государственных услуг в сфере дошкольного образования. Несмотря на название акта, он содержит лишь две административные процедуры: постановка на очередь детей дошкольного возраста (до 6 лет) для направления в дошкольные организации и прием документов и зачисление детей в дошкольные организации.

Государства-участники стран СНГ разработали правовую основу сотрудничества в сфере образования [20], отдавая приоритет равенству образовательных возможностей, единства концептуальных основ организации различных уровней образования с целью образовательной, культурной и научной интеграции, в результате чего был, в том числе, принят модельный закон СНГ «О дошкольном образовании» [19].

Интересен тот факт, что существует модельный закон СНГ «О дошкольном образовании», странами-участниками либо вообще не воспринят (Россия Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь) либо использован во внутринациональном законодательстве весьма избирательно (Республика Армения, Азербайджанская Республика, Республика Молдова [7], Республика Таджикистан [10], Республика Узбекистан). В Кыргызской Республике отказались от отдельного закона [8] «О дошкольном образовании» отдав предпочтение общему правовому регулированию в рамках Закона «Об образовании» [14].

Хотя многие юридические конструкции модельного закона СНГ «О дошкольном образовании» стоит признать актуальными для научного анализа. Так, модельный закон СНГ «О дошкольном образовании» увы не содержит определения дошкольного образования, указывая лишь, что образовательная деятельность в сфере дошкольного образования – деятельность по реализации образовательных программ дошкольного образования. При этом присмотр и уход за детьми определяется как комплекс нескольких взаимосвязанных процессов: организации питания и хозяйственно-бытового обслуживания детей, обеспечение соблюдения ими личной гигиены и режима дня, реализация образовательной программы дошкольного образования образовательными организациями (учреждениями). То есть, происходит некое отождествление образовательной деятельности по реализации программ дошкольного образования и присмотра, ухода за детьми. Этот подход представляется удачным, однако не в рамках юридической конструкции «присмотр и уход», а в рамках определения содержания понятия «дошкольное образование».

Анализ российского и зарубежного законодательства показывает, что Российская Федерация идет во многом уникальным путем, не свойственным не только странам дальнего зарубежья, но и многим странам на постсоветском пространстве. Вместе с тем несмотря на то, что только в России право на дошкольное образование закреплено на уровне конституционной нормы, в ряде стран СНГ это право имеет юридические гарантии в виде самостоятельного закона, регулирующего дошкольное образование. Считаем, что этот подход должен быть воспринят внутринациональным законодательством России.

Список литературы:

1. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3054-р «Об утверждении перечня показателей, используемых для формирования рейтинга субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7557.
5. Конституция Грузии // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 13.12.2023).
6. Закон Эстонской Республики об образовании (принят 23.03.1992 RT 1992, 12, 192) // URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-talked> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Закон Приднестровской Молдавской республики от 25 июля 2008 г. № 499-3-IV URL: <https://pravo.gospmr.org/ui/show/9xuxEQ1YvGX9SEEJ7OBJ4jodrFuod8u4+1E> (дата обращения: 11.11.2023).
8. Закон Кыргызской Республики от 29 июня 2009 года № 198 «О дошкольном образовании» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30439348 (дата обращения: 18.12.2021).
9. Кодекс Республики Беларусь от 13 января 2011 г. № 243-3 // URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=hk1100243> Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 25.10.2023).
10. Закон Республики Таджикистан 28 декабря 2013 года № 1056 «О дошкольном обучении и воспитании» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31507620 (дата обращения: 08.10.2023).
11. Закон Грузии «О раннем и дошкольном воспитании и образовании» № 5366-III от 08.06.2016 г. // Законодательный вестник Грузии URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3310237?publication=15> (дата обращения: 16.12.2023).
12. Закон Азербайджанской Республики от 14 апреля 2017 года № 585-VQ «О дошкольном образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.06.2023 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35622671 (дата обращения: 18.12.2023).
13. Закон Республики Узбекистан от 16.12.2019 № ЗРУ-595 «О дошкольном образовании и воспитании» // URL: https://nm.uz/content/?doc=609143_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 29.11.2023).
14. Закон Киргизской республики от 11 августа 2023 года №179 «Об образовании» (Документ утратил силу с 18 августа 2023 года в соответствии с частью 2 статьи 63 Закона Кыргызской Республики от 11 августа 2023 года №179) URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=153128&ysclid=ito74kff13637243368 (дата обращения: 20.09.2023).
15. Постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики от 16 июля 2010 года № 137 Об утверждении «Государственного стандарта и программы дошкольного образования» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31056156 (дата обращения: 28.02.2024).
16. Постановление Правительства Грузии № 356 от 13.07.2021 г. «Об утверждении Государственной стратегии по гражданскому равноправию и интеграции на 2021-2030 годы и Плана действий Государственной стратегии по гражданскому равноправию и интеграции на 2021-2022 годы» // URL: <https://smr.gov.ge/uploads/Files> (дата обращения: 14.12.2023).
17. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 19 июня 2020 г. № 254 «Об утверждении правил оказания государственных услуг в сфере дошкольного образования» // URL: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020883> (дата обращения: 25.01.2024).
18. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 4 августа 2022 г. № 229 «Об утверждении учебной программы дошкольного образования» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W22238589p>.
19. Постановление № 47-9 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О новой редакции модельного закона "О дошкольном образовании"» (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018) // СПС КонсультантПлюс.

20. Соглашение о сотрудничестве в области образования (Заключено в г. Ташкенте 15.05.1992) // Бюллетень международных договоров. № 6. 1994.
21. Ахмедов Г. Г. Современное состояние дошкольного образования в Азербайджане в свете реформ «курикулум дошкольного образования» / Г. Г. Ахмедов, М. Г. Ширзадова, З. А. Асадова // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 2. – С. 176-179.
22. Балчиивадзе И. С. Дошкольное образование, как способ подготовки воспитанников к школе / И. С. Балчиивадзе, Д. Футкардзе // Sciences of Europe. – 2018. – № 27-3(27). – С. 33-36.
23. Давидович А. Об актуальных проблемах системы дошкольного образования / А. Давидович // Пралеска. – 2023. – №2 (378). – С. 7-11.
24. Конституции зарубежных государств: Соединенные Штаты Америки. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада: Офиц. тексты: Перевод / Сост., авт. введ., вступ. ст. к конституциям В. В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Бек, 1997. – XXII. – 561 с.
25. Мякина С. Б., Поликашина О. В. О некоторых аспектах дошкольного образования Берлина: краткая характеристика, сравнительный анализ и Международный опыт // Наука и школа. – 2018. – №2. – С. 69-74.
26. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2024).
27. Barnett W. S., and Mass, L. N., 2007. Early childhood programming and economic impact: a comparative analysis of the benefits and costs of a program for older people and policy implications. Review of the Economics of Education, 26, pp. 113-125.
28. U.S. Department of Education, Accreditation in the United States URL: <https://web.archive.org/web/20211020160234/https://www2.ed.gov/admins/finaid/accred/index.html> (дата обращения: 05.10.2022).

References:

1. Declaration of the Rights of the Child (Adopted on 11/20/1959 by Resolution 1386 (XIV) at the 841st plenary meeting of the UN General Assembly) // PCA ConsultantPlus.
2. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989) (entered into force for the USSR on 09/15/1990) // ATP ConsultantPlus.
3. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // SZ RF. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/29/2021 No. 3054-р "On approval of the list of indicators used to form the rating of subjects of the Russian Federation" // SZ RF. 2021. No. 45. Art. 7557.
5. Constitution of Georgia // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (accessed 13.12.2023).
6. The Law of the Republic of Estonia Republic on Education (adopted 03/23/1992 RT 1992, 12, 192) // URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seadustetolked> (date of request: 20.01.2024).
7. Law of the Pridnestrovian Moldavian Republic of July 25, 2008 No. 499-Z-IV URL: <https://pravo.gospmr.org/ul/show/9xuxEQ1YvGtX9SEEJ7OJBj4jodpFuod8u4+1E> = (date of request: 11.11.2023).
8. The Law of the Kyrgyz Republic dated June 29, 2009 No. 198 "On preschool education" URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30439348 (date of reference: 12/18/2021).
9. Code of the Republic of Belarus No. 243-Z dated January 13, 2011 // URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=hk1100243> National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus (accessed: 10/25/2023).
10. The Law of the Republic of Tajikistan on December 28, 2013 No. 1056 "On preschool education and upbringing" URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31507620 (date of reference: 08.10.2023).
11. The Law of Georgia "On early and preschool education and education" No. 5366-III dated 08.06.2016 // Legislative Bulletin of Georgia URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3310237?publication=15> (date of request: 12/16/2023).
12. The Law of the Republic of Azerbaijan dated April 14, 2017 No. 585-VQ "On Preschool Education" (with amendments and additions as of 06/09/2023) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35622671 (date of reference: 12/18/2023).
13. Law of the Republic of Uzbekistan dated 12/16/2019 No. ZRU-595 "On preschool education and upbringing" // URL: https://nm.uz/content/?doc=609143_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (date of request: 11/29/2023).
14. Law of the Kyrgyz Republic dated August 11, 2023 No. 179 "On Education" (The document became invalid on August 18, 2023 in accordance with part 2 of Article 63 of the Law of the Kyrgyz Republic dated August 11, 2023 No. 179) URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=153128&ysclid=ito74kff13637243368 (date of application: 09/20/2023).
15. Resolution of the Cabinet of Ministers No. 137 of the Republic of Azerbaijan dated July 16, 2010 On approval of the "State Standard and Program of Preschool Education" // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31056156 (date of request: 02/28/2024).
16. Resolution of the Government of Georgia No. 356 dated 07/13/2021 "On Approval of the State Strategy for Civil Equality and Integration for 2021-2030 and the Action Plan of the State Strategy for Civil Equality and Integration for 2021-2022" // URL: <https://smr.gov.ge/uploads/Files> (date of request: 14.12.2023).
17. Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated June 19, 2020 No. 254 "On approval of the Rules for the provision of public services in the field of preschool education" // URL: Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020883> (date of request: 01/25/2024).
18. Resolution of the Ministry of Education of the Republic of Belarus dated August 4, 2022 No. 229 "On approval of the curriculum of pre-school education" // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W22238589p>.
19. Resolution No. 47-9 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States "On the new edition of the Model Law "On Preschool Education" (Adopted in St. Petersburg on 04/13/2018) // SPS ConsultantPlus.
20. Agreement on cooperation in the field of education (Concluded in Tashkent on 05/15/1992) // Bulletin of International treaties. No. 6. 1994.
21. Akhmedov G. G. The current state of preschool education in Azerbaijan in the light of the reforms of the "curriculum of preschool education" / G. G. Akhmedov, M. G. Shirzadova, Z. A. Asadova // Siberian Pedagogical Journal, 2014, No. 2, pp. 176-179.
22. Balchivadze I. S. Preschool education as a way of preparing pupils for school / I. S. Balchivadze, D. Futkaradze // Sciences of Europe. – 2018. – № 27-3(27). – Pp. 33-36.
23. Davidovich A. On the actual problems of the preschool education system / A. Davidovich // Pralaska. – 2023. – №2 (378). – Pp. 7-11.
24. Constitutions of foreign countries: The United States of America. Great Britain. France. Germany. Italy. Spain. Greece. Japan. Canada: Official texts: Translation / Comp., author's introduction, introductory article to the constitutions of V. V. Maklakov. – 2nd ed., ispr. and add. - M.: Beck, 1997. – XXII. – 561 p.
25. Myakina S. B., Polikashina O. V. On some aspects of preschool education in Berlin: a brief description, comparative analysis and International experience // Science and School. – 2018. – No. 2. – pp. 69-74.
26. Official website of the Federal State Statistics Service <https://rosstat.gov.ru> (accessed: 02/24/2024).
27. Barnett W. S., and Mass, L. N., 2007. Early childhood programming and economic impact: a comparative analysis of the benefits and costs of a program for older people and policy implications. Review of the Economics of Education, 26, pp. 113-125.
28. U.S. Department of Education, Accreditation in the United States URL: <https://web.archive.org/web/20211020160234/https://www2.ed.gov/admins/finaid/accred/index.html> (date of request: 05.10.2022).

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ PUBLIC POWER IN MODERN RUSSIA

ЧЕПУНОВ Олег Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Конституционного права
Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84, к. 1.

E-mail: chepunovoleg@yandex.ru;

CHEPUNOV Oleg Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law M.M. Speransky Faculty of Law
of Law and National Security The Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation.

119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 84, corp. 1.

E-mail: chepunovoleg@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется конституционно-правовое содержание понятия «единая публичная власть», раскрываются конституционно-правовые основы ее системного единства, выявляется взаимосвязь данных основ и организационно институциональная структура единой публичной власти. На основе анализа субъектного состава публично-властных отношений сделан вывод о необходимости совершенствовании конституционной доктрины, путем расширения субъектного состава публичного права, в том числе с учетом таких публичных институтов, которые обладающие отдельными публично-властными признаками, а также юридических лиц публичного права, имеющие публично-общественную значимость и способность оказывать влияние на формирование и реализацию публично-властной (государственной) политики. Сформулированы выводы об основных направлениях развития доктрины системы публичной власти в Российской Федерации.

Abstract. The article analyzes the constitutional and legal content of the concept of "unified public authority", reveals the constitutional and legal foundations of its systemic unity, reveals the interrelation of these foundations and the organizational and institutional structure of unified public authority. Based on the analysis of the subject composition of public-law relations, conclusions are drawn about the need to improve the constitutional doctrine by expanding the subject composition of public law, including taking into account such public institutions that have separate public-power characteristics, as well as legal entities of public law that have public significance and the ability to influence the formation and implementation of public-governmental (state) policy. The conclusions about the main directions of development of the doctrine of the system of public power in the Russian Federation are formulated.

Ключевые слова: публичная власть, системам публичной власти, конституционные основы, единство публичной власти, общественное, субъекты публично-властных отношений, реализация полномочий.

Keywords: public power, systems of public power, constitutional foundations, unity of public power, public, subjects publicly

Для цитирования: Чепунов О.И. Публичная власть в современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_291.

For citation: Chepunov O. I. Public power in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 291-294. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_291.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», внесено 206 изменений в конституционный текст. Конституционная реформа затронула, в том числе, конституционно-правовой статус местного самоуправления и характер его взаимодействия с государством. Исходно «конституированная «статусная диспозиция», что местное самоуправление, с одной стороны, «в пределах своих полномочий самостоятельно», с другой – его органы «не входят в систему органов государственной власти» воспринималась весьма воодушевленно. Затем последовал приземленный вопрос: а куда же конституционно входят органы местного самоуправления? В конституционно-правовой науке вполне ordinarily формулировался ответ – они представляют уровень публичной власти» [9, с. 67]. Теперь вывод ученых получил легальную поддержку на конституционном уровне.

В новой редакции ч. 3 ст. 132 Конституции России установлено, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Тем самым на конституционном уровне закреплена идея функциональной кооперации всех уровней публичной власти в рамках единого государственного организма. Необходимость принятия этой поправки была обусловлена дефицитом правового регулирования механизмов взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления [3], что на протяжении длительного времени приводило к функциональной разобщенности и снижало эффективность реализации прав граждан, на что неоднократно указывалось как в научных исследованиях, так и в практике конституционного строительства [18, с. 208].

Идея функционального единства публичной власти особенно актуальна для федеративных государств, где необходимо обеспечить баланс между централизацией управления, автономией субъектов Федерации и самостоятельностью местного самоуправления. В Российской Федерации проблема «нескоординированности» в управленческой практике неоднократно отмечалась в государственной риторике и экспертных сообществах. Президент России не раз подчеркивал необходимость функционального единства всех уровней публичной власти [13, 14]. Однако, действующая ст. 12 Конституции России, в соответствии с которой органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, создаёт определенный дисбаланс в их координации. Как подчеркивалось главой Российского государства, важнейшей задачей является со-

гласование действий всех уровней власти, устранение разрывов между регионами и муниципалитетами, повышение эффективности муниципального управления. Внесенными в этой части конституционными изменениями, по сути, трансформировалась конституционная концепция местного самоуправления: в результате реформы оно фактически стало частью единой системы публичной власти посредством конституционного усиления вертикали управления, установления механизмов координации, подотчётности и нормативного взаимодействия между уровнями власти.

Понятие «публичная власть» складывается из категорий «публичный» (лат. *publicus* – государственный, общественный) и «власть» – способности одних влиять на других, в том числе принуждением. В юридической науке отсутствует единое понимание этого термина, хотя он широко используется.

Вопросы публичной власти в научной юридической литературе разрабатывались с позиции ее сути [17, 19], структуры [1] и организации [15], конституционных [2] и законодательных [18] характеристик, факторов единения [9] и критериев эффективности [10].

Особое внимание уделяется муниципальной власти как части системы публичной власти [4]. Анализ исследований, появившихся после конституционной реформы [5, 6, 12, 16, 20], демонстрирует разнообразие подходов к определению публичной власти, что указывает на сохраняющуюся понятийную неопределённость. Публичная власть трактуется как социально-правовой феномен, основанный на конституционных нормах и доверии граждан, либо как институционализованный легальная власть, реализующая интересы территориального сообщества. Также подчёркивается её общественный характер и противопоставление частной власти как формы всеобщего участия. Существует и взгляд на публичную власть как результат оформления публично-правовой структуры, включающей государство и иные субъекты.

Обобщая, укажем, что публичная власть характеризуется тесной связью с обществом, выражается в участии граждан, прозрачности, подотчётности, ориентации на общественные интересы, правовом регулировании, партнёрстве с институтами гражданского общества, обязательности решений, признанном авторитете, наличии аппарата принуждения, территориальной ограниченности, институциональности и финансировании из публичных средств. Она охватывает разнообразные институты и формы, включая национальные и наднациональные механизмы, действующие от имени общества.

Конституционное установление «единой системы публичной власти» опирается на базовые положения Конституции Российской Федерации: провозглашение России демократическим федеративным правовым государством (ч. 1 ст. 1), признание народа носителем суверенитета (ст. 3), распространение суверенитета на всю территорию страны и единство системы государственной власти (ст. 4), а также разграничение ведения между Федерацией и её субъектами с приоритетом федерального законодательства (ст. 71–73, 76). Согласно п. «г» ст. 71, ч. 1 ст. 67 Конституции России установление публичной власти, включая федеральные территории, относится к ведению Российской Федерации.

Правовое закрепление понятия «единой системы публичной власти» содержится в ст. 2 Федерального закона от 08 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», согласно которой под единой системой публичной власти понимается совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, а также органов местного самоуправления. Это вполне можно рассматривать как конституционную опору для реализации идеи «единства публичной власти» в Российской Федерации.

Закономерно полагать, что единство публичной системы обеспечивается за счет взаимодействия законодательно перечисленных и иных ее органов всех ветвей и уровней. Применительно к взаимодействию поддерживаем мнение, что оно претендует на конституционный принцип [8]. Взаимодействие органов в единой системе публичной власти, как следует из ст. 80, 83 Конституции России обеспечивает Президент. Особенности осуществления публичной власти на отдельных территориях регулируются федеральным законом. На уровне субъектов Российской Федерации она осуществляется на основе Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и законодательства субъектов, на местном уровне – в соответствии с Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и иными актами. Конституционно-правовые нормы обеспечивают единство правового пространства, интеграцию и устойчивость системы публичной власти, эффективное взаимодействие её уровней, способность достигать цели общественного управления и др.

Единство публичной власти обеспечивается совокупностью правовых, институциональных и организационно-управленческих механизмов, направленных на согласованное и целостное функционирование всех уровней власти.

В российской конституционной доктрине единая публичная власть – это система органов государственной власти и местного самоуправления, основанная на принципах взаимодействия, координации и субсидиарности в рамках общего правового пространства.

В деятельности публичной власти появляется практическая необходимость участия расширенного круга субъектов в функциональной деятельности системы публичной власти. Такая необходимость обусловлена делегированием публичных функций различным структурам – государственным корпорациям, компаниям и другим публично-правовым образованиям. При этом отличительная природа государственной и муниципальной власти, выражающаяся в их правовом статусе, функциях, территории действия и характере полномочий, придаёт системе публичной власти определённую системную амбивалентность.

Можно определить понятие единой публичной власти как доктринальное и правовое конструирование, отражающее стремление к целостности, согласованности и эффективному взаимодействию всех уровней власти и публично-властных институтов в государстве, при одновременном сохранении их институциональной и функциональной самостоятельности.

Категория «система публичной власти» соотносится с понятием и характеристиками открытых социальных систем [11], которые харак-

теризуются взаимодействием с внешней средой, обменом ресурсами, информацией идеями своей динамикой, синергетическим эффектом и др. Как отмечал Г.В. Мальцев, «важнейшим свойством системы является взаимозависимость её компонентов, основанная на устойчивых связях, а не случайности. Такие системы не изолированы: они адаптируются к изменениям и влияют на окружающую среду, опираясь на конституционные ценности, обеспечивающие легитимность и общественное доверие к власти» [7, с. 260]. В системе публичной власти кроме органов государственной власти и местного самоуправления ее субъектами могут быть иные структуры, обладающие публичными полномочиями. Можно согласиться с мнением С.А. Авакьяна, что «Федеративная организация государства, специфика регионализма, местного самоуправления предполагают особенности построения структуры публичной власти, наличие разных организационных форм ее осуществления» [1, с. 8]. Это расширительное понимание субъектного состава связано с развитием принципа единства системы публичной власти и с делегированием (или передаче) публичных функций различным структурам, например: государственные корпорации и компании и другие публично-правовые образования. Анализ субъектного состава публично-властных отношений в Российской Федерации показывает наличие дискуссионных положений, связанных с участием в этих отношениях субъектов, формально не входящих в конституционно закреплённую модель системы публичной власти, но наделённых публичными полномочиями на основании законов и подзаконных актов различных уровней.

Система публичной власти относится к классу открытых социальных систем, которые активно взаимодействуют с внешней средой, обмениваются с ней ресурсами, информацией, людьми и энергией. Это отражает её способность функционировать как целостный, самоорганизующийся и развивающийся организм в условиях сложной и многокомпонентной государственной структуры Российской Федерации.

Взаимодействие различных элементов этой системы – федеральных, региональных и муниципальных органов власти, институтов гражданского общества и иных участников – приводит к тому, что итоговая эффективность управления, решение общественно значимых задач и реализации государственной политики превышает сумму эффектов их разрозненных действий. Это и определяет уровень её синергетического эффекта.

Однако, если в системе не выявлены все основные элементы, оказывающие значимое воздействие на её функциональность, говорить о высокой системной целостности публичной власти – как об интегративном свойстве, выражающемся в качественном единстве структуры, функций и их реализации, – затруднительно. Целостность проявляется в наличии внутренних связей между элементами, обеспечивающих согласованность функционирования системы. По своей сущности система публичной власти носит черты дуализма, а неполный учёт её структурной организации, отражающейся в сложности управления обществом, усиливает амбивалентность системы. Её крайние негативные проявления могут приводить к кризисам доверия и нестабильности власти. В этом случае на функциональную стабилизацию и эффективность системы публичной власти окажут оптимальные механизмы субсидиарности и координации.

Эффективное разграничение полномочий при реализации публичной власти достигается через принцип субсидиарности, согласно которому публичные задачи решаются на максимально близком к гражданину уровне, если он способен справиться с ними. Особая роль здесь отводится местному самоуправлению. Принцип субсидиарности применяется как в федеративных, так и в унитарных государствах. В России после распада СССР он получил внимание, но не был закреплён в Конституции 1993 г. Эффективной реализации мешали слабая финансовая самостоятельность регионов и муниципалитетов, недостаток институтов гражданского общества и устойчивых механизмов распределения полномочий. Для полноценного внедрения принципа необходимы финансовые реформы и твёрдая политическая воля федеральной власти.

Необходимость установления оптимальных координационных взаимосвязей в системе публичной власти, выражающихся в согласовании действий органов публичной власти как по вертикали, так и по горизонтали всей системы, обусловлена стремлением обеспечить своевременное реагирование на возникающие вызовы и угрозы, оперативное купирование негативных процессов, а также их трансформацию в позитивные изменения, способствующие устойчивому развитию и укреплению единства публичной власти.

В этом аспекте можно констатировать конституционно-правовую незавершенность структурно-системной организации публичной власти в Российской Федерации. Возникает необходимость переосмысления конституционной доктрины форм реализации публичной власти (например, через развитие конституционного диалога), что будет способствовать более точному определению её природы, границ осуществления, субъектного состава и системы. Этот вопрос имеет не только юридическое, но также политическое и практическое значение. В частности, он связан с необходимостью обеспечения баланса полномочий между различными субъектами публичной власти, что должно предотвратить чрезмерную концентрацию власти в отдельных структурах и обеспечить эффективное взаимодействие для решения задач государства.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7-13.
2. Витрук Н.В. Верность Конституции / Н.В. Витрук. 2-е изд. Москва: РГУП, 2016. 272 с.
3. Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Зеркальный лабиринт муниципальной реформы: конституционно-судебная практика как основа для поиска выходов // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5. С. 14-42.
4. Добрынин Н.М. О конституционной модели разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации: опыт синтетического осмысления субсидиарности // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 77-89.
5. Зуйков А.В. Конституционные ориентиры развития местного самоуправления в единой системе публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 43-47.
6. Корсун К.И. Государственная власть и местное самоуправление: конституционно-правовое регулирование содержания и взаимодействия: дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: Челябинск, 2022. – 243 с.
7. Мальцев Г.В. Социальные основы права. – М.: Норма, 2007. – 800 с.
8. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
9. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.

10. Маркгейм М.В., Бойченко Е.М. Конституционные критерии эффективности публичной власти в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 248-251.
11. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. Пер. с англ. - М. Мир 1973г. – 344с.
12. Мурашкинцев А.Н. К вопросу о соотношении понятий «механизм государства» и «система публичной власти» // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 149-156.
13. Повестка-2020 Владимир Путин и парламентарии обсудили приоритеты законодотворческой работы в следующем году // Российская газета [элект. рес.] URL: <https://rg.ru/2019/12/24/putin-i-parlamentarii-obsudili-prioritety-zakonotvorchestva-v-2020-godu.html> (дата обр. 27.04.2025).
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. [элект. рес.] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
15. Современные проблемы организации публичной власти. Монография / Рук. авторского колл. и отв. редактор – д.ю.н., профессор Авакян С.А. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.
16. Тимофеев Н.С. К поиску ориентиров и критериев эффективности публичных властей // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 43-49.
17. Тонков Е.Е., Нифанов А.Н. Публичная власть в Российской Федерации: конституционный импульс осмысления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 3 (37). С. 80-84.
18. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020.
19. Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юрист, 2005. 174 с.
20. Югов А.А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 16-22.

References:

1. Avakian S.A. The structure of public power in Russia: problems of formation and development // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (33). Pp. 7-13.
2. Vitruk N.V. Fidelity to the Constitution / N.V. Vitruk. 2nd ed. Moscow: RGUP, 2016. 272 p.
3. Dzhagaryan A.A., Dzhagaryan N.V. The mirror maze of municipal reform: constitutional and judicial practice as a basis for finding solutions // Comparative Constitutional Review. 2016. No. 5. Pp. 14-42.
4. Dobrynin N.M. On the constitutional model of differentiation of subjects of jurisdiction and powers in the Russian Federation: the experience of synthetic understanding of subsidiarity // Russian Law Journal. 2017. No. 5. Pp. 77-89.
5. Zuikov A.V. Constitutional guidelines for the development of local self-government in the unified system of public authority // State power and local self-government. 2025. No. 2. Pp. 43-47.
6. Korsun K.I. State power and local self-government: constitutional and legal regulation of content and interaction: dis. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. Sciences: Chelyabinsk, 2022. – 243 p.
7. Maltsev G.V. Social foundations of law. Moscow: Norma, 2007. 800 p.
8. Markhgeym M.V. Interaction as a constitutional principle // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. No. 1 (92). Pp. 54-56.
9. Markhgeym M.V. The system of public power of the Russian Federation: constitutional determinants of unity // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 8 (147). Pp. 66-72.
10. Markhgeym M.V., Boychenko E.M. Constitutional criteria for the effectiveness of public power in Russia // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 11 (239). Pp. 248-251.
11. Mesarovich M., Mako D., Takahara I. Theory of hierarchical multilevel systems. Translated from English. - M. Mir 1973g. – 344 p.
12. Murashkintseva A.N. On the question of the relationship between the concepts of "mechanism of the state" and "system of public power" // State power and local self-government. 2023. No. 8. pp. 149-156.
13. Agenda 2020 Vladimir Putin and parliamentarians discussed priorities of legislative work next year // Rossiyskaya Gazeta [elect Res.] URL: <https://rg.ru/2019/12/24/putin-i-parlamentarii-obsudili-prioritety-zakonotvorchestva-v-2020-godu.html> (date mod. 04/27/2025).
14. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated January 15, 2020 [elect Res.] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>
15. Modern problems of the organization of public power. Monograph / Hand. The author's call and editor-in-chief is Doctor of Law, Professor S.A. Avakian– Moscow: Justicinform, 2014. 596 p.
16. Timofeev N.S. On the search for guidelines and criteria for the effectiveness of public authorities // Constitutional and municipal law. 2022. No. 5. Pp. 43-49.
17. Tonkov E.E., Nifanov A.N. Public power in the Russian Federation: the constitutional impulse of comprehension // City management: theory and practice. 2020. No. 3 (37). Pp. 80-84.
18. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority." Moscow : Norma : INFRA-M, 2020.
19. Chirkin V.E. Public power. Moscow: Jurist, 2005. 174 p.
20. Yugov A.A. Unified system of public power: concept and general characteristics // Constitutional and municipal law. 2022. No. 2. Pp. 16-22.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PROBATION IN THE ACTIVITIES OF THE PENAL SYSTEM

СМИРНОВА Ирина Николаевна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

БЫЧИНСКАЯ Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, Университет ФСИН России.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А.
E-mail: firefirst@mail.ru;

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University.
180000, Russia, Pskov, Lenin Square, 2.
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

BYCHINSKAYA Irina Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya str., 34, lit. A.
E-mail: firefirst@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы теории, организации и правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере probation. На основе результатов проведенного исследования обоснована важность обеспечения эффективности такой правоохранительной деятельности в рамках предупреждения преступлений. С учетом социологического опроса, изучения специальной литературы и официальных данных вскрыты проблемы в изучаемой сфере правоохранительной деятельности и сформулированы обоснованные меры, направленные на их решение.

Abstract. The article discusses current issues of theory, organization and legal regulation of the penal system in the field of probation. Based on the results of the conducted research, the importance of ensuring the effectiveness of such law enforcement activities in the framework of crime prevention is substantiated. Taking into account the sociological survey, the study of special literature and official data, the problems in the field of law enforcement activity under study are revealed and reasonable measures aimed at solving them are formulated.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная инспекция, probation, предупреждение преступлений, кадровое обеспечение probation, эффективность probation, взаимодействие субъектов probation.

Keywords: penal enforcement system, penal enforcement inspectorate, probation, crime prevention, probation staffing, probation efficiency, interaction of probation subjects.

Для цитирования: Смирнова И.Н., Бычинская И.С. Организационно-правовые аспекты реализации probation в деятельности уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 295-297. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_295.

For citation: Smirnova I.N., Bychinskaya I.S. Organizational and legal aspects of the implementation of probation in the activities of the penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 295-297. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_295.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Актуальность заявленной в публикации тематики обосновывается прежде всего целями probation: в их числе предупреждение совершения преступлений лицами, в отношении которых применяется probation. В частности, положительным результатом применения исполнительной probation по итогам 2024 года является низкий уровень преступности среди данной категории лиц, который более чем в пять раз ниже по сравнению с остальными осужденными, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества. В соответствии с официальными данными Федеральной службы исполнения наказаний в 2024 году с заявлением об оказании содействия в уголовно-исполнительные инспекции обратились более 28 тыс. осужденных, из них более 25 тыс. лиц получили необходимую помощь [1].

В настоящей публикации мы отразим некоторые организационно-правовые аспекты probation, реализуемой уголовно-исполнительной системой, и отразим достижение ее целей.

Прежде всего отметим, что общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования probation в Российской Федерации, направления деятельности и полномочия субъектов probation в Российской Федерации регулирует Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации». Однако К. Н. Карпов утверждает, что «использованный в названии термин «probation» (аналог «испытание») не совсем точно отражает содержание правоотношений, которые пытается урегулировать (а отчасти сформировать) законодатель» [2, с. 180].

В рамках проведения исследования нами проанализированы официальные статистические данные, специальная литература, посвя-

щенная некоторым аспектам заявленной проблематики, осуществлен опрос практических работников. С учетом полученных результатов нами сформулированы следующие выводы.

1. Исходя из актуальности пробации в современных условиях, в специальной литературе возникают вопросы, связанные с ее правовой природой и пониманием сущности [3; 4, с. 126–135].

Так, В. Г. Громов, исследуя проблемы реализации пробации в Российской Федерации, утверждает, что «По сути дела, это не наказание, не иная мера уголовно-правового характера и не освобождение от наказания. Она очень напоминает криминологическую профилактику, но таковой не является» [5, с. 189].

В Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» «пробация – совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц». При этом изучение литературы показывает, что, например, П. В. Голодов констатировал, что «объединение в понятие института пробации разноплановых мер, начиная с мер социальной адаптации и заканчивая мерами уголовного наказания и исправления осужденных, контроля (надзора) и профилактики правонарушений, делает его содержание излишне абстрактным и беспредметным» [6, с. 197].

2. В процессе реализации пробации в Российской Федерации актуализируются, как показало проведенное нами исследование, вопросы правового обеспечения этого направления правоохранительной деятельности. Более того, как справедливо отмечает Е. В. Ермаков, «введение института пробации и издание нормативных правовых актов, направленных на реализацию Закона о пробации, предусматривают одновременно совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний» [7, с. 208]. Необходимо также нормативное закрепление правового статуса сотрудников службы пробации, законодательное установление ответственности должностных лиц за невыполнение законных требований и решений сотрудников службы пробации [8, с. 87]. В литературе также обосновывается важность введения и закрепления соответственно «допениденциарной пробации» (в настоящее время ее нет в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации») [9, с. 189–190], при этом О. Н. Уваров и А. Ф. Любарский раскрывают в своей работе функции допениденциарной формы пробации [10, с. 84].

3. Особенности пробации обуславливают, на наш взгляд, важность выработки строго индивидуального подхода к решению поставленных перед ней задач, предусмотренных Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Следовательно, в рамках реализации пробации особое значение имеют вопросы оптимизации организации функционирования УИС и обеспечения законности в рамках использования мер в отношении лиц, к которым применяется пробация.

По этому поводу важно также добавить, что большую роль в эффективности пробации будет играть взаимодействие всех субъектов пробации. На это обращалось также внимание еще 10 ноября 2023 г. в Минюсте России в рамках рабочей встречи министра юстиции Российской Федерации с руководством ФСИН России и представителями общественности по вопросам, связанным с внедрением системы пробации в стране. В частности, указывалось, что эффективное взаимодействие всех субъектов пробации будет способствовать снижению рецидивной преступности, восстановлению социальных связей и более успешной адаптации в обществе освободившихся граждан [11].

4. Применительно к видам пробации, закрепленным в указанном выше Федеральном законе, можно отметить, что исполнительная пробация и постпениденциарная пробация предусматривают совокупность мер, применяемых в отношении определенных категорий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, а пениденциарная пробация «направлена на исправление осужденных, а также подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений» (ст. 5). В настоящее время создана и начала использоваться информационная система «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация», содержащий информацию о видах, сроках, результатах реализации мероприятий пробации, лицах, в отношении которых применяется пробация, об их индивидуальных программах, индивидуальной нужде, оказанных мерах социальной помощи, отказах от применения пробации, и ведется в целях учета сведений о лицах, в отношении которых применяется пробация.

В приказе Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"» установлены критерии индивидуальной нужде в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и обратившихся с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Однако в литературе обращается внимание на то, что, хотя законодатель определяет критерии для определения категории лиц, в отношении которых применяется институт пробации, нахождение лица в трудной жизненной ситуации, данный критерий представляется оценочным и несет опасность субъективизма в определении категорий лиц, в отношении которых будут применяться пробационные меры [12, с. 91].

5. С учетом полученных в рамках опроса практических работников результатов можно сделать вывод о необходимости совершенствования количественно-качественного состава службы пробации, о чем мы уже писали ранее [13, с. 190–194]. Изучение специальной литературы показывает, что иные авторы также рассматривали указанный аспект, в частности, обосновывали нагрузку на каждого сотрудника службы пробации [14, с. 210], квалификацию ее кадров (по оценке Минюста России, служба пробации потребует порядка 50 тысяч сотрудников с навыками в области социального обслуживания и психологии) [15], создание образовательных программ в новой формации, проведение тренин-

гов и семинаров, продолжение развития системы наставничества и поддержки сотрудников [16, с. 11–17], педагогические аспекты функционирования института пробации [17, с. 52–57].

Список литературы:

1. ФСИН: Результат пробации - низкий уровень рецидива у бывших осужденных <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (дата обращения: 04.03.2025).
2. Карпов К.Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практич. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. № 2 (105). С. 178–187.
3. Габараев А.Ш., Новиков А.В. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23244> (дата обращения: 04.03.2025).
4. Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3(56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-kak-subinstitut-ugolovno-ispolnitelnogo-prava> (дата обращения: 05.03.2025).
5. Громов В.Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-i-problemy-ee-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Голодов П.В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.
7. Ермасов Е.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 2. С. 200–210. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).2.200-210.
8. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Пенитенциарная наука. 2011. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-i-perspektivy-sozdaniya-služby-probatsii-v-rossii-organizatsionno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Серебrennikova A.B. Пробация: за и против // Человек: преступление и наказание. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-za-i-protiv> (дата обращения: 04.03.2025).
10. Уваров О.Н., Любарский А. Ф. Допенитенциарная пробация в системе пробации Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2022. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopenitentsiarnaya-probatsiya-v-sisteme-probatsii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.03.2025).
11. В Минюсте России обсудили механизмы реализации мер пробации в отношении осужденных и освобожденных граждан <https://minjust.gov.ru/ru/events/49833/> (дата обращения: 05.03.2025).
12. Царева Е.А. Понятие и виды пробации // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 91–94. doi: 10.17223/23088451/22/16 (дата обращения: 05.03.2025).
13. Смирнова И.Н. К вопросу об обосновании актуальности организации подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в свете принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации" / И.Н. Смирнова, И.С. Бычинская // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 января 2025 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2025. С. 190–194.
14. Старостин С.А., Анискина Н.В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. № 2(58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-v-rossii-vybor-politiki-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 04.03.2025).
15. Ткач Н. Как будет работать закон о пробации. URL: https://rapsnews.ru/legislation_publication/20230217/308694787.html (дата обращения: 04.03.2025).
16. Слабкая Д.Н. Истоки становления службы пробации в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 4А. С. 11–17.
17. Соколова Е.А. Педагогические аспекты функционирования института пробации в России: к постановке вопроса // Вестник УИС. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-funktsionirovaniya-instituta-probatsii-v-rossii-k-postanovke-voprosa> (дата обращения: 05.03.2025).

References:

1. FSIN: The result of probation is a low recidivism rate among former convicts <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (date of application: 03/04/2025).
2. Karpov K.N. Probation as an element of social control over persons who have committed a crime // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia : scientific and Practical journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (105). pp. 178-187.
3. Gabaraev A.Sh., Novikov A.V. Prospects for the implementation of the probation institute in the modern penitentiary policy of the Russian Federation // Modern problems of science and education. 2015. No. 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23244> (date of application: 03/04/2025).
4. Teplyashin P.V. Probation as a subinstitute of penal enforcement law // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 3(56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-kak-subinstitut-ugolovno-ispolnitelnogo-prava> (date of request: 03/05/2025).
5. Gromov V.G. Probation and the problems of its implementation in the Russian Federation // Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-i-problemy-ee-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii> (date of application: 03/05/2025).
6. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of detention and legal regulation // Penitentiary Science. 2022. Vol. 16, No. 2 (58). pp. 194-203. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.
7. Ermasov E.V. Improvement of legal regulation in the field of execution of criminal penalties during the introduction of probation // Penal Enforcement law. 2023. Vol. 18(1-4), No. 2. pp. 200-210. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).2.200-210.
9. Serebrennikova A.V. Probation: pros and cons // Man: crime and punishment. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-za-i-protiv> (date of application: 03/04/2025).
10. Uvarov O.N., Lyubarsky A. F. Pre-penitentiary probation in the probation system of the Russian Federation // Criminal Justice. 2022. No. 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopenitentsiarnaya-probatsiya-v-sisteme-probatsii-rossiyskoy-federatsii> (date of application: 03/04/2025).
11. The Russian Ministry of Justice discussed mechanisms for the implementation of probation measures in relation to convicted and released citizens <https://minjust.gov.ru/ru/events/49833/> (date of access: 03/05/2025).
12. Tsareva E.A. The concept and types of probation // Criminal justice. 2023. No. 22. pp. 91-94. doi: 10.17223/23088451/22/16 (date of application: 03/05/2025).
13. Smirnova I.N. On the issue of substantiating the relevance of the organization of personnel training for the penal correction system in the light of the adoption of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" / I.N. Smirnova, I.S. Bychinskaya // The innovative potential of science development in the modern world: achievements and innovations : A collection of scientific articles based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Ufa, January 28, 2025. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2025. pp. 190-194.
14. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choices and development prospects // Penal science. 2022. No. 2(58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-probatsii-v-rossii-vybor-politiki-i-perspektivy-razvitiya> (date of application: 03/04/2025).
15. Tkach N. How the probation law will work. URL: https://rapsnews.ru/legislation_publication/20230217/308694787.html (date of request: 03/04/2025).
16. Slabkaya D.N. The origins of the probation service in the Russian Federation // Issues of Russian and international law. 2024. Volume 14. No. 4A. pp. 11-17.
17. Sokolova E.A. Pedagogical aspects of the probation institute in Russia: to raise the question // Vedomosti UIS. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-funktsionirovaniya-instituta-probatsii-v-rossii-k-postanovke-voprosa> (date of request: 03/05/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_298

УДК 336.221.262

«ДРОБЛЕНИЕ» БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ “FRAGMENTATION” OF BUSINESS AND THE PROBLEM OF UNCERTAINTY IN LAW

ТРАПЕЗНИКОВ Александр Иванович,

аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: trapeznikovpsu@gmail.com;

TRAPEZNIKOV Alexander Ivanovich,

graduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Perm State National Research University, Perm.
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614990.
E-mail: trapeznikovpsu@gmail.com

Краткая аннотация: в статье установлена связь между проблемами неопределенности бытия, неопределенности в праве и неопределенности в регулировании «дробления» бизнеса, описана характеристика неопределенности и определенности, выступающих универсальными категориями, применимыми как в философии, так и в праве.

Abstract: The article establishes a connection between the problems of uncertainty of existence, uncertainty in law and uncertainty in regulating the “fragmentation” of business, describes the characteristics of uncertainty and certainty, which are universal categories applicable both in philosophy and in law.

Ключевые слова: налоговая выгода, «дробление» бизнеса, неопределенность, определенность, судебная доктрина, конкретизация.

Key words: tax benefit, business fragmentation, uncertainty, certainty, judicial doctrine, specification

Для цитирования: Трапезников А.И. «Дробление» бизнеса и проблема неопределенности в праве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 298-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_298.

For citation: Trapeznikov A.I. “Fragmentation” of business and the problem of uncertainty in law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 298-301. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_298.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Изучение проблемы «дробления» бизнеса, как правового явления, тесно связано с теоретическими вопросами о неопределенности и определенности в праве, а также с философскими категориями «неопределенность», «определенность», к которым обращались мыслители разных эпох в ходе изучения вопросов сущности бытия, познания и развития.

В связи с тем, что исследовательская проблематика «дробления» бизнеса непосредственно отражает состояние неопределенности в праве в разрезе затронутого явления «дробления» бизнеса, то достижение целей и задач в исследовании «дробления» бизнеса будет иметь более комплексный, всесторонний характер при понимании природы неопределенности, определенности, как парных категорий в их философском и правовом аспектах, отражающих содержательное единство и взаимосвязь между неопределенностью бытия и права.

Анализ исторически сложившегося понимания неопределенности и определенности как свойства бытия показал, что данные категории рассматривались в трех аспектах онтологическом, эпистемологическом и семантическом, на которые стали обращать внимание уже в Античности.

Так, в работах, направленных на обнаружение первопричины мира, затрагивался онтологический аспект неопределенности и определенности.

В частности, философ Анаксимандр сформулировал мысль о неопределенности через идею неопределенного материального начала – «апейрона», являющегося неопределенной материей, из которой впоследствии дифференцировались конкретные вещи¹.

Гераклитом в ходе изучения движения и развития подчеркивалось диалектическое единство определенности и неопределенности. Философ считал, что вследствие движения вещь приобретает свою определенность².

Платоном использование категорий определенности и неопределенности производилось для характеристики идеального и материального миров. По мнению философа, идеальный мир – это мир определенности, устойчивости, совершенства и упорядоченности, а материальный мир – это мир неопределенности, ввиду его постоянной изменчивости и хаотичности³.

Аристотель понимал «неопределенность» как объективную лишенность определенного качества, количества, места, времени и др. Определенность же имеет столько значений, сколько имеет их актуальное (определенное) бытие⁴.

Пиррон утверждал, что все окружающие нас вещи по своей природе являются неопределенными⁵.

Таким образом, вышеназванные философы рассматривали онтологический аспект определенности и неопределенности.

В свою очередь, античный философ Аркесилай подчеркивал эпистемологическую сторону неопределенности. Он исходил из общей гносеологической установки, согласно которой ничего невозможно отчетливо ни познать, ни постичь, ни представить, ни понять – все скрыто во мраке. Данные органов чувств совершенно ненадежны, стало быть, разуму не на что опереться для того, чтобы достичь истинных высказываний.

¹ См.: Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М., 1966. С. 54.

² См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 49.

³ См.: Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т. 1. М., 1990. С. 285.

⁴ См.: Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев, 1976. С. 14.

⁵ См.: Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2022. С. 13.

Все окружающее человека абсолютно неопределенно и, стало быть, непостижимо¹.

Философ Хрисипп указывал на сугубо семантическую природу неопределенности: неопределенность вещей зависит от их смысла, выраженного в языке².

В эпоху нового времени проблематика неопределенности и определенности нашла отражение в трудах Ф. Бэкона, которым неопределенность связывалась с возможностью непонимания людей друг друга вследствие нестрогого определения объемов терминов, субъективизма говорящего и слушающего³, т.е. исходил из семантического аспекта неопределенности, а также Г. Гегеля, рассматривавшего как онтологическую природу неопределенности (неотъемлемое свойство бытия)⁴, так и эпистемологическую ее сторону (ввиду неполноты знания о предмете рассуждения)⁵.

Таким образом, понимание определенности и неопределенности в философской мысли происходило в онтологическом, эпистемологическом, семантическом аспектах, поэтому источником неопределенности является:

1) то, как мы используем наши слова (семантическая неопределенность, когда неопределенность возникает из недостатков используемых языковых средств);

2) пределы того, что мы можем знать (эпистемологическая неопределенность, когда нечто потенциально познаваемое остается пока неизвестным и способна уменьшаться при нахождении новой информации);

3) то, как существует мир сам по себе (онтологическая неопределенность, когда нечто остается неизвестным, когда оно в конечном счете непознаваемо).

Следует признать, что выявленные в философской мысли источники неопределенности имеют безусловное значение для права, поскольку категории неопределенность и определенность в силу своей универсальной природы находят свое проявление и в праве.

В юридической литературе тема неопределенности и определенности в праве прошла свой длительный генезис, и в настоящее время наиболее авторитетно мнение о двойственной природе неопределенности в праве.

Неопределенность в праве следует рассматривать одновременно как в позитивном, так и в негативном смыслах:

- во-первых, неопределенность проявляет себя как позитивное свойство права (средство правового регулирования).

Н.А. Власенко, Т.Н. Назаренко отмечают положительную роль неопределенности в праве, поскольку юридическая неопределенность выступает технико-юридическим способом правового регулирования, позволяющим учитывать конкретные жизненные обстоятельства, динамику общественных отношений, новые потребности и задачи, возникающие в обществе.⁶

Н.А. Власенко отмечает, что положительная сторона неопределенности четко проявляется в оценочных правовых понятиях, в принципах права, которые представляют собой нормальный, естественный и единственно возможный формат регулирования, обеспечивающий точность правовой регламентации, и оставляющий свободу выбора правоприменителю⁷.

Т.Н. Назаренко отмечает, что борьба с неопределенностью в праве должна иметь свои пределы, так как норма права должна оперативно адаптироваться к многообразию повседневной жизни, поэтому неразумная зарегулированность общественных отношений и стремление к детальной конкретизации правил может превратить неопределенность в праве из положительного качества в отрицательное. Автор подчеркивает, что стремление к излишнему юридическому формализму должно иметь разумные границы и пространство для правоприменения.⁸

В работах А.В. Демина отмечается, что неопределенность в праве может рассматриваться как совокупность специфических юридических средств, целенаправленно применяемых в процессах правообразования и правоприменения, что является позитивным проявлением неопределенности.⁹

Таким образом, неопределенность в праве представляет собой положительный регуляторный механизм, обусловленный абстрактным характером юридических правил и невозможностью всестороннего охвата в нормах права всех аспектов регулируемых общественных отношений.

- во-вторых, неопределенность проявляет себя как негативное явление (выступает дефектом). Правовая неопределенность как дефект права проявляется в законодательстве, системе права и практике.

Н.А. Власенко отмечает, что негативным проявлением неопределенности являются отступления от логико-языковых и графических стандартов точности выражения воли законодателя, противоречивость норм, их несогласованность, пробелы в праве, составление правоприменительных актов, содержание которых не отвечает требованиям юридической техники.¹⁰

С.А. Авакьян отмечает, что неопределенность в праве может детерминироваться и объективными, и субъективными факторами. Последние касаются просчетов, упущений и недоработок законодателя при моделировании норм, конструкций и институтов.¹¹

Также весьма широко негативный аспект неопределенности в праве нашел свое отражение и характеристику в работах С.А. Батмано-

¹ См.: Там же. С. 14.

² См.: Там же.

³ См.: Котенко В.П. История и философия классической науки: уч. пособие. М., 2005. С. 140–145.

⁴ См.: Гегель Г.Ф. Наука логики. СПб., 1997. С. 57–61.

⁵ См.: Гегель Г.Ф. Феноменология духа. СПб., 1999. С. 48–50.

⁶ См.: Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5.

⁷ См.: Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и форма выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 34–36.

⁸ См.: Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 83.

⁹ См.: Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография / Демин А. В. - Москва: Статут, 2015. С. 2.

¹⁰ См.: Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и форма выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 38–40.

¹¹ См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 4.

ва,¹ Д.А. Керимова,² Э.Л. Калашниковой³, С.Б. Полякова, А.И. Сидоренко.⁴

Следует признать, что исследовательский интерес к проблеме «дробления» бизнеса обусловлен неопределенностью в регулировании и правоприменительной практике, которые не дают однозначных ответов на то, что такое «дробление» бизнеса, а также каковы четкие границы, за пределами которых структурирование бизнеса является правонарушением.

При этом, проблема «дробления» бизнеса имеет свои истоки не только в сфере правового регулирования, но и в сфере правовой политики. Именно вследствие правовой политики государство стремится разрабатывать преференциальные налоговые режимы, вырабатывать подходы к налоговым льготам, оказывать поддержку малому и среднему бизнесу, что само по себе формирует стимулы недобросовестных налогоплательщиков к реализации схемы «дробления» бизнеса. Поэтому «дробление» бизнеса является своего рода негативным результатом правовой политики, имеющей положительные стремления к поддержке бизнеса, а попытки регулирования посредством противодействия налоговым схемам – закономерная реакция государства.

Однако, противодействие неправомерным налоговым практикам в силу их невероятного многообразия не может быть построено посредством детального нормативного регулирования, которое было бы обречено на провал, в силу чего, регламентация вопросов получения налоговой выгоды строится не на уровне налогового законодательства, а на уровне складывающейся судебной доктрины, формирующей критерии оценки правомерности получения налогоплательщиком налоговой выгоды, в том числе, при «дроблении» бизнеса. В этой связи, судебная доктрина приобретает нормативные свойства и становится средством правового регулирования общественных отношений, средством оценки степени правомерности реализованных налогоплательщиками налоговых практик.

В данном контексте важно заключить, что отсутствие понятия «дробления» бизнеса и его регламентации в налоговом законодательстве не означает отсутствия проблемы неопределенности в данном правовом явлении. Следует признать, что право, как явление, не должно сводиться к позитивистскому пониманию, так как текущая правовая реальность во всем своем многообразии прямо говорит, что право не следует приравнивать к закону, поэтому судебная доктрина, которой руководствуются суды и налоговые органы в ходе правоприменительной деятельности, является правом в не меньшей степени, чем любая норма налогового законодательства, с той лишь разницей, что норма законодательства обладает большей степенью определенности, конкретности.

По этой причине, достижение цели максимальной определенности в понимании «дробления» бизнеса, определении его конкретных признаков, образующих своего рода минимальную необходимую совокупность условий, при наличии которых «дробление» будет квалифицировано в качестве налогового правонарушения, либо формирование признаков, при наличии которых «дробление» бизнеса не будет признаваться налоговым нарушением, является безусловным благом для судов, налоговых органов и налогоплательщиков. Особенное значение такая конкретизация имела бы место в содержании постановлений высших судебных инстанций.

Безусловно, комплексное решение проблемы «дробления» бизнеса невозможно без принятия мер в сфере правовой политики, в частности:

- введение института получения предварительного мотивированного мнения налогового органа о наличии / отсутствии в предложенной к анализу структуре бизнеса признаков «дробления» бизнеса;
- повышение лимитов для применения специальных налоговых режимов;
- введение специальных лимитов, применяемых к группе лиц;
- введение механизмов налогообложения семейного бизнеса;

Значимость решения проблемы неопределенности применительно к «дроблению» бизнеса трудно переоценить. Как верно отметил К.А. Сасов, неясная налоговая норма может применяться или не применяться к налогоплательщику по произвольному усмотрению государства.⁵

Следует согласиться с А.В. Дёминым, что налоговое право сформулировало принцип определенности налоговых норм, который выступает универсальной гарантией публичных и частных интересов: с одной стороны, его практическая реализация ограничивает дискретное усмотрение налоговых органов, нередко перерастающее в налоговый произвол, а с другой – препятствует совершению частными лицами противоправных деяний и извлечению необоснованной налоговой выгоды.⁶

Вместе с тем, следует признать, что исследовательское целеполагание должно быть направлено на достижение относительной определенности, так как достижение абсолютной определенности невозможно, поскольку:

- регулирование вопроса «дробления» бизнеса было и будет строиться на основании применяемых в судебной доктрине абстрактных правил, которые, по своей сути, выступают принципами и имеют оценочное содержание. Вопрос заключается в достижении содержательной определенности применяемых судебной доктриной правил.
- многообразие общественных отношений обуславливает тот факт, что любое правило обладает свойством лишь относительной определенности.
- противоречие между стремлением государства оказать поддержку малому и среднему бизнесу, который должен иметь стимулирующую

¹ Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20.

² Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1998. С. 55.

³ Калашникова Э.Л. Неопределенность налоговой правовой обязанности: финансово-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

⁴ Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Проблемы преодоления правовой неопределенности, порождаемой судебной практикой // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII межд. научн.-практ. конференции. В 3-х частях. М., РГУП. 2018. Ч. 1. С. 142.

⁵ См.: Сасов К.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налогообложению. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 32.

⁶ См.: Демин А.В. Указ. соч. С. 16.

щий эффект для развития экономики, и последствиями в виде многообразных налоговых практик, в частности, обладающих признаками противоправности.

Список литературы:

1. Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М., 1966. 184с.
2. Материалисты Древней Греции. М., 1955. 240 с.
3. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т. 1. М., 1990. 864 с.
4. Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определённости и неопределённости. Кишинев, 1976. 124 с.
5. Неопределённость права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2022. 296 с.
6. Котенко В.П. История и философия классической науки: уч. пособие. М., 2005. 473 с.
7. Гегель Г.Ф. Наука логики. СПб., 1997. 800 с.
8. Гегель Г.Ф. Феноменология духа. СПб., 1999. 444 с.
9. Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределённость в праве: понятие и формы // Государство и право. 2007. № 6. С. 5-12.
10. Власенко Н.А. Неопределённость в праве: природа и форма выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32-44.
11. Назаренко Т.Н. Неопределённость в российском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 227 с.
12. Демин А.В. Принцип определённости налогообложения: монография / Демин А. В. - Москва: Статут, 2015. 367 с.
13. Авакян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3-12.
14. Батманов С.А. Понятие правовой неопределённости // Адвокат. 2015. № 11. С. 20-25.
15. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1998. 125 с.
16. Калашникова Э.Л. Неопределённость налоговой правовой обязанности: финансово-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.
17. Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Проблемы преодоления правовой неопределённости, порождаемой судебной практикой // Определённость и неопределённость права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII межд. научн.-практ. конференции. В 3-х частях. М., РГУП. 2018. Ч. 1. С. 139-146.
18. Сасов К.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по налогообложению. М.: Волтерс Клувер, 2008. 320 с.

References:

1. Mikhailova E. N., Chanyshv A. N. Ionian philosophy. Moscow, 1966. 184s.
2. The Materialists of Ancient Greece. Moscow, 1955. 240 p.
3. Plato. Collected works. In 4 volumes / Under the general editorship of A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi. Vol. 1. Moscow, 1990. 864 p.
4. Vizir P.I., Ursul A.D. Dialectics of certainty and uncertainty. Chisinau, 1976. 124 p.
5. The uncertainty of law: philosophical understanding and legal significance: a monograph / under the general editorship of O. Y. Rybakov, Moscow, 2022. 296 p.
6. Kotenko V.P. History and philosophy of classical science: a textbook. Moscow, 2005. 473 p.
7. Hegel G.F. The science of logic. St. Petersburg, 1997. 800 p.
8. Hegel G.F. Phenomenology of the spirit. St. Petersburg, 1999. 444 p.
9. Vlasenko N.A., Nazarenko T.N. Uncertainty in law: concept and forms // State and law. 2007. No. 6. pp. 5-12.
10. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: the nature and form of expression // Journal of Russian Law. 2013. No. 2. pp. 32-44.
11. Nazarenko T.N. Uncertainty in Russian law: Dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2006. 227 p.
12. Demin A.V. The principle of certainty of taxation: a monograph / Demin A.V. - Moscow: Statute, 2015. 367 p.
13. Avakian S.A. Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them // Constitutional and municipal law. 2007. No. 8. pp. 3-12.
14. Batmanov S.A. The concept of legal uncertainty // Advocate. 2015. No. 11. pp. 20-25.
15. Kerimov D.A. Legislative technique. Moscow, 1998. 125 p.
16. Kalashnikova E.L. Uncertainty of tax legal obligations: financial and legal aspect: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 25 p.
17. Polyakov S.B., Sidorenko A.I. Problems of overcoming legal uncertainty generated by judicial practice // Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: Proceedings of the XII International Scientific-practical conferences. In 3 parts. Moscow, RGUP, 2018. Part 1. pp. 139-146.
18. Sasov K.A. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on taxation. Moscow: Volters Kluver, 2008. 320 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_302

УДК 347.7

ИЗМЕНЕНИЕ ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

CHANGES IN FINANCIAL LEGISLATION AS ONE OF THE FACTORS IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE ECONOMY

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.

664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

E-mail: vlasovael1963@gmail.com

Краткая аннотация. Понятия цифровых финансовых активов и цифровой валюты формируют понятийный аппарат финансового права, являясь финансовыми категориями. При этом, данные понятия не были внесены в Бюджетный кодекс РФ, они определены Федеральным законом от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Налоговый кодекс РФ данные понятия были внесены Федеральным законом от 29.11.2024 №418-ФЗ, которые вступили в силу с 1 января 2025 года. Однако, ответственность за нарушение работы с ЦФА и цифровой валютой ни БК РФ, ни в НК РФ не установлены. Законодатель, определяя правовой статус данных финансовых инструментов, устанавливает административную и отчасти уголовную ответственность. Вопрос установления ответственности за нарушение работы с цифровыми финансовыми активами (ЦФА) и цифровой валютой в БК РФ и НК РФ является актуальным. В статье рассмотрены актуальные вопросы правоприменения ЦФА и цифровой валюты и внесены предложения об актуализации финансового законодательства страны.

Abstract. The concepts of digital financial assets and digital currency form the conceptual apparatus of financial law, being financial categories. At the same time, these concepts were not included in the Budget Code of the Russian Federation, they are defined by Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". These concepts were introduced into the Tax Code of the Russian Federation by Federal Law No. 418-FZ of November 29, 2024, which entered into force on January 1, 2025. However, neither the Budget Code of the Russian Federation nor the Tax Code of the Russian Federation establishes liability for violation of work with digital financial assets and digital currency. The legislator, defining the legal status of these financial instruments, establishes administrative and partly criminal liability. The issue of establishing liability for violation of work with digital financial assets (DFA) and digital currency in the Budget Code of the Russian Federation and the Tax Code of the Russian Federation is relevant. The article examines current issues of law enforcement of DFA and digital currency and makes proposals to update the country's financial legislation.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, токен, криптовалюта, блокчейн, майнинг.

Keywords: digital financial assets, digital currency, token, cryptocurrency, blockchain, mining.

Для цитирования: Власова Е.Л. Изменение финансового законодательства как один из факторов борьбы с коррупционными проявлениями в сфере экономики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 302-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_302.

For citation: Vlasova E.L. Changes in financial legislation as one of the factors in the fight against corruption in the economy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 302-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_302.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

31 июля 2020 года был принят Федеральный закон №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259-ФЗ)¹. ФЗ №259-ФЗ с 2021 год ввел понятия «цифровые финансовые активы» (далее – ЦФА) и «цифровая валюта»².

ЦФА по ФЗ №259-ФЗ – это цифровые права³, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

К участникам рынка ЦФА относят: 1) операторов информационных систем, которые занимаются выпуском и учётом ЦФА⁴;

Далее, 2) операторов обмена ЦФА, их всего два: Московская Биржа и СПБ Биржа. Именно они предлагают площадки для соверше-

¹ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

² Одновременно с ФЗ № 259-ФЗ были опубликованы Указания Банка России № 5635-У, 5625-У, 5646-У Указание Банка России от 25.11.2020 № 5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов».

Указание Банка России от 19.11.2020 № 5625-У «О документах, предусмотренных частью 4 статьи 8 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", и требованиях к их хранению». Указание Банка России от 03.12.2020 № 5646-У «О случаях и порядке зачисления цифровых финансовых активов номинальному держателю цифровых финансовых активов, который учитывает права на цифровые финансовые активы, принадлежащие иным лицам».

³ Речь идет о цифровых правах в виде совокупности электронных данных (токен или сертификат), которые предоставляют владельцу права на: денежные требования (аналог обычных денег); участие в капитале непубличных АО (аналог акций); эмиссионные ценные бумаги и право их истребования.

⁴ Официальный реестр размещен на сайте Центробанка РФ и включает 11 специализированных организаций, среди которых: СберБанк; Т-Банк; Альфа-Банк; НРД или Национальный расчетный депозитарий; СПБ Биржа и т.д.

ния сделок на профессиональной основе; 3) Эмитенты ЦФА стремятся привлечь финансирование; 4) Инвесторы - квалифицированные¹ и не-квалифицированные², готовые вложить деньги в бизнес.

В соответствии с законом цифровые финансовые активы не являются средством платежа, это цифровые права – обязательственные или вещные.

Цифровая валюта это электронные деньги, которые используются как альтернативная или дополнительная валюта³. В свою очередь электронные деньги это валюта, которая хранится в банковских компьютерных системах и обеспечена фиатными деньгами⁴. Электронные деньги – это цифровая форма фиатных денег, предназначенная для онлайн-платежей. Фиатные деньги могут быть как цифровыми, так и электронными. Фиатные цифровые деньги это фиатные электронные деньги, которые представляют собой цифровые валюты центральных банков, а также, в зависимости от законодательства конкретной страны, – деньги на электронных кошельках⁵.

Цифровая валюта – это любая валюта, которая доступна исключительно в электронном виде. Традиционно под этим понятием понимают криптовалюты, стейблкоины и CBDC (цифровая валюта центрального банка). Главным образом цифровая валюта отличается от электронных денег тем, что никогда не приобретает физическую форму. Например, деньги с карты можно снять в любом банкомате, а вот биткоин – нет.

С 1 января 2025 года коммерческие организации в РФ могут платить налоги в бюджет цифровой валютой – цифровыми рублями. Для целей НК РФ цифровая валюта признаётся имуществом – ст.38 часть 2 НК РФ. Налоговые недоимки будут взыскиваться путём перечисления цифровых рублей на счета налогоплательщиков и налоговых агентов в банках⁶.

Операции, которые связаны с открытием и ведением счёта цифрового рубля, а также с переводами в виртуальной валюте, освободят от НДС. При этом, платить НДС и налог на прибыль владельцы цифровых рублей продолжат.

Кроме того, с 1 января 2025 года НК РФ определены особенности налогообложения доходов от майнинга и операций с цифровой валютой – это ст. 146 часть 2 НК РФ. Налоговая база по операциям с цифровой валютой определяется отдельно от общей налоговой базы по налогу на прибыль организаций - это статья 282.3 НК РФ.

Итак, ФЗ № 259-ФЗ установил понятие ЦФА и цифровой валюты, различие между ними состоит в следующем:

1. ЦФА это цифровое право, вещное или обязательственное. Первоначальное понятие «цифровые права» было введено ст. 141.1 ГК в 2019 г. Это означает, что ЦФА – это вид цифровых прав, которые являются объектами гражданских прав и могут выступать предметом сделок.

Законодательство выделяет три вида цифровых прав:

1. Утилитарные цифровые права (далее – УЦП). Это права, которые дают возможность владельцам получать определённые выгоды, такие как доступ к сервисам, продуктам или бонусам. Например, владельцы токенов¹ могут получить скидки или доступ к эксклюзивным услугам.

¹ Квалифицированный инвестор – это человек или компания, которые подтвердили своё знание рынка ценных бумаг и получили доступ к рискованным операциям. К квалифицированным инвесторам относятся профессиональные участники рынка ценных бумаг, такие как банки, брокеры, страховые компании. Частный инвестор также может стать квалифицированным инвестором. Для этого ему нужно соответствовать хотя бы одному из критериев: Владеть имуществом на сумму от 6 миллионов рублей. Учитываются только ценные бумаги, деньги на банковских счетах и депозитах и договоры металлических счетов. Недвижимость, авто, антиквариат, а также активы, которые находятся на счету у иностранного брокера, не учитываются. Иметь опыт работы в организации, обладающей статусом квалифицированного инвестора. Человек должен проработать в ней не меньше двух лет, чтобы получить статус для себя. Иметь финансовое образование, полученное в аккредитованном Банком России учреждении, или аттестат специалиста финансового рынка, аттестат аудитора, сертификаты CFA, FRM, CIAA. За последний год совершить сделки с ценными бумагами на сумму от 6 миллионов рублей. В каждом месяце года должно быть не меньше одной сделки. Квалифицированному инвестору доступны любые инструменты для сделок. Он может вкладывать деньги в очень рискованные активы, совершать сделки с бессрочными облигациями и с бумагами иностранных компаний, которые не допущены к обращению в РФ.

² Неквалифицированный инвестор – это любой частный инвестор, у которого нет статуса квалифицированного. По умолчанию все инвесторы, которые приходят на фондовый рынок, считаются некавалифицированными. Характеристики некавалифицированного инвестора: ограниченный опыт работы на рынке ценных бумаг; недостаточный уровень финансовой грамотности; незначительный размер инвестиционного портфеля; отсутствие готовности к повышенным рискам. Таким инвесторам доступны: акции из котировальных списков (например, Сбербанк, «Газпром», «Лукойл» и других «голубых фишек»); бумаги зарубежных компаний из индексов, перечень которых установлен ЦБ РФ (S&P 500, Мосбиржи, PTC, Dow Jones, CAC 40 и других); государственные долговые расписки (ОФЗ); долговые расписки компаний с высоким рейтингом, например, крупнейших нефтяных компаний России; паи ПИФов, ETF. Для некавалифицированных инвесторов установлены ограничения: доступа к сложным финансовым инструментам (фьючерсы, опционы); на вложения в высокорисковые активы, например, акции непубличных компаний; на приобретение активов на зарубежном рынке, паев закрытых инвестиционных фондов (ЗПИФ) и иностранных облигаций. Чтобы получить доступ к работе с более сложными инструментами, нужно пройти специальное тестирование у брокера. При получении положительного результата инвестор может совершать операции, например, с контрактами срочного рынка – фьючерсами и опционами.

³ Примеры альтернативной валюты: привязка к драгоценным металлам (E-gold, WebMoney Gold – WMG), плавающий валютный курс (bitcoin и другие криптовалюты).

Примеры дополнительной валюты: цифровые валюты центрального банка (CBDC), выпускаемые центральным банком страны и являющиеся дополнением или заменой традиционной бумажной валюты. Например, цифровой рубль, который эмитируется Банком России в цифровом виде и сочетает в себе свойства наличных и безналичных рублей.

Также к примерам цифровой валюты можно отнести виртуальные валюты, которые не регулируются государством и контролируются разработчиками или организацией-учредителем. Примером виртуальной валюты может служить токен игровой сети, экономика которого определяется и контролируется разработчиками.

⁴ Фиатные деньги – это тип валюты, стоимость которой определяется государством, выпустившим её, и поддерживается доверием общества, а не обеспечением физическими товарами (например, золотом или серебром).

Основные черты фиатных денег: отсутствие внутренней стоимости. Фиатные деньги не обладают собственной товарной ценностью. Регулируются государством. Правительством и центральные банки контролируют выпуск, эмиссию и монетарную политику, связанную с фиатной валютой. Юридический статус. Фиатные деньги объявляются законным платёжным средством в государстве. Это означает, что они обязательны для принятия в качестве оплаты на территории этой страны. Независимость от обеспечения. В отличие от валют, привязанных к золоту, фиатные деньги не требуют наличия резервов в виде драгоценных металлов или иных ресурсов. Примеры фиатных валют: доллар США, евро, российский рубль, японская иена, китайский юань

⁵ Это, например, стейблкоины (USDT и USDC). Стейблкоины (stablecoins) — это криптовалюты, курс которых стабилизирован за счёт привязки к фиатным валютам или другим активам. В отличие от традиционных криптовалют, курс которых подвержен резким колебаниям, стейблкоины сохраняют фиксированную стоимость. USDT (Tether) — это стейблкоин, привязанный к доллару США в соотношении 1:1. Механизм его работы основан на обеспечении каждого выпущенного токена реальными фиатными средствами, которые хранятся в резервах компании Tether Limited. Токены USDT создаются и уничтожаются в зависимости от объёма этих резервов, что поддерживает стабильность курса. USDC (USD Coin) — это разновидность криптовалюты, также стейблкоин. Как и USDT, она привязана к доллару США. На каждый токен USDC, находящийся в обращении, приходится эквивалентное количество долларов США, хранящихся в резерве, что позволяет поддерживать соотношение 1:1

⁶ Цифровой рубль: что это простыми словами, зачем нужен, расчеты для компаний и ИП. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/390481-tsifrovoy-rubl-cto-eto-prostymi-slovami-zachem-nuzhen-raschety-dlya-kompaniy-i-ip> (дата обращения: 11.03.2025).

2. Цифровые права, являющиеся валютными ценностями, включает активы, которые могут быть использованы в качестве средства расчёта. Например, криптовалюты или токены могут выступать в роли платёжного средства в рамках цифровых экосистем¹.

3. Цифровые права на имущественные активы. Это права на цифровое имущество, такие как акции, зарегистрированные в цифровой форме, или права на другие цифровые активы. Данный вид цифровых прав даёт право на владение активами в цифровом пространстве.

При этом, ЦФА – это запись в реестре, которая по своей сути аналогична ценным бумагам. Тот, кто купил ЦФА, может в будущем требовать деньги, акции, облигации или прямое право на участие в капитале компании – в зависимости от того, что предусмотрено в ЦФА.

Таким образом, цифровые права на имущественные активы являются частью ЦФА, так как представляют собой цифровые записи (токены) в информационной системе, подтверждающие права на определённый объект гражданских прав.

ЦФА соотносятся с вещным и обязательственным правами следующим образом: ЦФА – это имущественное право, удостоверенное в специальном реестре. Имущественное право может являться одним из элементов обязательства. Таким образом, при вступлении в правоотношение, опосредованное ЦФА, возникает гражданско-правовое обязательство в цифровой форме. Вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей субъектам гражданских правоотношений, то есть статику имущественных отношений. Они предоставляют обладателям возможность непосредственного воздействия на вещь. Обязательственные права оформляют переход вещей и иных объектов гражданских правоотношений от одних участников к другим, то есть динамику имущественных отношений. Таким образом, ЦФА могут быть элементом как вещного, так и обязательственного права в зависимости от конкретного правоотношения, а, следовательно, ЦФА могут выступать предметом коррупционных правонарушений, в том числе и коррупционных преступлений, таких как взятка или коммерческий подкуп. Это вытекает из их правовой природы как имущества. Согласно статье 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) ЦФА являются разновидностью имущественных прав. Итак, ЦФА – это имущество [2, с. 34].

Цифровая валюта – это электронные деньги. Согласно статье 128 ГК РФ криптовалюта может быть отнесена к иному имуществу, которое, в свою очередь, является имуществом для целей налогообложения (пункт 2 статьи 38 НК РФ).

Согласно статье 140 ГК РФ «деньги – объекты гражданского права, используемые участниками оборота в качестве платёжного средства в силу закона или обычая оборота».

Цифровые валюты (различные криптовалюты, такие как, биткойн, эфириум, солана и др) согласно ФЗ № 259-ФЗ являются самостоятельным видом имущества. Исходя из чего, статьей 22 ФЗ № 259-ФЗ были внесены изменения в ст. 8 «Представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» ФЗ от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ №273-ФЗ) в соответствии с которой «граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей представителю нанимателя (работодателю) и иным уполномоченным лицам, определённым законом и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Статья 24 ФЗ № 259-ФЗ также вносит изменения в статьи 3,4,17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» дополняя его положения категориями ЦФА и цифровых валют, а также положением о том, к сделкам с имуществом, по которым следует подтверждать законность расходов, отнесена сделка по приобретению цифровых финансовых активов, цифровой валюты, если сумма по такой сделке превышает общий доход отчитывающегося лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду.

Законодатель вносит изменения в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» дополняя ее п. 7 следующего содержания: «цифровые финансовые активы, выпущенные в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом, и цифровая валюта».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года №59 внесло изменения в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должност-

¹ Токен — это форма представления актива или ценности в блокчейне. Это может быть виртуальная валюта, акции и другие ценные бумаги, произведения искусства, объекты недвижимости и другие примеры активов.

Токены представляют собой единицы стоимости, созданные и управляемые на блокчейн-платформах. Они могут использоваться для различных целей, включая оплату услуг, доступ к платформам, участие в голосованиях и многое другое. Некоторые виды токенов: Utility-токены. Предоставляют доступ к продуктам или услугам на определённой платформе. Security-токены. Представляют собой долю в каком-либо активе или компании и могут приносить доход в виде дивидендов. Stablecoins. Это токены, привязанные к стоимости реальных активов, таких как доллар США или золото. NFT (Non-Fungible Tokens). Уникальные токены, представляющие собой цифровые или физические объекты, такие как произведения искусства или коллекционные предметы. Основное различие между токенами и монетами (криптовалютой) заключается в том, что монеты имеют собственный блокчейн, в то время как токены построены на существующих блокчейнах. Монеты используются в качестве валюты для транзакций и имеют свою собственную независимую сеть блокчейн. Например, Bitcoin, Ethereum и Litecoin — все это примеры монет, имеющих собственный блокчейн. Токены, с другой стороны, создаются на базе существующих блокчейнов, таких как Ethereum, и используются не только для платежей. Токены могут быть как централизованными, так и децентрализованными, в зависимости от структуры проекта. Централизованные токены контролируются одним субъектом, в то время как децентрализованные токены управляются сетью распределённых узлов (нод). Децентрализованные токены часто считаются более безопасными, поскольку у них отсутствует единая «точка отказа». Однако централизованные токены могут быть более эффективными, поскольку они контролируются единым субъектом и за счет этого, например, быстрее обновляются. И токены, и монеты являются неотъемлемой частью криптовалютного мира. Токены представляют собой отображение активов или полезностей в блокчейне и используются для различных целей. Монеты, с другой стороны, имеют собственный независимый блокчейн и служат в качестве децентрализованной цифровой валюты.

ных полномочий», в результате чего появилось прямое указание на то, что «цифровые права» (в том числе, ЦФА) могут выступать в качестве предмета взятки, а у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав.

При этом, для квалификации объективной стороны взяточничества в случае, когда используются цифровые права необходимо учитывать, что переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учётом заключения специалиста или эксперта. Получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей. При этом, не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению [3, с. 46].

В уголовное законодательство поправки по данному вопросу внесены не были, что порождает трудность в отнесении цифровых валют к предмету коррупционных преступлений. Как свидетельствует судебная практика, «...в настоящее время у биткоина нет официально установленного статуса на территории РФ. Биткоин как криптовалюта не имеет единого эмиссионного центра, выпуск биткоина децентрализован, не контролируется Центральным банком РФ или иным эмиссионным центром – регулятором иностранного государства. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются ЦБ РФ. В связи с этим биткоин и иные криптовалюты могут быть отнесены к особому рода денежным суррогатам» [5, с. 110].

Однако, из арбитражной судебной практики следует, что криптовалюту можно признавать имуществом. Об этом, например, говорит постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017.

В целом такой подход соответствует тенденции приравнивания криптовалюты к имуществу в электронной форме. Понятия цифровых финансовых активов и цифровой валюты были внесены в Налоговый кодекс РФ Федеральным законом от 29.11.2024 №418-ФЗ. Изменения вступили в силу с 1 января 2025 года. ЦФА в налоговом кодексе – это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Реализация ЦФА не облагается НДС.

Цифровая валюта в налоговом кодексе признаётся имуществом, которое не подлежит амортизации. Налоговая база по операциям с цифровой валютой определяется отдельно от общей налоговой базы по налогу на прибыль организаций. Операции с криптовалютой, включая ее майнинг, НДС не облагаются. Соответствующие поправки внесены в пункт 2 ст. 146 НК РФ с перечнем операций, которые не признаются объектом налогообложения. Таким образом, майнерам, а также другим организациям и ИП, которые в своей деятельности используют цифровую валюту, придется вести раздельный учет (п. 4 и 4.1 ст. 170 НК РФ)¹.

При этом, в Налоговом кодексе РФ может появиться ответственность за неуплату и неполную уплату налога в результате не включения в налоговую базу прибыли или доходов от операций, расчёты по которым осуществлялись с использованием цифровой валюты. Предполагается, что такое деяние повлечёт штраф в размере 40% от суммы неуплаченного налога в части соответствующих операций. БК РФ данные вопросы не затрагивает.

Далее, следующим отличием ЦФА от цифровой валюты является регулирование. ЦФА регулируется центральной системой (эмитентом и оператором могут быть только российские юридические лица и ИП), в то время, как цифровая валюта децентрализована: с технической точки зрения никто не может влиять на неё и контролировать [6, с. 827].

Следующим отличием является использование. ЦФА может быть предметом сделки купли-продажи, обмениваться на иные виды активов, становиться предметом залога, но он не признаётся средствами платежа, а цифровые валюты могут признаваться таковыми средствами (хотя в России пока не признаны). Платить цифровой валютой за товары и услуги в пределах российской юрисдикции запрещено. Это предусмотрено ФЗ №259-ФЗ. Однако, с 1 сентября 2024 года российское законодательство допускает применение цифровой валюты для осуществления международных расчётов. Центробанк разрешил российским компаниям использовать криптовалюту для оплаты товаров из других стран и продажи своих товаров за рубеж. 11 марта 2024 года Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон №45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», позволяющий использовать в международных расчётах цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, а также гибридные цифровые права, включающие одновременно оба этих инструмента.

И последние отличие, это ответственность. В отношении цифровой валюты отсутствует лицо, которое несёт ответственность перед каждым обладателем электронных данных, за исключением оператора и узлов информационной системы. Они обязаны только обеспечивать соответствие порядка выпуска электронных данных и внесения в них записей правилам информационной системы.

ЦФА имеют конкретного эмитента, который несёт ответственность за выпуск и управление цифровыми финансовыми активами.

¹ Раздельный учёт операций с криптовалютой необходим, так как операции с ней не облагаются НДС. В противном случае налоговики по всем операциям доначислят НДС. Суть раздельного учёта в том, что налоговая база по операциям с криптовалютой определяется отдельно для расчёта налога на прибыль. Валюту, добытую при майнинге, вносят в перечень внереализационных доходов. Доход определяют с учётом рыночных котировок криптовалюты на дату, когда у майнера появилась возможность ею распоряжаться.

Что это даёт: для многих предпринимателей отмена НДС на операции с криптовалютой означает возможность сократить затраты на дополнительные налоговые выплаты, что может способствовать увеличению прибыли и инвестиционной привлекательности.

Например, у стейблкоинов, таких как USDT, EURT или CNHT, есть эмитент (например, Tether Limited), который обязан перед владельцами. Оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, обязан в соответствии со статьёй 9 ФЗ №259-ФЗ возместить убытки пользователям этой информационной системы, возникшие вследствие: 1) утраты информации, хранящейся в информационной системе, об объеме цифровых финансовых активов, принадлежащих их обладателям, и (или) о самих обладателях цифровых финансовых активов; 2) сбоя в работе информационных технологий и технических средств информационной системы; 3) предоставления пользователям информационной системы недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об информационной системе, о правилах работы информационной системы и об операторе информационной системы; 4) нарушения оператором информационной системы правил работы информационной системы, в том числе нарушения требований бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы; 5) несоответствия информационной системы установленным требованиям.

В случае сбоя в работе информационных технологий и технических средств информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, оператор этой информационной системы также обязан совершить действия, реализующие волеизъявление пользователя информационной системы, реализации которого помешал такой сбой.

Кроме того, за незаконную организацию выпуска ЦФА или совершение сделок с ними законодатель установил административную ответственность по статьям 14.56.1 и 14.56.2 КоАП РФ. Статья 14.56.1 устанавливает ответственность за организацию незаконного оборота ЦФА и нарушение правил совершения сделок с ними. Статья 14.56.2 – за незаконный приём цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и (или) оказываемые услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Например, по статье 14.56.2 КоАП РФ за приём в РФ цифровой валюты лицами, не имеющими право осуществлять такой приём, влечёт наложение административного штрафа: на граждан в размере от 20 до 200 тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на должностных лиц — от 50 до 400 тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на юрлиц – от 100 тысяч до 1 миллиона рублей с конфискацией предмета административного правонарушения.

Уголовный кодекс РФ дополнен статьёй 199.5 «Уклонение от исполнения обязанностей представлять отчёт об операциях (гражданско-правовых сделках) с цифровой валютой и об остатках указанной цифровой валюты». Согласно этой статье, систематическое (за два и более отчётных периода) нарушение обязанности представлять в налоговые органы отчёт об операциях с цифровой валютой и об её остатках или включение в отчёт заведомо ложных сведений, совершённое в крупном размере, наказывается штрафом от 100 000 до 300 000 рублей или в размере зарплаты или другого дохода от года до двух лет, либо принудительными работами до двух лет, либо арестом до шести месяцев (с возможным лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью до трёх лет). Поправки вступили в силу в 2021 году.

Предлагалось дополнить Уголовный кодекс РФ статьёй 187.1 УК РФ за организацию незаконного оборота цифровых финансовых активов и нарушение правил совершения сделок с ними. Согласно проекту, за организацию информационными системами, не включёнными в реестр ЦБ, выпуска цифровых финансовых активов и сделок с ними предлагалось предусмотреть штраф: для граждан – от 50 000 до 500 тыс. рублей; для должностных лиц – от 100 000 до 1 млн. рублей или дисквалификацию от 6 месяцев до года; для юридических лиц – от 200 000 до 2 млн рублей.

За нарушение правил совершения сделок с цифровыми финансовыми активами при приёме их в качестве оплаты за товары и услуги предлагалось установить штраф: для граждан – от 20 000 до 200 000 рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для должностных лиц – от 50 000 до 400 000 рублей с конфискацией, для юрлиц – от 100 000 до 1 млн рублей с конфискацией. Аналогичные штрафы предусмотрены и за приём цифровой валюты в качестве оплаты лицами, не имеющими права осуществлять такой приём. Также поправки в Уголовный кодекс предлагали отнести совершение преступления с использованием цифровой валюты к отягчающим обстоятельствам¹.

По данным аналитиков в 2023 году российские суды рассмотрели 2653 дела, связанных с криптовалютами. Это в пять раз выше показателей 2021 года².

Примечательно, что больше половины всех споров с криптовалютой были связаны с делами о банкротстве. В 2023 году количество таких споров достигло 1646 – это на 91% больше, чем в 2022-м (863). Число гражданских дел с криптовалютой выросло на 60%, уголовных – на 34%, а административных – на 19%. Эксперты связывают это с развитием криптоэкономики в России и повышенным интересом общества и бизнеса к криптоиндустрии. Что касается уголовных дел, в которых фигурировала криптовалюта, то они возбуждались по факту хищения криптоактивов. Преступники получали доступ к чужим криптокошелькам и похищали криптовалюту, либо получали криптоактивы в качестве выкупа при вымогательствах, например, за возвращение доступа к информации, локированной вирусом-шифровальщиком³.

Гражданские споры в 2023 году чаще сводились к возврату денег, вложенных в криптопроекты. При этом, в судах общей юрисдикции все еще встречаются решения с выводами, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, а операции с ней осуществляются на

¹ Министерство финансов Российской Федерации по поручению Правительства РФ представило проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В этом документе предлагалось установить уголовную ответственность за организацию незаконного оборота цифровых прав, в том числе в статье 187.1 УК РФ.

² Как развивается «криптовалютная» судебная практика. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/252266/> (дата обращения: 11.03.2025).

³ В 2022 году в России были осуждены к длительным срокам за похищение человека, вымогательство и незаконный оборот оружия бандиты, похитившие биткоин-бизнесмена и под угрозой расправы требовавшие перевести цифровые деньги на их кошельки.

свой риск. А вот в делах о банкротстве суды придерживались сформированного еще шесть лет назад и закреплённого в законе «О ЦФА» подхода, по которому криптовалюта признается имуществом. Встречались и дела о взыскании энергосбытовыми компаниями долга за электричество, потребленное в процессе майнинга криптовалют. Такие дела, как правило, разрешаются в пользу энергетиков.

Таким образом, в целях выявления новых форм проявления коррупции, предметом которых являются цифровые финансовые активы, иные цифровые права, цифровая валюта, и внедрения эффективных механизмов противодействия им законодателем и правоприменителем проводится необходимая работа по поиску оптимальных вариантов развития правоохранительных действий. Подведем некоторые итоги. Во-первых, в Российской Федерации правоприменительная практика по судебным делам, связанным с использованием криптовалют и иных ЦФА только начала формироваться, поэтому имеют место быть различные подходы к пониманию и трактовке данных категорий. Во-вторых, несмотря на всю важность темы криптовалют (цифровых валют) и токенов (цифровых прав) в современную цифровую эпоху, правовые традиции понимания денег и ценных бумаг еще не успели адаптироваться к новым технологическим реалиям [1, с. 119].

В-третьих, цифровые финансовые активы могут выступать предметом коррупционных правонарушений, в том числе и коррупционных преступлений, таких как взятка или коммерческий подкуп, что прямо вытекает из их правовой природы, как имущества. В-четвертых, проанализированная судебная практика позволяет говорить о том, что суды настроены квалифицировать цифровую валюту, как предмет коррупционного преступления [4, с. 145].

Исходя из чего, думается о целесообразности включения данных понятий и терминов в финансовое законодательство страны, которое, по сути, и должно регулировать данные вопросы. Считаем необходимым внести предложения по актуализации финансового законодательства страны в отношении цифровых финансовых активов: обеспечение доступа к платформам операторов информационных систем ЦФА для клиентов брокерских компаний. Клиенты смогут совершать операции с ЦФА через привычный им интерфейс мобильного приложения (терминала, сайта) брокера. Далее, предусмотреть создание и применение на платформах цифровых активов P2P-сервисов, позволяющих проводить автоматические транзакции. Определить порядок допуска иностранных ЦФА к обращению на отечественном рынке. Для этого можно, например, установить правила проверки соответствия иностранных цифровых инструментов требованиям российского законодательства, закрепить требования к качеству иностранных ЦФА и их эмитенту. Также стоит повысить ликвидность рынка цифровых активов и проработать порядок расчетов между иностранным лицом и российским оператором по выпуску ЦФА. Необходимо внести в Бюджетный кодекс РФ современные понятия цифровых финансовых инструментов и законодательно закрепить порядок трансграничного оборота стейблкоинов. Это позволит ускорить решение задачи расчетов для российских участников внешнеэкономической деятельности.

Список литературы:

1. Лазарева Н. В. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта как современные инструменты устойчивого экономического роста / Н.В. Лазарева // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сб. мат. IV междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 118–121.
2. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л.А. Лунц. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2004. 215 с.
3. Магаммедов М. А. Крипторубль – альтернатива криптовалюте в России / М.А. Магаммедов // Факторы успеха. 2018. № 1 (10). С. 46–49.
4. Малкова Ю. В. К вопросу о налогообложении криптовалюты и цифровых активов: российский и зарубежный опыт / Ю.В. Малкова // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 5. С. 141–153.
5. Титов А.А. Понятие, признаки и правовая природа цифровых финансовых активов: уголовно-правовой аспект / А.А. Титов // Пролог: журнал о праве. 2022. № 4. С. 105–113.
6. Щавелев А. В. Цифровые финансовые активы, цифровая валюта и цифровые деньги / А.В. Щавелев // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 826–831.

References:

1. Lazareva N. V. Digital financial assets and digital currency as modern instruments of sustainable economic growth / N. V. Lazareva // Actual problems of society, economy and law in the context of global challenges: collection of materials. IV international. scientific-practical. conf. Moscow, 2021. pp. 118–121.
2. Lunts L. A. Money and monetary obligations in civil law / L. A. Lunts. 2nd ed., corrected. Moscow: Statut, 2004. 215 p.
3. Magammedov M. A. Cryptoruble – an alternative to cryptocurrency in Russia / M. A. Magammedov // Success factors. 2018. No. 1 (10), pp. 46–49.
4. Malkova Yu. V. On the taxation of cryptocurrency and digital assets: Russian and foreign experience / Yu. V. Malkova // Economy. Taxes. Law. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 141–153.
5. Titov A. A. Concept, features and legal nature of digital financial assets: criminal law aspect / A. A. Titov // Prologue: journal on law. 2022. No. 4. Pp. 105–113.
6. Shchavелеv A. V. Digital financial assets, digital currency and digital money / A. V. Shchavелеv // Innovations. Science. Education. 2021. No. 33. Pp. 826–831.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_308

УДК 378.01

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШЕНШИН В.М. НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: МОНОГРАФИЯ. – БЕЛГОРОД: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2025. – 124 С.
BOOKREVIEW: SHENSHIN V.M. NATIONAL GUARD OF FOREIGN COUNTRIES: A MONOGRAPH. BELGOROD: EPICENTER LLC, 2025. 124 P.**

УТКИН Николай Иванович,

профессор кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

E-mail: utkinnick@mail.ru;

UTKIN N.V.,

Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg University

of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: utkinnick@mail.ru

Краткая аннотация: На сегодняшний день во многих государствах мира существуют территориальные воинские формирования, которые могут иметь разные названия, но выполняют схожие с войсками национальной гвардии функции «войск внутреннего предназначения». О таких подразделениях говорится в монографии кандидата юридических наук, доцента Шеншина Виктора Михайловича. Автором впервые на монографическом уровне исследуются и систематизируются сведения об иностранных формированиях, действующих в сфере противодействия вызовам и угрозам, стоящих перед соответствующим государством.

Abstract: Today, in many countries of the world, there are territorial military formations that may have different names, but perform the functions of «internal troops» similar to the National Guard troops. These divisions are described in the monograph of Candidate of Law, Associate Professor Viktor Mikhailovich Shenshin. For the first time, the author examines and systematizes information on foreign formations operating in the field of countering the challenges and threats facing the relevant state at the monographic level.

Ключевые слова: национальная гвардия, Росгвардия, безопасность государства, войска внутреннего предназначения, Шеншин В.М.

Key words: National Guard, Russian Guard, State security, internal troops, Shenshin V.M.

Для цитирования: Уткин Н.И. Рецензия на книгу: Шеншин В.М. Национальная гвардия зарубежных стран: монография // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 308-311. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_308.

For citation: Utkin N.I. Bookreview: Shenshin V.M. national guard of foreign countries: a monograph // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 308-311. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_308.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В 2025 году ООО «Эпицентр» (г. Белгород) выпустило книгу доцента кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева Шеншина В.М. по теме «Национальная гвардия зарубежных стран»¹.

Изучение иностранного опыта позволило автору сделать вывод о том, что правовое регулирование реализации правоохранительной функции государств в установленных сферах деятельности государственных органов, аналогично Росгвардии², заключается в создании государственных структур (подразделений)³, но на законодательном уровне не везде закреплены полномочия, определяющие выполнение ими правоохранительной функции⁴.

Основной вывод, транслируемый исследователем, сводится к тому, что созданные подразделения национальной гвардии, в основном выполняют военизированные функции с наделенными в этой сфере полномочиями по защите национальной безопасности⁵. Опыт по созданию указанных подразделений разных государств является теоретически и практически значимым. В связи с этим, например, проблемные вопросы создания и осуществления деятельности национальной гвардии ближнего зарубежья нуждаются в более глубоком анализе⁶, его дальнейшем изучении и теоретическом осмыслении.

Анализ установленных тенденций позволил исследователю выявить диапазон выполняемых национальными гвардиями задач, среди которых борьба с терроризмом⁷ и организованной преступностью, охрана общественного порядка и общественной безопасности, борьба с экс-

¹ Шеншин, В. М. Национальная гвардия зарубежных стран / В. М. Шеншин. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2025. – 124 с. – ISBN 978-5-605-35381-2. – EDN VPIIKS.

² Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6.

³ Шеншин, В. М. Цифровая трансформация Росгвардии / В. М. Шеншин // Информационное право. – 2024. – № 3(81). – С. 19-22. – DOI 10.55291/1999-480X-2024-3-19-22. – EDN OHSKOT.

⁴ Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

⁵ Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.

⁶ Гарник, Л. Ю. Актуальные вопросы создания и осуществления деятельности национальной гвардии ближнего зарубежья: анализ и сравнение / Л. Ю. Гарник // Проблемы в российском законодательстве. – 2019. – № 5. – С. 244-246. – EDN YXETLI.

⁷ Шеншин, В. М. Об обеспечении режима контртеррористической операции в приграничных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 12(329). – С. 86-92. – EDN HQMAQU; Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA;

тремизмом¹, охрана государственных объектов и специальных грузов, содействие пограничным органам², государственный контроль за соблюдением законодательства страны в сфере оборота оружия³ и в сфере частной охранной деятельности, вневедомственная охрана, охрана государственных деятелей⁴ и административных зданий, церемониальные функции и почетная протокольная служба, предотвращение чрезвычайных ситуаций, ликвидация последствий стихийных бедствий, противодействие внешним угрозам и уличным беспорядкам, борьба с налоговыми и таможенными преступлениями, ликвидация последствий аварий, пожаров и чрезвычайных ситуаций, а также участие в войнах, как специальное военное формирование с особыми полномочиями, в целом, единая силовая структура страны⁵.

Востребованность подобного рода работ подтверждается динамичностью развития зарубежного законодательства.

Монография В.М. Шеншина производит положительное впечатление. На ее страницах автор рассматривает пример формирования, развития и деятельности двадцати шести стран, имеющих национальную гвардию.

Отмечается, что в разные периоды времени, во многих государствах национальная гвардия как военное силовое формирование, выполняло различные функции⁶, но первоначально везде создавалась как организация по защите противников предыдущего строя государств (образований, колоний), как замена органов правопорядка.

Исследователем доказывается, что впоследствии, национальные гвардии выполняли самые разнообразные функции – от восстановления правопорядка во время массовых протестов, до помощи в ликвидации природных и техногенных чрезвычайных ситуаций. Позднее, если они не распустились, то становились составной частью вооруженных сил.

Внутренние войска существовали и сейчас действуют во всех странах, только там они называются Национальной гвардией. В их задачи, входит решение внутренних задач от подавления жестких беспорядков террористической направленности до решения вопросов ликвидации последствий тех или иных чрезвычайных бедствий.

В.М. Шеншиным делается акцент на том, что национальная гвардия, к примеру, Норвегии, является иррегулярным военизированным формированием, комплектуемым из резервистов. Ее часто называют войсками территориальной обороны. В военное время подразделения национальной гвардии подчиняются соответствующим командующим видами и родами вооруженных сил, выполняют задачи по охране и обороне военных объектов, транспортных коммуникаций, промышленных предприятий, ведут борьбу с воздушными десантами и диверсионно-разведывательными группами, а также осуществляют партизанские действия на занятой противником территории.

Указывается, что национальная гвардия Казахстана комплектуется по смешанному принципу. Однако большинство сержантских и солдатских должностей в ней занимают контрактники. Основу же офицерского корпуса составляют выпускники военного института национальной гвардии. Сегодня национальная гвардия Казахстана – это мощная, хорошо оснащенная и профессиональная силовая структура. Ее подразделения решают ответственные задачи на территории своей страны, являются постоянными участниками ведомственных, совместных и международных учений, на которых из года в год показывают впечатляющие результаты.

Отмечается, что в наши дни турецкая жандармерия является крупным военизированным формированием, которое действует практически на всей территории страны и отвечает за поддержание порядка в районах, находящихся вне юрисдикции национальной полиции (как правило, в сельской местности и курортных зонах).

В рецензируемой монографии аргументируется вывод согласно которому в боевые задачи греческих национальных гвардейцев, отбываемых на учениях вместе с коллегами из других родов войск, входит защита линий связи, трубопроводов, транспортных коммуникаций, вывод которых из строя может существенно задержать выдвижение и развертывание соединений и частей сухопутных войск, нарушить управление ими⁷. В «угрожаемый период» и непосредственно в военное время национальная гвардия Греции обязана заниматься регулированием движения по автомобильным и железнодорожным магистралям, обеспечивать форсирование водных преград армейскими формированиями, ликви-

Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.

¹ Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW.

² Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE; Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

³ Шеншин, В. М. О некоторых вопросах участия войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме оборота оружия / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.

⁴ Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц войсками национальной гвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 32-34. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_32. – EDN GWYFIK.

⁵ Организационные особенности национальных гвардий стран мира / А. В. Черноиванов, В. И. Гаврилов, В. В. Мосин [и др.] // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 29 декабря 2016 года. Том Часть 2. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 288-296. – EDN YGRGJH.

⁶ Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE; Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IENCXI; Шеншин, В. М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.

⁷ Жаркой М.Э. Вопросы взаимодействия правоохранительных органов Итальянской Республики в борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом // Международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом. Материалы МНПК. СПб., Санкт-Петербургская академия МВД России. 1997.

дировать последствия применения противником оружия массового поражения, проводить восстановительные работы на местности.

Стоит согласиться с исследователем относительно положения, в соответствии с которым американская национальная гвардия – это один из резервных компонентов армии, комплектуемый по территориальному признаку¹. В мирное время он подчиняется губернатору штата, а в военное передается в ведение федерального правительства. Сейчас ее части и соединения, составляющие так называемый организованный резерв, есть в каждом штате, автономной территории и в столичном округе Колумбия. В состав центрального аппарата американского министерства обороны входит бюро национальной гвардии, глава которого является членом объединенного комитета начальников штабов. Оно осуществляет общее руководство, разрабатывает планы боевой подготовки, отвечает за снабжение и обеспечение солдат и офицеров и является координирующим звеном между штабами армии, ВВС и руководством штатов. Несмотря на то, что подразделения американской национальной гвардии входят в состав вооруженных сил – структуры, подчиняющейся исключительно президенту и федеральному правительству, – в мирное время через генерал-адъютантов ими руководят губернаторы, которые несут личную ответственность за безопасность граждан. Законодательство Соединенных Штатов Америки разрешает применять регулярную армию для решения внутренних проблем только в крайних случаях, так как это является преимущественно сферой ответственности резервных формирований, то есть национальных гвардейцев.

В.М. Шеншин указывает, что в число основных внутренних задач КСИР входит «ведение борьбы с подрывными элементами и течениями, выступающими против исламской революции, оказание содействия силам охраны порядка, в том числе в обеспечении безопасности государственных учреждений, религиозных и политических деятелей, участие в спасательных операциях в районах стихийных бедствий». К внешним функциям корпуса относится «содействие регулярной армии в деле защиты независимости, территориальной целостности государства и исламского республиканского строя». При выполнении этих задач структурные подразделения КСИР тесно сотрудничают с иранской разведкой и контрразведкой. Все пасдараны – военнослужащие корпуса – имеют сильную религиозную мотивацию и должны быть готовы в любой момент пожертвовать жизнью ради дела исламской революции.

Автор рассуждает о том, что Индия – одно из самых многонациональных и много конфессиональных государств мира: в стране разговаривают на 17 языках и 844 диалектах, ее население исповедует индуизм, ислам, христианство, сикхизм, буддизм, джайнизм, зороастризм, иудаизм... Десятилетиями индийским властям удавалось сохранять мир и спокойствие среди своих подданных, но в последнее время с экранов и газетных полос все чаще приходят сообщения об обострении обстановки в том или ином индийском штате². И тогда в борьбу с террористами, погромщиками и вооруженными отрядами сепаратистов вступают бойцы гвардии национальной защиты – главной силовой составляющей индийского МВД, чьи спецподразделения по праву считаются одними из лучших во всей Азии.

Исследователь подводит итог и пишет: «активно развивается и российско-индийское сотрудничество: совместные тактико-специальные антитеррористические учения «Индра» попеременно проходят в наших странах с 2003 года. На них отрабатываются десантирование с разных высот и действия совместных групп по обнаружению и уничтожению условных баз боевиков в лесистой и сильнопересеченной местности. Собственно, этим и занимаются на Северном Кавказе российские, а в Кашмире и Пенджабе, Раджастане и Телангане индийские спецназовцы».

Автор монографии, проводя исследование, говорит, что в последние годы российско-китайские отношения развиваются во всех сферах межгосударственного сотрудничества, в частности, в военной и правоохранительной областях³. В том, что законность и правопорядок в Китае находятся на высоком уровне, немалая заслуга тех, кого в древней стране сограждане нередко называют «таинственной силой» – военнослужащих антитеррористических отрядов и групп народной вооруженной полиции, являющейся в этом азиатском государстве аналогом Росгвардии. В данной монографии речь идет о силовых структурах иностранных государств, выполняющих задачи, сходные с задачами войск национальной гвардии Российской Федерации⁴, а также о правоохранительных спецподразделениях, чьим основным предназначением является борьба с терроризмом.

Теоретическая и практическая значимость исследования непосредственно связаны с элементами научной новизны.

Достоверность и обоснованность полученных выводов обеспечивается анализом большого количества теоретического, исторического, эмпирического материала.

Проведенное монографическое исследование полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к самостоятельным, завершенным научным работам. Сформулированные выводы представляют значительный интерес не только точки зрения теории, но и практики.

Список литературы:

1. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
2. Гарник, Л. Ю. Актуальные вопросы создания и осуществления деятельности национальной гвардии ближнего зарубежья: анализ и сравнение / Л. Ю. Гарник // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 5. – С. 244-246. – EDN YXETLI.
3. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
4. Жаркой М.Э. Вопросы взаимодействия правоохранительных органов Итальянской Республики в борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом //Международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом. Материалы МНПК. СПб.,

¹ Кикоть-Глухогодова, Т. В. Особенности привлечения подразделений и частей вооруженных сил США к пресечению массовых беспорядков в стране / Т. В. Кикоть-Глухогодова // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 27-28. – EDN QZDQIV.

² Жданов, Ю. Н. Структура и организация деятельности антитеррористических сил Индии / Ю. Н. Жданов, А. Н. Костин, Н. И. Уткин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1(5). – С. 139-145. – EDN LOLAUW.

³ Иванов, Ю. А. Особенности законодательской деятельности в Китайской Народной Республике / Ю. А. Иванов, В. Д. Комова, К. В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 85-90. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_85. – EDN PTSCKI.

⁴ Юров Н.Н. Создание войск национальной гвардии, как модернизированного правового института – принцип исторической обусловленности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 210-213.

Санкт-Петербургская академия МВД России. 1997.

5. Жданов, Ю. Н. Структура и организация деятельности антитеррористических сил Индии / Ю. Н. Жданов, А. Н. Костин, Н. И. Уткин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1(5). – С. 139-145. – EDN LOLAUW.

6. Кикоть-Глухodedова, Т. В. Особенности привлечения подразделений и частей вооруженных сил США к пресечению массовых беспорядков в стране / Т. В. Кикоть-Глухodedова // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 27-28. – EDN QZDQIV.

7. Организационные особенности национальных гвардий стран мира / А. В. Черноиванов, В. И. Гаврилов, В. В. Мосин [и др.] // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 29 декабря 2016 года. Том Часть 2. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 288-296. – EDN YGRGJH.

8. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

9. Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IEHCXI.

10. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах участия войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме оборота оружия / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.

11. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW.

12. Шеншин, В. М. Об обеспечении режима контртеррористической операции в приграничных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 12(329). – С. 86-92. – EDN HQMAQU.

13. Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц войсками национальной гвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5(233). – С. 32-34. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_32. – EDN GWYFIK.

14. Шеншин, В. М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.

15. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6.

16. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

17. Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

18. Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

19. Шеншин, В. М. Цифровая трансформация Росгвардии / В. М. Шеншин // Информационное право. – 2024. – № 3(81). – С. 19-22. – DOI 10.55291/1999-480X-2024-3-19-22. – EDN OHSKOT.

20. Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.

21. Юров Н.Н. Создание войск национальной гвардии, как модернизированного правового института – принцип исторической обусловленности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 210-213.

22. Иванов, Ю. А. Особенности законотворческой деятельности в Китайской Народной Республике / Ю. А. Иванов, В. Д. Комова, К. В. Шевченко // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 85-90. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_85. – EDN PTSCIK.

23. Шеншин, В. М. Национальная гвардия зарубежных стран / В. М. Шеншин. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2025. – 124 с. – ISBN 978-5-605-35381-2. – EDN VPIIKS.

References:

1. Volkogon, D. N. A. N. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the exercise by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. N. A. N. Volkogon, A. N. N. Tulayev, V. N. M. N. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 9(314). – St. 21-32. – EDN OTKMXR.

2. Garnik, L. N. Yu. N. Actual issues of the creation and implementation of the activities of the National Guard of the near abroad: analysis and comparison / L. N. Yu. N. Garnik // Gaps in Russian legislation. – 2019. – № 5. – St. 244-246. – EDN YXETLI.

3. Greshnykh, A. N. A. N. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. N. A. N. Greshnykh, N. I. N. Utkin, V. N. M. N. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – St. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

4. M. Zharkoy. Issues of cooperation between law enforcement agencies of the Italian Republic in the fight against organized crime and drug trafficking // International law enforcement cooperation in the fight against organized crime and drug trafficking. MNPС materials. St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1997.

5. Zhdanov, Yu. N. N. The structure and organization of the anti-terrorist forces of India / Yu. N. N. Zhdanov, A. N. N. Kostin, N. I. N. Utkin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2000. – № 1(5). – St. 139-145. – EDN LOLAUW.

6. Kikot-Glukhodedova, D. N. V. N. The specifics of attracting units and units of the US armed forces to curb mass riots in the country / D. N. V. N. Kikot-Glukhodedova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 5. – St. 27-28. – EDN QZDQIV.

7. Organizational features of the national guards of the countries of the world / A. N. V. N. Chernov, V. N. I. N. Gavrilov, V. N. V. N. Mosin [et al.] // Directions and prospects for the development of education in military institutes of the National Guard of the Russian Federation: collection of scientific articles of the VIII Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation, Novosibirsk, December 29, 2016. Volume Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. N. K. N. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2017. – С. 288-296. – EDN YGRGJH.

8. Utkin, N. I. N. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. N. Utkin, V. N. M. N. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – St. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

9. Shenshin, V. N. M. N. On the place and role of the Rosgvardiya in the system of federal state control (supervision) over the activities of security units of legal entities with special statutory tasks and departmental security units / V. N. M. N. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 1(306). – St. 123-128. – EDN IEHCXI.

10. Shenshin, V. N. M. N. On some issues of the participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the mechanism of arms trafficking / V. N. M. N. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – St. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.

11. Shenshin, V. N. M. N. On the concept of extremist crimes and on the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. N. M. N. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 7(312). – St. 89-94. – EDN XRZGFW.

12. Shenshin, V. N. M. N. On ensuring the regime of counter-terrorism operations in the border regions of the Russian Federation / V. N. M. N. Shenshin // Law in the Armed Forces-Military and Legal Review. – 2024. – № 12(329). – St. 86-92. – EDN HQMAQU.

13. Shenshin, V. N. M. N. Legal regulation of ensuring the security of senior officials of the subjects of the Russian Federation (heads are bodies of the highest executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation) and other persons by the National Guard troops / V. N. M. N. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 5(233). – St. 32-34. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_5_32. – EDN GWYFIK.

14. Shenshin, V. N. M. N. The use of the "regulatory guillotine" mechanism in reforming the control and supervisory activities of the Russian Guard / V. N. M. N. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. N. Lobachevsky. – 2021. – No. 1. – St. 178-186. – EDN NSTITU.

15. Shenshin, V. N. M. N. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. N. M. N. Shenshin. Belgorod: Epicer Limited Liability Company, 2022. 202 p. ill. ISBN 978-5-6048482-9-6.

16. Shenshin, V. N. M. N. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. N. M. N. Shenshin, Yu. N. A. N. Ivanov, N. Yu. N. Starostin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 11(316). – St. 104-109. – EDN LOXPXA.

17. Shenshin, V. N. M. N. Federal State control (supervision) Rosgvardiya for compliance with legislation / V. N. M. N. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – № 2-1(37). – St. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

18. Shenshin, V. N. M. N. Federal State control (supervision) Rosgvardiya for compliance with legislation / V. N. M. N. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – № 2-1(37). – St. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

19. Shenshin, V. N. M. N. Digital transformation of the Russian Guard / V. N. M. N. Shenshin // Information law. – 2024. – № 3(81). – St. 19-22. – DOI 10.55291/1999-480X-2024-3-19-22. – EDN OHSKOT.

20. Shenshin, V. N. M. N. Legal guarantees of legality in the activities of the Russian Guard / V. N. M. N. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 10(238). – St. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.

21. Yurov N.N. The creation of the National Guard troops as a modernized legal institution is a historically conditioned principle // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 2. Articles 210-213.

22. Ivanov, Yu. N. A. N. Features of legislative activity in the People's Republic of China / Yu. N. A. N. Ivanov, V. N. According to J. Komova, K. N. V. N. Shevchenko // Civil service and personnel. – 2023. – No. 2. – St. 85-90. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_85. – EDN PTSCIK.

23. Shenshin, V. N. M. N. The National Guard of foreign countries / V. N. M. N. Shenshin. Belgorod : Epicer LLC, 2025. 124 p. ill. ISBN 978-5-605-35381-2. EDN VPIIKS.

К ВОПРОСУ О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН С ВКЛЮЧЕНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ON THE ISSUE OF COMPETITIVENESS OF THE PARTIES WITH THE INCLUSION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

СОТСКОВ Федор Николаевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru;

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна,

доцент, кандидат юридических наук, зав. кафедрой частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»..
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: martyanova@rgust.ru;

SOTSKOV Fyodor Nikolaevich,

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies.
107150, Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, Russia.
E-mail: sotskov@rgust.ru @rgust.ru;

MARTIANOVA Galina Vasilyevna,

Associate Professor, Candidate of Law, Head of the Department of Private and Public Law
Russian State University of Social Technologies.
107150, Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, Russia.
E-mail: martyanova@rgust.ru

Краткая аннотация. В данной статье проанализированы вопросы, возникающие в процессе осуществления судом правосудия. Наибольшие трудности, как представляется, заключаются в определении кандидата на должность судьи и процессе доказывания. Очевидно, что именно от взаимодействия между собой этих институтов зависит объективное рассмотрение дела судом, результат которого должен выражаться в постановлении законного, обоснованного и справедливого решения. Для характеристики принципов, такого взаимодействия и их улучшения, время от времени проводится так называемая судебная реформа. Очевидно, что предпосылкой для её решения должно послужить понимание понятия реформа и судебная реформа, в частности.

Abstract: This article analyzes the issues that arise in the process of the court's administration of justice, the greatest difficulties seem to be in determining a candidate for the position of judge and the evidentiary process. It is obvious that the objective consideration of the case by the court depends on the interaction of these institutions, the result of which should be expressed in the decision of a legitimate, reasonable and fair decision. In order to characterize the principles of such interaction and improve them, the so-called judicial reform is carried out from time to time. Obviously, the prerequisite for its solution should be an understanding of the concept of reform and judicial reform in particular.

Ключевые слова: судебная реформа, суд, судебный акт, состязательность сторон, судебная система, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, независимость сторон, следователь, прокурор, функции обвинения, защита от обвинения, должностное лицо, профессиональная подготовка защитника, профессиональная подготовка прокурора, юридические кадры, квалификационные экзамены, внутреннее убеждение.

Keywords: judicial reform, court, judicial act, adversarial nature of the parties, judicial system, criminal proceedings, criminal procedure, independence of the parties, investigator, prosecutor, prosecution functions, defense against prosecution, official, professional training of the defender, professional training of the prosecutor, legal personnel, qualification exams, internal persuasion.

Для цитирования: Сотсков Ф.Н., Мартьянова Г.В. К вопросу о состязательности сторон с включением инновационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 312-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_312.

For citation: Sotskov F.N., Martianova G.V. On the issue of competitiveness of the parties with the inclusion of innovative technologies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 312-315. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_312.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

История развития судебной системы и причины её реформирования подробно изложены в публикациях юристов [8,14,16] и исторических справках [10]. Безусловно, в каждый исторический период развития Российского государства, Верховная (господствующая) власть, определяла и «жаловала» тот суд, который в первую очередь устраивал власть предержащих.

Провозглашение России демократическим государством, меняет взгляд на судебную систему. Во-первых, в силу объектов (человек, его права и свободы) охраняемых государством, во-вторых, принцип демократии, предусматривает, в частности, равенство перед законом и состязательность в суде. Российское законодательство закрепляет в нормах процессуального закона, указанные основы. Однако возникают сложности при их реализации на практике. Относительно равенства сторон вопросов и сложностей в применении, как правило, не возникает, чего нельзя сказать о состязательности.

Раскрытие принципа состязательности сторон при осуществлении судом правосудия и на основе проведённого анализа формулирования обоснованных предложений по эффективному применению его в судопроизводстве, является целью настоящей работы. Для достижения поставленной цели потребуется решение задачи состязательности сторон, возникающей при осуществлении судом правосудия.

Очевидно, что предпосылкой для её решения должно послужить понимание понятия реформа и судебная реформа, в частности. Для

этого обратимся к словарным источникам. Так, значение слова реформа в словарях и справочниках определяется от: «французского - *reforme* - от латинского *Reformo* - преобразовываю, преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений); формально - нововведение любого содержания, однако реформами обычно называют более или менее прогрессивное преобразование. Применяя значение понятия реформы к судебной системе, можно сказать, что реформа судебная означает преобразование, изменение, переустройство института судопроизводства.

Как представляется, предложения, затрагивающие буквально все сферы политического, экономического и социального устройства страны, свод законопроектов, серьезно меняющих судебный и правоохранительный режимы, могут привести скорее к достижению негативных последствий, чем позитивных. Очевидно, что основной целью реформирования является качественное улучшение работы судебной системы. В то же, время её преобразование, изменение, переустройство, может привести к потере веры граждан в суд и как следствие справедливость судебного акта. Ясно, что любое судебное реформирование должно в первую очередь укреплять доверие граждан в систему судопроизводства.

Давайте проанализируем сформулированные цели реформирования, чтобы понять могут ли они быть достигнуты. Но прежде всего надо понять, что такое судебная система? Из чего она состоит?

Руководители Российского государства, уделяют большое значение независимости суда. Например, как следует из заявления, сделанного в Кремле 20.05.2008 г. Президентом Российской Федерации, Д.А. Медведевым, на совещании по дальнейшему развитию судебной системы, основная цель реформы «добиться независимости суда. Вот такая большая базовая задача».

Впоследствии В.В. Путин, на торжественном заседании Верховного суда посвящённому 95-летию ведомства подчеркнул, что независимая судебная система - неотъемлемое условие развития демократичного государства [15].

В таком случае, возникает вопрос: от кого (чего) независимым? Если от государства, то тогда от чего имени будет провозглашён судебный акт? Если от должностных лиц, либо государственных структур, то независимость суда в этом случае закреплена в ст.120 Конституции РФ[1]. Другое дело, как она исполняется? Представляется, что в случае, когда нормы закона не действуют, либо действуют не эффективно, следует создать предпосылки для их исполнения, либо изменить норму, а не реформировать судебную систему. Ведь, например, в уголовном судопроизводстве задействованы три государственных структуры (следствие (дознание), прокуратура, суд), каждая из которых действует в пределах полномочий, указанных в нормативных актах. Если эти структуры подчинить независимости друг от друга, что в ст. 15 УПК РФ[2] и определено, тогда, следователь должен лично поддерживать обвинение в суде, прокурор надзирать за соблюдением процессуального закона, а независимый суд выносить законный, обоснованный и справедливый приговор. Сегодня следователь обвинительное заключение относит на утверждение прокурору, в соответствии со ст. 37 УПК РФ, которое прокурор в свою очередь поддерживает в суде. Участие автора в судебных процессах позволяет констатировать, что суд назначает срок и вид наказания, соглашаясь с мнением прокурора в этой части. При этом суд может допустить отклонение от мнения обвинителя в пределах шести (максимум двенадцати) месяцев, в пользу снижения срока наказания (увеличения на практике не было), и только в единичных случаях (примерно в одном из пятидесяти), суд выносит приговор, не соответствующий требованиям прокурора. В таком случае если прокуратура не удовлетворена судебным актом, то есть если судебный акт значительно отличается от требований прокуратуры, то она обжалует приговор, невзирая на справедливость, законность и обоснованность. В большинстве случаев это происходит при неудовлетворении судом ходатайства следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, объективная независимость следствия, прокуратуры и суда друг от друга невозможна. Действительно, если следователь собрал доказательства и на их основе составил обвинительное заключение, а прокурор его утвердил и поддержал в суде, значит, лицо подлежит ответственности и суду ничего не остается, как закрепить ответственность судебным актом. Следовательно, цель - независимость суда, является недостижимой. В этой связи предлагается, исключив практику проведения судебной реформы, вносить в систему судопроизводства дополнения, корректирующие её функции. Для реализации предложенного, необходимо, прежде всего, чётко определить приоритеты судебной системы, направление её действия, закрепить в законе способы реализации полномочий. Тогда, будет ясно, что система судопроизводства подвергается дополнению в связи с изменениями, происходящими в жизни общества, то есть совершенствуется связи с тем, что «отстает от жизни и на практике мало помогает проведению экономических преобразований»[11].

Итак, поняв значение слова «реформа», рассмотрев значение и целесообразность судебной реформы, её последствия, что позволило сформулировать предложение вносить дополнения в институты судопроизводства, не подвергая их реформированию, приступим к анализу состязательности сторон при осуществлении судом правосудия.

Состязательность сторон закреплена в ст. 15 УПК РФ. Основными её принципами служат: а) отделение функций обвинения и защиты и невозможность их возложения на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК РФ); б) создание судом, не являющегося органом уголовного преследования и не выступающего на стороне обвинения или стороне защиты, необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления, предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ); в) равноправие перед судом сторон обвинения и защиты (ч. 4 ст. 15 УПК РФ).

Теперь давайте поймём статус состязającychся сторон. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной ст. 37 УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной ст. 38 УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Защитник - лицо, осуществляющее в установленном ст. 49 УПК РФ, защиту прав и интересов, подозреваемых и обвиняемых и оказываю-

щее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Нетрудно заметить, что сторона обвинения состоит из должностных лиц, одно из которых, как и суд, выступает от имени государства. При этом адвокат «является независимым профессиональным советником по правовым вопросам» (п.1 ст. 2 ФЗ № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3]). Согласитесь, состязание между государством и независимым советником похоже, выражаясь фигурально, на борьбу удава с кроликом. Следует иметь в виду, что требования к профессиональной подготовке защитника значительно выше, чем требования к квалификации должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. Так, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [4], в ст. 40.1 устанавливает, что «прокурорами и следователями могут быть граждане Российской Федерации, имеющие высшее юридическое образование, полученное в образовательном учреждении высшего профессионального образования, имеющем государственную аккредитацию, и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности. На должности помощников прокуроров прокуратур районов, городов и приравненных к ним прокуратур, а также следователей следственных отделов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по районам, городам и приравненных к ним специализированных следственных отделов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации в исключительных случаях могут назначаться лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию, и окончившие третий курс указанных образовательных учреждений».

Таким образом, должностное лицо, осуществляющее от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, может иметь не только высшее юридическое образование, но и окончить третий курс указанных образовательных учреждений. А вот статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении высшего профессионального образования, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные настоящим Федеральным законом.

У лиц, высшее юридическое образование которых является впервые полученным высшим профессиональным образованием, стаж работы по юридической специальности исчисляется не ранее чем с момента окончания соответствующего образовательного учреждения (п. 1 ст. 9 ФЗ № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). При этом «юрист должен соответствовать высоким профессиональным и нравственным требованиям, выдержать сложный квалификационный экзамен. При осуществлении профессиональной деятельности он обязан: соблюдать этические правила, за нарушение которых привлекается к дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса; соблюдать адвокатскую тайну; не допускать конфликта интересов; не принимать заведомо незаконное поручение; постоянно совершенствовать свои знания и повышать квалификацию» [13].

Неслучайно в одном из тезисов, касающихся правовой реформы в России, Председатель Конституционного Суда РФ, В.Д. Зорькин указывает: «Проблема – юридические кадры. Тут недостаток и по количеству, и по качеству. Высококвалифицированные юристы в острейшем дефиците» [9].

Отсюда, как представляется, и возникают «неправосудные решения. Решения, которые, мы знаем, существуют и которые зачастую возникают в результате различного рода давления, звонков и, что греха таить, за деньги» [6]. В настоящее время, как верно определил Е.В. Кронов, «камнем преткновения становятся положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ (тесно связанные с ней положения п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и ст. 159 УПК РФ. В части 3 ст. 86 УПК РФ законодатель, попытался предоставить защитнику право «собирает доказательства». Однако эта попытка до конца реализована не была. Проблема заключается в характере получаемой защитником доказательственной информации и возможности ее закрепления.

Дело в том, что ст. 74 УПК РФ предусмотрен относительно исчерпывающий перечень источников, содержащих доказательственную информацию, названных в самом УПК РФ «доказательствами», что представляется не совсем точным. Те же формы собирания доказательств, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УПК РФ, которые предоставлены защитнику, по большей части не могут иметь результатом получение доказательств, изложенных в ст. 74 УПК РФ. Ведь полученные во время опроса лица с его согласия данные, объяснения являться показаниями в строгом смысле этого слова не будут, о чем однозначно свидетельствуют и теория, и практика. Следователи нередко со ссылкой на вышестоящее руководство указывают, что запрещается использовать в качестве доказательств адвокатские «опросники» [7].

В этой связи, предлагается для уравнивания неравенства в критерии отбора состязующихся в уголовном судопроизводстве сторон и во избежание постановления неправосудных решений, возникающих из-за различного рода давления (звонков, указаний и т.п.), а также исключения коррупционной составляющей, целесообразно рассмотреть вопрос о внедрении в уголовный процесс инновационных технологий.

Сегодня новейшие технологии внедряются во все суды страны [5]. В таком случае, предлагается исключить из ч. 1 ст. 17 УПК абстрактно-субъективную свободу оценки доказательств, по внутреннему убеждению, заменив её компьютерной программой по оценке доказательств. Тогда при наличии системы компьютерной обработки представленных в суд доказательств, процесс их оценки будет объективным.

На практике сформулированное предложение, возможно, представить следующим образом: осуществление правосудия происходит в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, за исключением оценки доказательств. Их будет обрабатывать (оценивать) компьютер. Для этого сторонам необходимо ввести в программу свои доказательства по делу. Получив информацию, компьютер, установит, какие доказательства основаны на законе, являются допустимыми и достоверными. Суд, получив результаты анализа, примет решение, соответству-

ющее закону.

Таким образом, из самого важного этапа (оценка доказательств) судопроизводства будет исключён человеческий фактор. Надо сказать, что программа должна быть внедрена и использоваться при осуществлении конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

О разработке и внедрении автоматизированной методики в деятельность госавтоинспекции с целью «исключения коррупционной составляющей и человеческого фактора» писал Р. Нургалиев в статье «Тревожные будни дорог». В частности он констатировал: «Министерством разработана новая методика проведения квалификационных экзаменов при получении прав на управление транспортными средствами, которая будет введена в действие в 2011 году. Основное новшество заключается в том, что теоретический и первые этапы практического экзамена будут проходить в автоматизированном режиме. Практический экзамен проводится на автоматизированном автодроме, и весь процесс фиксируется с помощью специальных датчиков аудио- и видеонаблюдения, передающих данные в диспетчерский пул. Результаты испытаний будут храниться в электронном виде. Вводимая процедура позволит исключить и коррупционную составляющую, «человеческий фактор», а также повысить эффективность результатов экзамена на получение права управления транспортным средством» [12].

И так, выводы, полученные при проведении анализа судебной реформы в контексте состязательности сторон в процессе осуществления судом правосудия, позволили предложить следующие решения:

1. Исключив практику проведения судебной реформы, вносить в систему судопроизводства дополнения, корректирующие её функции;
2. Создать компьютерную программу, по оценке доказательств, для использования судом при осуществлении правосудия.

Представляется, что разработка, и внедрение в практику предложенных решений позволит избежать негативных последствий реформирования судебной системы, что приведёт к эффективности её действия, а значит, укрепит веру граждан в институты судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
5. Верховный Суд Российской Федерации. Путин и Лебедев: что ждёт судебную систему. Обзор материалов СМИ. 25 января 2018 г. // https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26389/ (дата обращения: 20.02.2025).
6. Вступительное слово Президента РФ Д.А. Медведева, на совещании по дальнейшему развитию судебной системы. Москва. Кремль. 20.05.2008 г.; Фемида в новом формате. Владимир Путин рассказал о планах судебной реформы // Российская газета - Федеральный выпуск № 14(7477).
7. Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 141-149.
8. Зорькин В.Д. Судебная реформа Александра II: уроки для России. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 20.02.2025).
9. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе // Законодательство и экономика. 2004. № 2. С. 8.
10. Историческая справка [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/about/info/history/reference/> (дата обращения: 20.02.2025).
11. Послание Президента РФ В.В. Путина. Федеральному собранию. Москва. 2001.
12. Рашид Нургалиев: Более 80 процентов ДТП происходит по вине самих водителей // «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5002 (178) от 23 сентября 2009 г.
13. Резник Г.М. Права человека и судебная реформа. Тема круглого стола. Кострома 25 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mhg.ru/news/genri-reznik-vystupil-v-kostrome-pered-uchastnikami-kruglogo-stola-o-pravah-cheloveka-i> (дата обращения: 20.02.2025).
14. Саленко В.А. Конституционная реформа – 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 188-211.
15. Фемида в новом формате. Российская газета – федеральный выпуск № 14 (7477). Рубрика: Власть. 23.01.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/01/23/putin-rasskazal-o-planah-sudebnoj-reformy.html> (дата обращения: 20.02.2025).
16. Яцкова А. История советского суда // Отечественные записки. 2003. № 2 (10). С. 17.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 03/14/2020 is published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 02/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, No. 52 (part I), art. 4921.
3. Federal Law No. 63-FZ of 05/31/2002 (as amended on 04/22/2024) "on Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/10/2002, No. 23, art. 2102.
4. Federal Law No. 2202-1 of 01/17/1992 (as amended on 30.09.2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/20/1995, No. 47, Article 4472.
5. The Supreme Court of the Russian Federation. Putin and Lebedev: what awaits the judicial system. Review of media materials. January 25, 2018 // https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26389/ (date of access: 02/20/2025).
6. Opening remarks by the President of the Russian Federation, J.A. N. Medvedev, at a meeting on the further development of the judicial system. Moscow. Kremlin. 05/20/2008; Themis in a new format. Vladimir Putin spoke about plans for judicial reform // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue No. 14(7477).
7. E. Kronova.V. N. On the implementation of the principles of competition and equality of the parties in the criminal process of Russia // Journal of Russian Law. 2008. No. 2. Articles 141-149.
8. V. Zorkin.According to J. Judicial reform of Alexander II: lessons for Russia. Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation [Electronic resource - URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (date of reference: 02/20/2025).
9. V. Zorkin.According to J. Theses on legal reform // Legislation and Economics. 2004. No. 2. Art. 8.
10. Historical information [Electronic resource - URL: <https://www.vsrfr.ru/about/info/history/reference/> (date of address: 02/20/2025).
11. Message from the President of the Russian Federation, V. V. V. Putin, to the Federal Assembly. Moscow. 2001.
12. Rashid Nurgaliyev: More than 80 percent of accidents are caused by the drivers themselves // Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue No. 5002 (178) dated September 23, 2009.
13. G. Reznik.M. N. Human rights and judicial reform The topic of the round table. Kostroma, July 25, 2018 [Electronic resource - URL: <https://mhg.ru/news/genri-reznik-vystupil-v-kostrome-pered-uchastnikami-kruglogo-stola-o-pravah-cheloveka-i> (date of request: 02/20/2025).
14. V. Salenko, A. N. Constitutional reform 2020 and the judiciary: problems of independence and independence. // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2020. Volume 6. No. 3 (23). Articles 188-211.
15. Themis in a new format. Rossiyskaya Gazeta-Federal Issue No. 14 (7477). Category: Power. 23.01.2018 [Electronic resource - URL: <https://rg.ru/2018/01/23/putin-rasskazal-o-planah-sudebnoj-reformy.html> (date of reference: 02/20/2025).
16. A. Yatskova. The history of the Soviet court // Domestic notes. 2003. No. 2 (10). Article 17.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_316

УДК 347.1

ПАРТНЁРСТВО КАК ПРОБЕЛ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ PARTNERSHIP AS A GAP IN THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

ЧЕШОКОВА Юлия Вячеславовна,кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

ЩЕРБАКОВ Павел Владимирович,

магистрант ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: Pavel320velo@mail.ru;

CHESNOKOVA Yulia Vyacheslavovna,Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University.

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

SHCHERBAKOV Pavel Vladimirovich,

Master's student Penza State University.

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: Pavel320velo@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена проблеме, существующей в гражданском законодательстве, которая заключается в отсутствии легитимных возможностей индивидуального предпринимателя для объединения капиталов с другими субъектами в рамках своего правового статуса. Подобное ограничение затрудняет реализацию предпринимательской инициативы и противоречит базовым принципам гражданско-правовой свободы, которая предполагает право на совместное ведение бизнеса. Тем не менее, налоговые органы, рассматривая попытки создания «объединений ИП» как потенциальное дробление бизнеса в целях снижения налоговой нагрузки, часто препятствуют такой форме кооперации, расценивая её как нарушение действующего законодательства. Анализируя правовые нормы и существующую практику, сделан вывод, что сформировавшийся правовой вакуум наносит ущерб развитию малого и среднего предпринимательства, поскольку ограничивает возможности роста и кооперации. В связи с этим в статье предлагается рассмотреть необходимость пересмотра или дополнения правового статуса индивидуального предпринимателя с тем, чтобы узаконить различные формы партнёрства и найти баланс между защитой публичных интересов в сфере налогообложения и интересами бизнеса.

Abstract: The article is devoted to the problem existing in civil legislation, which is the lack of legitimate opportunities for an individual entrepreneur to combine capital with other entities within the framework of his legal status. Such a restriction makes it difficult to implement an entrepreneurial initiative and contradicts the basic principles of civil law freedom, which presupposes the right to conduct business together. Nevertheless, the tax authorities, considering attempts to create "associations of sole proprietors" as a potential fragmentation of business in order to reduce the tax burden, often hinder this form of cooperation, regarding it as a violation of current legislation. Analyzing the legal norms and existing practice, it is concluded that the formed legal vacuum is detrimental to the development of small and medium-sized businesses, as it limits the opportunities for growth and cooperation. In this regard, the article suggests considering the need to review or supplement the legal status of an individual entrepreneur in order to legitimize various forms of partnership and find a balance between protecting public interests in the field of taxation and the interests of business.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, партнёрство, дробление бизнеса, налоговая практика, фискальный контроль, свобода предпринимательства, налоговые риски.

Keywords: individual entrepreneur, partnership, business fragmentation, tax practice, fiscal control, freedom of entrepreneurship, tax risks.

Для цитирования: Чеснокова Ю.В., Щербаков П.В. Партнёрство как пробел правового статуса индивидуального предпринимателя // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 316-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_316.

For citation: Chesnokova Yu.V., Shcherbakov P.V. Partnership as a gap in the legal status of an individual entrepreneur // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 316-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_316.

Статья поступила в редакцию: 01.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно пунктам 1 и 5 ст. 23 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью в области сельского хозяйства без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства. Главой крестьянского (фермерского) хозяйства может быть гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя [1]. Соответственно в законе определен лишь момент, с которого возникает право гражданина на индивидуальную предпринимательскую деятельность.

В то же время указанные выше нормы ГК РФ предоставляют юридические основания для того, чтобы дать общее определение предпринимательской деятельности гражданина. «Предпринимательская деятельность гражданина – самостоятельная деятельность, осуществляемая непосредственно гражданином, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя в установленном законом порядке, на свой риск, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания

услуг без образования в этих целях юридического лица» [2, с. 16].

Современное развитие предпринимательства в России сопровождается стремлением малого и среднего бизнеса к сотрудничеству и объединению капиталов, в том числе в формате партнёрства. Однако индивидуальные предприниматели, обладая рядом преимуществ (просто-та регистрации, ведения учёта и т.д.), сталкиваются с очевидным недостатком — отсутствием четкого механизма легитимного партнёрства в рамках их правового статуса. В правовом и налоговом поле подобные формы сотрудничества нередко квалифицируются как «дробление бизнеса» или искусственное уклонение от налогообложения, что влечёт повышенное внимание контролирующих органов и может привести к негативным фискальным последствиям.

В то же время многими учёными и практиками указывается на существование реальных социально-экономических предпосылок для развития совместного предпринимательства индивидуальных предпринимателей, в особенности семейного [3,4,5,6]. Семейный бизнес, как подчёркивают современные исследователи, часто формирует более доверительную среду, стимулирует активность малого бизнеса и способствует укреплению социально-экономических связей [7, 8, 9]. Тем не менее, отсутствие специального правового регулирования партнёрства индивидуального предпринимателя, а также неясность фискальных критериев влечёт юридические и экономические риски для предпринимателей.

По общему правилу индивидуальный предприниматель действует в одиночку: он не учреждает юридическое лицо, не имеет устава или учредительного договора, соответствующего распределения долей и т.д. В результате возникает препятствие для кооперации нескольких физических лиц в формате «единого» субъекта, если они все хотят сохранять статус индивидуального предпринимателя. Гражданское законодательство допускает договорные формы сотрудничества (например, договор простого товарищества), но на практике такие договоры нередко воспринимаются налоговыми органами как способ искусственного «дробления бизнеса» [7; 8].

Дробление бизнеса обычно предполагает, что деятельность, которая экономически является единой, формально разделяется на несколько лиц (будь то юридические лица или несколько индивидуальных предпринимателей) с целью снизить налоги (чаще всего за счёт применения льготных налоговых режимов, вроде упрощенной системы налогообложения). Как отмечает Т. Новикова, в судебной практике контролирующие органы активно борются с подобными схемами, особенно если видят, что партнёры-индивидуальные предприниматели имеют общий бизнес-процесс, одну клиентскую базу, взаимосвязанные финансовые потоки и фактически управляются из одного центра [7]. Всё это усиливает риск привлечения к ответственности и признания незаконным применения упрощённой системы налогообложения.

В то же время, если речь идёт о добросовестном стремлении нескольких членов семьи или близких партнёров вести общее дело, не прибегая к процедуре создания общества с ограниченной ответственностью или иного юридического лица, они сталкиваются с отсутствием прозрачного правового инструмента. Таким образом, проблема состоит в противоречии между гражданско-правовой «свободой объединения» и фискальной практикой, воспринимающей любое совместное ведение деятельности несколькими индивидуальными предпринимателями как потенциальное злоупотребление.

Гражданский кодекс РФ [10] предусматривает договор простого товарищества (гл. 55 ГК РФ) как форму совместной деятельности нескольких лиц, желающих объединить вклады и совместно вести общее дело. Однако статус индивидуального предпринимателя не имеет специальных норм, позволяющих трансформировать такой договор в устойчивое «партнёрство» индивидуальных предпринимателей, действующих как единое целое для третьих лиц. Более того, распределение прибыли между товарищами (каждый из которых индивидуальный предприниматель) в ряде случаев создаёт сложности при формировании базы по налогу на доходы предпринимателя.

Аналогично не урегулированы вопросы имущественной ответственности и привлечения сторонних работников. Получается, что закон допускает совместные действия нескольких лиц, но не предоставляет достаточных гарантий и не исключает рисков переквалификации такой модели сотрудничества в недобросовестное дробление бизнеса.

С точки зрения налогового законодательства, особенно в свете ст. 54.1 Налогового кодекса РФ [11], предприниматель, формально разделяющий бизнес между несколькими родственниками или партнёрами, может быть признан злоупотребляющим своими правами [8]. При этом налоговые органы зачастую обращают внимание на «консолидированность» деятельности: единую инфраструктуру, общее руководство, идентичные IP-адреса и реквизиты, использование одного и того же персонала, фактические переводы денежных средств в пользу одного бенефициара [7, 9].

В обзорах Федеральной налоговой службы РФ специально указывается на методы выявления косвенного участия контролирующих лиц, в том числе допросы, обыски, анализ бухгалтерской и электронной переписки, изучение электронных ключей, IP-адресов, а также показаний работников компаний [8]. Как подчёркивают специалисты, номинальные индивидуальные предприниматели или руководители (например, супруг(а) основного бенефициара) несут риск привлечения к ответственности, если будет доказано, что они лишь формально числятся предпринимателями, а фактически не участвуют в деле [2; 4].

Таким образом, правоприменение ориентировано на поиск реальной сути происходящих экономических операций и личностей, получающих выгоду. Это приводит к тому, что любая совместная деятельность нескольких индивидуальных предпринимателей подлежит детальному контролю и может быть признана незаконной, если отсутствует чёткое разграничение функций и деловой цели.

Особую актуальность рассматриваемая проблема приобретает в контексте семейного предпринимательства, о котором подробно пишет А.Н. Левушкин. По его мнению, «семейный бизнес, основанный на брачно-семейных отношениях и доверительных связях между родственниками, мог бы выступать ключевой формой малой кооперации» [3, с. 95]. В ряде случаев речь идёт именно о супругах-индивидуальных предпринимателях, совместно организующих хозяйственные процессы. «Семейное предпринимательство в обобщающем виде может рассматриваться

как комплексное экономическое и социально-правовое образование» [12, с. 22].

Однако законодательство не содержит достаточных правовых инструментов для формальной легализации «семейного предприятия» как особой разновидности индивидуального предпринимательства.

Дарькина М. М. предлагает для совершенствования правового регулирования и государственной поддержки семейного предпринимательства на территории Российской Федерации закрепить в Федеральном законе «О развитии малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» [13] понятие «семейное предприятие», определить его критерии и функции, установить возможные меры поддержки таких предприятий с целью обеспечения их эффективного функционирования [14, с. 157].

Левушкин А. Н. указывает на необходимость специального закона «О семейном предпринимательстве», который позволил бы чётко регламентировать статус, принципы внутренней организации и налогообложения при ведении семейного бизнеса [3, с. 96]. Это дало бы возможность избежать ситуаций, когда супруги (или иные близкие родственники) подвергаются обвинениям в «дроблении», хотя фактически стремятся работать сообща легально и прозрачно.

Представленный анализ позволяет утверждать, что на стыке гражданско-правового и налогового регулирования существует явный пробел: индивидуальным предпринимателям не предоставляется возможность законно и безопасно объединять свои ресурсы для ведения общего дела в рамках статуса индивидуального предпринимателя. С одной стороны, гражданское законодательство не препятствует совместным действиям, с другой — налоговая практика и судебные подходы признают любое совместное ведение бизнеса индивидуального предпринимателя высоко рискованной зоной, способной быть квалифицированной как «дробление». Это противоречие усиливается, когда речь идёт о семейном предпринимательстве, которое, по сути, рождается естественным путём (супруги, родители и дети), но не имеет самостоятельного правового статуса в российском законодательстве. В результате возникают конфликты как на уровне частного права (свобода договора и автономия воли участников), так и на уровне публичного права (фискальные интересы и борьба с уклонением от налогов).

Таким образом, при отсутствии готового юридического инструмента радикальная реформа статуса индивидуального предпринимателя может вызвать сложности и сопротивление, в том числе со стороны налоговых органов, опасющихся массового ухода в «незаметные» схемы. Поэтому более реалистичным видится постепенное введение механизма легитимного партнёрства, начиная с признания и регламентации семейного предпринимательства.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Никитин Е. В. Правовой статус гражданина-предпринимателя без образования юридического лица // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 16-21.
3. Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 8. – С. 90 – 99.
4. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 22 с.
5. Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11. – С. 67 – 75.
6. Киселев А. С. Семейное предпринимательство как инструмент социальной поддержки малообеспеченных категорий граждан в России // Lex Russica. – 2023. – Т. 76. – № 9. – С. 9 – 20.
7. Новикова Т. Дробление бизнеса // Трудовое право. – 2024. – № 5. – С. 21 – 29.
8. Шелег Е. Е. Обзор успешных практик уклонения от налогообложения от ФНС // НДС: проблемы и решения. – 2023. – № 2. – С. 59 – 66.
9. Кислов С. С. О привлечении к ответственности номинального и фактического руководителей // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2023. – № 2. – С. 58 – 67.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31.07.1998. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
12. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 19 – 22.
13. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего бизнеса в Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
14. Дарькина М. М. Проблемы легализации семейного предпринимательства в сложившихся экономических условиях / М.М. Дарькина, О.В. Короткова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 8 (108). – С. 155 – 161.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994, No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Nikitin E. V. The legal status of a citizen entrepreneur without forming a legal entity // Russian Justice. 2013. No. 12. pp. 16-21.
3. Levushkin A. N. The concept of legitimation of family entrepreneurship through the prism of private law and public law regulation // Actual problems of Russian law. – 2023. – Vol. 18. – No. 8. – pp. 90-99.
4. Barkova L. A. Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests : abstract of the dissertation of the candidate. jur. Sciences. – M., 2015. – 22 p.
5. Yerzhova I. V. Family business: points of reference and a vector of reference in legal regulation // Actual problems of Russian law. – 2022. – No. 11. – pp. 67-75.
6. Kiselev A. S. Family entrepreneurship as a tool of social support for low-income categories of citizens in Russia // Lex Russica. – 2023. – Vol. 76. – No. 9. – pp. 9-20.
7. Novikova T. Business fragmentation // Labor Law. – 2024. – No. 5. – pp. 21-29.
8. Sheleg E. E. Review of successful practices of tax evasion from the Federal Tax Service // VAT: problems and solutions. – 2023. – No. 2. – pp. 59-66.
9. Kislov S. S. On bringing nominal and actual managers to justice // Construction: accounting and taxation. – 2023. – No. 2. – pp. 58-67.
10. The Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 13, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Article 410.
11. The Tax Code of the Russian Federation, Part one, dated 07/31/1998, No. 146- FZ (as amended on 11/29/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1998. – No. 31. – Art. 3824.
12. Levushkin A. N. Family entrepreneurship in the system of small and medium-sized businesses: the legal nature and ways of development // Actual problems of Russian law. – 2018. – № 11 (96). – Pp. 19-22.
13. Federal Law No. 209-FZ of 07/24/2007 "On the development of small and medium-sized Businesses in the Russian Federation" (as amended on 12/13/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 31. – Art. 4006.
14. Darkina M. M. Problems of legalizing family entrepreneurship in the current economic conditions / M.M. Darkina, O.V. Korotkova // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2023. – № 8 (108). – Pp. 155 – 161.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ В КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ ABOUT SOME THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF CONTRACTUAL WORK AT THE PLASTIC SURGERY CLINIC

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,

адвокат, ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры».
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А,
E-mail: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,

lawyer, NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm."
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russia,
E-mail: ur-fin@mail.ru;

Краткая аннотация. В статье подчеркивается важность договорной работы в организации. Описывается процедура заключения договора оказания медицинских услуг в клинике пластической хирургии. Указывается, что должен содержать данный договор для надлежащего оформления отношений сторон.

Abstract. The article emphasizes the importance of contractual work in the organization. The procedure for concluding a contract for the provision of medical services in a plastic surgery clinic is described. It is indicated what this agreement should contain in order to properly formalize the relations of the parties.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, договор возмездного оказания медицинских услуг по профилю пластическая хирургия, предмет договора, заказчик, пациент, услуги.

Keywords: clinic, contract, subject of the contract, customer, patient, services.

Для цитирования: Ястремский И.А. О некоторых теоретико-правовых аспектах договорной работы в клинике пластической хирургии // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 319-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_319.

For citation: Yastremsky I.A. About some theoretical and legal aspects of contractual work at the plastic surgery clinic // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 319-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_319.

Статья поступила в редакцию: 17.01.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Договорная работа является одним из ключевых элементов юридической работы организаций. Экономическая стабильность организации, перспективы его развития и возможность получения прибыли напрямую зависят от надлежащей организации этой работы. В настоящее время уровень организации договорной работы во многих российских компаниях далек от идеального.

Многие эксперты считают, что в отечественной практике оформление договоров зачастую происходит весьма небрежно, а сам договор не отражает необходимых интересов сторон. Например, А.А. Трешкина указала на проблемы функционирования договорных отношений, связанные со сложностью определения ущерба потерпевшего лица и объективным рассмотрением конкретных убытков¹.

Письменные договоры являются широко используемым документом для защиты условий любого соглашения. Целью заключения письменного договора является придание соглашению юридической силы. Для того, чтобы письменный договор имел юридическую силу, он должен содержать три ключевых элемента:

1. Взаимное согласие. Стороны должны согласиться с условиями договора и должны поставить свою подпись на договоре, чтобы удостоверить свое согласие.
2. Способность. Все стороны письменного договора должны быть в здравом уме и способны заключать соглашения, изложенные в соглашении
3. Законность. Действие, указанное в договоре, должно быть законным, то есть соответствовать действующему законодательству.

В договорах основное внимание уделяется законности и исполнимости, а также определению обязанностей и ответственности каждой стороны договора. Письменные договоры также содержат информацию, которая укрепляет ожидания каждой стороны от достигнутого соглашения, будучи при этом краткими и ясными.

Основным договором, регулирующим деятельность клиники пластической хирургии (далее – договор), является договор на оказание медицинских услуг по профилю пластическая хирургия. Данный договор относится к договорам возмездного оказания услуг. По этому договору медицинская организация обязуется за вознаграждение оказать заказчику (пациенту) на определенных договором условиях услуги (например, провести пластическую операцию), а заказчик (пациент) обязуется оплатить и принять эти услуги.

Договорная работа в клинике пластической хирургии заключается в грамотном оформлении и контроле надлежащего исполнения договора. При подписании договоров оказания медицинских услуг в клиниках пластической хирургии используются уже разработанные соответствующие шаблоны договоров, которые подлежат заполнению при заключении договора с каждым конкретным контрагентом.

Договор как юридический документ должен быть подписан обеими сторонами: заказчиком (пациентом) и клиникой пластической хирур-

¹ Трешкина А. А. Проблемы регулирования договорной работы по Федеральному закону № 44-ФЗ // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 329-332.

гии. Именно с этого момента договор вступает в силу.

Для заключения договора клинике пластической хирургии необходимо, прежде всего, правильно указать предмет договора. В его отсутствие договор будет считаться незаключенным.

Однако сторона, своими фактическими действиями приступившая к исполнению договора (например, произвела оплату, начала сдавать анализы для проведения операции), либо засвидетельствовала его действие, например, приняла услугу от другой стороны, не вправе утверждать, что договор не заключен.

По смыслу ст. 779 ГК РФ предмет анализируемого договора - это совершение клиникой действий или осуществление ею медицинской деятельности. Эта деятельность включает, в том числе предоставление медицинских услуг, т.е. диагностику, лечение пациента, в том числе манипуляции, процедуры, анализы, обследования и другие сопутствующие услуги для обследования или лечения.

Автор считает, что для закрепления в договоре его предмета, надлежит предусмотреть в нем четкое наименование услуг, их объем и требования к качеству.

Для надлежащего формулирования предмета в договоре следует указать наименование услуг, предусмотренных конкретным стандартом медицинской помощи (с указанием названия стандарта, его даты и номера), либо указать наименование услуг, например, по проведению маммопластики, а также предусмотреть их уровень (степень) сложности.

Выполнение данного условия требует подробного описания услуг. Так, следует закрепить в договоре конкретные действия, возлагающиеся на клинику пластической хирургии. При отсутствии в договоре четкого перечня услуг, подлежащих оказанию, предмет договора не будет согласован, поэтому он не будет считаться заключенным.

Указание в договоре четкого перечня услуг может свидетельствовать, в том числе, об информировании пациента о сути медицинского вмешательства¹.

Объем конкретных услуг может измеряться количеством действий, совершаемых клиникой². Объем услуг может включать количество объектов действий медицинской клиники (например, указание частей тела, органов, подвергаемых медицинским манипуляциям) или продолжительность оказания услуг.

Кроме того, следует обратить внимание на стоимость услуг, за основу которой берется прейскурант цен на услуги клиники и сроки оказания услуг.

При этом не рекомендуется указывать в договоре результат оказания услуг. Он не входит в предмет договора, так как может не гарантироваться, либо результат может не соответствовать ожиданиям пациента.

Для пациента основным результатом оказания услуг выступает сохранение или улучшение здоровья, либо желаемое улучшение (изменение) его внешности, устранение или корректировка косметических дефектов³. Результат оказания услуг может быть материальным (удаление рубцов) и нематериальным (исчезновение болевых ощущений)⁴. Однако клиника не может (и не должна) гарантировать результат пластической операции, полностью соответствующий ожиданиям пациента.

Кроме пациентов, клиника также заключает договоры с иными контрагентами, например, на поставки лекарственных препаратов, медицинских изделий, проведение ремонтных работ, оказание услуг по вывозу мед. отходов и пр.

Заключению договора, как правило, предшествуют переговоры между сторонами. Под переговорами по договору понимается процесс обсуждения и заключения соглашения между двумя или более сторонами об условиях и обязательствах, изложенных в договоре. При заключении договора каждая сторона выдвигает свои желаемые условия, такие как цена, сроки, объем работ, ответственность, права интеллектуальной собственности, условия расторжения, другие положения. Участники переговоров обмениваются предложениями, выдвигают замечания, встречные предложения, пока не достигнут соглашения, приемлемого для сторон.

При анализе договора на предмет правовых рисков следует обращать внимание на условия договора, противоречащие закону, нечеткие формулировки, а также на невыгодные клинике условия. При анализе договора важно понять последствия включения/невключения того или иного условия.

Переговоры включают процесс взаимных уступок, который гарантирует, что окончательное соглашение будет справедливым для всех вовлеченных сторон. Это помогает избежать односторонних или эксплуататорских контрактов, которые могут привести к неудовлетворенности и напряженным отношениям.

Таким образом, переговоры по договору являются важным процессом для установления юридических отношений. Речь идет о понимании потребностей сторон, поиске справедливых решений и достижении соглашений, которые приносят пользу всем вовлеченным сторонам. Однако стороны переговоров не обязаны закончить переговоры подписанием соглашения.

Заключение договора проходит следующие этапы:

1) Подготовка проекта договора: получение исходных данных для оформления заключения договора (сведения о контрагенте, предмет договора, его цена, сроки выполнения обязательств, иные сведения), составление проекта договора и приложений к нему.

¹ Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.

² Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о возмездном оказании услуг. М., 2017. С. 34.

³ Старчиков М.Ю. Правовой минимум медицинского работника (врача). М.: Гэотар-Медиа, 2017. С. 84-85.

⁴ Зограбян Т.А. Анализ существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (30). С. 10-14.

2) Рассмотрение проекта договора: до визирования договор предварительно проверяется, как правило, юристом, для выявления существенных ошибок и их устранения.

3) Согласование договора (у юриста, главного бухгалтера, главного врача и др. должностных лиц).

4) Подписание договора: договор подписывается собственноручно руководителем клиники либо в электронной форме.

5) Регистрация и хранение договоров: один экземпляр договора отдается контрагенту, один остается в клинике, где обеспечивается его хранение.

При несогласии клиники с условиями договора, полученного от контрагента, составляется протокол разногласий с указанием условий, по которым имеется несогласие (в некоторых случаях стороны проводят переговоры или переписку без составления). Если заключение договора является обязательным для сторон, то вопрос урегулирования разногласий может быть передан на рассмотрение суда.

В данном случае значение договорно-правовой работы заключается в выяснении позиции потенциального контрагента, выявлении и нивелировании возможных рисков для организации принятия определенных договорных условий и негативных последствий ненадлежащего исполнения договора, согласовании с потенциальным контрагентом договорных условий, отстаивании интересов организации по включению в договор выгодных для нее условий и их обосновании.

В согласовании договора участвуют юрист, главный бухгалтер, финансовый директор, а также лица, ответственные за исполнение договора.

В некоторых случаях, при заключении договоров по результатам проводимых закупок, договоры подписываются клиниками в электронном виде. Например, только электронной подписью можно подписать контракт по результатам закупочной процедуры в рамках Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2023 № 44-ФЗ.

Электронная подпись - это цифровой оттиск или элемент для обозначения согласия лица с условиями заключаемого им договора. Она отличается от «обычной подписи», когда стороны должны физически поставить отметку на бумажном договоре ручкой. Основная цель электронной подписи - дать возможность организациям подписывать документы онлайн законным, безопасным и эффективным способом.

Квалифицированная электронная подпись - это тип подписи, обладающий наибольшей юридической надежностью, которая обеспечивает большую безопасность. Подписавший должен быть однозначно связан с подписью и идентифицирован с ней. В свою очередь, цифровой сертификат определяется как сертификат электронной подписи, выданный квалифицированным поставщиком услуг.

Список литературы:

1. Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о возмездном оказании услуг. М., 2017.
2. Зограбян Т.А. Анализ существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (30).
3. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.
4. Старчиков М.Ю. Правовой минимум медицинского работника (врача). М.: Гэотар-Медиа, 2017.
5. Трешкина А.А. Проблемы регулирования договорной работы по Федеральному закону № 44-ФЗ // Молодой ученый. 2020. № 50 (340).

References:

1. Grishaev S.P. Commentary on the legislation on the provision of paid services. Moscow, 2017.
2. Zograbyan T.A. Analysis of the essential terms of the contract for the provision of paid medical services // Vector of Science Tolyatti State University. Series: Legal Sciences. 2017. № 3 (30).
3. Starchikov M.Y. Civil law regulation of relations in the field of health protection: problematic issues and judicial practice: a scientific and practical guide // SPS ConsultantPlus. 2022.
4. Starchikov M.Y. The legal minimum of a medical worker (doctor). Moscow: Geotar-Media, 2017.
5. Treshkina A.A. Problems of regulation of contractual work under Federal Law No. 44-FZ // Young Scientist. 2020. № 50 (340).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_322

УДК 347.6

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА PROBLEMS OF PROTECTION OF HEREDITARY PROPERTY

БЕРДЕГУЛОВА Любовь Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.
E-mail: berdegulova-lyub@mail.ru;

АХМЕТОВА Альбина Талгатовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры публичного и частного права
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: a.t.akhmetova@struust.ru;

BERDEGULOVA Lubov Alexeevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA).
460000, Russian Federation, Orenburg, Komsomolskaya, 50 str.
E-mail: berdegulova-lyub@mail.ru;

АХМЕТОВА Albina Talgatovna,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Public and Private Law
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: a.t.akhmetova@struust.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных аспектов реализации нотариальной охраны наследственного имущества. При открытии наследства возникает настоятельная потребность в сохранении наследственной массы, представляющая собой задачу, которая для наследников часто является трудновыполнимой в связи с различными объективными и субъективными факторами. С усложнением гражданского оборота и появлением новых объектов гражданских прав, правовой институт охраны наследства сталкивается с вызовами, которые требуют адекватного ответа. В статье актуализируются проблемы предупреждения посягательств в отношении цифровых активов. В статье подчеркивается, что в условиях распространяющейся цифровизации общества появление эффективного правового механизма принятия мер к охране указанных объектов является крайне востребованным.

Abstract. The article is devoted to the study of problematic aspects of the implementation of notarial protection of hereditary property. When opening an inheritance, there is an urgent need to preserve the hereditary mass, which is a task that is often difficult for heirs due to various objective and subjective factors. With the increasing complexity of civil turnover and the emergence of new objects of civil rights, the legal institution of inheritance protection is facing challenges that require an adequate response. The article highlights the problems of preventing encroachments on digital assets. The article emphasizes that in the context of the spreading digitalization of society, the emergence of an effective legal mechanism for taking measures to protect these facilities is in high demand.

Ключевые слова: владение, доверительное управление, меры охраны наследственного имущества, наследственная масса, наследство, наследование, наследники, нотариальная деятельность, нотариальная охрана, нотариальное действие, опись имущества, охранительное действие.

Keywords: ownership, trust management, measures of protection of hereditary property, inheritance, inheritance, heirs, notarial activity, notarial protection, notarial action, inventory of property, protective action.

Для цитирования: Бердегулова Л.А., Ахметова А.Т. Проблемы охраны наследственного имущества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_322.

For citation: Berdegulova L.A., Akhmetova A.T. Problems of protection of hereditary property // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_322.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Наследственные отношения в последние годы претерпели существенные трансформации. Правовой механизм обеспечения прав наследников строится на комплексной модуляции различных правовых средств, которые позволяют эффективно реализовывать права наследования.

Новеллой наследственного права является возложение на нотариусов с 5 февраля 2025 года обязанности осуществлять проверку юридического факта открытия наследства и факта состояния в родстве с наследодателем при ведении наследственного дела посредством обращения к Единой информационной системе записи актов гражданского состояния (далее – ЕИС ЗАГС). Данная мера направлена на пресечение противоправных действий в части незаконного оформления наследственных прав.

При открытии наследства возникает настоятельная потребность в сохранении наследственной массы, представляющая собой задачу, которая для наследников часто является трудновыполнимой в связи с различными объективными и субъективными факторами. При множественности наследников сохраняется риск злоупотребления правами лиц, которые имеют непосредственный доступ к объектам наследования, что может повлечь ущемление субъективных прав иных субъектов, в том числе не входящих в круг наследственных правопреемников.

Принятие мер к охране наследственного имущества находится на стыке гражданского права (в части регулирования наследственных отношений) и нотариальной отрасли права, поскольку, с одной стороны, является институтом частного права, а с другой стороны, отнесено к пе-

речню нотариальных действий, закрепленных в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате [1]. Нотариат выполняет в данном контексте превентивные функции, затрагивающие наследственные правоотношения и способствующие полноценной, а значит эффективной реализации наследственных прав. Особенность нотариального действия по принятию охранительных мер в отношении наследства связана с дуализмом частного и публичного права, которые синхронизируются в исследуемом правовом институте. Природа нотариального производства, вобравшая в себя строго-императивные требования и стандарты при осуществлении органами бесспорной юрисдикции нотариальной деятельности, позволяет наиболее эффективным образом добиться задачи обеспечения сохранности имущества, составляющего наследственную массу.

Правовой интерес в охране наследственной массы преследуют как наследники, так и третьи лица, среди которых чаще всего обнаруживаются кредиторы наследодателя. Данный фактор выступил в качестве определяющего при конструировании императива статьи 1171 Гражданского кодекса РФ, где закреплен перечень лиц, уполномоченных инициировать совершение нотариального действия, содержание которого составляет принятие мер к охране наследственного имущества. В искомом перечне, кроме наследников и исполнителей завещания, самостоятельного обозначения удостоились органы местного самоуправления, органы опеки и попечительства, что является оправданным по закономерным причинам. Указанный перечень носит открытый характер, поскольку положения пункта 2 статьи 1171 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) допускают обращение к нотариусу с заявлением о принятии соответствующих наследственно-охранительных мер и другим субъектам, которые обладают позитивным интересом в сохранении наследственной массы и распределении её исходя из определенных пропорций. Представляется справедливым законодательное установление правовой возможности обращения к нотариусу и иных лиц, а не только наследников и исполнителей завещания.

Право принятия мер охраны наследственного имущества предоставлено не только нотариусу, в ведении которого находится соответствующее наследственное дело, но и иным лицам. В частности, нотариус вправе делегировать совершение отдельных охранительных действий другим нотариусам, которые осуществляют нотариальную деятельность в нотариальных округах, где расположено соответствующее наследственное имущество. Кроме того, должностные лица органов местного самоуправления вправе совершать такие нотариальные действия, если в данном муниципальном образовании отсутствует нотариус. Как правило, речь идет о малочисленных населенных пунктах в пределах муниципального района, численность населения которых не позволяет вводить в них ставку нотариуса. В соответствии с пунктами 44-55 Приказа Министерства юстиции России от 07 февраля 2020 года № 16 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления» [3] определена специфика производства мер охраны наследства данной группой должностных лиц.

Одним из признаков охраны наследственного имущества является его срочность. Несмотря на кажущуюся понятность и простоту данного критерия, в цивилистической доктрине его интерпретация характеризуется неоднозначностью. Согласно аргументированной точке зрения О.С. Скучаевой и В.А. Масловой, совершение охранительных действий в отношении наследуемого имущества имеет ограниченный период действия, равный сроку для принятия наследства [7, с. 60]. В правовой литературе также акцентируется внимание на ограничении процедуры охраны наследственной массы сроком в шесть месяцев [5, с. 50]. Вместе с тем диспозиция пункта 4 статьи 1171 ГК РФ определяет временной промежуток, в течении которого производится охрана наследственного имущества, иначе, предоставляя дискреционные полномочия нотариусу. Нотариус должен самостоятельно определить достаточность и оправданность устанавливаемого им срока охранительного нотариального действия в наследственном отношении, приняв во внимание характер и ценность наследственной массы, а также реальное время, которое требуется наследникам для того, чтобы осуществить действия по обращению соответствующего имущества в собственное владение. Следует обратить внимание на то, что в норме, представленной в пункте 4 статьи 1171 ГК РФ, законодатель фиксирует не термин «принятие наследства», но указывает на словосочетание «вступление во владение наследством», отождествление и смешение которых является ошибкой правоприменительного характера. Вступление во владение наследством подразумевает приобретение не юридической, но прежде всего фактической возможности обращения наследственного имущества в своё владение.

Действительно, до принятия Федерального закона от 29 июля 2017 года № 259-ФЗ, срок охраны имущества наследодателя был взаимосвязан с шестимесячным сроком для принятия наследства. На необходимость ухода от такой жесткой модели регламентации срока охраны наследственного имущества в цивилистическо-нотариальной доктрине уже делались акценты. В частности, И.В. Москаленко, исследуя превентивный правоохранительный механизм реализации наследственного права в спектре нотариальной деятельности, рефлексировал о целесообразности увеличения срока осуществления мер по охране наследственного имущества до одного года [6, с. 18].

Прежняя позиция законодателя, на наш взгляд, не отвечала современным вызовам и целям института охраны наследственного имущества, поскольку правовая охрана имущества, входящего в состав наследства, требует превентивной защиты не только в течении указанного шестимесячного срока, установленного для принятия наследства, но и в последующий период, когда по объективным обстоятельствам наследники лишены возможности распространения физического господства в отношении конкретного объекта наследования. Полагаем современная формулировка, представленная в пункте 4 статьи 1171 ГК РФ, в большей степени отвечает принципам разумности и справедливости, а также эффективности правовой регламентации исследуемого института наследственного права.

Правовой механизм охраны наследственного имущества включает в себя совокупность процедурных действий, совершаемых нотариусом с целью гарантирования прав наследников при осуществлении передачи им имущества наследодателя.

Перечень охранительных действий, нормативно закрепленных в нотариальном законодательстве, достаточно разнообразный и включает не только составление описи наследственного имущества, а также возможность удостоверения договора доверительного управления наследственным имуществом, но и иные действия. В частности, нотариусы вправе истребовать информацию о наличии имущества в любых ва-

риативных органах, которые обладают соответствующими сведениями. В пункте 1 статьи 1173 Гражданского кодекса РФ законодатель отдельно указывает кредитные организации, банки и уполномоченные органы исполнительной власти, компетентные контролировать область оборота оружия.

Несмотря на то, что нотариусы наделены полномочиями принимать меры к охране наследственного имущества, в правоприменительной практике данное действие часто не порождает тот эффект, на который рассчитывают наследники.

Так, направление запросов в кредитные организации позволяет лишь выявить финансовые средства, составляющие наследственную массу, но не оградить их от посягательств со стороны других наследников и иных лиц.

В нотариальной практике встречаются ситуации, когда с банковского счета наследодателя после открытия наследства списаны денежные средства. При этом вернуть их в состав наследственной массы не так просто, а нотариус, как правило, не наделен всем спектром правовых возможностей для этого. Более того, нотариусы при ведении наследственных дел довольно формально подходят к охране наследственного имущества, оставляя для себя лишь документационное оформление, в рамках которого они устанавливают и фиксируют состав и стоимость имущества на момент обращения, а также у кого указанное имущество находится. Вместе с тем в гражданском законодательстве содержатся положения, закрепляющие и иные правовые возможности, которые в большей степени отвечают генеральной цели правового института охраны наследственного имущества. Положительно следует оценить закрепление возможности передать имущество кому-либо из наследников по договору хранения, которой наделены нотариальные органы. Такой договор обнаруживает общие черты с секвестром, с той лишь разницей, что последний применяется при судебном разрешении спора о праве на данное имущество. Если передать объект наследования другому наследнику невозможно или крайне затруднительно, нотариус вправе передать его другим лицам.

В рамках принятия мер к охране наследственной массы особенностями обладает сохранение наличных денежных средств, валютных ценностей, драгоценностей и ценных бумаг. Первые могут быть внесены в нотариальный депозит, тогда как валюта, драгоценности и ценные бумаги могут быть переданы на хранение в банковские организации.

К сожалению, в нотариальной практике такие возможности применяются крайне редко. Невостребованность договорной конструкции хранения наследственного имущества связана, во-первых, с правовой безграмотностью наследников и иных заинтересованных лиц, а во-вторых, с нежеланием нотариуса обременять себя совершением нешаблонного нотариального действия. Также следует признать, что, принимая во внимание значительное распространение безналичных форм расчетов, сохранение наличных денежных средств при помощи депозита нотариуса, в подавляющем большинстве, является неактуальным.

Охрана наследственного имущества производится в соответствии с процедурой, регламентируемой ведомственными нормативными правовыми актами, принимаемыми Министерством юстиции Российской Федерации, среди которых следует выделить Приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря 2022 г. № 394 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» [2], Приказ Министерства юстиции РФ от 07 февраля 2020 года № 16 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления» [3], Приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксации» [4]. Алгоритм принятия мер к охране наследственного имущества включает три ключевые стадии, начиная с возбуждения нотариального производства по охране наследственной массы, закономерно переходя к этапу установления необходимого юридического состава, и завершая непосредственным совершением данного нотариального действия.

Нотариус, принимающий меры к охране наследственной массы, должен установить для этого необходимый юридический состав, который позволяет ему открыть наследственное дело и реализовывать возложенные на него нотариальным законодательством полномочия. Первичным юридическим фактом, который устанавливает нотариус, является факт открытия наследства, который может быть подтвержден свидетельством о смерти гражданина, а также дополнительно сведениями из Единой информационной системы, содержащей сведения записей актов гражданского состояния о смерти. В отношении граждан, смерть которых наступила за пределами Российской Федерации, нотариус истребует документ, подтверждающий смерть наследодателя, который выдан соответствующим уполномоченным органом государства, на территории которого наступило данное событие.

На данном этапе нотариус устанавливает правомочность обращения о принятии охранительных мер, проверяет правовой статус заявителя и его полномочия, которые позволяют ему в соответствии со статьей 1171 ГК РФ подать заявление в нотариальную контору.

Согласно ст. 63 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус, который ведет наследственное дело, принимает претензии от кредиторов, которые могут быть заинтересованы в сохранении наследственного имущества даже в большей степени, нежели, чем сами наследники. Однако, данное действие приобретает актуальный характер только в случае, если в отношении наследодателя не было начато производство о банкротстве.

Согласно правилам, зафиксированным в абзаце 4 статьи 63.1 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус не вправе составлять описание наследственного имущества, если он обладает информацией о том, что в отношении наследодателя возбуждено в арбитражном суде дело о банкротстве. В свете того, что в настоящее время банк данных о такой категории дел является открытым, представляется, что нотариус должен самостоятельно инициировать изыскание соответствующей информации и убедиться в отсутствии соответствующего производства по делу о банкротстве наследодателя. К сожалению, значительная часть нотариусов действует по шаблону и не осознает важность данного информативного запроса.

Немаловажное значение при осуществлении правоохранительной функции нотариусом в отношении наследственной массы является установление состава и стоимости имущества, вошедшего в состав наследства и подлежащего охране. Министерством юстиции РФ достаточно подробно регламентированы процедурные нюансы исследуемого нотариального действия. Согласно пункту 61 Приказа Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», определен перечень документов, который необходимо представить для установления нотариусом факт принадлежности имущества наследодателю и его стоимости. Ряд обстоятельств определяется из содержания заявления о принятии мер охраны наследственной массы. В частности, не требует дополнительного документационного обоснования ни кандидатура наследника, ни кандидатура доверительного управляющего, которым передается имущество наследодателя в целях хранения или необходимости его управления.

Содержание нотариального действия по принятию мер охраны наследственного имущества сведено, в основном, к составлению акта описи, в котором отражается все виды наличного имущества, сохраненные в натуре и представленные нотариусу и оценщику к обозрению. В акте описи не указывается объекты наследования, которые отсутствуют или изъяты.

До сих пор проблемным остается вопрос охраны имущества, в ситуации, когда наследники возражают в составлении описи и в передаче соответствующего имущества. Действительно, нотариус эффективно предпринимает меры, направленные на предотвращение исчезновения, гибели, повреждения, снижения стоимости имущества, при условии, что наследники добровольно обращаются к нотариусу и совершают к тому все необходимые действия. Вместе с тем, при таком благоприятном климате, основанном на началах разумности и добросовестности, вопрос обеспечения сохранности имущества не актуализируется. Целесообразность применения охранительных мер обусловлена, напротив, неблагоприятными обстоятельствами, в условиях обострения конфликта между наследниками или между наследниками и третьими лицами (кредиторами, пережившим не наследующим супругом и др.).

В таких случаях, когда нотариус лишен юридической возможности провести полную опись имущества наследодателя, требуется составление акта об отказе предъявить имущество. Проблема заключается в том, что ни нотариус, ни привлеченный им независимый оценщик, не могут дать квалифицированный ответ о точной стоимости имущества с тем, чтобы в дальнейшем наследникам можно было в судебном порядке разрешить спор о праве и компенсации. Анализ правоприменительной практики позволил установить, что правоохранительные органы здесь бездействуют, апеллируя к правомерности завладения наследственным имуществом кем-либо из наследников, даже если это сделано в ущерб прав других наследников, отказополучателей и иных лиц.

Острой проблемой остается вопрос сохранности цифровых активов, которые всё чаще входят в состав наследственной массы. В настоящее время цифровые деньги, как и другие имущественные права, являются объектом наследования. К сожалению, распространена ситуация получения доступа к цифровому аккаунту и выведению из него финансовых средств. Наследники в этом случае практически не обладают правовыми средствами возврата имущества в наследственную массу, а у нотариусов еще не сформирован правовой механизм для этого.

Таким образом, для повышения эффективности гарантирования прав наследников при осуществлении передачи им имущества наследодателя, а также прав кредиторов в отношении обязательств наследодателя, следует совершенствовать механизм охраны наследственного имущества. В условиях распространяющейся цифровизации общества, установлена насущная потребность в конструировании эффективного правового механизма принятия мер к охране цифровых активов, которая может быть юридически и фактически реализована в нотариальной деятельности.

Список литературы:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (по состоянию на 24 июля 2023 г.) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря 2022 г. № 394 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2025).
3. Приказ Министерства юстиции РФ от 07 февраля 2020 года № 16 «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2025).
4. Приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2025).
5. Белашова Е.В. Проблемы наследственного права России: учебное пособие. Черкесск: БИЦ СКГА, 2024. 96 с.
6. Москаленко И.В. Превентивный правоохранительный механизм реализации гражданского (частного) права: цивилистический анализ нотариальной деятельности: автореф. дис. ... докт. юрид. н. Санкт-Петербург, 2006. 38 с.
7. Скучаева О.С., Маслова В.А. Меры по охране наследственного имущества // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. №1 (30). С. 58-61.

References:

1. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries dated February 11, 1993 No. 4462-I (as of July 24, 2023) // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 10. Art. 357.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 14, 2022 No. 394 "On approval of the Rules of notarial clerical work" // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (date of access: 12.02.2025).
3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated February 07, 2020 No. 16 "On approval of Instructions on the procedure for performing notarial acts by local government officials" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (date of access: 12.02.2025).
4. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated August 30, 2017 No. 156 "On Approval of the Regulations for Notaries to perform Notarial Acts, which establishes the amount of information required by a notary to perform notarial acts and the method of recording it" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:<http://pravo.gov.ru/> (date of reference: 02/12/2025).
5. Belashova E.V. Problems of inheritance law in Russia: the training manual. Cherkessk: BIC SKGA, 2024. 96 p.
6. Moskalenko I.V. Preventive law enforcement mechanism for the implementation of civil (private) law: a civil analysis of notary activity: abstract of the dissertation... doct. Law. N. St. Petersburg, 2006. 38 p.
7. Skuchaeva O.S., Maslova V.A. Measures for the protection of hereditary property // Current problems of our time: science and society. 2021. No. 1 (30). pp. 58-61.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_326

УДК 347.6

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ TRADITIONAL FAMILY VALUES IN RUSSIAN LEGISLATION

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент юридического факультета
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58.
E-mail: z_koryakina@mail.ru;

СЕВОСТЬЯНОВ Алексей Иванович,

студент юридического факультета
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58.
E-mail: alesha7845@gmail.com;

СЕВОСТЬЯНОВА Сардана Ивановна,

ученица 8 «б» класса гимназии ЦГО г. Якутска.
677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, 203-й микрорайон, 14.
E-mail: alesha7845@gmail.com;

СОЛОВЬЕВА Кира Алексеевна,

ученица 9 «Е» класса МОБУ СОШ №33.
677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, 202-й микрорайон, 21.
E-mail: alesha7845@gmail.com;

KORYAKINA Zinaida Ivanovna,

Ph.D. legal Sciences, Associate Professor, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov".
58 Belinsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000.
E-mail: z_koryakina@mail.ru;

SEVOSTYANOV Alexey Ivanovich,

student (undergraduate) of the Faculty of Law of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova".
58 Belinsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000.
E-mail: alesha7845@gmail.com;

SEVOSTYANOVA Sardana Ivanovna,

student of 8 "b" grade at the gymnasium of the Central Educational District of Yakutsk.
677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 203rd microdistrict, 14.
E-mail: alesha7845@gmail.com;

SOLOVYOVA Kira Alekseevna,

student of 9 "E" class MOBU Secondary School No. 33.
677000, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 202nd microdistrict, 21.
E-mail: alesha7845@gmail.com

Краткая аннотация. Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «СИРИУС лето: начини свой проект. Сезон 2024-2025» (номер 100119780510037301), «Ответственное родительство в представлении детей и родителей». В статье коллектив авторов анализирует нормативно-правовую базу закрепления традиционных семейных ценностей, в т.ч. на примере регионального законодательства Республики Саха (Якутия). Исследуются механизмы государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, а также правовые инструменты сохранения и передачи культурных и нравственных ориентиров с учетом современной российской политики в вопросах воспитания подрастающего поколения. На основе сравнительного анализа выявляется специфика российского подхода к правовому регулированию семейных отношений в контексте глобальных социокультурных трансформаций, основанных на реалиях развития законодательства в области защиты и поддержки традиционных семейных ценностей в Российской Федерации.

Abstract. The article was written within the framework of the research project «SIRIUS Summer: Start Your Project. Season 2024-2025» (number 100119780510037301), «Responsible Parenting as Viewed by Children and Parents». In the article, the team of authors analyzes the regulatory framework for enshrining traditional family values, including the example of the regional legislation of the Republic of Sakha (Yakutia). The mechanisms of state support for family, motherhood, fatherhood and childhood, as well as legal instruments for preserving and transmitting cultural and moral guidelines are studied, taking into account modern Russian policy in matters of educating the younger generation. Based on a comparative analysis, the specifics of the Russian approach to the legal regulation of family relations are revealed in the context of global socio-cultural transformations based on the realities of the development of legislation in the field of protection and support of traditional family values in the Russian Federation.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, российское законодательство, институт семьи, конституционно-правовое регулирование, нормативное закрепление, Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс, духовно-нравственные ценности, защита семьи, материнство, отцовство, детство, брак, правовое регулирование, ответственное родительство, государственная политика, региональное законодательство.

Keywords: traditional family values, Russian legislation, institution of the family, constitutional and legal regulation, normative consolidation, Constitution of the Russian Federation, Family Code, spiritual and moral values, protection of the family, motherhood, fatherhood, childhood, marriage, legal regulation, responsible parenthood, state policy, regional legislation.

Для цитирования: Корякина З.И., Севостьянов А.И., Севостьянова С.И., Соловьева К.А. Традиционные семейные ценности в российском законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 326-329. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_326.

For citation: Koryakina Z.I., Sevostyanov A.I., Sevostyanova S.I., Solovyova K.A. Traditional family values in Russian legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 326-329. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_326.

Статья поступила в редакцию: 01.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Институт семьи традиционно рассматривается как фундаментальная основа общества, обеспечивающая его стабильность и преемственность поколений. В современных условиях правовое регулирование семейных отношений приобретает особую значимость в контексте глобальных социокультурных трансформаций, влияющих на институт семьи. Российское государство в последнее десятилетие демонстрирует последовательный курс на укрепление традиционных семейных ценностей посредством их нормативного закрепления в законодательстве.

Актуальность темы исследования обусловлена значительными изменениями в конституционно-правовом регулировании семейных отношений, произошедшими в связи с принятием поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году, а также последующей трансформацией отраслевого законодательства. Научная разработанность проблематики традиционных семейных ценностей в юридической науке характеризуется междисциплинарным подходом, однако системный анализ нормативного закрепления данного концепта в российском законодательстве представлен недостаточно.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе юридического закрепления традиционных семейных ценностей в российском законодательстве и правоприменительной практике.

Впервые в истории российского нормотворчества аксиологические основания жизнедеятельности российского общества были артикулированы не только в Основном законе государства, но и в подзаконном нормативном акте - Указе Президента РФ №809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. Исследование реализации данного акта могло бы стать основой анализа процесса формирования концептуальной модели «традиционные ценности» в российском частном праве.

В вышеупомянутом Указе предлагается интерпретировать традиционные ценности как этические ориентиры, транслируемые между поколениями, направленные на консолидацию гражданского единства и формирование гомогенного культурного пространства внутри государства. В документе прямо указаны ценности, формирующие воспитательный идеал: крепкая семья, историческая память, патриотизм и приоритет духовного над материальным. Например, п. 12 Указа предписывает внедрение этих принципов в образовательные программы, что коррелирует с Законом Республики Саха (Якутия) «О государственной поддержке семьи и детства» (ст. 5), где акцент сделан на сохранение культурных традиций коренных народов в воспитании детей [1]. Так, например статья 4 данного закона к полномочиям органов государственной власти Республики Саха (Якутия) в области охраны семьи, материнства, отцовства и детства относит создание условий для возрождения и развития культурно-нравственных ценностей семьи, укрепления престижа семейного образа жизни, семейных традиций и родительского авторитета.

Помимо этого данный Указ №809 также прямо ориентирует на результаты освоения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Так согласно п. 31 «реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации».

На конституционном уровне, помимо вышеуказанного указа, статья 72 Конституции РФ относит защиту семьи, материнства, отцовства и детства, защиту института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. На уровне федерального законодательства ключевое значение имеет Семейный кодекс РФ, закрепляющий основные принципы семейного права.

Сравнительный анализ правовых источников позволяет нам самостоятельно выделить два аспекта регулирования:

- Юридически обязательные нормы (Конституция, СК РФ) имеют императивный характер. Например, ст. 54 СК РФ гарантирует ребенку право на воспитание своими родителями, что исключает произвольное вмешательство третьих лиц в семейные отношения.

- Рекомендательные (декларативные) и идеологические положения (Указ № 809, Концепции) не обладают прямой императивностью, но влияют на правоприменение через толкование законов и разработку региональных программ.

Отсюда, необходимо сделать вывод с позиции теории государства и права, что традиционные ценности выступают социальными регуляторами, дополняющими правовые механизмы. Эти нормы подчеркивают семью как ключевой институт передачи ценностей: уважения к старшим, патриотизма, трудолюбия и межпоколенческой преемственности.

Например, обычаи почитания родителей, не закрепленные напрямую в законах, учитываются судами при разрешении споров об алиментных обязательствах или определении места жительства ребенка. Однако их юридическая сила проявляется опосредованно: они формируют ценностный контекст, в котором интерпретируются нормы.

Традиционные нормы играют значительную роль в формировании системы морали, а также в праве, особенно в контексте воспитательной деятельности. В основе таких норм лежат многовековые представления о должном поведении, которые передаются через поколения и формируют устойчивую модель социального взаимодействия. Семейное право России, как одна из ключевых областей юридической науки, активно заимствует моральные установки, сложившиеся в обществе, что позволяет обеспечить баланс между правовыми требованиями и общественными ожиданиями.

Моральные нормы, закрепленные в семейном праве, отражают исторические и культурные особенности российского общества. Например, приоритет защиты интересов детей, уважение к родителям и сохранение семейных связей являются центральными элементами этой области. Эти установки не только регулируют юридические аспекты, но и формируют базовые принципы поведения, которые считаются обяза-

тельными как в правовом, так и в моральном смысле. Таким образом, нормы морали, интегрированные в правовую систему, способствуют укреплению семейных ценностей и гармонизации отношений внутри семьи.

Важным аспектом влияния моральных норм на формирование правовых отношений является их способность адаптироваться к изменениям в обществе, сохраняя при этом связь с традициями. Российское семейное законодательство демонстрирует эту гибкость, принимая во внимание новые формы семейных отношений, такие как гражданские браки или опека над детьми в нестандартных ситуациях. Однако при этом сохраняется уважение к базовым принципам, которые находят свое отражение в моральных установках общества, например, в обязанности заботы о детях и пожилых родственниках.

Как подчеркивает Булатова З.А. [5, 61 с.] в своей работе «социальные нормы в системе источников конституционного права выполняют вспомогательную правовому регулированию роль». Действительно, что традиционные нормы морали, интегрированные в источники права, становятся инструментом для обеспечения стабильности и преемственности в регулировании семейных отношений. Они помогают не только урегулировать конфликты, но и формировать правосознание, ориентированное на сохранение общечеловеческих ценностей. В российской правовой системе традиционные семейные ценности продолжают оставаться важным элементом, способствующим укреплению социальной структуры и реализации принципов справедливости.

Юридическая сила традиционных ценностей в регулировании поведения личности носит двойственный характер. С одной стороны, их нарушение (например, отказ от передачи культурных традиций) не влечет юридической ответственности, если не нарушает конкретных правовых запретов. С другой — они могут становиться основой для формирования оценочных категорий в праве. Например, при усыновлении, лишении родительских прав или разрешении конфликтов о воспитании суды руководствуются не только буквой закона, но и сложившимися в обществе нравственными категориями «любви», «уважения», «заботы», «счастья».

Важным аспектом для укрепления традиционных российских семейных ценностей является закрепление приоритета семейного воспитания. Государство обязуется поддерживать семьи, оказывать помощь в трудных ситуациях и предотвращать изъятие детей без достаточных оснований. Также закон регулирует вопросы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривая различные формы семейного и государственного попечения.

Характерной особенностью является то, что традиционные семейные ценности выступают фундаментальным элементом социальной структуры, который в перспективе должен наполнять ячейки общества, а семья признается важнейшим социальным институтом. [4, 101 с.].

Стоит заметить, что нормативное регулирование данных ценностей уже осуществляется на региональном уровне. Так, на основании закона Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве». Уникальность закона об ответственном родительстве заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка унифицировать правила формирования ответственного родительства и функционирования тем самым «идеальной» семьи в вопросах воспитания несовершеннолетних. Впервые установлено, что воспитание должно быть акцентировано на региональных (национальных) компонентах, т.е. родители признаны как источник передачи знаний национальной культуры, истории и иных особенностей своего региона [1, 2].

В основе закона лежит концепция ответственного родительства, которая подразумевает не только обеспечение базовых потребностей ребенка, но и создание условий для его всестороннего развития. Закон особо подчеркивает важность сохранения культурной идентичности, семейных ценностей и традиций народов Севера. Ответственное родительство определяется через обязанности по воспитанию, образованию, защите прав и интересов детей, а также через необходимость формирования у них уважения к общественным нормам и этнокультурному наследию.

Закон об ответственном родительстве также прямо указывает, что «воспитание ребенка родителями (иными законными представителями) – это система взаимоотношений между родителями и ребенком, направленная на его развитие, создание условий для самоопределения и самореализации ребенка на основе духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения» (п.7 ст. 1). Из этого следует, что традиционные семейные ценности признаются как основа воспитания несовершеннолетних, поэтому очень важно в рамках отраслевой государственной политики разработать концептуальные документы, ориентирующие и разъясняющие смысл духовно-нравственных ценностей для формирования личности внутрисемейными методами.

Современная российская правовая система активно интегрирует духовно-нравственные нормы в механизмы регулирования семейных отношений и воспитания детей, что отражает стратегический курс государства на укрепление традиционных ценностей. Эти нормы, хотя и не всегда формально кодифицированы, приобретают силу через их систематическое упоминание в идеологических документах, подзаконных актах и судебной практике, формируя ценностный каркас для интерпретации правовых предписаний.

Государственная политика последних лет, включая объявление 2024 года «Годом семьи» и реализацию федерального проекта «Патриотическое воспитание», подчеркивает, что духовно-нравственные ориентиры становятся инструментом формирования единой идеологической платформы. При этом духовно-нравственные нормы выполняют роль социального компенсатора для пробелов в законодательстве. Как отмечает А.А. Серебрякова «семья, оставаясь объектом правового регулирования в установленных законом границах, вне этих рамок предстаёт уникальным социальным феноменом, чья природа формируется независимо от юридических норм» [7, 156 с.].

Отсюда, нам необходимо рассмотреть в дальнейшем «традиционные семейные ценности» (семья, патриотизм, духовность), которые также формируют национальную идентичность России и влияют на интерпретацию правовых норм. Традиционные ценности, даже не будучи закреплёнными в законах, влияют на правоприменительную практику через правосознание.

Как подчёркивают Рязанов М.Н. и Ларионова Н.Б., «конституционализация семейных ценностей в российском законодательстве представляет собой комплекс процессов, направленных на формирование конституционного правопорядка. Его основу составляют правовые ценности, выполняющие роль целей, принципов и задач регулирования, которые обосновывают установление запретов, ограничений и иных правовых обязательств для участников конституционных правоотношений.

Конституционализация семейных ценностей в современной правовой системе отражает процесс их последовательной юридической институционализации, которая находит выражение не только в нормах законодательства, но и в системе подзаконных актов (указов, постановлений, ведомственных документов), направленных на операционализацию базовых требований правовых предписаний» [6, 132 с.].

Таким образом, можно сделать вывод, что духовно-нравственные нормы в РФ сегодня действуют как гибридный регулятор, сочетающий правовые и социальные механизмы. Их сила заключается в способности формировать общественное правосознание, влияя на законодателя, правоприменителя и гражданина.

Проведенное исследование позволяет также сделать вывод о том, что традиционные семейные ценности занимают важное место в системе правовых ценностей российского государства.

Нормативное закрепление традиционных семейных ценностей осуществляется посредством норм различных отраслей права, что свидетельствует о комплексном характере правового регулирования в данной сфере. Вместе с тем, существует необходимость в дальнейшем совершенствовании законодательства в сфере защиты традиционных семейных ценностей, в частности, в закреплении легального определения данного понятия и разработке комплексного подхода к правовому регулированию семейных отношений.

Защита традиционных семейных ценностей является важным направлением государственной политики, что находит отражение в законодательстве и различных программных документах. Реализация данных документов требует не только правового, но и организационного, финансового и иного обеспечения.

Список литературы:

1. Закон «Республики Саха (Якутия) от 14 марта 2016 года 1604-З N 737-V «Об ответственном родительстве» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.03.2016, «Ил Тумэн», N 12, 01.04.2016, «Якутские ведомости», N 12, 05.04.2016, «Ил Тумэн», N 13, 08.04.2016.
2. Закон «Республика Саха (Якутия) от 17 декабря 2008 года 643-З N 147-IV «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия) (с изменениями на 12 декабря 2023 года)» // «Якутия», N 13, 27.01.2009, «Ил Тумэн», N 3, 30.01.2009, «Сокуоннар. Уураахтар. Дьаһаллар.», N 76-81, 04.08.2009.
3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022, «Собрание законодательства РФ», 14.11.2022, N 46, ст. 7977.
4. Афанасьевская, А. В. К вопросу о традиционных ценностях в семейном праве России / А. В. Афанасьевская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5 (154). – С. 100-104. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-100-104. – EDN DQASUH.
5. Булатова З. А. Социальные нормы в системе конституционного права // Право и государственность. 2024. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-normy-v-sisteme-istochnikov-konstitucionnogo-prava>
6. Рязанова М. Н., Ларионова Н. Б. Конституционализация семейных ценностей в современном российском законодательстве // ВЭПС. 2024. №2. С. 129-132.
7. Серебрякова, А. А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей / А. А. Серебрякова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 2(78). – С. 155-160. – DOI 10.26456/vtpravo/2024.2.155. – EDN AVFKAZ.

References:

1. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated March 14, 2016 1604-Z N 737-V "On responsible parenthood" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 31.03.2016, "Il Tumen", No. 12, 01.04.2016, "Yakutskiy Vedomosti", No. 12, 05.04.2016, "Il Tumen", No. 13, 08.04.2016.
2. The Law "The Republic of Sakha (Yakutia) of December 17, 2008 643-Z N 147-IV "On the protection of the family, motherhood, Fatherhood and childhood in the Republic of Sakha (Yakutia) (as amended on December 12, 2023)" // "Yakutia", No. 13, 01/27/2009, Il Tumen, No. 3, 30.01.2009, Sokuonnar. Uraakhtar. Dahallar.", N 76-81, 08/04/2009.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/09/2022 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 09.11.2022, "Assembly of the Legislature of the Russian Federation", 14.11.2022, No. 46, article 7977.4.
4. Afanasyevskaya, A.V. On the issue of traditional values in Russian family law / A.V. Afanasyevskaya // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – № 5 (154). – Pp. 100-104. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-100-104. – EDN DQASUH.
5. Bulatova Z. A. Social norms in the system of constitutional law // Law and statehood. 2024. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-normy-v-sisteme-istochnikov-konstitucionnogo-prava>
6. Ryazanova M. N., Larionova N. B. Constitutionalization of family values in modern Russian legislation // VEPS. 2024. №2. pp. 129-132.
7. Serebryakova, A. A. Family values as a part of traditional Russian spiritual and moral values / A. A. Serebryakova // Bulletin of Tver State University. Series: Law. – 2024. – № 2(78). – Pp. 155-160. – DOI 10.26456/vtpravo/2024.2.155. – EDN AVFKAZ.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_330

УДК 347.61

ОПТИМИЗАЦИЯ УСЛОВИЙ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ: ИНТЕРЕСЫ СТОРОН OPTIMIZATION OF THE TERMS OF THE ALIMONY AGREEMENT: INTERESTS OF THE PARTIES

ВАСИЛЬЕВА Анастасия Валерьевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: a.vasilievavasiliewa@yandex.ru;

ЛАНКОВА Виталина Алексеевна,

студент Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: vitawadcfv@gmail.com;

VASILYEVA Anastasia Valeryevna,

senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
8 Sukhanova St., Vladivostok, Primorsky Krai, 690091, Russia.
E-mail: a.vasilievavasiliewa@yandex.ru;

LANKOVA Vitalina Alekseevna,

student, Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
8 Sukhanova St., Vladivostok, Primorsky Krai, 690091, Russia.
E-mail: vitawadcfv@gmail.com

Краткая аннотация: Актуальность рассмотренной темы обусловлена высокой ролью института алиментирования, выступающим гарантией защиты прав и интересов социально не защищенных членов семьи. Тенденция нарастающей диспозитивности рассматриваемого института, выражающаяся в возможности установления обязанности об уплате алиментов путем заключения соглашения, обуславливает возникновение на практике некоторых проблем правоприменения. Целью настоящего исследования является выяснение правовой природы алиментного соглашения, выявление теоретических и практических проблем, связанных с его заключением и исполнением, разработка и обоснование возможных путей решения. Статья направлена на всестороннее изучение существующих видов ответственности лица, обязанного уплачивать алименты на основании соглашения об уплате алиментов. Кроме того, авторами изучены случаи и причины заключения недействительного соглашения об уплате алиментов в рамках процедуры банкротства физических лиц с целью вывести имущество из конкурсной массы и последствия таких сделок. Проанализирована нормативная база института алиментирования, выявлены соответствующие особенности правового регулирования. Авторами приводится судебная практика, подтверждающая актуальность рассматриваемой темы и позволяющая, путем всестороннего анализа, предложить возможные способы разрешения выявленных противоречий. Выделены характерные особенности мнимого соглашения. Сделан вывод: в целях обеспечения баланса интересов уполномоченного и обязанного лица, а также исключения возможности нарушения имущественных интересов третьих лиц, прямо или косвенно затрагиваемых данным соглашением, необходимо законодательно урегулировать нижние и верхние пределы размера алиментов, а также детально проработать этап нотариального удостоверения соглашения, обозначив нотариусам перечень обстоятельств, подлежащих обязательному выяснению у сторон непосредственно перед удостоверением соглашения.

Abstract: The relevance of the topic under consideration is due to the high role of the institution of alimony, which guarantees the protection of the rights and interests of socially vulnerable family members. The tendency of the increasing dispositivity of the institution in question, expressed in the possibility of establishing the obligation to pay alimony by entering into an agreement, leads to the emergence of some law enforcement problems in practice. The purpose of this study is to clarify the legal nature of an alimony agreement, identify theoretical and practical problems related to its conclusion and execution, and develop and justify possible solutions. The article is aimed at a comprehensive study of the existing types of liability of a person who is obliged to pay alimony on the basis of an agreement on the payment of alimony. In addition, the authors have studied the cases and reasons for concluding an invalid agreement on the payment of alimony in the framework of bankruptcy proceedings for individuals in order to withdraw property from bankruptcy and the consequences of such transactions. The regulatory framework of the institute of alimony is analyzed, the relevant features of legal regulation are identified. The authors provide judicial practice that confirms the relevance of the topic under consideration and allows, through a comprehensive analysis, to provide possible ways to resolve the identified contradictions. The characteristic features of the imaginary agreement are highlighted. The conclusion is made: in order to ensure a balance of interests of the authorized and obligated person, as well as to exclude the possibility of violating the property interests of third parties directly or indirectly affected by this agreement, it is necessary to legislate the lower and upper limits of the amount of alimony, as well as to work out in detail the stage of notarization of the agreement, indicating to notaries a list of circumstances that must be clarified by the parties directly before verifying the agreement.

Ключевые слова: алименты, алиментное соглашение, неустойка, ответственность, недействительность алиментного соглашения, дела о банкротстве физических лиц.

Keywords: alimony, alimony agreement, penalty, liability, invalidity of the alimony agreement, bankruptcy cases of individuals.

Для цитирования: Васильева А.В., Ланкова В.А. Оптимизация условий соглашения об уплате алиментов: интересы сторон // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 330-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_330.

For citation: Vasilyeva A.V., Lankova V.A. Optimization of the terms of the alimony agreement: interests of the parties // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 330-334. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_330.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В настоящее время институт алиментного обязательства является достаточно актуальным и значимым, что связано с политикой госу-

дарства, которая направлена на создание и обеспечение условий для достойного развития и жизни человека, что прямо вытекает из Конституции Российской Федерации, относящей, в том числе, защиту семьи к полномочиям государства [1].

Институт алиментов прямо направлен на защиту прав несовершеннолетних и, соответственно, нетрудоспособных в силу возраста детей, а также нетрудоспособных родителей и супругов, в отношении которых семейное законодательство предусматривает возможность установления алиментного обязательства.

Как отмечается в научной литературе, рассматриваемый институт представляет собой закрепленные на законодательном уровне меры поддержки материального характера для участников семейных правоотношений [2, с. 267].

Отметим, что на данном этапе наблюдается тенденция придания институту алиментирования новых «факультативных» целей, которые обусловлены укреплением межотраслевого взаимодействия семейного и иных отраслей права [3, с. 198]. В частности, рассматриваемый институт можно охарактеризовать как один из правовых инструментов государственной жилищной политики, что прямо вытекает из ст. 86 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), в которой был расширен перечень обстоятельств, влекущих возникновение у родителей алиментной обязанности по несению дополнительных расходов на детей. Одной из таких выступает отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения, в связи с чем алиментные обязательства выступают средством удовлетворения жилищной потребности.

Кроме того, подчеркнем роль алиментов и в сфере пенсионного обеспечения. Право на получение алиментов имеют, в том числе, нетрудоспособные совершеннолетние лица, под которыми, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56), следует также понимать лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста [4]. Несмотря на постепенное его увеличение, п. 8 ст. 169 СК РФ четко определил регламент данного основания возникновения алиментного обязательства, а именно: 55 лет (для женщин), 60 лет (для мужчин). Таким образом, целесообразно говорить о значимости алиментирования не только в контексте семейных правоотношений, но и публично-правового механизма социального обеспечения граждан.

В СК РФ алиментным обязательствам членов семей посвящен отдельный раздел. Исходя из анализа семейного законодательства, становится ясно, что возникновение алиментных правоотношений влекут два основных юридических факта: решение суда и соглашение об уплате алиментов.

Особое внимание, считаем важным, уделить именно алиментному соглашению, что объясняется диспозитивностью его правовой природы, оставляющей урегулирование вопроса размера, условий и порядка выплаты алиментов на усмотрение сторон данного соглашения, которыми выступают лицо, обязанное выплачивать алименты, и их получатель, а при недееспособности последних – их представители по закону (ст. 99 СК РФ) [5].

Вопросы правового регулирования соглашения об уплате алиментов затронуты рядом ученых, среди которых: Л.В. Кудрявцева, Д.С. Ксенофонтова, Е.Л. Овчинникова, Е.В. Гончаренко, А.И. Катунина, О.О. Рафикова, Н.И. Авдеева, Е.С. Огурцова, В.А. Антонов.

На данный момент, легальное определение алиментного соглашения отсутствует, однако, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 (п. 53) на основании ст. 99 и 100 СК РФ дается разъяснение о том, «под соглашением об уплате алиментов понимается нотариально удостоверенное письменное соглашение между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя между законными представителями этих лиц относительно размера, условий и порядка выплаты алиментов, также отмечается его тождественность исполнительному листу» [4].

Факт наличия у алиментного соглашения силы исполнительного документа можно расценивать как возможность исключить обращение в суд и через судебных приставов произвести принудительное взыскание выплат.

Отсутствие законодательно закрепленного определения порождает в юридической науке многочисленные споры относительно природы соглашения. Ряд ученых, например, А. В. Вишнякова [6, с. 65], Е. В. Гончаренко [7, с. 16] настаивают на гражданско-правовом характере алиментного соглашения, что обосновывается применением к нему в некоторых вопросах норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст. 101 СК РФ), а также включением алиментных обязательств в некоторые статьи ГК РФ (ст. 336, 411).

Другие авторы относят его к особому «семейно-правовому договору» в связи с наличием некоторых отличительных черт, таких как родственные связи между субъектами, что определяет особенность субъектного состава, ситуационность [8, с. 157]. Также выделяют особые социально-демографические признаки, такие как нетрудоспособность, возраст, нуждаемость и др. [9, с. 773].

По нашему мнению, имеют место правовые элементы как гражданского законодательства, так и семейного, поэтому соглашению об уплате алиментов свойственна амбивалентность, позволяющая говорить о его комплексном характере.

При этом, научного осмысления заслуживает вопрос ответственности стороны, обязанной выплачивать алименты на основании рассматриваемого соглашения, а также проблема недобросовестных действий стороны в рамках процедуры банкротства физических лиц.

Обращаясь к институту ответственности алиментнообязанного лица, становится ясно, что в СК РФ данный вопрос урегулирован недостаточно, ему посвящена лишь одна норма, а именно п. 1 ст. 115 – «в случае образования задолженности, ответственность виновного лица устанавливается сторонами соглашения». В такой ситуации, речь идет о договорной неустойке.

Однако данная норма не рассчитана на ситуацию, когда стороны соглашения не предусматривают ответственность за его неисполнение, или предусматривают крайне несоразмерную ответственность, ущемляющую имущественные права одной из сторон, что, в итоге, не соответствует стимулирующей функции неустойки, направленной на побуждение алиментнообязанного лица добросовестно и своевременного осу-

ществлять установленные выплаты.

В связи с этим, представляется целесообразным установить фиксированный размер законной неустойки при образовании задолженности по алиментным платежам на основании соглашения об уплате алиментов, аналогично случаю образования задолженности по вине лица, которое уплачивает алименты по решению суда (п. 2 ст. 115 СК РФ), или законодательно установить нижний и верхний пределы размера договорной неустойки, чтобы избежать злоупотреблений своими правами со стороны обеих сторон соглашения.

Так, речь шла об, определяемой в науке, семейно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение (неисполнение) соглашения об уплате алиментов [10, с. 205]. Однако, законодательно предусмотрены и иные, более серьезные виды ответственности в такой ситуации.

Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) определена ответственность для родителей и совершеннолетних трудоспособных детей за неуплату средств, установленных соглашением, в случае если отсутствие выплат имело место в течение 2 и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства; согласно санкции статьи, ответственность может быть наложена в виде обязательных работ, административного ареста или штрафа (ст. 5.35.1) [11].

Причем, как конкретизируется в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 года № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ответственность наступает за неуплату в размере, в срок и способом, которые установлены соглашением [12].

В свою очередь, ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрен состав преступления за неоднократное совершение подобного деяния [13]. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 года № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» дается разъяснение относительно «неоднократности» в систематическом толковании со статьей 5.35.1 КоАП РФ, под которой понимается нахождение лица в статусе подвергнутого административному наказанию (по аналогичному деянию) одновременно с фактом неуплаты последним алиментов в период «поддержания» данного статуса [14].

Так, санкция соответствующей статьи УК РФ (ст. 157) в санкции перечисляет разные виды наказания, самым строгим из которых является лишение свободы. Однако, исходя из анализа судебной практики, становится ясно, что данная мера является крайней и суд назначает, виновным в указанном правонарушении лицам, обычно, около 6 месяцев исправительных работ с удержанием 5% заработной платы в доход государства ежемесячно (приговор № 1-1294/2023 1-237/2024 от 29 января 2024 г. по делу № 1-1294/2023; приговор № 1-58/2024 1-723/2023 от 22 января 2024 г. по делу № 1-58/2024).

Обратимся к другой проблематике соглашения об уплате алиментов, а именно к вопросу о попытках гражданина-должника намеренно вывести свое имущество из обладания, с целью сократить конкурсную массу и препятствовать восстановлению своей платежеспособности.

Так, как отмечено нами ранее, вопрос о размере алиментных платежей по алиментному соглашению отнесен законодателем на самостоятельное урегулирование сторон. Пункт 2 статьи 103 СК РФ устанавливает лишь нижний предел указанных платежей, а именно отсутствие возможности установить размер алиментов ниже, чем тот, который управомоченные лица могли бы получить при взыскании в судебном порядке. Исходя из особенности процедуры банкротства физических лиц в той части, что при определении размера требований кредиторов учитываются имущественные обязательства, вытекающие и из семейных правоотношений, должники могут целенаправленно заключить соглашение об уплате алиментов на сумму, которая носит явно завышенный и чрезмерный характер [15, с. 27].

Таким образом, наблюдается тенденция «мнимых соглашений» об уплате алиментов, что проявляется в цели их заключения – уклонение от обязанности по оплате долгов кредиторов.

Так, «мнимое соглашение» об уплате алиментов может быть признано недействительным на основании статей 101-102 СК РФ, статей 10, 168 ГК РФ [16]. Однако с введением в Федеральный закон от 26.12.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в 2015 году главы об оспаривании сделок должника, появился новый специальный правовой механизм оспаривания на основании статей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве [17].

Для признания соглашения об уплате алиментов недействительным необходимо доказать явно чрезмерный и завышенный характер алиментов по соглашению. Отметим, что в данном случае надо исходить из абсолютной величины денежных средств, которые были выделены ребенку, и если получившаяся сумма превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании, то соглашение признается недействительным именно в части такого превышения, но так или иначе, сохраняет свою силу в части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке [18].

О возможности оспаривания алиментного соглашения также прямо указано в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56, согласно которому внесудебное соглашение об уплате алиментов может быть признано недействительным по заявлению финансового управляющего, кредиторов должника, чьи требования признаны арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве, обоснованными и по размеру отвечают критерию, указанному в пункте 1 статьи 213.32 Закона о банкротстве, в той части, в которой предоставление, причитающееся получателю алиментов, превосходит его разумно достаточные потребности, чем причиняется ущерб интересам иных кредиторов [19]. Это обусловлено наблюдающимся смещением акцентов при обеспечении справедливого баланса интересов сторон алиментных и иных отношений, которое проявляется в соблюдении и обеспечении теперь не только «приоритетных» интересов управомоченного лица – получателя алиментов, но и третьих лиц, которые напрямую заинтересованы в удовлетворении их законных требований [3, с. 200].

Исходя из анализа судебной практики и научной литературы, можно выделить несколько основных признаков, которые свидетельствуют о недействительности соглашения об уплате алиментов, заключенного как в период до начала производства дела о банкротстве, так и непосредственно в рамках процедуры конкурсного производства:

1. Соглашение об уплате алиментов было заключено сторонами в период, когда у должника уже были явно выраженные признаки неплатежеспособности, имелись долги или иные денежные обязательства, которые не погашались в течение длительного времени. При этом, при нотариальном удостоверении такого соглашения, должник дает отрицательный ответ у нотариуса о наличии долгов и иных обязательств перед кредиторами, что свидетельствует об обмане со стороны плательщика алиментов (апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 09.09.2013 №33-10844/2013).

2. Наличие официально зарегистрированных семейных правоотношений между сторонами алиментного соглашения, то есть брака, или их фактическое совместное проживание, что расценивается судами как нетрадиционный подход к построению взаимоотношений внутри семьи, для которой не характерно заключение соглашения об уплате алиментов (апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 07.06.2017 по делу №33-11720/2017) [20, с. 16].

3. Явно завышенный размер алиментов, установленный соглашением, не отвечающий критериям разумности (постановление Тринадцатого арбитражного суда от 01.02.2022 №13АП-35618/2021 по делу №А56-37894/2020/сд.1).

4. Заключение алиментных соглашений в отношении лиц, которые не отвечают критерию нуждаемости, который отмечен в статье 95 СК РФ, как необходимый для заключения подобной сделки. Так, соглашение может быть направлено на выплату алиментных платежей в пользу членов семьи, которые, например, получают пенсию и иной доход, то есть отсутствует явная потребность в их дополнительной материальной поддержке.

5. Причинение вреда имущественным интересам кредиторов в результате заключения соглашения, обусловленного тем фактом, что будучи мнимое соглашение об уплате алиментов, содержащее условие о выплате несоразмерных сумм управомоченному лицу, увеличивает имущественные требования к должнику, которые подлежат приоритетному удовлетворению.

Таким образом, в силу особого семейно-правового положения гражданина-должника, важное значение в рамках конкурсного производства по делу о несостоятельности (банкротстве) физических лиц является оспаривание недействительных алиментных соглашений, заключаемых с целью вывести из конкурсной массы должника некоторое количество имущества, тем самым причиняя значительный ущерб интересам кредиторов.

Представляется, что в данных ситуациях необходимо создать эффективный правовой механизм, который будет способен препятствовать заключению подобных соглашений и позволит избежать в дальнейшем излишних процедур оспаривания финансовым управляющим таких сделок, что, в итоге, увеличит степень защищенности и гарантированности интересов других кредиторов, а также сократит сроки рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

В частности, следует рассмотреть возможность установления верхнего предела размера алиментных обязательств, который будет удовлетворять потребности управомоченных лиц, а также предусмотреть дополнительные обстоятельства, которые должен выяснить нотариус на этапе нотариального удостоверения алиментного соглашения. Например, наличие исполнительного производства в отношении плательщика алиментов, его доходы, факт состояния в браке и др. [20, с. 17].

Вывод

Рассмотренные вопросы, связанные с особенностями заключения соглашения об уплате алиментов как семейно-правового договора, которому свойственна амбивалентность в части сочетания гражданско-правовых и семейно-правовых начал, на современном этапе приобретает всю большую актуальность, что напрямую связано с укреплением межотраслевых связей института алиментирования с другими отраслями права.

Представляется, что законодательное урегулирование вопроса ответственности за ненадлежащее исполнение (неисполнение) соглашения об уплате алиментов, а также создание эффективного правового механизма в части исключения возможности его мнимости, позволит обеспечить баланс интересов сторон рассматриваемой сделки, тем самым гарантируя защиту их семейных и иных прав.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : официальный текст [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ от 05.10.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Ненашева, Д. М. Регулирование алиментных отношений по алиментному соглашению / Д. М. Ненашева // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Тула, 16–17 ноября 2023 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2023. – С. 267-272.
3. Ксенюхонтова, Д. С. Основные направления модернизации правового института алиментирования / Д. С. Ксенюхонтова // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 197-201.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Вишнякова А.В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. М. – 2008. – С. 65.
7. Гончаренко Е.В. Соглашения об уплате алиментов: правовая природа, соотношение иными договорами / Е.В. Гончаренко // Семейное и жилищное право. – 2006. – № 3. – С. 13 - 17.
8. Рафикова, О. О. Ответственность плательщика алиментов за несоблюдение алиментного соглашения / О. О. Рафикова // Новое слово в науке: стратегии развития : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21 декабря 2018 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2018. – С. 156-158.

9. Катунина, А. И. Особенности алиментного соглашения / А. И. Катунина // 25 лет гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частного правового развития : Материалы международной научно-практической конференции (с элементом школы молодого ученого), Тамбов, 29–30 ноября 2019 года. – Тамбов: Принт-Сервис, 2019. – С. 771-780.
10. Низамидинов, Р. Р. Семейно-правовая ответственность за нарушение алиментных обязательств при их уплате по соглашению / Р. Р. Низамидинов // Сборник трудов молодых ученых УВО «университет управления «ТИСБИ». – Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2020. – С. 205-207.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Огурцова, Е. С. Некоторые проблемы оспаривания соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве / Е. С. Огурцова // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 октября 2018 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. – С. 27-30.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 №48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Нохрина, М. Л. Признание мнимыми алиментных соглашений в судебной практике / М. Л. Нохрина // Нотариальный вестник. – 2023. – № 6. – С. 14-20.
21. Васильева, А. В. Семейное право : Учебное пособие для подготовки к аудиторным занятиям / А. В. Васильева. – Владивосток : Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 111 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation : official text [adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ dated 10/05/2022] // The official Internet portal of legal information. URL : <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Nenasheva, D. M. Regulation of alimony relations under an alimony agreement / D. M. Nenasheva // Socio-cultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and support : Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Tula, November 16-17, 2023. – Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2023, pp. 267-272.
3. Ksenofontova, D. S. The main directions of modernization of the legal institute of alimony / D. S. Ksenofontova // State and law. – 2022. – № 11. – pp. 197-201.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 No. 56 "On the application of legislation by courts when considering cases related to the recovery of alimony" // SPS "ConsultantPlus".
5. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // SPS "ConsultantPlus".
6. Vishnyakova A.V. Commentary on the Family Code of the Russian Federation. 2nd ed., Jr., 2008, p. 65.
7. Goncharenko E.N.V. Alimony agreements: legal nature correlated with other agreements / E.V. Goncharenko // Family and housing law. - 2006. – No. 3. - pp. 13-17.
8. Rafikova, O. O. Responsibility of the alimony payer for non-compliance with the alimony agreement / O. O. Rafikova // New word in science: development strategies : collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, December 21, 2018. Cheboksary: Limited Liability Company Center for Scientific Cooperation Interactive Plus, 2018, pp. 156-158.
9. Katunina, A. I. Features of the alimony agreement / A. I. Katunina // 25 years of the Civil Code of the Russian Federation: traditions and innovations of private law development : Proceedings of the international scientific and practical conference (with an element of the school of a young scientist), Tambov, November 29-30, 2019. Tambov: Print-Service, 2019, pp. 771-780.
10. Nizamidinov, R. R. Family and legal liability for violation of alimony obligations when they are paid by agreement / R. R. Nizamidinov // Proceedings of young scientists of the Higher Educational Institution of Higher Education "University of Management "TISBI". Kazan : TISBI University of Management, 2020, pp. 205-207.
11. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // SPS "ConsultantPlus".
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/27/2021 No. 6 "On certain issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses related to non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents" // SPS "ConsultantPlus".
13. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // SPS "ConsultantPlus".
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2022 No. 39 "On judicial practice in criminal cases of non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // SPS ConsultantPlus.
15. Ogurtsova, E. S. Some problems of challenging the alimony payment agreement in bankruptcy proceedings / E. S. Ogurtsova // LEGAL sciences, THE RULE OF LAW and MODERN LEGISLATION : collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Penza, October 10, 2018. Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.), 2018, pp. 27-30.
16. The Civil Code of the Russian Federation dated 11/30/1994 No. 51-FZ // SPS "ConsultantPlus".
17. On insolvency (bankruptcy) : Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002 // SPS "ConsultantPlus".
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/14/2012 No. 11-P // SPS "ConsultantPlus".
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2018 No. 48 "On some issues related to the specifics of the formation and distribution of bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens" // SPS "ConsultantPlus".
20. Nokhrina, M. L. Recognition of imaginary alimony agreements in judicial practice / M. L. Nokhrina // Notary Bulletin. – 2023. – No. 6. – pp. 14-20.

NFT- ЦИФРОВОЙ АКТИВ ИСКУССТВА NFT- DIGITAL ASSET OF ART

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»

ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

СУСЛОВ Владислав Антонович,

магистрант ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: vlad.suslov.01@bk.ru;

CHESNOKOVA Yulia V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law

Penza State University "Penza State University".

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

SUSLOV Vladislav Antonovich,

Master's student Penza State University "Penza State University".

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: vlad.suslov.01@bk.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу правового статуса NFT (невзаимозаменяемых токенов) как нового объекта гражданского оборота в контексте цифрового искусства. Авторами рассмотрены актуальные проблемы, связанные с отсутствием законодательного регулирования NFT в российском праве, предложены возможные пути решения. В статье подчеркивается, что NFT, будучи уникальным цифровым активом, созданным на основе блокчейн-технологий, не находит четкого отражения в действующем законодательстве, что создает правовую неопределенность для участников рынка. В статье анализируются различные подходы к определению токенов, включая их отнесение к категориям «иное имущество», «имущественные права» и «цифровые активы», а также рассматривается возможность приравнивания NFT к индивидуально-определенным вещам или результатам интеллектуальной деятельности. Особое внимание уделено вопросам защиты прав владельцев NFT и авторов цифрового искусства, а также необходимости внесения изменений в Гражданский кодекс РФ для закрепления правового статуса NFT. Указанные в статье рекомендации по совершенствованию правового регулирования невзаимозаменяемых токенов приведут к достижению положительного результата в рассматриваемой области.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the legal status of NFTs (non-interchangeable tokens) as a new object of civil circulation in the context of digital art. The authors consider current problems related to the lack of legislative regulation of NFT in Russian law, and propose possible solutions. The article emphasizes that NFT, being a unique digital asset created on the basis of blockchain technologies, is not clearly reflected in current legislation, which creates legal uncertainty for market participants. The article analyzes various approaches to the definition of tokens, including their categorization as "other property", "property rights" and "digital assets", and also considers the possibility of equating NFTs with individually defined things or the results of intellectual activity. Special attention is paid to the issues of protecting the rights of NFT owners and digital art authors, as well as the need to amend the Civil Code of the Russian Federation to consolidate the legal status of NFT. The recommendations mentioned in the article on improving the legal regulation of non-interchangeable tokens will lead to a positive result in the area under consideration.

Ключевые слова: цифровой актив, NFT, токен, интеллектуальная собственность, авторское право.

Key words: digital asset, NFT, token, intellectual property, copyright.

Для цитирования: Чеснокова Ю.В., Суслов В.А. NFT- цифровой актив искусства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 335-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_335.

For citation: Chesnokova Yu.V., Suslov V.A. NFT- digital asset of art // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 335-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_335.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

С каждым годом все больше и больше становится популярным новое течение искусства, а именно «цифровое искусство». В России, как и на международной арене, не существует законодательного определения данного термина, что дает «пищу» для размышления ученым, правоведам и практикующим юристам.

Большинство авторов склоняются к тому, что цифровое искусство – это результаты творческой деятельности, которые становятся доступными для широкой аудитории через их распространение в информационном пространстве.

В зависимости от метода возникновения творческого труда, объекты цифрового искусства подразделяются на два вида. Материальные произведения, которые были оцифрованы и размещены в цифровом поле, и объекты, которые были созданы с помощью кибертехнологий, существующие только в цифровой среде [1].

Новые технологии создают новые объекты гражданского оборота, а значит право должно не только регулировать данный оборот, но и защищать новые объекты. Это коснулось и сферы цифрового искусства.

В 2021 году новым трендом на арт-рынке стали так называемые NFT или невзаимозаменяемые токены. Появление необычного объекта искусства обязано технологии блокчейн.

NFT представляет собой уникальный цифровой актив, который сохраняется в распределенной базе данных, известной как блокчейн. В отличие от стандартных цифровых файлов, которые можно бесконечно копировать и распространять, каждый NFT обладает уникальными харак-

теристиками и не может быть заменен другим токеном или объектом.

Российское законодательство не содержит определение понятия NFT, что не удивительно, учитывая тот факт, что и определение понятия «токен» также не нашло свое отражение в российском законодательстве.

В силу отсутствия общей дефиниции, в научной и практической среде существует несколько подходов к решению данного вопроса. Ряд экспертов, в частности, Генкин А. С. и Гузев А. В., отождествляют понятие «цифровой актив» [2], закрепленный в Федеральном законе от 31.07.2020 г. №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], с понятием «токен».

Другие эксперты, такие как Судец И. В., считают, что токены очень схожи с ценными бумагами, ведь они предоставляют права на доход или участие в управлении [4].

Отсутствие единой, отраженной в законодательстве дефиниции является только частью проблемы. Трудность возникает и в определении места токенов среди объектов гражданского оборота.

Многие юристы относят «токен» к категории иного имущества в соответствии с объектами гражданского оборота, которые закреплены в ст.128 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) [5].

Считаем, что отнесение «токена» к категории «иное имущество», обусловлено следующими факторами. Во-первых, «токен» обладает рядом признаков данной категории, а именно нематериальностью и экономической ценностью. Во-вторых, из-за сложности самого объекта, законодателю, а главное, правоприменителю остается только выбрать ту категорию, к которой он более схож по своим признакам. Это позволяет регулировать токены в рамках существующего гражданского законодательства, не создавая отдельной правовой базы, что упрощает включение токенов в гражданский оборот.

Токены очень разнообразны, они могут выполнять различные функции и представлять разные права, что затрудняет их единое определение. Для разрешения данного вопроса необходим учет правовых, экономических и технологических аспектов.

Как уже отмечалось ранее, NFT – это невзаимозаменяемый токен. Понятие «невзаимозаменяемый» так же, как и понятие «токен», не известно российской правовой системе. Аналогичная ситуация и с понятием «взаимозаменяемый». Эти категории характерны общему праву, где они собственно и появились. Согласно законодательству США, взаимозаменяемые объекты — это объекты, которые взаимозаменяемы друг с другом и имеют одинаковую ценность. Каждая единица такого объекта идентична другой. Под невзаимозаменяемыми объектами понимаются объекты, которые не могут быть заменены на другие. Каждый такой объект имеет уникальные характеристики и ценность.

В российском гражданском праве существует классификация вещей на индивидуально-определенные и определенные родовыми признаками. Хотя действующий Гражданский кодекс РФ не содержит отдельной статьи, посвященной данным категориям, их упоминание можно найти в ряде таких статей, как 398, 807, 822 и 890 ГК РФ [5,6].

Считаем, что наиболее удачное определение этих категорий представлено в статье 33 Модельного Гражданского кодекса для государств – участников СНГ. Согласно данному документу, индивидуально-определенные вещи характеризуются уникальными свойствами, которые позволяют отличить их от других объектов [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. В то же время вещи, определяемые родовыми признаками, идентифицируются по общим критериям, таким как количество, вес, мера или иные параметры, присущие всем объектам данного вида [8].

Исходя из данных дефиниций, можно сделать вывод о том, что NFT можно отнести к категории индивидуально-определенных вещей. Однако невзаимозаменяемый токен сложно назвать вещью, ведь в привычном понимании данного слова, вещь – это что-то материальное, то, что существует в нашей действительности. В связи с этим, полагаем, что все-таки «токен», а в нашем случае и NFT, относится к «иному имуществу», а именно к цифровым правам.

В настоящее время невзаимозаменяемые токены активно используются для подтверждения прав на цифровые произведения искусства. Это технологическое решение позволяет зафиксировать уникальность цифрового актива и установить его принадлежность конкретному владельцу [9]. Многие эксперты и исследователи склонны рассматривать NFT как объекты интеллектуальной собственности, причем акцент делается не на самом цифровом произведении, а на токене как уникальном идентификаторе. Однако в контексте российского законодательства такая точка зрения не находит правового обоснования и может быть охарактеризована как ошибочная.

Согласно нормам ГК РФ, приобретение цифрового искусства не влечет за собой переход права собственности на него к покупателю. Российское законодательство проводит четкое разграничение между интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и имущественными правами на материальные носители, к которым относятся, в том числе, произведения искусства (например, живопись, скульптуры, дизайнерские работы). Данный принцип закреплен в статье 1227 ГК РФ, которая устанавливает, что интеллектуальные права не зависят от права собственности или иных вещных прав на материальный носитель, в котором выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Таким образом, при приобретении произведения искусства покупатель получает лишь имущественное (вещное) право на материальный носитель, в то время как исключительное право на использование, воспроизведение и распространение произведения сохраняется за его автором [1].

Применительно к NFT это означает, что приобретение токена не предоставляет его владельцу исключительных прав на цифровое произведение. Покупатель NFT становится обладателем лишь самого токена как цифрового актива, но не получает прав на коммерческое использование или воспроизведение связанного с ним произведения. Исключительные права остаются за создателем произведения, что соответ-

ствуется принципам защиты интеллектуальной собственности, установленным российским законодательством [10].

Таким образом, можно констатировать, что на текущий момент владельцы такого вида цифрового искусства не имеют законодательно закрепленных прав на использование приобретенных объектов. В частности, «они не могут извлекать коммерческую прибыль от их использования, например, создавая товары с изображением этих произведений для дальнейшей продажи или организуя платные выставки в виртуальных галереях» [9]. Такая правовая неопределенность серьезно ограничивает интересы участников цифрового рынка, что подчеркивает необходимость внедрения правовых норм, регулирующих статус NFT как технологии, способной подтверждать права на объекты в цифровой среде [11].

Для устранения такой правовой неопределенности будет целесообразным внести соответствующие изменения в действующее законодательство, в частности, в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Одним из возможных решений является закрепление в ГК РФ определения понятия «невзаимозаменяемый токен» (NFT), а также включение его в перечень результатов интеллектуальной деятельности. Данные предложения нашли свое отражение в Законопроекте № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Ошибка! Источник ссылки не найден.2]. Согласно тексту законопроекта, предлагается дополнить статью 1225 ГК РФ следующим определением: «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива (изображений, видео или иного цифрового контента, или актива) в виде невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра (блокчейн)».

Кроме того, разумным будет считаться включение невзаимозаменяемых токенов в закрытый перечень результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, что создаст правовые основания для их признания и защиты в цифровой среде. Полагаем, что подобные инициативы позволят обеспечить правовую защиту владельцев NFT, которые в настоящее время сталкиваются с рисками мошенничества и отсутствием четкого регулирования их прав. Будем надеяться, что в самое ближайшее время будут решены все вопросы, касающиеся правового статуса токенов, а в частности невзаимозаменяемых токенов.

Список литературы:

1. Галлямова А. А. Цифровое искусство и NFT. Правовая неопределенность // Право и политика. – 2024. – № 1. – С. 23 – 36.
2. Генкин А. С., Михеев А. А. Блокчейн для всех: Как работают криптовалюты, BaaS, NFT, DeFi и другие новые финансовые технологии / Генкин А. С., Михеев А. А. – М.: Альпина Паблишер. – 2023. – 588 с.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 06.08.2020. – № 31. – Ст. 5018.
4. Никонova Н. А. Новые нематериальные активы в виде цифровых активов и цифровых прав в современной экономике // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – С. 213 – 217.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 08.12.1994. – № 32. – Ст. 3031.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 10.02.1996. – № 5. – Ст. 410.
7. Модельный Гражданский кодекс для государств — участников СНГ (часть первая) от 29.10. 1994. // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. – 21.10.1994. – № 6.
8. Махмутова А.З. NFT-произведения как инструменты цифрового искусства: взгляд сквозь призму гражданского права // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 26. – С. 94-106.
9. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики – 2021. Вып. 17: ежегодник-антология. /рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут. – 2021. – С. 10-68.
10. Катханова Ю. Ф., Кoryгин А. И. Влияние цифровых технологий на искусство // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2-1. – С. 222 – 231.
11. Кулакова О.В. Non-Fungible Token и правовое регулирование предметов искусства в цифровом пространстве // Журнал Суда по интеллектуальным права. – 2022. – № 36 (2). – С. 141-151.
12. Система обеспечения законодательной деятельности «Законопроект № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8>. (дата обращения 12.03.2025).

References:

1. Gallyamova A. A. Digital art and NFT. Legal uncertainty // Law and Politics. – 2024. – No. 1. – pp. 23-36.
2. Genkin A. S., Mikheev A. A. Blockchain for everyone: How cryptocurrencies, BaaS, NFT, DeFi and other new financial technologies work / Genkin A. S., Mikheev A. A. – M.: Alpina Publisher. – 2023. – 588 p.
3. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 10/25/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 08/06/2020. – No. 31. – Art. 5018.
4. Nikonova N. A. New intangible assets in the form of digital assets and digital rights in the modern economy // Bulletin of Science. – 2024. – № 5 (74). – Pp. 213-217.
5. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 10/31/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 08.12.1994. – № 32. – Art. 3031.
6. The Civil Code of the Russian Federation (Part two) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 12/13/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 02/10/1996. – No. 5. – Art. 410.
7. Model Civil Code for the CIS Member States (Part one) dated 29.10. 1994. // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. – 21.10.1994. – № 6.
8. Makhmutova A.Z. NFT-works as tools of digital Arts: a look through the prism of civil law // Issues of Russian justice. – 2023. – No. 26. – pp. 94-106
9. Rozhkova M.A. Categories of "digital law", "digital rights" and "digital currency" in Russian law // Law of the digital economy – 2021. Issue 17: yearbook-anthology. / hands. and scientific editorship by M. A. Rozhkov. – M.: Statute. – 2021. – pp. 10-68.
10. Katkhanova Yu. F., Korygin A. I. The influence of digital technologies on art // Teacher of the XXI century. – 2024. – № 2-1. – pp. 222-231.
11. Kulakova O.V. Non-Fungible Token and the legal regulation of art objects in the digital space // Journal of the Intellectual Property Court. – 2022. – № 36 (2). – Pp. 141-151
12. Legislative support System "Draft Law No. 126586-8 "On Amendments to Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource] – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8>. (accessed 12.03.2025).

ФУНКЦИИ ПАТЕНТА КАК ПРАВОВОЙ ФОРМЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ THE FUNCTIONS OF A PATENT AS A LEGAL FORM OF PROTECTION INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

ГАРКУША Ирина Владиславовна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Таганрогский институт управления и экономики.

347900, Россия, Ростовская обл., г. Таганрог, Петровская ул., 45.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

GARKUSHA Irina Vladislavovna,

Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure,
Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в современном мире термин «патент» обозначает исключительные права на изобретение, промышленный образец или полезную модель. Патент не только подтверждает авторство на конкретное изобретение, но и устанавливает приоритет прав его владельца. Иными словами, оформление патента создает монополию на определенную разработку в рыночной среде. В настоящей статье автор рассматривает функции патента как правовой формы охраны объектов интеллектуальной собственности.

Abstract: in the modern world, the term «patent» refers to the exclusive rights to an invention, industrial design, or utility model. A patent not only confirms the authorship of a particular invention, but also establishes the priority of the rights of its owner. In other words, the registration of a patent creates a monopoly on a certain development in a market environment. In this article, the author considers the functions of a patent as a legal form of intellectual property protection.

Ключевые слова: патент, функции, правовая форма, охрана, объекты интеллектуальной собственности.

Keywords: patent, functions, legal form, protection, intellectual property objects.

Для цитирования: Гаркуша И.В. Функции патента как правовой формы охраны объектов интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 338-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_338.

For citation: Garkusha I.V. The functions of a patent as a legal form of protection intellectual property objects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 338-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_338.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Понятие «патент» происходит от латинского слова «patere», что переводится как «открытый, ясный, очевидный» [5]. В современном мире этот термин обозначает исключительные права на изобретение, промышленный образец или полезную модель [2]. Патент не только подтверждает авторство на конкретное изобретение, но и устанавливает приоритет прав его владельца. Иными словами, оформление патента создает монополию на определенную разработку в рыночной среде. Это означает, что никто не имеет права использовать, производить или продавать данное изобретение в коммерческих целях без согласия патентообладателя. Таким образом, патент служит защитой интеллектуальной собственности, позволяя изобретателям и разработчикам получать финансовые выгоды от своих трудов и инноваций. Патентная система играет ключевую роль в стимулировании научных исследований и технологического прогресса, обеспечивая баланс между интересами создателей и общества в целом.

Патент – это «документ, удостоверяющий приоритет, авторство на конкретный объект промышленной собственности, а также исключительное право на его использование» [6, с. 717].

В Российской Федерации признаны исключительные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, которые подтверждаются патентами, выданными федеральным органом исполнительной власти, отвечающим за интеллектуальную собственность. Также действуют патенты, которые имеют юридическую силу на территории страны в соответствии с международными договорами, подписанными Российской Федерацией. Это создает правовую основу для защиты интеллектуальной собственности и способствует развитию инновационной деятельности [3].

Функции патента играют ключевую роль в обеспечении защиты объектов промышленной собственности. Они позволяют патентообладателю не только защищать свои права на охраняемые объекты, но и эффективно использовать их, а также распоряжаться своими исключительными правами.

Анализируя результаты, полученные благодаря применению патентов на объекты интеллектуальной собственности, можно выделить ключевые направления правового воздействия патента на общественные отношения (его функции), которые направлены на обеспечение стабильности и создание условий для эффективной реализации прав патентообладателей, а также их надежной защиты. Положительный характер этих функций патента нельзя недооценивать, поскольку именно они составляют основу его существования и значимости в правовой системе.

Основное гражданско-правовое влияние патента на общественные отношения заключается в запрете использования соответствующего объекта всеми участниками гражданского оборота без надлежащего разрешения от патентообладателей или уполномоченных государственных органов. Это подчеркивает важнейшую гражданско-правовую функцию патента. Однако стоит отметить, что функции патента являются многогранными и взаимосвязанными, порой пересекаясь между различными отраслями. Поэтому для глубокого понимания их воздействия необходимо проводить системный анализ, который позволит рассмотреть каждое направление правового влияния патента в контексте его взаимосвязи с другими элементами.

С определенной долей условности можно выделить две ключевые функции патента: регулятивную и охранительную. Эти функции играют

центральную роль в процессе введения результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот, особенно в области науки и технологий.

Регулятивная функция патента проявляется в различных сферах общественных отношений.

Во-первых, она определяет правовой статус патентообладателей и авторов охраняемых результатов, созданных с использованием инновационных технологий в научно-технической области.

Во-вторых, эта функция также проявляется в административных правоотношениях и зависит от компетенции государственных органов, которые занимаются регистрацией и выдачей патентов, а также управлением принудительными лицензиями. Она охватывает регулирование лицензионных соглашений, договоров об отчуждении прав на получение патента и исключительных прав, а также оформление перехода этих прав к наследникам.

Охранительная функция патента заключается в том, что государство обеспечивает патентообладателю защиту его прав, позволяя ему предотвращать и пресекать действия, которые могут угрожать его интересам. Это включает в себя ситуации, когда результаты интеллектуальной деятельности могут противоречить общественным социальным интересам или принципам гуманности и морали. Таким образом, государство защищает права патентообладателей, используя законные механизмы, такие как наложение санкций и предоставление компенсаций за причиненный ущерб.

Из изложенного следует, что правовое воздействие патента связано с его гарантийной функцией, основанной на принципе, закрепленном в Конституции Российской Федерации: человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность, а их признание, соблюдение и защита – это обязанность государства [1]. Однако это не означает, что патент является абсолютно неприкосновенным и не подлежит оспариванию. Информация, содержащаяся в патенте, считается верной до тех пор, пока не будет представлено доказательство обратного. Таким образом, гарантийная функция патента активно применяется в контексте защиты конституционных прав и свобод граждан.

Распределительная функция патента заключается в том, что этот документ определяет границы действия интеллектуальных прав участников соответствующих общественных отношений. С одной стороны, он подтверждает приоритет результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической области и защищает личное неимущественное право автора (право авторства). С другой стороны, патент предоставляет его обладателю исключительное право самостоятельно решать, разрешать или запрещать другим лицам использование объекта промышленной собственности или инновационной технологии, что позволяет ему осуществлять контроль над своим исключительным правом.

Распределительная функция патента также находит свое отражение в ситуациях соавторства. После завершения совместной творческой работы участники коллектива подписывают соглашение, в котором четко обозначают объем личного вклада каждого соавтора в итоговый результат интеллектуальной деятельности. Это позволяет обеспечить прозрачность и справедливость в распределении прав и обязанностей между соавторами, а также защитить их интересы в рамках общего проекта.

Следующая функция патента проявляется в формировании ресурсной базы объектов промышленной собственности или инновационных технологий, используемой участниками гражданского оборота. Такая база уже давно известна мировому сообществу в качестве основного способа коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, который обеспечивает монополию внедрения инновационных технологий в производственные сферы и тем самым способствует созданию и реализации новых товаров и услуг, поднимая их на более высокий уровень за счет интеллектуальной составляющей.

Однако в России диффузия инновационных технологий в товарно-денежные отношения характеризуется слабой активностью. Причин этому много, в том числе и юридических. Вместе с тем можно признать, что низкая востребованность интеллектуальных ресурсов и их неэффективное использование явно не способствуют повышению экономической мощи Российской Федерации.

Практика показывает, что данная функция патента находится в системной связи с его трансферабельной функцией, возникающей на основании лицензионного договора и обеспечивающей частичную передачу исключительного права от одного патентообладателя к другому. При отчуждении патента указанная функция выражается в полной передаче исключительного права как на запатентованный объект промышленной собственности или инновационной технологии, селекционное достижение, так и на сам патент как имущество, в результате чего появляется новый патентообладатель.

Юридический факт выдачи принудительной лицензии служит основанием для возникновения особой функции патента, потому что в этом случае право использования объекта промышленной собственности или инновационных технологий, селекционных достижений приобретает по решению суда, то есть вопреки воле патентообладателя. С нашей точки зрения, в указанных ситуациях проявляется такая функция патента, как поддержание баланса частных и публичных интересов, поскольку частное заинтересованное лицо приобретает право использовать результат интеллектуальной деятельности на основании акта судебной власти, в котором выражена публичная воля, регулирующая определенную сферу общественных отношений.

Доказательственная функция патента имеет ключевое значение в ситуациях споров, поскольку права, закрепленные за патентообладателем, считаются неоспоримыми до тех пор, пока не будет представлено убедительное доказательство обратного. Это создает надежную правовую основу, позволяя защитить интересы владельца патента и упрощая разрешение возможных конфликтов.

Учетная функция патента проявляется в том, что на его основе осуществляется статистический учет сведений о числе и видах запатентованных объектов промышленной собственности или инновационных технологий, селекционных достижений, ведется персональный реестр патентообладателей и авторов, которым при наличии соответствующих результатов интеллектуальной деятельности предоставляются определенные льготы и присваиваются почетные звания (например, «Заслуженный изобретатель Российской Федерации»).

Подтверждая права обладателя патента, учетная функция тем самым обеспечивает легитимность совершаемых гражданско-правовых

сделок. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что патенту присуща и легитимационная функция, которая не только удостоверяет законность совершаемых на основе патентов сделок, но и подтверждает принадлежность прав конкретному субъекту, предоставляя ему возможность распоряжаться исключительным правом.

Стимулирующая функция патента вдохновляет людей на исследования, создание новых изобретений и творческую деятельность в области инновационных технологий, селекции, а также на общественное признание их авторства и достижений.

Историческая функция патента позволяет проследить генезис развития научной и технологической мысли, а также эволюцию нормативной правовой базы, регулирующей получение патента и распоряжение интеллектуальными правами.

Оценочная (измерительная) функция патента способствует определению рыночной стоимости объекта промышленной собственности, инновационных технологий, селекции. Эта функция необходима при заключении лицензионного договора или передаче (отчуждении) исключительных прав, поскольку на ее основе определяется цена сделки.

Обеспечительная функция патента проявляется при залоге исключительных прав на защищенные патентом объекты, которые являются результатом интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере.

Завершая анализ функций патента, следует отметить, что приведенный выше перечень нельзя признать закрытым, так как стремительное развитие научно-технического прогресса открывает не только новые сферы использования уже известных результатов интеллектуальной деятельности, но и предлагает инновационные объекты, которые, вне всякого сомнения, расширяют эксклюзивные возможности распоряжения исключительными правами на запатентованные объекты.

Более того, как уже сказано, функции патента довольно часто носят межотраслевой характер: они применяются не только частными, но и публичными лицами.

Таким образом, области патентной охраны прав на новые объекты систематически обновляются.

Итак, одним из актуальных вызовов современности является необходимость решения вопроса о том, как предоставить патентообладателям эффективную охрану их прав в превентивном порядке, то есть еще до того, как их имущественная сфера пострадает в результате действий недобросовестных конкурентов.

Подводя итог изложенному, отметим, что «эффективность патента проверена его многолетним использованием в качестве основного юридического инструмента, опосредующего передачу или отчуждение исключительных прав либо определяющего правовой режим объектов промышленных прав. В течение всего этого периода времени совершенствовались форма и содержание патента, уточнялась процедура его выдачи и учета» [4, с. 24].

Обладая специфическими свойствами и выполняя ряд функций, патенты предоставляют их обладателям возможность участвовать в унификации экономических процессов, использовать объекты промышленной собственности и распоряжаться правами на них. Кроме того, патенты создают побудительные мотивы деятельности и структурируют взаимодействие участников гражданского оборота в сфере инновационных технологий любой правовой системы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Вышинский Е.И., Баранов Ю.С. Патентная защита как способ защиты собственности. – Текст: непосредственный // Студенческий. – 2020. – № 21 – 4 (107). – С. 9 – 11.
3. Каюмова А.С. Патент и коммерческая тайна как инструменты охраны интеллектуальной собственности. – Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Минск, 2023. – С. 55 – 58.
4. Курс по праву интеллектуальной собственности. — Новосибирск: Сибирское университетское издательство, Норматика, 2024. – 119 с. – ISBN 978-5-4374-0216-0. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/65224.html> (дата обращения: 11.03.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.
5. Мозговых А.Д. Понятие и общая характеристика патента. – Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 115 – 8. – С. 81 – 84.
6. Российское гражданское право. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.]; под редакцией Е.А. Суханов. – Москва: Статут, 2022. – 960 с. – ISBN 978-5-8354-1000-2. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/29318.html> (дата обращения: 11.03.2025). – Режим доступа: для авторизир. пользователей.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 03/14/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, with taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation introduced by federal constitutional laws No. 5-FKZ dated 04.10.2022, No. 6-FKZ dated 04.10.2022, No. 7-FKZ dated 04.10.2022, No. 8-FKZ dated 04.10.2022). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (date of reference: 03/11/2025).
2. Vyshinsky E.I., Baranov Yu.S. Patent protection as a way to protect property. – Text: direct // Student's. – 2020. – № 21 – 4 (107). – Pp. 9-11.
3. Kayumova A.S. Patent and trade secret as instruments of intellectual property protection. – Text: direct // Intellectual property in the modern world: challenges of the time and development prospects. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference: at 3 a.m. – Minsk, 2023. – pp. 55-58.
4. Course on intellectual property law. Novosibirsk: Siberian University Publishing House, Normatika, 2024. 119 p. ISBN 978-5-4374-0216-0. Text: electronic // IPR SMART digital educational resource: [website]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/65224.html> (date of request: 03/11/2025). – Access mode: for authorization. users.
5. Mozgovykh A.D. The concept and general characteristics of a patent. – Text: direct // Trends in the development of science and education. – 2024. – № 115 – 8. – Pp. 81-84.
6. Russian civil law. Volume I. The general part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights: textbook / V.S. Em, I.A. Zenin, N.V. Kozlova [et al.]; edited by E.A. Sukhanov. – Moscow: Statute, 2022. – 960 p. – ISBN 978-5-8354-1000-2. – Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/29318.html> (date of request: 03/11/2025). – Access mode: for authorization. users.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА THE LEGAL NATURE AND FEATURES OF THE BANK DEPOSIT AGREEMENT

ПОРТНОВА Елена Витальевна,

доцент кафедры частного и публичного права юридического института
Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная 40.
E-mail: elena_v_portnova@rambler.ru;

PORTNOVA Elena V.,

Associate Professor, Department of Private and Public Law, Institute of Law, Penza State University,
Candidate of Law, Associate Professor.
40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation.
E-mail: elena_v_portnova@rambler.ru

Краткая аннотация. Современное развитие финансового рынка, характеризующееся бумом инноваций, требует не только адаптации, но и опережающего развития нормативно-правовой базы. Утверждение о необходимости комплексного подхода к трансформации денежно-кредитной сферы, безусловно, справедливо. Разрозненные нормативные акты, не успевающие за стремительным развитием технологий и финансовых инструментов, создают правовой вакуум, который, в свою очередь, порождает риски для стабильности финансовой системы и инвесторов. До сих пор представляется весьма актуальным выявление правовой сущности договора банковского вклада, которая основана на определении понятия и признаков данного договора, его отграничении от иных видов гражданско-правовых договоров, что объясняет актуальность исследуемой темы.

Abstract. The modern development of the financial market, characterized by a boom in innovation, requires not only adaptation, but also rapid development of the regulatory framework. The statement about the need for an integrated approach to the transformation of the monetary sphere is certainly true. Disparate regulations that do not keep pace with the rapid development of technology and financial instruments create a legal vacuum, which, in turn, creates risks for the stability of the financial system and investors. It still seems very relevant to identify the legal essence of the bank deposit agreement, which is based on the definition of the concept and features of this agreement, its differentiation from other types of civil law contracts, which explains the relevance of the topic under study.

Ключевые слова: банковский вклад, финансовая система, банк, кредитная организация, вкладчик.

Key words: bank deposit, financial system, bank, credit institution, depositor.

Для цитирования: Портнова Е.В. Правовая природа и особенности договора банковского вклада // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 341-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_341.

For citation: Portnova E.V. The legal nature and features of the bank deposit agreement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 341-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_341.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Для более глубокого понимания договора банковского вклада необходимо рассмотреть его ключевые характеристики и отличия от смежных правовых институтов. Хотя ГК РФ приравнивает банковский вклад к депозиту, важно понимать нюансы этого отождествления. Депозит – это более общее понятие, охватывающее передачу вещи на хранение или в обеспечение обязательства. Банковский вклад же является специфической формой депозита, регулируемой не только общими нормами Гражданского кодекса о депозите, но и специальным законодательством, а первую очередь, ФЗ «О банках и банковской деятельности»; это обстоятельство обуславливает наличие у договора банковского вклада ряда уникальных особенностей [1, с. 138].

К числу важных характеристик договора банковского вклада следует отнести его реальность, односторонний характер и возмездность. Реальный характер договора означает, что договор считается заключенным только с момента фактической передачи денежных средств банку. Простая договоренность о внесении вклада не создает правоотношений. Важно отметить, что передача может осуществляться различными способами: наличными, безналичным переводом, через платежные системы. Критичным является момент зачисления средств на счет вкладчика в банке, подтверждаемый соответствующей банковской выпиской [2, с. 99].

Односторонность договора проявляется в том, что основные обязательства по договору лежат на банке. Банк обязуется хранить денежные средства вкладчика и выплатить ему сумму вклада с процентами в установленный срок. Вкладчик же, в свою очередь, предоставляет банку право использовать его средства, как правило, для осуществления банковских операций, приносящих прибыль.

Вместе с тем односторонность не означает пассивности вкладчика. Он имеет право распоряжаться своим вкладом в рамках условий договора, например, частично снимать средства, пополнять вклад, изменять условия договора (при наличии такой возможности). Действия вкладчика, связанные с управлением своим счетом, не меняют суть одностороннего характера договора.

Возмездность договора обусловлена выплатой банком процентов вкладчику за использование его денежных средств. Размер процентов устанавливается договором и зависит от различных факторов, таких как сумма вклада, срок, тип вклада (срочный, до востребования) и рыночная конъюнктура. Важно отметить, что возмездность договора не ограничивается только выплатой процентов. Банк также предоставляет вкладчику дополнительные услуги, например, выдачу банковских карт, доступ к интернет-банку, возможность осуществления платежей и переводов. Все эти услуги, хотя и могут быть неявными, также являются составляющими возмездности договора.

Пункт 1 ст. 834 ГК РФ определяет в качестве сторон договора банковского вклада вкладчика и банк [3]. Следует особо подчеркнуть,

что сторону, принявшую вклад, законодатель обозначает в качестве банка, несмотря на то что нормы главы 44 ГК РФ применяются не только к банкам, а также к кредитным организациям, не имеющим статус банка, но уполномоченным принимать вклады юридических лиц. Следовательно, законодатель использует термин «банк» в том числе и в отношении небанковских кредитных организаций, что с точки зрения терминологии не является правильным.

Проблема терминологической неточности ГК РФ, указывающего на банк как на одну из сторон договора банковского вклада, действительно заслуживает детального рассмотрения. Законодатель, используя термин «банк», расширяет его значение, включая в него небанковские кредитные организации, уполномоченные принимать вклады юридических лиц, что создает определенную юридическую неопределенность и может приводить к трудностям в правоприменении.

Неточность кроется в самом определении договора банковского вклада. Термин «банк» традиционно ассоциируется с кредитной организацией, обладающей банковской лицензией, позволяющей осуществлять широкий спектр банковских операций, включая привлечение средств во вклады физических и юридических лиц. Небанковские кредитные организации, хотя и могут принимать вклады юридических лиц, имеют более ограниченный спектр деятельности и, следовательно, не обладают всеми атрибутами классического банка [4, с. 236].

Статья 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» устанавливает четкое различие между банками и небанковскими кредитными организациями, подчеркивая монополию банков на осуществление полного спектра банковских операций [5]. Подобная монополия, выраженная в праве совершать триаду основных банковских операций – привлечение денежных средств физических и юридических лиц, размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет, и осуществление расчетов, – является ключевым элементом, определяющим статус банка как универсальной кредитной организации. Исключительное право на совершение этих операций в совокупности наделяет банки особым статусом и предполагает более жесткий государственный надзор за их деятельностью, направленный на обеспечение стабильности всей финансовой системы. Напротив, НКО обладают ограниченным спектром прав. Законодатель не предоставляет им права самостоятельно определять, какие банковские операции они могут совершать.

Применение термина «банк» к небанковским кредитным организациям в контексте договора банковского вклада может приводить к двум основным проблемам. Так, прежде всего, это создает путаницу в правовом поле, затрудняя понимание правового статуса участников договора. Юридическое лицо, вкладывающее средства в небанковскую кредитную организацию, может ошибочно полагать, что договор регулируется нормами, предназначенными исключительно для договоров с банками, игнорируя специфические особенности работы с небанковскими организациями.

Кроме того, такая терминология может приводить к искажению правовых последствий. Так, например, в случае банкротства небанковской кредитной организации, применение норм, разработанных для банковских банкротств, может быть некорректным и неэффективным. Специфика деятельности небанковских кредитных организаций требует отдельного подхода к процедурам банкротства и защите прав вкладчиков [6, с. 209].

Для устранения данной неточности предлагается несколько вариантов. Наиболее радикальным является пересмотр ст. 834 ГК РФ и замена термина «банк» на более точный и всеобъемлющий термин, например, «кредитная организация, имеющая право принимать вклады». Это позволит избежать двусмысленности и четко определить круг субъектов, участвующих в договоре банковского вклада.

Альтернативным вариантом может быть дополнение статьи 834 ГК РФ разъяснением, которое бы конкретизировало использование термина «банк» в данном контексте, указав, что под ним понимаются как банки, так и небанковские кредитные организации, имеющие право принимать вклады юридических лиц. Однако такой подход, хотя и более простой в реализации, все же не избавит от некоторой терминологической неясности [7, с. 699].

В любом случае, необходимо обеспечить четкое и однозначное определение сторон договора банковского вклада, избегая использования терминов, допускающих различное толкование. Необходимо стремиться к ясности и прозрачности законодательства, чтобы избежать потенциальных конфликтов и обеспечить надежную защиту прав участников финансовых отношений.

К существенным условиям договора банковского вклада относятся, в первую очередь, его предмет, а также условия, названные таковыми в ст. 842 ГК РФ, а также являющиеся необходимыми для этого договора согласно ст. 844.1 Гражданского кодекса [8, с. 138].

Договор банковского вклада, как уже упомянуто, может быть заключен на различных условиях возврата вклада. Законодательство, хоть и предоставляет определенную свободу банкам в установлении условий договоров банковского вклада, оставляет значительные пробелы, которые приводят к информационной асимметрии между банком и клиентом. Отсутствие четкой характеристики дополнительных возможностей существенно ограничивает права вкладчиков и затрудняет выбор наиболее подходящего продукта.

Вклад до востребования характеризуется максимальной гибкостью. Вкладчик имеет право в любой момент получить свои средства, обратившись в банк. Однако за эту гибкость приходится платить – процентная ставка по таким вкладам, как правило, существенно ниже, чем по срочным вкладам. Банк, принимая вклад до востребования, несет повышенные риски, так как не может точно прогнозировать отток средств. Поэтому для компенсации этих рисков и предлагается более низкая доходность.

В договоре обязательно должны быть прописаны сроки и порядок выдачи средств, а также возможные ограничения на минимальную сумму остатка на счете. Так, например, банк может установить минимальную сумму, которая должна оставаться на счете, или же ввести комиссию за снятие средств ниже определенного лимита. Кроме того, в договоре должны быть указаны порядок уведомления клиента о каких-либо изменениях условий обслуживания, включая изменение процентной ставки.

В случае срочного вклада вкладчик соглашается на хранение средств в банке в течение определенного периода времени, указанного в договоре. По истечении этого срока банк обязуется вернуть вкладчику сумму вклада вместе с начисленными процентами. Процентная ставка по срочным вкладам, как правило, выше, чем по вкладам до востребования, так как банк имеет возможность использовать эти средства для инвестиций и получения прибыли в течение всего срока действия договора. Срок вклада может варьироваться от нескольких дней до нескольких лет, и чем дольше срок, тем, обычно, выше процентная ставка. Вместе с тем преждевременное снятие средств со срочного вклада, как правило, влечет за собой потерю части начисленных процентов, а иногда и штрафные санкции, прописанные в договоре. В договоре должны быть четко указаны условия досрочного расторжения, размер процентов, которые будут начислены в этом случае, и порядок возврата средств.

Безотзывный вклад, по сути, представляет собой разновидность срочного вклада, но с усиленной защитой прав вкладчика. Ключевое отличие заключается в невозможности досрочного расторжения договора со стороны вкладчика без согласия банка. В стандартном срочном вкладе вкладчик, хоть и теряет часть процентов, может забрать свои деньги до истечения срока, тогда как безотзывный вклад предполагает полную фиксацию средств на весь срок действия договора, что гарантирует банку стабильный приток средств на определенный период, позволяя ему более эффективно управлять ликвидностью и планировать инвестиционные стратегии. Взамен за ограничение возможности досрочного снятия средств, банк мог бы предложить вкладчику более высокую процентную ставку, чем по обычным срочным вкладам. Это стало бы серьезным стимулом для привлечения долгосрочных инвестиций, особенно со стороны консервативных инвесторов, предпочитающих надежность и предсказуемость. Введение такого продукта могло бы способствовать развитию долгосрочного кредитования в экономике, так как банки получили бы доступ к более дешевым и стабильным ресурсам [9, с. 144].

Однако, внедрение безотзывных вкладов требует тщательной проработки правовой базы. Необходимо определить механизмы защиты прав вкладчиков в случае банкротства банка, а также установить четкие правила и условия заключения таких договоров. Например, нужно определить минимальный срок действия безотзывного вклада, предусмотреть возможность частичного изъятия средств в исключительных случаях (например, при предоставлении документального подтверждения необходимости в средствах для лечения или чрезвычайной ситуации), а также установить порядок расчета процентов при досрочном расторжении договора по инициативе банка (например, в случае банкротства). Кроме того, важно обеспечить прозрачность условий договора, исключив возможность недобросовестных практик со стороны банков.

Отдельное внимание законодатель уделяет детальной регламентации информации о процентных ставках в договоре банковского вклада, стремясь обеспечить прозрачность и предотвратить возможные споры между банком и клиентом. Указание процентной ставки (ставок) в таблице, являющейся неотъемлемой частью договора, является ключевым моментом. Законодательство не ограничивается лишь общим указанием ставки, а требует раскрытия всех нюансов, влияющих на ее изменение или применение [10, с. 111].

Так, в случае вклада с фиксированной процентной ставкой, она указывается в годовых процентах и должна оставаться неизменной на протяжении всего срока действия договора, что гарантирует клиенту предсказуемость доходности и позволяет точно рассчитать будущую сумму накоплений.

Изменение такой ставки в одностороннем порядке банком, как правило, запрещено, за исключением случаев, прямо предусмотренных договором и законодательством (например, в случае форс-мажорных обстоятельств, заранее оговоренных в договоре) [12, с. 48]. Важно отметить, что «постоянная» процентная ставка не означает абсолютную неизменность – она фиксируется на момент заключения договора и не может быть изменена банком в одностороннем порядке без согласия вкладчика, кроме случаев, прямо предусмотренных законодательством или договором. Вместе с тем, если обратиться к практической реализации норм права в банковской деятельности, то можно увидеть использование различных путей для установления и изменения процентной ставки, например, изменение ставки может быть поставлено в зависимость от срока вклада.

В приведенном примере таблица должна отражать сведения обо всех существующих ставках с обязательным указанием соответствующих периодов. Так, данную информацию можно представить в виде развернутого графика, таблицы или в иной форме, доступной клиенту и позволяющей без труда определить процентную ставку для любого периода договора банковского вклада. Как вариант, процентная ставка по вкладам на более длительный срок может быть выше, чем по краткосрочным вкладам, тем самым побуждая потенциальных клиентов к долгосрочному сотрудничеству.

В том случае, если процентная ставка ставится в зависимость от суммы вклада, таблица должна отражать несколько градаций суммы вклада и соответствующие им ставки. Так, банк может устанавливать повышенные ставки для больших сумм вклада с целью реализации принципа экономии масштаба для банка [12, с. 114]. Вместе с тем в данном случае очень важно определить четкие границы сумм вклада с тем, чтобы переход между градациями был прозрачен для клиента, поскольку любые неясности в формулировках потенциально являются почвой для возникновения споров и конфликтов между сторонами сделки.

Кроме того, банк может устанавливать зависимость процентной ставки от рыночной конъюнктуры. При этом в договор банковского вклада необходимо включать четкое описание механизма пересчета процентной ставки, а также указание на применяемый индекс и другие параметры, влекущие ее изменение.

В заключении представляется возможным сделать вывод о том, что договор банковского вклада является автономным гражданско-правовым договором, обладающим собственной спецификой. Ключевое отличие договора банковского вклада от иных договоров видится в обязательстве банка или иной кредитной организации по открытию и ведению счета по вкладу.

Список литературы:

1. Попова Л.И. Степанов Д.В. Понятие и правовая природа банковского вклада // Юридический вестник Дагестанского юридического университета. 2023. № 4 (68). С. 137-141.
2. Сукаева А. С., Старцева С. В. Понятие и особенности договора банковского вклада // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №12-5. С.99-101.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 5. - Ст. 41.
4. Афанасьев А. Б. Стороны договора банковского вклада // Пермский юридический альманах. 2022. №5. С.236-248.
5. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.12.2024) "О банках и банковской деятельности" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
6. Гончаров В.В. Банки и иные кредитные организации в Российской Федерации как объект общественного контроля: конституционно-правовой анализ // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 207-212.
7. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807-860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. М.: Статут, 2019. 976 с.
8. Сыропятова Н.В., Афанасьев А.Б. Существенные условия договоров банковского вклада и банковского счета // Ex jure. 2022. №. 2. С. 124-139.
9. Уличкина И. А. Безотзывные вклады в российской банковской практике: новые вызовы и возможности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 5. С. 143-146.
10. Афанасьев А.Б. Информирование банками вкладчиков об условиях договора: проблемы правового регулирования // Пермский юридический альманах. - 2024. - №7. – С.109-117.
11. Габов А.В., Хаванова И.А. Отрицательные процентные ставки: правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. - 2022. Т. 17. - № 4. - С. 38-78.
12. Афанасьев А.Б. Информирование банками вкладчиков об условиях договора: проблемы правового регулирования // Пермский юридический альманах. - 2024. - №7. – С.109-117.

References:

1. Popova L.I. Stepanov D.V. Ponyatie i pravovaya priroda bankovskogo vklada // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo yuridicheskogo universiteta. 2023. № 4 (68). S. 137-141.
2. Sukaeva A. S., Starceva S. V. Ponyatie i osobennosti dogovora bankovskogo vklada // Mezhdunarodny'j zhurnal gumanitarny'x i estestvenny'x nauk. 2022. №12-5. S.99-101.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 13.12.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. - № 5. - St. 41.
4. Afanas'ev A. B. Storony' dogovora bankovskogo vklada // Permskij yuridicheskij al'manah. 2022. №5. S.236-248.
5. Federal'ny'j zakon ot 02.12.1990 № 395-1 (red. ot 28.12.2024) "O bankax i bankovskoj deyatel'nosti" (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.02.2025) // Vedomosti s'ezda narodny'x deputatov RSFSR. 1990. № 27. St. 357.
6. Goncharov V.V. Banki i iny'e kreditny'e organizacii v Rossijskoj Federacii kak ob`ekt obshhestvennogo kontrolya: konstitucionno-pravovoj analiz // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2023. № 8. S. 207-212.
7. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: postatejny'j kommentarij k stat'yam 807-860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. A.G. Karapetova. M.: Statut, 2019. 976 s.
8. Sy'ropyatova N.V., Afanas'ev A.B. Sushhestvenny'e usloviya dogovorov bankovskogo vklada i bankovskogo scheta // Ex jure. 2022. №. 2. S. 124-139.
9. Ulichkina I. A. Bezotzy'vny'e vklady' v rossijskoj bankovskoj praktike: novy'e vy'zovy' i vozmozhnosti // E'konomika i biznes: teoriya i praktika. 2018. № 5. S. 143-146.
10. Afanas'ev A.B. Informirovanie bankami vkladchikov ob usloviyax dogovora: problemy' pravovogo regulirovaniya // Permskij yuridicheskij al'manah. - 2024. - №7. – S.109-117.
11. Gabov A.V., Xavanova I.A. Otriczatel'ny'e procentny'e stavki: pravovy'e aspekty' // Trudy' Instituta gosudarstva i prava RAN. - 2022. T. 17. - № 4. - S. 38-78.
12. Afanas'ev A.B. Informirovanie bankami vkladchikov ob usloviyax dogovora: problemy' pravovogo regulirovaniya // Permskij yuridicheskij al'manah. - 2024. - №7. – S.109-117.

**ПРОЯВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ДЕЛАХ О ВНЕСЕНИИ ИСПРАВЛЕНИЙ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ
MANIFESTATION OF THE ESSENCE OF SPECIAL PROCEEDINGS
IN CASES OF CORRECTIONS OR CHANGES IN CIVIL STATUS RECORDS**

КЕСАЕВА Виктория Анатольевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт» (ГТУ) (г. Владикавказ).
362021, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

БУТАЕВА Элона Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт» (ГТУ) (г. Владикавказ).
362021, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

KESAeva Victoria Anatolyevna,

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure,
North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU) (Vladikavkaz).
44 Nikolaeva St., Vladikavkaz, Russia, 362021, Republic of North Ossetia-Alania.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

BUTAeva Elona Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU) (Vladikavkaz).
44 Nikolaeva St., Vladikavkaz, Russia, 362021, Republic of North Ossetia-Alania.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация: в данной статье рассматриваются существенные вопросы стадии особого производства в делах о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния.

Abstract: this article discusses the essential issues of the stage of special proceedings in cases of corrections or changes in civil status records.

Ключевые слова: особое производство, гражданско-процессуальное законодательство, иск, органы записи актов гражданского состояния.

Key words: special proceedings, civil procedure legislation, lawsuit, civil registration authorities.

Для цитирования: Кесаева В.А., Бутаева Э.С. Проявление сущности особого производства в делах о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 345-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_345.

For citation: Kesaeva V.A., Butaeva E.S. Manifestation of the essence of special proceedings in cases of corrections or changes in civil status records // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 345-347. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_345.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Определение общих черт производства по делам о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния в первую очередь предполагает установление правовой природы особого производства, в рамках которого осуществляется рассмотрение таких дел. Наука гражданского процессуального права на пути к раскрытию характерных черт особого производства, исследованию его особенностей выявила большое разнообразие мнений ученых, представителей законодательных и судебных органов власти. В связи с этим одной из актуальных в практическом плане является проблема определения понятия особого производства, специфики дел, рассматриваемых в порядке особого производства.[1]

В порядке особого производства суд рассматривает дела, предусмотренные ст. 262 ГПК РФ. Перечень их носит открытый характер. Федеральными законами к рассмотрению в порядке особого производства могут быть отнесены и другие дела.

Следует согласиться с высказанным в современной процессуальной науке мнением, что точного критерия, позволяющего одни дела относить к исковому производству, другие – к особому, нет. Данный вывод аналогичен заключению, сделанному Е.В. Васильевским, о том, что «все попытки установить теоретически точную границу между исковыми и охранительными делами и отыскать признак, которым они отличаются друг от друга, оказались безуспешными».[2]

Особое производство является правопреемником охранительного судопроизводства. В порядке охранительного судопроизводства разрешались категории дел схожие с делами, рассматриваемыми в порядке особого производства.

Анализ дел охранительного производства позволяет сделать вывод, что деятельность суда в охранительном производстве была вызвана необходимостью осуществления восполнительной функции в тех случаях, когда административной деятельности было недостаточно, а также необходимостью рассмотрения различных дел, имеющих особый характер и требующих особого государственного внимания. Этот вид судопроизводства не предполагал состязания. Наличие или отсутствие спора не являлось ключевым фактором ограничения искового (тяжебного) производства от охранительного. В самой идее охранительного производства четко прослеживалась специфика относимых к нему дел. В рамках охранительного про-

изводства суд рассматривал гражданские дела в целях создания условий для осуществления заинтересованными лицами их прав как личных, так и имущественных. Таким образом, особенность этих дел детерминирована самой сущностью гражданского закона.

Хотя в определениях, в основном, использованы термины «беспорное производство», «беспорное право», как справедливо отмечается в литературе, «это совершенно не означало, что охранительное судопроизводство не предполагало спора – смысл закладывался более узкий». В этом отношении представляет интерес правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что дела, рассматриваемые в порядке особого производства, не отвечают традиционным признакам спора о праве.

Представляется очевидным, что самостоятельного искового требования об исправлении записи акта гражданского состояния быть не может. Исправление ошибки в записи акта гражданского состояния может явиться следствием отмены усыновления, оспаривания брака, отцовства, материнства в рамках искового производства.[3] Но такое исправление является побочным следствием рассмотрения дела. По сути, оно не подпадает под понятие «внесение исправлений в записи акта гражданского состояния», которое содержится в гл. 36 ГПК РФ. В этом смысле производство по делам об исправлении записей актов гражданского состояния независимо от искового производства. Последнее призвано решать спорные вопросы, происходящие из устанавливаемых записями актов гражданского состояния прав.

Также дела о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния отличаются от дел по обжалованию незаконных решений органов ЗАГС.

Согласно п. 5 ст. 72 Закона «Об актах гражданского состояния» отказ руководителя органа ЗАГС во внесении изменения или исправления в записи акта гражданского состояния может быть обжалован заявителем в суд.

Полагаем, что между делами о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния и делами об обжаловании незаконного отказа органа ЗАГС во внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния по существу необходимо проводить различие. Эта разница имеет определяющее значение. Исследование сущности дел об исправлении записей актов гражданского состояния без учета этой разницы будет неполным.

Критериями отнесения дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния к производству по делам, возникающим из публичных правоотношений, в частности, называются: участие в деле органа государственной власти; наличие публично-правового спора, конфликта; осуществление судом контроля в отношении правомерности действий государственных органов, их должностных лиц.

Так, отмечается, что проверка обоснованности жалобы и законности действий должностных лиц, которые создали запись и которые рассмотрели вопрос о внесении в нее исправлений, является основной целью судебного разбирательства.

Участие в деле органа власти или его должностного лица, по нашему мнению, не может являться единственным и достаточным критерием, позволяющим отнести такие дела к производству по делам, возникающим из публично-правовых отношений. Разграничение производств проводится не только по субъектному составу участников спора, но и по иным основаниям.

Отказывая в исправлении или изменении записи акта гражданского состояния, в подавляющем большинстве случаев орган ЗАГС констатирует невозможность исправления ошибки без судебного решения и необходимость обращения в связи с этим в уполномоченный орган государственной власти – суд.

В случае спора о праве между заинтересованными лицами (не органом ЗАГС и заявителем) вопрос о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния решается судом в рамках искового производства. К примеру, спор о праве может возникнуть между лицами, чьи субъективные права оказываются затронутыми сделанными записями, например, об установлении отцовства, отмене усыновления.[4]

В современной процессуальной литературе сделан вывод о том, что для инициирования судебного разбирательства дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния необходимо наличие спора между заявителем и органом ЗАГС.

Из этого положения следует, что критерием отнесения дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния к судебному рассмотрению является наличие спора: а) если между заявителем и иными заинтересованными лицами – в исковом порядке; б) если между заявителем и органом ЗАГС – в особом порядке.

Кроме того, следует учитывать, что решение о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния выносится судом в результате оценки всей совокупности доказательств, подтверждающих необходимость ее исправления. При рассмотрении дела по правилам, изложенным в гл. 25 ГПК РФ, суд ограничивается проверкой законности и обоснованности отказа органа ЗАГС на предмет соответствия Закону «Об актах гражданского состояния», иному нормативному правовому акту в пределах той доказательственной базы, которая была в распоряжении органа ЗАГС при принятии им решения.

Анализ статуса органа ЗАГС позволяет сделать вывод, что орган ЗАГС является специализированным органом исполнительной власти.

Действительно, отношения по регистрации актов гражданского состояния не предполагают субординации сторон как в административных отношениях, когда одной из сторон, действующей от имени государства, принадлежит властное полномочие, а другой – обязанность повиновения. В литературе справедливо отмечается, что органом власти может считаться орган, воля которого осуществляется, а не тот, который осуществляет чужую волю. Анализ Закона «Об актах гражданского состояния» не позволяет, в частности, сделать однозначный вывод по вопросу о том, является ли реализация требований, предъявляемых к гражданину по регистрации актов гражданского состояния, его правовой обязанностью или субъективным правом.[5]

Рассмотрим в качестве примера государственную регистрацию рождения. В отношении органа ЗАГС можно утверждать, что осуществление действий по государственной регистрации рождения составляет компетенцию органа ЗАГС, то есть «право и обязанность действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом».

Что касается гражданина, то, с одной стороны, он имеет право на регистрацию рождения ребенка, что предполагает возможность официально «заявить» об этом обществу, дать ребенку имя по своему желанию. Так, в ряде источников отмечается, что, в конечном счете, обращение родителей в орган ЗАГС с целью регистрации рождения ребенка является использованием права. С другой стороны, необходимость регистрации рождения ребенка следует рассматривать как обязанность гражданина, поскольку этого требуют государственные интересы.

Ленинский районный суд г. Владикавказ Республики Северная Осетия-Алания рассмотрел заявление гражданина Ц. об установлении юридического факта его рождения в г. Б-к и о внесении изменений в запись акта о рождении. В свидетельстве о рождении заявителя в графе «Место рождения» было указано «г. О-е», так как регистрация рождения осуществлялась по месту жительства родителей. В графе записи акта о рождении «Документы, подтверждающие рождение ребенка» названа справка о рождении ребенка в одной из больниц г. Б-к. В результате рассмотрения данного дела заявление Ц. было удовлетворено, был установлен факт его рождения в г. Б-к, на орган ЗАГС была возложена обязанность по внесению изменения в запись акта о рождении. [6]

К делам об оспаривании (обжаловании) незаконного отказа органа ЗАГС должен применяться иной подход. Исправление или изменение записи акта гражданского состояния не должно приводить к ее восстановлению или аннулированию. Суд лишь констатирует факт наличия ошибки в записи акта гражданского состояния и необходимости ее исправления.

Список литературы:

1. Башкатов Н.И. Процессуальные особенности рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение. М. 1980. С. 12.
2. Власов А.А. Гражданский процесс. 10-е изд. перераб. и доп. Учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 238.
3. Свиринов Ю.А. Гражданский процесс. Учебник. М.: Прометей, 2023. С. 326.
4. Яков В.В., Плешанов А.Р. Гражданский процесс. Учебник. М.: Статут, 2023. С. 318.
5. Громачевский С.Г. Охранительное судопроизводство. Практическое пособие к ведению бесспорных дел. СПб., 1905. С. 211.
6. Архив Ленинского районного суда г. Владикавказ. 2024. Дело № 2-178/24.

References:

1. Bashkatov N.I. Procedural features of consideration of cases on the establishment of facts of legal significance. M. 1980. S. 12.
2. Vlasov A.A. Civil procedure. 10th ed. reworked. and add. Textbook and workshop for universities. M.: Yurayt, 2023. S. 238.
3. Svirin Yu.A. Civil trial. Textbook. M.: Prometheus, 2023. S. 326.
4. Yarkov V.V., Pleshanov A.R. Civil procedure. Textbook. M.: Statute, 2023. S. 318.
5. Gromachevsky S.G. Protective proceedings. A practical guide to conducting indisputable cases. St. Petersburg, 1905. S. 211.
6. Archive of the Leninsky District Court of Vladikavkaz. 2024. Case No. 2-178/24.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ PERSONAL DATA PROTECTION IN THE EDUCATION SYSTEM

ФЕЧИНА Людмила Александровна,
преподаватель кафедры «Философия и право»,
Волгоградский государственный технический университет.
проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400066, Россия.
E-mail: lfechina@yandex.ru;

СЕЛЕЗНЕВА Ирина Геннадьевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и право»,
Волгоградский государственный технический университет.
проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400066, Россия.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

БАТУРИНА Людмила Александровна,
кандидат филологических наук доцент кафедры «Русский язык»
Волгоградский государственный технический университет.
проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400066, Россия.
E-mail: baturina m@rambler.ru;

ВОРОБЬЕВА Галина Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык»,
Волгоградский государственный технический университет.
проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400066, Россия.
E-mail: 89093882130@yandex.ru;

СУХОВА Анна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и право»,
Волгоградский государственный технический университет.
проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400066, Россия.
E-mail: belousov34@yandex.ru;

FECHINA Liudmila Aleksandrovna,
Lecturer Volgograd state technical University, Department of Philosophy and law.
Lenin Avenue, 28, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: fechina@yandex.ru;

SELEZNEVA Irina Gennadyevna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
Volgograd state technical University, Department of Philosophy and law.
Lenin Avenue, 28, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: irinaselezneva@bk.ru;

BATURINA Lyudmila Aleksandrovna,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
Volgograd state technical University, Department of "Russian Language".
Lenin Avenue, 28, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: baturina _ m@rambler.ru;

VOROBJEVA Galina Vasiljevna,
Candidate of Philological Sciences Associate Professor,
Volgograd state technical University, Department of "Russian Language".
Lenin Avenue, 28, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: 89093882130@yandex.ru;

SUHOVA Anna Sergeevna,
Candidate of Philological Sciences Associate Professor,
Volgograd state technical University, Department of Philosophy and law.
Lenin Avenue, 28, Volgograd, 400066, Russia.
E-mail: belousov34@yandex.ru

Краткая аннотация. Предметом исследования в настоящей статье являются определенные правовые инструменты защиты персональных данных с использованием цифровых технологий. Рассматриваются новые методы противодействия хищения персональных данных в условиях системного внедрения информационно-коммуникационных технологий в сфере образования. Основной целью научного исследования является выявить и установить основные правовые возможности защиты персональных данных в сфере образования. В статье используется институциональный анализ права, применяются методы правового прогнозирования, моделирования и анализа развития правовых инструментов, которые смогут противодействовать киберпреступлениям в сфере образования.

Abstract. The subject of research in this article is certain legal instruments for the protection of personal data using digital technologies, new methods of countering the theft of personal data in the context of the systematic introduction of information and communication technologies in the field of education are considered. The main purpose of the scientific research is to identify and establish the basic legal possibilities for the protection of personal data in the field of education. The article uses an institutional analysis of law, applies methods of legal forecasting, modeling and analysis of the development of legal instruments that can counteract cybercrimes in the field of education.

Ключевые слова: информация, персональные данные, система образования, защита персональных данных обучающихся, государственная политика; цифровые технологии, цифровой контроль, искусственный интеллект.

Keywords: information, personal data, education system, protection of students' personal data, government policy; digital technologies, digital control, artificial intelligence.

Для цитирования: Фечина Л.А., Селезнева И.Г., Батурина Л.А., Воробьева Г.В., Сухова А.С. Защита персональных данных в системе образования // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 5. С. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_348.

For citation: Fechina L.A., Selezneva I.G., Baturina L.A., Vorobjeva G.V., Suhova A.S. Personal data protection in the education system // *Law and state: theory and practice*. 2025. No. 5. pp. 348-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_348.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В ходе развития информационного пространства в сфере образования появлялось множество новых объектов, составляющих общественную жизнь, которым потребовалась защита путем закрепления в законе соответствующих норм. Основным таким объектом сегодня является информация, а это значит, что персональная информация, непосредственно затрагивающая частную жизнь человека должна быть под надежной защитой государства. Новой отраслью регулирования для правовой системы РФ является защита персональных данных. Государственная Дума РФ приняла соответствующий закон в 2006 году, а начиная с 2014 года российский законодательный орган методично вносит изменения в правила защиты информации, которые в результате позволяют государственным органам усилить контроль над потоками пользовательских данных. Идеи законодательства уникальны.

Функционирующее в настоящее время законодательство РФ дает весьма четкое определение персональных данных, что позволяет расширить границы информационной защиты, «Персональные данные – это любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация».

Анализируя актуальные концептуальные документы в сфере информационной безопасности, мы наблюдаем следующую тенденцию: с 2016 года защита персональных данных стала приоритетным направлением российской политики в области информационной безопасности. Такой вывод можно сделать, проанализировав статью 3 Доктрины информационной безопасности в России, согласно которой главные угрозы безопасности информации РФ исходят от враждебных геополитических, военно-политических, террористических, экстремистских и криминальных целей и защищает интересы человека в сфере информационной безопасности. В систему государственной защиты информации входят органы и исполнители, используемая ими техника защиты информации и объекты защиты, организованные по правилам, установленным соответствующими нормативно-правовыми актами в области защиты персональных данных. Так же это является составной частью системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации целью которой является защита государства от угроз в информационной среде. Законодательство в области защиты персональных данных активно развивается совместно с множеством исследований в этой области. Обеспечение конфиденциальности персональных данных, при помощи которых можно идентифицировать лицо – главное требование закона. Для идентификации необходимо дополнение ФИО гражданина иными персональными данными, такими как номер телефона, адрес, дата рождения. Например, ФИО совместно с датой рождения или ФИО вместе с номером телефона будут являться персональными данными, при помощи которых можно идентифицировать лицо, а сочетание даты рождения и номера телефона – нет, потому что их принадлежность к определенному лицу не установлена. Так в закон о персональных данных только за последние 5 лет изменения вносились 11 раз, 4 из которых в 2017 году. Это обусловлено появлением новых способов хранения и передачи подобной информации, вследствие чего возникновением новых правоотношений в данной сфере. Одной из последних законодательных изменений в области защиты персональных данных явилось ужесточение административной ответственности по статье 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Наказания по таким нарушениям больше не предусматривают возможность применения предупреждения, а размеры штрафов увеличились в два раза. Представляется, что такие изменения направлены на расширение инструментария Роскомнадзора в вопросах привлечения к административной ответственности.

С правовой точки зрения, законодательное закрепление взаимоотношений образовательной системы и государства в области защиты персональных данных, заключается в нормах информационного права и предполагает правомерность использования конфиденциальной информации работниками образовательного учреждения, соблюдение предусмотренных мер защитного характера, трудового распорядка, правил ведения документации и несение оператором персональных данных ответственности, в случае нарушения правил их обработки. Данные правила включают:

–наличие в организационных документах образовательного учреждения правил внутреннего трудового распорядка, трудовых договоров, в должностных инструкциях положений и обязательств по защите конфиденциальной информации;

–формулирование и доведение до сведения всех сотрудников положения о правовой ответственности за разглашение конфиденциальной информации, несанкционированное уничтожение или фальсификацию документов;

–разъяснение лицам, зачисленным на обучение, положения о добровольности принимаемых ими на себя ограничений, связанных с выполнением обязанностей по защите информации. В правовом плане основными подсистемами защиты считаются:

–установление на объекте режима конфиденциальности;–разграничение доступа к информации;–правовое обеспечение процесса защиты информации;

–четкое выделение конфиденциальной информации как основного объекта защиты. На базе каждого образовательного учреждения разрабатываются собственные нормативные документы (инструкции, руководства, положения), цель которых – обеспечение информационной безопасности учреждения. Создание данных документов ведется в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Кибербезопасность в сфере образования стала одной из самых важных проблем современности, особенно в свете быстрого развития технологий и увеличения количества угроз со стороны киберпреступников. Россия не является исключением, и сегодня страна сталкивается с серьезными вызовами в области кибербезопасности. В этой статье будут рассмотрены основные проблемы и способы их решения кибербезопасности в Российской Федерации.

Кибербезопасность не только в России, но и во всём мире стала одной из основных стратегических целей каждого государства. Существует такая фраза: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Стоит ли говорить, что ни одно государство не хочет, чтобы его секретные архивы и данные были украдены или стали достоянием общественности. Однако, эта проблема охватывает не только целые государства, но и затрагивает обычных людей.

Проблема кибербезопасности заключается в зависимости использования иностранных производителей ПО, технологий и т.д. Это приводит к снижению уровня информационной защиты в виду вынужденного использования «закрытого» программного и аппаратного обеспечения как для специальных государственных ведомств, так и для гражданского сектора

Утечка персональных данных в сфере образования стала одной из самых важных проблем современности, особенно в свете быстрого развития технологий и увеличения количества угроз со стороны киберпреступников. Россия не является исключением, и сегодня страна сталкивается с серьезными вызовами в области кибербезопасности. Проблема утечки данных заключается в зависимости использования иностранных производителей ПО, технологий и т.д. Это приводит к снижению уровня информационной защиты в виду вынужденного использования «закрытого» программного и аппаратного обеспечения как для специальных государственных ведомств, так и для гражданского сектора.

Основные принципы и положения касаясь защиты информации в Российской Федерации регламентируются в федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Он включает в себя:

- Обязательность защиты информации: Организации и индивидуальные предприниматели, занимающиеся обработкой информации, обязаны обеспечить ее защиту от неправомерного доступа, использования и распространения.
- Классификацию информации: Информация должна быть классифицирована в соответствии с ее важностью и степенью конфиденциальности.
- Криптографическую защиту: Использование криптографических средств может быть обязательным для защиты информации.
- Аудит информационной безопасности: Организации, занимающиеся обработкой информации, должны проводить аудит информационной безопасности для оценки эффективности системы защиты информации.
- Защиту персональных данных: Организации, занимающиеся обработкой персональных данных, должны обеспечить их защиту от неправомерного доступа, использования и распространения.
- Ответственность за нарушение закона: Лица, нарушающие закон об информации, информационных технологиях и о защите информации, могут нести гражданскую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

За нарушение неприкосновенности частной жизни Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность в статье 137, но в данном порядке содержатся не все известные на сегодняшний день способы совершения такого деяния. В частности, отсутствует упоминание на использование систем искусственного интеллекта. Вместе с тем современные технологии имеют широкую возможность по получению большого объема информации о личности, в том числе сведений медицинского характера, что приобрело актуальность в период пандемии.

Вышеизложенное позволяет нам выдвинуть предложение о дополнении нормы статьи 137 Уголовного кодекса РФ указанием на совершение преступления в сети Интернет, включая и использованием нейронных сетей и искусственного интеллекта. Представляется, что такие действия обладают повышенной степенью общественной угрозы.

Проанализировав, данный аспект проблемы мы приходим к выводу об активизации государственной политики в области защиты персональных данных и её обеспечения. Органы власти предпринимают последовательные шаги к повышению уровня государственного контроля за информационным пространством и защитой персональных данных. Обеспечение защиты персональных данных становится на современном этапе приоритетным направлением государственной политики.

В контексте настоящего исследования, обозначим ряд приоритетных направлений для реализации защиты персональных данных:

- ограничение на уровне законодательства предельного срока хранения персональных данных на физических серверах и введение обязательной процедуры их уничтожения по истечении данного срока;
- последовательное повышение технической оснащенности правоохранительных органов современными технологичными информационными системами и средствами.

Данный перечень обозначенных мер правового и организационного характера не является исчерпывающим, однако их реализация может оказать положительное влияние на уровень защиты персональных данных в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Емельяников М. Как защищать персональные данные в интернете [Электронный ресурс.] / М. Емельяников. – Режим доступа: URL: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/zaschita-personalnyhdannyh/kakzaschischatpersonalnye-dannye-v-internete> (дата обращения: 10.09.2020)
2. Баланов А. Н. Комплексная информационная безопасность. Полный справочник специалиста. Практическое пособие. М.: Инфра-Инженерия. 2024. 156 с.
3. Кудашкин Я.В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет / Я.В. Кудашкин. – М.: МГУ, 2019. – 199 с.
4. Щербак А. В. Информационная безопасность. М.: Юрайт. 2023. 260с.

References:

1. Emelyannikov M. How to protect personal data on the Internet [Electronic resource.] / M. Yemelyannikov. – Access mode: URL: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/zaschita-personalnyhdannyh/kakzaschischatpersonalnye-dannye-v-internete> (date of request: 09/10/2020)
2. Balanov A. N. Complex information security. The complete specialist's guide. Practical guide. Moscow: Infra-Engineering. 2024. 156 p.
3. Kudashkin Ya.V. Legal security of personal data processing on the Internet / Ya.V. Kudashkin. – M.: MSU, 2019. – 199 p.
4. Shcherbak A.V. Information security. Moscow: Yurait. 2023. 260s.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В КРЕДИТНОМ ДОГОВОРЕ IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE LOAN AGREEMENT

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»

ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru;

CHESNOKOVA Yulia V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law

Penza State University "Penza State University".

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: juliachesn@yandex.ru

Краткая аннотация. В действующем гражданском законодательстве вопросы реализации принципа добросовестности в кредитных правоотношениях обусловлены наличием проблемных аспектов, коллизий в гражданско-правовой сфере и недостаточной разработанностью нормативно-правовой базы, что, в свою очередь, обусловлено отсутствием однозначного толкования правовой природы и дефиниции добросовестности. В связи с этим, следует подчеркнуть актуальность темы исследования, как с теоретической, так и с практической точки зрения. В частности, не установлен перечень критериев отнесения к термину «добросовестность». В тоже время правоприменительная практика неоднозначна в своем подходе к разрешению судебных споров о применении данного принципа в банковской практике при заключении кредитных договоров. На основе проведенного исследования автором сделан вывод о том, что, несмотря на наличие пробелов в нормативно-правовой базе регулирования договора кредитования, современное законодательство на достаточном уровне защищает права и интересы сторон сделки. Указанные автором в статье рекомендации по совершенствованию основ правового регулирования принципа добросовестности приведут к достижению положительного результата в рассматриваемой области.

Abstract: In the current civil legislation, issues of implementing the principle of good faith in credit relations are caused by the presence of problematic aspects, conflicts in the civil law sphere and insufficient elaboration of the regulatory framework, which, in turn, is due to the lack of an unambiguous interpretation of the legal nature and definition of good faith. In this regard, the relevance of the research topic should be emphasized, both from a theoretical and practical point of view. In particular, there is no established list of criteria for attribution to the term good faith. At the same time, law enforcement practice is ambiguous in its approach to resolving legal disputes about the application of this principle in banking practice when concluding loan agreements. Based on the conducted research, the author concludes that, despite the existence of gaps in the regulatory framework governing the loan agreement, modern legislation protects the rights and interests of the parties to the transaction at a sufficient level. The recommendations indicated by the author in the article on improving the fundamentals of the legal regulation of the principle of good faith will lead to a positive result in the field under consideration.

Ключевые слова: добросовестность, свобода договора, кредитный договор, потребительское кредитование.

Key words: good faith, freedom of contract, credit agreement, consumer lending.

Для цитирования: Чеснокова Ю.В. Реализация принципа добросовестности в кредитном договоре // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_351.

For citation: Chesnokova Yu.V. Implementation of the principle of good faith in the loan agreement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_351.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В современном мире, где кредитные договоры играют огромную роль в жизни каждого человека, мы часто можем сталкиваться с несоблюдением одного из основополагающих принципов - принципа добросовестности. Именно данный принцип провозглашает честность, надёжность и взаимность субъектов кредитных правоотношений между собой, несоблюдение именно данного принципа является причиной получения незаконной выгоды одной из сторон и ущемления прав другой стороны, как правило, заёмщика, вынуждая его участвовать в кредитных правоотношениях на заведомо невыгодных условиях.

Добросовестность - это первостепенный принцип гражданского права, он служит тонкой гранью между такими понятиями как свобода договора и уважение прав сторон. Данный принцип содержит в себе нормы, которые контролируют субъекты гражданских правоотношений, а соответственно, обязывает соблюдать права и свободы участников кредитных отношений.

Интеграция принципа добросовестности в Гражданский кодекс РФ (далее - ГК РФ) стала источником оживленных споров в науке и практике о целесообразности его законодательного закрепления и о природе его правовых основ. Претерпев значительную «модернизацию» в ходе реформ гражданского законодательства, данный институт заслужил необходимость его внимательного анализа, особенно в контексте заключения кредитных договоров.

В настоящее время более десяти статей ГК РФ напрямую ссылаются на принцип добросовестности, а еще больше его подразумевают. Понятие добросовестности, хотя и интуитивно очевидное, вызывает интерес с точки зрения его практического применения в гражданских правоотношениях и может служить моральным ориентиром для их участников.

Существенное препятствие на пути добросовестности в качестве важнейшей нормы гражданского права часто связано с неясностью термина, что приводит к расширению судебного усмотрения. Суды законодательно наделяются правом толкования добросовестности в деятельности участников сделки.

Сегодня добросовестность, как универсальный поведенческий стандарт субъектов гражданских правоотношений, внедрена в ГК РФ и обязательна для всех участников указанных правоотношений, являясь также ключевым элементом некоторых правовых институтов. Примеча-

тельно, что в гражданском праве она рассматривается под двумя углами: объективным и субъективным. Объективная добросовестность соотносится с «доброй совестью», а также с общими принципами справедливости, этики и нравственности.

Субъективная добросовестность, напротив, имеет более четкие очертания, происходя от понятия честного и недобросовестного владения, еще известного римскому праву. В этом ключе субъект добросовестен, если он не знает о необоснованности своего права, как это отражено в статьях 302 и 303 ГК РФ [1].

Таким образом, понятие добросовестности обретает различные грани, наличие которых вызывает необходимость их более четкого оформления и внедрения в практику.

Рассматривая принцип добросовестности в гражданском праве, необходимо выделить следующие критерии:

1. Добросовестность при заключении сделок. Заключая сделку, стороны принимают на себя взятые обязательства, текст сделки должен быть понятен сторонам, исключая двусмысленность в понимании написанного.
2. Неосведомленность субъекта о каких-либо обстоятельствах. Данный критерий характеризуется тем, что рассматривая поведение добросовестного приобретателя, можно судить «о неосведомленности приобретения вещи у неправомочного лица» [2, с. 9].
3. Учёт прав и законных интересов сторон в обязательстве, оказание содействия и предоставление необходимой информации при установлении, исполнении обязательства. Это закреплено в п. 3 ст. 307 ГК РФ [1].
4. Своевременное осуществление субъективных прав и исполнения гражданских обязанностей.
5. Не допускается извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения.
6. При установленном нарушении одной из сторон в обязательстве должен быть выбран соразмерный способ защиты.

Таким образом, следует отметить, что принцип добросовестности все же является оценочным понятием, не имеет строгого содержания. Поэтому в каждом конкретном случае стандарт поведения зависит от различных факторов.

Принципы добросовестности и свободы договора играют важную роль в кредитных отношениях между сторонами. Контрагенты при возникновении и исполнении обязательства должны действовать открыто и добросовестно. Данное поведение крайне важно и для кредитора, и для заемщика.

Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, дает право субъектам выбирать контрагентов и устанавливать определённые условия договора, только в случае, что они не будут нарушать законодательство.

В кредитных правоотношениях у банков есть право до принятия решения о заключении договора на изучение информации о финансовом состоянии должника, его способности погашать кредит. Однако, несмотря на свободу сторон в определении условий кредитного договора, существуют ограничения. Указанные ограничения базируются, в основном, на нормах законодательства, которые обеспечивают баланс интересов, прав и свобод всех субъектов рассматриваемых гражданско-правовых правоотношений.

Условия кредитного договора не должны противоречить законодательству, демонстрировать пренебрежение доброй волей одной из сторон или нарушать справедливое распределение выгод между сторонами. Необходимо избегать излишнего обременения должника и следить за тем, чтобы кредитор не имел односторонних полномочий изменять существенные условия заключенного договора без прямого согласия должника.

В банковской практике нередки случаи, когда банки нарушают права граждан и клиентов, включая в кредитные договоры пункты, не соответствующие действующему законодательству, предоставляют неполную информацию об услуге. Нередко финансовые организации, пытаясь увеличить свои доходы, используют в своей практике мисселинг, который выражается в продаже одних услуг под видом других, например, страховки, связанные с выдачей кредитов, заключение договоров с негосударственными пенсионными фондами и другие.

Как показывает судебная практика, при разрешении вопросов, связанных с данным видом недобросовестных действий кредитных организаций, суды чаще всего разрешают вопросы не в пользу потребителей, поскольку доказать, что потребитель не был должным образом проинформирован относительно существа заключаемого с ним договора и что ему не была предоставлена полная информация об оказываемых ему услугах, будет сложно.

Включая в кредитный договор пункты, в которых говорится об обязательном страховании жизни или страховании на случай потери трудоспособности, кредитная организация, нарушая тем самым принцип добросовестности, противоречит установленным правам и интересам клиентов и, как следствие, нарушает требования действующего законодательства.

Статья 16 Федерального закона РФ «О защите прав потребителей» [3] запрещает обуславливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг). В соответствии с вышеуказанной нормой, можно сделать вывод, что условие кредитного договора об обязательном страховании жизни и здоровья заемщика противоречит законодательству Российской Федерации, а соответственно говорит о наличии административного правонарушения со стороны банка, в соответствии с чем, предусмотрена ответственность по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ [4].

Однако, если обратиться к пункту 4 Обзора судебной практики по гражданским делам о разрешении споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 года [5], то мы заметим, что рассматриваемый пункт в договоре может не нарушать права потребителей при условии, что банк предусматривает возможность заключения договора и без этого условия.

Рассмотрим пример из судебной практики.

Гражданин Г.С.М. и ПАО КБ «УБРИР» заключили договор потребительского кредита, согласно которому был предоставлен кредит в размере 1957500 руб. на 60 месяцев. В договоре предусматривались индивидуальные условия в отношении процентной ставки кредитного договора. В тот же день между Г.С.М. и САО «ВСК» был заключен договор страхования, на основании которого Г.С.М. выдан полис добровольного страхования от несчастных случаев заемщиков кредита по программе страхования «Ваша гарантия-3». Г.С.М. была произведена оплата страховой премии в сумме 156600 руб. по договору страхования. Получателем данной суммы является ПАО КБ «УБРИР», действовавший в соответствии с заключенным с САО «ВСК» агентским договором.

Гражданин Г.С.М. подал претензию к ПАО КБ «УБРИР» с требованием о возврате денежных средств уплаченных в качестве страховой премии. Свои требования он обосновывал тем, что удержание платы при заключении договора страхования противоречит действующему законодательству РФ, в связи с чем, сумма подлежит возврату.

Банк претензию отклонил, пояснив, что 14-дневный срок для отказа от договора истек, а также в случае отказа от договора страхования процентная ставка по договору может быть изменена. Однако Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в сферах страхования претензию гражданина Г.С.М. удовлетворил.

Не согласившись с решением, ПАО КБ «УБРИР» подал иск в суд первой инстанции, суд отказал в удовлетворении иска. Апелляционная инстанция в удовлетворении заявления отказала. В итоге обжалования Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2024 № 45-КГ24-14-К7 кассационную жалобу удовлетворила, обращая внимание на следующие обстоятельства.

При рассмотрении дела судебными инстанциями были нарушены нормы материального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав.

В частности, согласно части 2 статьи 7 Закона № 353-ФЗ [6] при предоставлении потребительского кредита (займа) должно быть оформлено заявление о предоставлении потребительского кредита (займа) по установленной кредитором форме, содержащее согласие заемщика на предоставление услуг, указанных в п. 3 ч. 4 ст. 6 данного федерального закона. Однако, если при предоставлении потребительского кредита (займа) заемщик выразил согласие на предоставление ему дополнительных услуг, не указанных в п. 3 ч. 4 ст. 6 данного федерального закона, то должно быть оформлено заявление о предоставлении дополнительных услуг по установленной кредитором форме, содержащее согласие заемщика на предоставление ему таких услуг. Кредитор в заявлении обязан указать стоимость услуг и должен обеспечить возможность заемщику согласиться или отказаться от них. Проставление кредитором отметок о согласии либо выражение кредитором за заемщика согласия в ином виде на предоставление ему дополнительных услуг или формирование кредитором условий, предполагающих изначальное согласие заемщика на предоставление ему дополнительных услуг, не допускается.

Из приведенных положений закона следует, что ст. 5 Закона № 353-ФЗ, исключая в ч. 2 применение ст. 428 ГК РФ к индивидуальным условиям потребительского кредита, перечисленным в ч. 9 этой статьи, устанавливает дополнительные гарантии для обеспечения прав потребителя и защиты его от навязывания дополнительных услуг.

Одной из таких гарантий является указание в части 18 ст. 5 названного закона о том, что условия об обязанности заемщика заключить другие договоры либо приобретать услуги кредитора или третьих лиц за плату в целях заключения договора потребительского кредита или его исполнения могут быть включены в индивидуальные условия договора потребительского кредита только тогда, когда заемщик выразил в письменной форме свое согласие на это в заявлении о предоставлении потребительского кредита.

Данное указание закона является императивным и позволяет потребителю влиять на формирование условий договора потребительского кредита. В противном случае потребителю кредитором будет представлен проект договора с заранее определенными условиями об обязанности заключить другие договоры или приобретать услуги, на содержание которых потребитель повлиять не может и отказаться от них может, только отказавшись от договора в целом.

По настоящему делу названное выше прямое указание закона не было учтено судами апелляционной и кассационной инстанций [7].

Многие кредитные договоры содержат положения, которые обязывают заемщика до выдачи кредита застраховать в пользу банка некоторые из имущественных прав. В случае, если заемщик отказывается продлевать страховой полис, банк в одностороннем порядке расторгает кредитный договор и накладывает штраф.

При споре с данным положением, кредиторы, как правило, ссылаются на принцип свободы договора и обязательность соблюдения условий договора, однако в судебной практике отмечается, что включение пункта об обязательном страховании является прямым ущемлением права потребителя на свободный выбор платного страхового продукта.

Верховным Судом РФ принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества», в пунктах 79 и 80 которого указано на то, что:

«Если иное не указано в законе, страхователь - физическое лицо в течение четырнадцати календарных дней со дня заключения договора добровольного страхования имущества вправе при отсутствии в данном периоде событий, имеющих признаки страхового случая, отказаться от такого договора с возвратом страховой премии в полном объеме, если к моменту отказа страхование не начало действовать, а если оно начало действовать, то за вычетом суммы страховой премии, пропорциональной времени действия страхования с даты начала действия договора страхования до даты его завершения (пункты 1, 5, 6 и 10 указания Банка России от 20 ноября 2015 года № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования»). Договором указанный срок может

быть увеличен.

В других случаях при досрочном отказе страхователя от договора добровольного страхования имущества уплаченная страховщику часть страховой премии за неиспользованный период подлежит возврату, если это предусмотрено законом или договором, а также в случае, когда в результате прекращения обязательства, в связи с которым был заключен договор страхования, прекратилось существование страхового риска по обстоятельствам иным, чем страховой случай (пп. 1 и 3 ст. 958 ГК РФ)» [8].

Реализация недобросовестного поведения кредитных организаций также может выражаться и в том, что «гражданам пенсионного возраста, обратившимся за открытием (переоформлением) вклада, предлагаются ценные бумаги и финансовые инструменты, а также услуги доверительного управления в рамках стратегий со сложными параметрами определения дохода либо не гарантирующие получение дохода и (или) предусматривающие длительные сроки инвестирования (более года) с возможностью возврата денежных средств потребителю не в полном объеме в случае досрочного закрытия финансового продукта (расторжения договора)».

Также следует отметить острую необходимость решения таких проблем, которые противоречат выбору страховых продуктов и совершению финансовых операций без необоснованных ограничений, только в этом случае мы сможем обеспечить действительно справедливые отношения между потребителями, банками и страховыми компаниями.

Применение Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 352-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [6] во многом способствует предотвращению подобных нарушений.

Считаем, что для обеспечения реализации принципа добросовестности целесообразно обеспечить исполнения следующих положений:

1. необходимо внести изменения в гражданское законодательство о том, что стороны должны осознавать взаимосвязь свободы заключения договора и обязанностью действовать добросовестно в своих интересах;
2. суды должны более тщательно относиться к рассмотрению обстоятельств каждого дела со стороны честности субъекта, только благодаря этому можно обеспечить эффективность и защиту интересов сторон договора.

Подводя итог исследования, считаем, что принцип добросовестности является одним из основополагающих в кредитных правоотношениях, несоблюдение данного принципа влечет обременение для одной из сторон участвующих в процессе кредитования. Нарушение данного принципа может выражаться в совершенно разных аспектах, начиная от принуждения к страхованию жизни и здоровья будущего должника, что противоречит Федеральному закону «О защите прав потребителей», до страхования в пользу банка некоторых имущественных прав и при отказе от этого с заемщика взыскивается штраф или вовсе могут отказать в получении кредита, прикрываясь при этом принципом свободы договора, тем самым ущемляя право потребителя на свободный выбор платного страхового продукта.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Гончаров Р. В. Критерии добросовестности в гражданском праве Российской Федерации // Отечественная юриспруденция. – 2016. - № 7 (9). – С. 9-10.
3. Федеральный закон РФ от 07 февраля 1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 1992. – 7 апреля.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 03.02.2025) // Российская газета. – 2001. – 31 декабря – № 256.
5. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 года). // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146628/ (дата обращения: 10.03.2025).
6. Федеральный закон РФ от 21 декабря 2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (в ред. от 22.06.2024) // Российская газета. – 2013. – 23 декабря. – № 289.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2024 N 45-КГ24-14-K7 (УИД 66RS0007-01-2022-002171-03) // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06082024-n-45-kg24-14-k7-uid-66rs0007-01-2022-002171-03/> (дата обращения 10.03.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - август 2024 г. - № 8.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. - No. 32. - Art. 3301.
2. Goncharov R. V. Criteria of good faith in the civil law of the Russian Federation // Russian jurisprudence. – 2016. - № 7 (9). – Pp. 9-10.
3. Federal Law of the Russian Federation dated February 07, 1992 No. 2300-1 "On Consumer Rights Protection" (as amended dated 08.08.2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 1992. – April 7.
4. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended dated 02/03/2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. December 31, No. 256.
5. Review of judicial practice in civil cases related to the Resolution of Disputes on the Fulfillment of Credit obligations (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2013). // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146628/ (date of access: 03/10/2025).
6. Federal Law of the Russian Federation of December 21, 2013 No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan)" (as amended dated 06/22/2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – December 23. – No. 289.
7. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/06/2024 N 45-KG24-14-K7 (UID 66RS0007-01-2022-002171-03) // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06082024-n-45-kg24-14-k7-uid-66rs0007-01-2022-002171-03/> (date of appeal 03/10/2025).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/25/2024 No. 19 "On the application by courts of legislation on voluntary property insurance" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - August 2024 - No. 8.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF CIVIL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION

ОСЬМИНИНА Нина Валерьевна,
аспирант кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института
Севастопольского государственного университета.
299053, Россия, г. Севастополь, Университетская ул., 33.
E-mail: tes_urist@mail.ru;

OSMININA Nina V.,
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Process, Law Institute
Sevastopol State University.
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia.
E-mail: tes_urist@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены вопросы влияния цифровизации на различные аспекты развития современного общества, в частности, на реализацию гражданских прав, развитие социальной инфраструктуры. Автором особое внимание уделено проблеме «социального разрыва», вызванного информатизацией современного общества. Также в работе сделан акцент на преимуществах и недостатках в условиях цифровизации современного общества, проанализированы правовые последствия в результате применения цифровизации в различных аспектах общественной жизнедеятельности.

Abstract: The article discusses the impact of digitalization on various aspects of the development of modern society, in particular, on the realization of civil rights, the development of social infrastructure. The author pays special attention to the problem of the "social gap" caused by the informatization of modern society. The paper also focuses on the advantages and disadvantages in the context of digitalization of modern society, analyzes the legal consequences resulting from the use of digitalization in various aspects of public life.

Ключевые слова: цифровизация, виртуальный анклав, искусственный интеллект, виртуальный разрыв, алгоритмическая детерминация, социальная инфраструктура, цифровая идентичность, «цифровые люди».

Keywords: digitalization, virtual enclave, artificial intelligence, virtual gap, algorithmic determination, social infrastructure, digital identity, "digital people".

Для цитирования: Осминина Н.В. Проблемы трансформации гражданских прав в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_355.

For citation: Osminina N.V. Problems of transformation of civil rights in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 355-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_355.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2025
Дата публикации: 30.05.2025

На данный момент развитие общества находится под влиянием многочисленных факторов, представляющих собой определенные глобальные проблемы: устойчивые геополитические кризисы, приводящие к обострению межгосударственных и межэтнических противоречий, ухудшение экологической обстановки, существенные изменения глобальной демографической обстановки, повсеместное внедрение роботизированных комплексов в производственные процессы, повсеместная информатизация общества, приводящая к развитию цифрового социума.

Трансформация общества в сторону цифровизации вызвано необходимостью приспособления компаний, социума к постоянно меняющейся окружающей обстановке. Следовательно, актуальность рассматриваемого вопроса в сфере исследования появляющихся рисков, опасностей, связанных с цифровизацией, находится в прямой зависимости от особенностей внедряемых технологий во всех направлениях деятельности человека и секторов национальной экономики.

Необходимо отметить, что современное общество характеризуется в качестве сложнейшей, комплексной модели, существующей под влиянием различных рисков, нейтрализация их отрицательного влияния возможна в случае применения системного анализа разнообразных методов и приемов. Проведение цифровизации устраняет имеющиеся грани отслеживаемой и электронной реальности, отделяя между тем принцип субъективности [1, с. 12].

Данные обстоятельства ускоряют разрыв между социальными классами, формируя тем самым так называемые виртуальные анклавы, представляя собой обособленные группы людей, объединенных по имеющимся интересам, располагаемому потенциалу.

Внедряемые технологии, обеспечивающие внедрение информационных моделей, формируют условия для преобразования социальных шаблонов, принципов в виртуальном формате. В последние годы начинает все отчетливее проявляться феномен, так называемой, алгоритмической детерминации. Его суть сводится к применению искусственного интеллекта, специфических решений, направленных на особенности социального взаимодействия индивидов, стереотипы их поведения.

Можно сказать что именно данная виртуальная взаимосвязь обеспечивает возникновение различных рисков социального преобразования обособленных социальных групп, а также некоторое лимитирование индивида в вопросах его личных свобод и прав.

В то же время ключевая проблема состоит в том, что повсеместное применение цифровых технологий лишь усугубляет виртуальный разрыв среди индивидов, имеющих в своем распоряжении революционные технологии, а также теми лицами, которые по причине низкого уровня

доходов не могут применять новейшие достижения в практических условиях. С данной точки зрения виртуальный разрыв обеспечивает все большее появление маргинальных групп в обществе, наращивая уровень социальной напряженности.

На данный момент цифровизация коснулась в первую очередь финансово - экономической и производственной сфер жизнедеятельности общества, способствуя эффективному сочетанию создания и распределения инновационных, передовых технологий, продуктов, взаимодействия разработчиков компьютерных технологий и юзеров. Именно для обоснования целесообразности разработки цифровых технологий и их продуктивного распределения в обществе следует провести многосторонний анализ опасностей, рисков, выявить роль и влияние значительных информационных массивов [2, с. 87].

Рисунок 1 характеризует ключевые проблемные аспекты, связанные с применением цифровых технологий в нынешнем обществе. Справедливо отметить, что тенденции глобальной цифровизации, проникаемые в различные сферы социальной инфраструктуры (наука, образование, защита здоровья) вызывают разнообразные альтернативы развития общественного взаимодействия.

В этом плане механизм цифровизации вызывает взаимосвязанные изменения в комплексе социальных, морально - нравственных норм, тесным образом сопряженных с виртуальным разрывом в обществе, а также соблюдением принципа виртуальной приватности, поддерживая установленные в социуме принципы применения искусственного интеллекта в сочетании с общественной справедливостью. Можно сказать, что цифровизация общества как одно из проявлений технологического развития отмечает возможность повышения доступа различных слоев населения к различной информации, особенно важной для качественного потребления предлагаемых социальных услуг, различным формам коммуникации в сфере федеральных (либо муниципальных) продуктов и услуг [2, с. 3].

Рисунок 1. - Ключевые проблемные аспекты, проявляющиеся в ущемлении гражданских прав личности при использовании виртуальных (цифровых) технологий [4, с. 35]

Но в то же время повсеместное применение виртуальных (электронных, цифровых) продуктов, например, Big Data, роботизированных комплексов, разнообразных типов беспилотников, внедрение в управленческую деятельность программных алгоритмов, приводит к появлению инновационных типов социального обслуживания, обновлению системы морально - культурных и нравственных норм.

Реализация управленческих решений на основе использования технологий искусственного интеллекта в таких ключевых прикладных областях жизнеобеспечения как финансовый сектор, медицина, образование, правоохранительная система может привести к противоречивым последствиям. В данном аспекте необходимо учитывать принцип ответственности, а также моральную и этическую составляющие принятия управленческих решений, которые разрабатываются с учетом алгоритмизации и искусственного интеллекта.

Можно прийти к выводу, что глобальное внедрение передовых технологий, программных продуктов в стратегическом понимании приводит к появлению возможных опасностей, рисков применения искусственного интеллекта, вызывая при этом существенные преобразования различных секторов национальной экономики, структуры государственного управления. Вне сомнения, подобные изменения должны сопровождаться внедрением системы жесткого, тщательного мониторинга, необходимо ограничить хаотичное, безлимитное распространение искусственного интеллекта, что приведет к всестороннему и равномерному развитию социума.

В общих чертах отмечается, что цифровизация характеризуется как всестороннее, комплексное явление, приводящее как к преимуществам, так и недостаткам, вызывающее при этом рост уровня результативности производственных процессов, сбалансированное развитие как отдельных регионов, так и секторов национального хозяйства. Неотъемлемыми преимуществами цифровизации как в финансово - экономическом, так и гражданско-правовом понимании, можно назвать создание благоприятного инвестиционного климата, повышение уровня занятости населения, мотивацию компаний, организаций на научно-технический прогресс.

Обеспечение беспрепятственного доступа к качественному интернету, а также к виртуальным продуктам в социальной сфере выступают мощным фактором, обеспечивающим рост уровня профессионального развития и квалификации жителей, повышения степени их приспо-

собленности к меняющейся внешней среде.

Но в то же время, применение цифровизации приводит и к существенным сложностям, в первую очередь, вызовет дальнейший раскол в обществе и усугубит социальное расслоение, обозначив элиту так называемых «цифровых жителей» и населения, не готовых использовать передовые идеи и технологии. Также степень доступа к новейшим технологиям, инновационным продуктам, многовариантность применения потенциала выступает в качестве отделителя в тенденциях расслоения общества и распределении объема гражданских прав.

В результате сформируется длительная и устойчивая изоляция отдельных социальных классов и групп, приводящая к замедлению развития общества в стране.

Однако в социально - правовом плане применение передовых технологий, инновационных новшеств обеспечит динамичное развитие тех субъектов которые готовы к развитию, способны осуществлять вложения, готовы функционировать с целью повышения качества жизни. На государственном уровне с целью повышения качества цифровизации населения, целесообразно разработать определенные программы, стратегию, направленную на поддержание развития инновационной культуры на всех уровнях, содействуя тем самым созданию и успешному функционированию технополисов, стартапов, эффективному переходу российских компаний к условиям научно - технического прогресса.

Применение инновационных и цифровых технологий поможет лицам, принимающим решения, в том числе руководителям-хозяйственникам адаптироваться к новым внешним и внутренним вызовам, санкционным ограничениям, изменяющимся производственно-экономическим условиям и определяет эффективное управление имеющихся ресурсов. Использование цифровых инноваций и технологий должно играть ведущую роль в функционировании предприятий и организаций нашей страны.

Системное изучение тенденций явления «цифровой идентичности» и его воздействие на общественное сознание, наблюдаемые вариативные изменения межличностных отношений в цифровом формате отражают перспективность новых научных исследований в области современной социально-экономической динамики развития российского общества. Многокритериальная оценка потенциальных вызовов, трендов, рисков, угроз и перспектив, которые непосредственно связаны с модернизацией производства, активным внедрением «цифры» в социально-культурную и экономическую действительность, безусловно, является стратегическим императивом для проектирования будущих траекторий развития гражданского общества в рамках нового технологического уклада.

Список литературы:

1. Анисимов В. Ф. Роботизация и автоматизация: юридическое образование и профессия // Юридическое образование и наука, 2020, №3. - С. 11–16.
2. Волос А. А. Смарт - контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция, 2020, №12. - С. 5–7
3. Голованова Н. А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации. - М.:КОНТРАКТ, 2021. - 212 с.
4. Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // Право и цифровая экономика, 2020, №2. - С. 34–37

References:

1. Anisimov V. F. Robotization and automation: legal education and profession // Legal education and Science, 2020, No. 3, pp. 11-16.
2. Volos A. A. Smart contracts and principles of civil law // Russian Justice, 2020, No. 12, pp. 5-7
3. Golovanova N. A. and others. Criminal jurisdiction in the context of digitalization. Moscow: KONTRAKT, 2021. 212 p.
4. Gromova E.A. Smart contracts in Russia: an attempt to determine the legal essence // Law and Digital Economy, 2020, No. 2, pp. 34-37

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_358

УДК 340

ДЕФИНИЦИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ DEFINITION OF "ARTIFICIAL INTELLIGENCE": A LEGAL ASPECT

ФЕДОРОВ Максим Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2.

E-mail: fedorov@spbgau.ru;

ПОНОМАРЧЕНКО Анастасия Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры гражданского и земельного права им. П. Д. Сахарова Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2.

E-mail: fedorov@spbgau.ru;

FEDOROV Maxim V.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law St. Petersburg State Agrarian University.

2 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, 196601, Russia.

E-mail: fedorov@spbgau.ru;

PONOMARCHENKO Anastasia E.,

Senior Lecturer at the P. D. Sakharov Department of Civil and Land Law St. Petersburg State Agrarian University.

2 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, 196601, Russia.

E-mail: fedorov@spbgau.ru

Краткая аннотация: Разнообразие опыта урегулирования применения искусственного интеллекта в разных странах мира обуславливает актуальность разработки единого подхода к определению понятия «искусственный интеллект». Это позволит обобщить существующую практику в целях формирования международного взаимодействия в области развития и применения технологий искусственного интеллекта. Дефинитивная определенность в интерпретации понятия «искусственный интеллект» на сегодняшний день не имеет конкретики, в связи с чем отсутствует возможность формирования единых протоколов работы с искусственным интеллектом, в итоге применение подобных технологий обеспечено рисками для защиты прав, свобод и законных интересов человека.

Abstract: The diversity of experience in regulating the use of artificial intelligence in different countries of the world determines the relevance of developing a unified approach to defining the concept of "artificial intelligence". This will make it possible to generalize existing practice in order to form international cooperation in the field of development and application of artificial intelligence technologies. Definitive certainty in the interpretation of the concept of "artificial intelligence" currently has no specifics, and therefore there is no possibility of forming unified protocols for working with artificial intelligence, as a result, the use of such technologies is provided with risks for the protection of human rights, freedoms and legitimate interests.

Ключевые слова: юридическая техника, искусственный интеллект, правовое регулирование, коллизия интересов,

Keywords: legal technology, artificial intelligence, legal regulation, conflict of interests,

Для цитирования: Федоров М.В., Пономарченко А.Е. Дефиниция «искусственный интеллект»: правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_358.

For citation: Fedorov M.V., Ponomarchenko A.E. Definition of "artificial intelligence": a legal aspect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_358.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В связи с динамичностью появления новых общественных отношений вопрос формирования понятийно-категориального аппарата актуален для правовой сферы. Используемые в процессе правового регулирования термины, понятия и категории позволяют формировать универсальное и транспарентное правоприменение. В случае отсутствия единого подхода к установлению дефинитивных определений возможно возникновение коллизий и противоречий, что в итоге может оказать отрицательное влияние на формирование правового поля для вновь возникающих общественных отношений.

Складывающиеся между людьми отношения провоцируют формирование нововведений, которые вызывают необходимость институциональной адаптации взаимодействий для унификации взаимопонимания. В дальнейшем уже нововведения в жизни человека способствуют образованию разного рода отношений, которые также подлежат институционализации. Таким образом, появляются новые интересы, достижение которых должно проходить в рамках общепринятого регулирования.

Но регулированию должны быть подвержены не только отношения между человеком и человеком, человеком и организацией, человеком и обществом и др. Современная деятельность человека расширяет круг субъектов и объектов, подпадающих под управления. Проявляясь вне рамок существующих взаимодействий, новые элементы заставляют нас обратить на себя внимание в целях установления их роли и значения в нашей жизнедеятельности. В качестве такого элемента в XIX в. выступила кибернетика (от др.-греч. κυβερνητική «искусство управления»), термин «кибернетика» изначально ввёл в научный оборот Андре-Мари Ампер, в своём сочинении «Опыт о философии наук, или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний» (1834-1843 гг.), определял кибернетику (cybernetique) как науку об управлении государством, которая должна обеспечить гражданам различные блага. В современном понимании кибернетика – как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе, впервые была рассмотрена Норбертом

Винером в 1948 г.¹. Автор рассматривал влияние коммуникации на действия людей, подчеркивал важность осознанности сообщений, поступающих от субъекта к субъекту в процессе выполнения поручений и команд, а также значение обратной связи².

Норберт Винер считал, что: «... понимание общества возможно исключительно посредством изучения сообщений и используемых для их передачи средств связи; в будущем; в будущем развитии этих сообщений и средств связи, коммуникации между человеком и машиной, машиной и человеком и между машиной и машиной суждено играть всё возрастающую роль»³. Норберт Винер подчеркивал важность понимания человеком технических возможностей машины, её технологических особенностей. Он проводит сравнение восприятия команд от человека человеком и от человека машине, указывая, что существенной разницы в таком случае нет, поскольку цель и результат совпадают, различаются только алгоритмы их достижения. Винер пишет: «Когда я отдаю приказ машине, эта ситуация принципиально не отличается от той, которая возникает, когда я отдаю приказ какому-либо человеку. Иначе говоря, для моего сознания важно то, что я осознаю отданный приказ и полученное сообщение о повиновении»⁴.

Кибернетика устоявшийся элемент жизни общества, который регулируется как на глобальном уровне, так и на локальном, выступая помощником человека в обеспечении его интересов. Но прогресс не стоит на месте, человеческие интересы совершенствуются, многие из них сегодня можно отнести к разряду фантастики, при этом исторический опыт говорит нам, что любая фантастическая выдумка часто воспринимается человеческим мозгом как цель на будущее. Сегодня общество создаёт новые технологии, за счёт чего формирует новые восприятия. Такой технологией выступает искусственный интеллект (далее – ИИ), который является прямым продолжением кибернетики. Джон Брокман, наблюдая за технологическим процессом XIX в. проводил параллели с тезисами Норберта Винера подчеркивая, что его кибернетические идеи проникли очень глубоко и распространились во многих сферах где применяются машины: «До ИИ была кибернетика – представление об автоматическом и саморегулируемом управлении, изложенная в основополагающем тексте Норберта Винера 1948 года»⁵. Но, важно сказать, что помимо категорий «кибернетика» и «искусственный интеллект» существовали и иные обозначения технических процессов, осуществляемых машинами. Например, Алан Мэтисон Тьюринг изучал алгоритмы работы машинного интеллекта, а его труды внесли общепризнанный вклад в развитие теории искусственного интеллекта. Отцами-основателями искусственного интеллекта принято считать: Джона Маккарти (впервые предложил само понятие ИИ), Марвина Мински, Натаниэля Рочестера и Клода Шеннона. Именно они внесли наибольший вклад в формирование единого подхода в изучении ИИ, систематизировав в одно направление философские, социологические, математические, технические и иные учения, получив синергетический эффект для изучения ИИ.

Видя в ИИ исключительность, разработчики стремились спроектировать его код под решение определенной задачи, освободив тем самым человека. Отсюда всё чаще начали звучать мысли, что ИИ в скором времени заменит человека, а затем поработит нас. Но для этого ИИ потребуются много времени, а нам потребуются много глупости. «В идеале было бы хорошо запереть ИИ внутри условного периметра, из которого он не смог бы выбраться, а мы бы пользовались плодами его озарений, основанными на чистом разуме: что-то вроде Дельфийского оракула... Но так не получится. Могущество (и полезность) ИИ основывается в числе прочего на big data, а значит, он должен постоянно коммуницировать с окружающим миром»⁶. Аналогичные сомнения высказывались Норбертом Винером по поводу машин, это подтвердил его коллега Джон Дэйсон Фримен: «Винер всё больше разочаровывался в «поклонниках гаджетов», чей корпоративный эгоизм породил «мотивы к автоматизации, которые выходили за рамки законного любопытства и были греховными сами по себе»⁷. «Мир будущего окажется непрекращающейся и всё более упорной борьбой с ограничениями нашего интеллекта. Это будет вовсе не удобный гамак, в который мы возляжем в ожидании роботов-рабов»⁸.

Искусственный интеллект является одной из самых важных технологий, которые доступны человеку в настоящее время: уже сейчас искусственный интеллект оказывает влияние на мировую экономику, способствует ускорению развития инноваций во всех областях науки, используется в производстве питания, применяется в технологических процессах для повышения качества жизни населения, обеспечения доступности и качества медицинской помощи, качества образования, производительности труда и качества отдыха⁹.

Понятие «искусственного интеллекта» требует четкой и единой правовой определенности (регламентации), чтобы обеспечить гибкость адаптации будущих технологических разработок. Термин «искусственный интеллект» должен включать в себя ключевые функциональные характеристики своего программного обеспечения, позволяющие ИИ сгенерировать запрос человека на основании (исходных) выходных данных, такие как видео- и ауди контент, прогнозы, рекомендации или решения в физическом или цифровом формате. Полагается (также считаем/полагаем), что определение ИИ должно включать в себя методы и подходы, используемые для его развития и самосовершенствования. Анализируя сложившуюся ситуацию во всем мире, отметит, что на сегодняшний день единый подход в определении ИИ не сложился, в связи с этим в своей работе мы рассмотрим подходы стран, занимающих лидирующие позиции в сфере развития и правового регулирования искусственного интеллекта.

В странах с высоким уровнем развития технологий определение термина «искусственный интеллект» имеет различные интерпретации, отличия в подходах к определению связаны с тем, что органы власти, осуществляющие разработку актов в сфере искусственного интеллекта, акцентируют внимание на различных аспектах и принципах искусственного интеллекта опираясь на культурные, экономические и политические особенности государства. Сравнительно-правовой анализ понятия искусственного интеллекта в России, Японии и США позволяет выявить и рассмотреть эти отличия наглядно.

¹ Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 17.

² Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 35.

³ Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 17-18.

⁴ Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 18.

⁵ Искусственный интеллект – надежды и опасения : [сборник : перевод с английского В. Желнинова] / под ред. Джона Брокмана. – Москва : Издательство АСТ, 2020. С. 10.

⁶ Форма жизни №4: как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта / Евгений Черешнев. – М. : Альпина Паблишер, 2023. С. 348-349.

⁷ Искусственный интеллект – надежды и опасения : [сборник : перевод с английского В. Желнинова] / под ред. Джона Брокмана. – Москва : Издательство АСТ, 2020. С. 25.

⁸ Корпорация «Бог и голем» / Винер Норберт ; [перевод с английского В. Желнинова, Е. Алексеевой]. – Москва : Издательство АСТ, 2018.

⁹ Национальная стратегия развития ИИ на период до 2023 г.

В Российской Федерации определение термина «искусственный интеллект» содержится в федеральном законе «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ (последняя редакция). Искусственный интеллект понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Ранее понятие закреплено в Указе Президента от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который помимо определения устанавливает основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, к ним относятся:

- а) защита прав и свобод человека;
- б) безопасность;
- в) прозрачность;
- г) технологический суверенитет;
- д) целостность инновационного цикла;
- е) наиболее эффективное использование технологий искусственного интеллекта;
- ж) поддержка конкуренции;
- з) открытость и доступность;
- и) преемственность;
- к) защищенность;
- л) достоверность исходных данных.

На наш взгляд, определение ИИ в российском законодательстве трактуется достаточно широко, законодатель попытался охватить большой круг возможных достижений в развитии ИИ, а также перечислить как можно больше сфер, в которых ИИ может найти применение, но определение не содержит объяснение термина с технической точки зрения. Трактовка понятия ИИ представляется спорной, законодатель не конкретизирует каким образом следует интерпретировать понятие «имитация когнитивных функций», российское законодательство не содержит понятие «самообучение», контролируемое оно или, находится за пределами контроля со стороны человека, что в свою очередь затрудняет понимание определения искусственного интеллекта.

Многие эксперты, наоборот, видят положительный эффект в широком толковании понятия искусственного интеллекта, поскольку отражает основные характеристики ИИ, которые впоследствии могут быть конкретизированы с учетом практического опыта, к ним относят:

ИИ – это комплекс технологических решений;

ИИ включает в себя самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма;

ИИ может получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека (что выделяет его среди остальных технологий).

В Японии нормативные правовые акты не дают конкретного и четкого определения искусственного интеллекта. Закон «О развитии использования данных государственного и частного секторов» № 103 от 14 декабря 2016 г. устанавливает, что технологии, связанные с искусственным интеллектом, – это технологии для реализации интеллектуальных функций (суждение, умозаключение, обучение), воплощаемых посредством искусственных средств и использования определенных функций, реализуемых благодаря искусственным средствам¹. В апреле 2022 года Совет по продвижению комплексной инновационной стратегии при кабинете министров опубликовал «Стратегию искусственного интеллекта 2022», целью которой является предоставление дальнейшего руководства по инициативам страны в области искусственного интеллекта. «Стратегия ИИ-2022» предполагает, что «ИИ» относится к системе, способной выполнять функции, которые считаются интеллектуальными.

Правительства, международные организации и исследовательские институты по всему миру в конце 2010-х годов начали публиковать серию принципов человекоориентированного искусственного интеллекта, Япония не исключение. В 2019 году правительство Японии опубликовало Социальные принципы человекоцентричного ИИ (Социальные принципы) как принципы внедрения ИИ в общественные отношения. Социальные принципы излагают основные философии: человеческое достоинство, разнообразие и инклюзивность, а также устойчивость. Важно отметить, что цель Социальных принципов – не ограничить использование ИИ для защиты этих принципов, а, скорее, реализовать их посредством ИИ².

Определение ИИ в России и Японии разнятся, российское законодательство делает акцент на системах, связанных с анализом данных и автоматизацией процессов, в Японии, помимо этого, с учетом Социальных принципов законодатель уделяет внимание социокультурным

¹ Некоторые вопросы формирования правовых условий использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники (Ручкина Г.Ф.) («Банковское право», 2020, № 5).

² 2023 Подход Японии к регулированию искусственного интеллекта и его влияние на председательство в G7 в 2023 году/Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency, CSIS // Искусственный интеллект Российской Федерации URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_podhod_yaponii_k_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_i_ego_vliyanie_na_predsedatelystvo_v_g7_v_2023_godu_japan_s_approach_to_ai_regulation_and_its_impact_on_the_2023_g7_presidency_csis/ (дата обращения: 31.05.2024).

аспектам деятельности искусственного интеллекта.

Если говорить о США, то S.3771 – FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2020¹, термин «искусственный интеллект» включает в себя следующее:

(А) Любые искусственные системы, которые выполняют задачи в различных и непредсказуемых обстоятельствах, без значительного контроля со стороны человека, которые могут учиться на своем опыте и улучшать свою производительность.

(В) Системы, которые думают, как люди, такие как когнитивные архитектуры и нейронные сети.

(С) Системы, которые действуют как люди (например, могут пройти тест Тьюринга или другой аналогичный тест посредством обработки естественного языка, представления знаний, автоматического рассуждения и обучения).

(D) Набор методов, включая машинное обучение, которые стремятся приблизиться к некоторой когнитивной задаче.

(Е) Системы, которые действуют рационально.

Одним из ключевых вопросов США, который требует регулирования, является конфиденциальность данных, полученных ИИ. В этом направлении разработан Проект Билля о правах искусственного интеллекта², в рамках которого обозначены основные принципы ИИ:

1. Безопасные и эффективные системы;
2. Алгоритмическая защита от дискриминации;
3. Конфиденциальность данных;
4. Уведомление и пояснение;
5. Человеческие альтернативы, рассмотрение и отступление.

В США и России определение термина «искусственный интеллект» имеет много схожих черт, законодатели обоих государств определяют ИИ как систему, которая способна выполнять задачи, требующие умственных способностей человека. Однако нормативные правовые акты Российской Федерации делают упор на потенциальные риски, а также этические вопросы, связанных с использованием ИИ.

Перспективным видится взаимодействие государств и наднациональных организаций в работе по формированию общего режима регулирования искусственного интеллекта, и в первую очередь необходимо сформировать понятийно-категориальный аппарат для обеспечения соблюдения принципов безопасного использования искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 17.
2. Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 35.
3. Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 17-18.
4. Кибернетика и общество : [сборник] / Роберт Винер ; [перевод с английского В. Желнинова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. С. 18.
5. Искусственный интеллект – надежды и опасения : [сборник : перевод с английского В. Желнинова] / под ред. Джона Брокмана. – Москва : Издательство АСТ, 2020. С. 10.
6. Форма жизни №4: как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта / Евгений Черешнев. – М. : Альпина Паблишер, 2023. С. 348-349.
7. Искусственный интеллект – надежды и опасения : [сборник : перевод с английского В. Желнинова] / под ред. Джона Брокмана. – Москва : Издательство АСТ, 2020. С. 25.
8. Корпорация «Бог и голем» / Винер Норберт ; [перевод с английского В. Желнинова, Е. Алексеевой]. – Москва : Издательство АСТ, 2018.
9. Некоторые вопросы формирования правовых условий использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники (Ручкина Г.Ф.) («Банковское право», 2020, № 5)
9. 2023 Подход Японии к регулированию искусственного интеллекта и его влияние на председательство в G7 в 2023 году/Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency, CSIS // Искусственный интеллект Российской Федерации URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_podhod_yaponii_k_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_i_ego_vliyanie_na_predsedatelystvo_v_g7_v_2023_godu_japan_s_approach_to_ai_regulation_and_its_impact_on_the_2023_g7_presidency_csis/ (дата обращения: 31.05.2024).
10. S.3771 - FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2020 // CONGRESS.GOV URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3771/text> (дата обращения: 04.06.2024).
11. Blueprint for an AI Bill of Rights // The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 04.06.2024).

References:

1. Cybernetics and Society : [collection / Robert Wiener ; [translated from English by V. Zhelminov]. - Moscow : AST Publishing House, 2019. St. 17.
2. Cybernetics and Society : [collection / Robert Wiener ; [translated from English by V. Zhelminov]. - Moscow : AST Publishing House, 2019. St. 35.
3. Cybernetics and Society : [collection / Robert Wiener ; [translated from English by V. Zhelminov]. - Moscow : AST Publishing House, 2019. Articles 17-18.
4. Cybernetics and Society : [collection / Robert Wiener ; [translated from English by V. Zhelminov]. - Moscow : AST Publishing House, 2019, p. 18.
5. Artificial intelligence-hopes and dangers : [collection : translated from English by V. N. Zhelminov] / edited by N. John Brockman. -Moscow : AST Publishing House, 2020. Art. 10.
6. Form of life No. 4: how to remain human in the heyday of artificial intelligence / Evgeny Chereshev. - M. N. : Alpina Publisher, 2023. Art. 348-349.
7. Artificial intelligence-hopes and dangers : [collection : translation translated from English by V. N. Zhelminov] / edited by N. John Brockman. -Moscow : AST Publishing House, 2020, st. 25.
8. Corporation "God and Golem" / Wiener Norbert; [translated from English by V. Zhelminova, E. N. Alekseeva], Moscow : AST Publishing House, 2018.
9. Some issues of the formation of legal conditions for the use of artificial intelligence, robots and objects of robotics (Ruchkina G. N.F. N.) ("Banking Law", 2020, No. 5)
9. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the G7 Presidency in 2023/Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency, CSIS // Artificial Intelligence of the Russian Federation URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_podhod_yaponii_k_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_i_ego_vliyanie_na_predsedatelystvo_v_g7_v_2023_godu_japan_s_approach_to_ai_regulation_and_its_impact_on_the_2023_g7_presidency_csis/ (date of access: 05/31/2024).
10. S.3771-FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2020 // CONGRESS.GOV URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3771/text> (accessed: 06/04/2024).
11. Blueprint for AI Bill of Rights // The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed: 06/04/2024).

¹ S.3771 - FUTURE of Artificial Intelligence Act of 2020 // CONGRESS.GOV URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3771/text> (дата обращения: 04.06.2024).

² Blueprint for an AI Bill of Rights // The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 04.06.2024).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROTECTION AND SAFEGUARDING OF PERSONAL DATA

ГАРТИНА Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»

Пензенского государственного университета.

440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.

E-mail: gjpenza@rambler.ru;

СЕДЫШЕВ Данила Сергеевич,

магистр кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета.

440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.

E-mail: sedyshev.danila@yandex.ru;

GARTINA Yulia Alexandrovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Penza State University.

440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.

E-mail: gjpenza@rambler.ru;

SEDYSHEV Danila Sergeevich,

Master of the Department of Private and Public Law Penza State University.

440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.

E-mail: sedyshev.danila@yandex.ru

Краткая аннотация. Анализ правового регулирования актуальных вопросов охраны и защиты использования персональных данных в Российской Федерации в настоящее время является очень актуальным. В связи с постоянным совершенствованием и усложнением гражданских правоотношений, а также появлением и развитием новых институтов, таких как: цифровые права, искусственный интеллект, внедрение цифровизации - использование и обработка персональных данных граждан значительно увеличилась. Это, несомненно, требует более тщательной проработки нормативно-правового регулирования института персональных данных, а также устранения уже существующих проблем в сфере их правовой охраны и защиты.

Abstract: The analysis of legal regulation of current issues of protection and protection of the use of personal data in the Russian Federation is currently very relevant. Due to the constant improvement and complication of civil legal relations, as well as the emergence and development of new institutions, such as: digital rights, artificial intelligence, the introduction of digitalization - the use and processing of personal data of citizens has increased significantly. This, undoubtedly, requires a more thorough elaboration of the normative and legal regulation of the institution of personal data, as well as the elimination of existing problems in the field of their legal protection and defense.

Ключевые слова. Персональные данные, цифровизация, интернет, защита персональных данных, технологии искусственного интеллекта, трансграничная передача данных.

Key words: Personal data, digitalization, Internet, personal data protection, artificial intelligence technologies, cross-border data transfer.

Для цитирования: Гартина Ю.А., Седышев Д.С. Проблемы правового регулирования защиты и охраны персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_362.

For citation: Gartina Yu.A., Sedyshev D.S. Problems of legal regulation of protection and safeguarding of personal data // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_362.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Исследование проблем законодательства о защите персональных данных в России обусловлено стремительной цифровизацией общества, а также увеличением объема собираемых персональных данных и участившимися случаями их утечек. В условиях развития технологий искусственного интеллекта, больших данных и интернета вещей особую значимость приобретает совершенствование механизмов правовой защиты персональных данных граждан. Что при всеобщей цифровизации является неотъемлемой частью правового регулирования данных правоотношений.

Анализ нормативно-правового регулирования цифровых технологий, изучение судебной практики по вопросам реализации и защиты персональных данных граждан, увеличение объемов обрабатываемых персональных данных несомненно позволили выявить наиболее существенные недостатки в правовом регулировании данного института. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [1], несмотря на многочисленные поправки, не в полной мере отвечает современным вызовам цифровой эпохи.

Так, в данный момент, одной из проблем является неполнота и размытость определения персональных данных. Действующая формулировка, закрепленная в законе, не учитывает появление новых типов данных, таких как биометрические данные, генетическая информация. Что само по себе может создать правовую неточность при определении режима защиты таких данных и как правило может вызвать затруднения в правоприменительной практике.

Одной из серьезных проблем, на наш взгляд, является обеспечение безопасности при трансграничной передаче данных. Как правило, на практике сложно контролировать соблюдение российского законодательства иностранными операторами. Трансграничная передача данных – это простыми словами, передача данных иностранному лицу: органу государственной власти, физическому или юридическому лицу.

В условиях глобализации и развития облачных технологий этот пробел создает риски для безопасности персональных данных российских граждан при их обработке иностранными компаниями. Действующие нормы не предусматривают эффективных механизмов контроля за соблюдением российского законодательства зарубежными операторами [2, с. 137]. Что создает много сложностей в вопросах защиты и правового

го регулирования данных правоотношений.

Подсудность дел является также одним из актуальных вопросов защиты персональных данных при трансграничной передаче, так как отсутствие правового регулирования данного вопроса не позволяет рассматривать подобные дела в российских судах, по месту нахождения лиц, которым причинен вред нарушениями законодательства о персональных данных.

Данная проблема нуждается в детальном научном исследовании и проработке предложений по внесению соответствующих изменений в нормы действующего материального и процессуального законодательства.

Помимо этого, обращает на себя внимание и деятельность уполномоченного органа, относительно работы которого возникает много вопросов, связанных с развитием международного сотрудничества, особенно, в вопросах осуществления трансграничной передачи персональных данных. И наиболее значимым является его независимость.

Быстроразвивающийся современный мир бросает много вызовов неприкосновенности частной жизни граждан. Между уполномоченными органами различных государств необходимо наличие скоординированных действий и обеспечение оперативного взаимодействия с целью существенного повышения эффективности защиты прав граждан, в том числе за пределами Российской Федерации.

В эпоху стремительной цифровизации, особую озабоченность вызывает недостаточная проработанность механизмов защиты персональных данных при использовании технологий искусственного интеллекта и больших данных. Действующее гражданское законодательство не предусматривает специальных требований к обеспечению безопасности при автоматизированной обработке данных, что создает риски их несанкционированного использования и утечек. Под автоматизированной обработкой персональных данных понимается обработка с помощью средств вычислительной техники. Положения федерального закона, регламентирующего данные правоотношения, получили конкретизацию в подзаконных нормативных правовых актах, в которых указывается на использование, уточнение, распространение, уничтожение персональных данных в отношении каждого из субъектов персональных данных без непосредственного участия человека [3]. Таким образом, в практическом применении законодательства может возникнуть вопрос: будет ли являться настроенная обработка персональных данных в Excel или 1С автоматизированной обработкой? Ввод и последующее формирование данных в таких системах осуществляется при непосредственном участии человека. Однако в последствии возможна их автоматическая обработка путем использования соответствующих фильтров. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что необходимо выработать четкие критерии для определения автоматизированной обработки персональных данных, так как в работе автоматизированных систем присутствует человеческий фактор [4, с.45].

Еще одна актуальная проблема, требующая пристального внимания, заключается в несовершенстве положений системы согласий на обработку персональных данных. По сути, в настоящее время существует формальный подход, когда пользователь вынужден соглашаться с длинными и сложными документами, который не обеспечивает реальной защиты прав субъектов персональных данных. В настоящее время в законе отсутствуют четкие требования к форме и содержанию согласия на обработку персональных данных, что позволяет операторам злоупотреблять своими правами [5, с.3]. Решение данной проблемы возможно по средствам проработки и детализации конкретных формулировок для различного вида правоотношений, требующих сбор, систематизацию и хранение персональных данных граждан.

Серьезной проблемой является отсутствие четкого регулирования оборота обезличенных данных. Закон не определяет критерии достаточной обезличенности, что создает риски повторной идентификации субъектов при использовании современных технологий анализа данных [6].

Под обезличиванием персональных данных понимается способ, позволяющий обрабатывать персональные данные субъекта, а также обезличивать уже полученные ранее оператором персональные данные.

Федеральный закон «О персональных данных» определяет их в отдельную категорию, которая не требует обеспечения конфиденциальности и применения, установленных законодательством о персональных данных, обязательных мер и способов защиты. Сложность заключается в том, что, предоставляя операторам персональных данных право самостоятельно выбирать методы и способы защиты информации, законодатель не установил четкие правила для ее обезличивания. В связи с этим необходимо внести изменения в нормативные акты, установить механизм защиты анонимной информации и разработать методику его применения для субъектов, занимающихся обезличиванием персональных данных (операторов) [7].

Также, особого внимания требуют отдельные вопросы правового регулирования обезличивания персональных данных. Например, необходимо установить запрет на проведение обезличивания информации гражданами, организациями, не являющимися операторами персональных данных.

Законодательство также не учитывает специфику обработки персональных данных в социальных сетях и мессенджерах. Отсутствуют специальные требования к защите данных пользователей этих сервисов, не регламентированы вопросы удаления информации по требованию субъекта персональных данных.

Таким образом, к основным проблемам в области правового регулирования защиты персональных данных в сети Интернет следует отнести: трудности в отслеживании фактов нарушения законодательства о персональных данных, быстрое распространение информации и невозможность устранить нарушение моментально, отдельные трудности в разграничении конфиденциальной и общедоступной информации. Все эти вопросы, несомненно требуют законодательного закрепления и особого внимания, в силу специфики их правового регулирования.

Помимо этого, требует совершенствования система государственного контроля в сфере защиты персональных данных. Существующие механизмы проверок и мониторинга не позволяют своевременно выявлять и пресекать нарушения. Необходимо расширить полномочия надзорных органов в сфере защиты и совершенствования инструментов контроля [8].

Судебная практика демонстрирует сложности в доказывании фактов нарушения законодательства о персональных данных. Операторы часто формально подходят к выполнению требований закона, ограничиваясь получением типовых согласий на обработку данных без реального обеспечения их безопасности. При этом суды зачастую принимают такой формальный подход, что не способствует повышению уровня защищенности персональных данных [9].

В сфере обработки биометрических персональных данных наблюдается отсутствие единых стандартов безопасности. Различные операторы применяют разные подходы к защите биометрии, что создает риски компрометации этих чувствительных данных. Необходима унификация требований к обработке биометрических данных с учетом их особой значимости [10].

Совершенствование нормативно-правовой базы в области защиты персональных данных требует комплексного подхода с учетом современных технологических реалий и международного опыта. Первостепенное значение имеет актуализация базовых понятий закона «О персональных данных». Необходимо расширить определение персональных данных, включив в него новые виды информации, появившиеся с развитием цифровых технологий – поведенческие данные, цифровые следы пользователей, генетическую информацию и т.д.

В сфере трансграничной передачи данных следует установить более четкие критерии оценки адекватности уровня защиты в иностранных государствах. Целесообразно внедрить механизм сертификации иностранных операторов, обрабатывающих данные российских граждан. Это позволит обеспечить прозрачность и контролируемость трансграничных потоков персональных данных [11, с.18].

Для регулирования оборота обезличенных данных необходимо установить четкие критерии достаточной обезличенности, учитывающие возможности современных технологий идентификации. Следует определить особые требования к обработке и хранению обезличенных данных, механизмы контроля за их использованием.

Важным элементом совершенствования законодательства должно стать развитие механизмов международного сотрудничества в сфере защиты персональных данных. Следует заключить двусторонние соглашения с ключевыми странами-партнерами, определяющие порядок взаимодействия надзорных органов и механизмы правовой помощи при расследовании и устранении нарушений [12]. Международное сотрудничество является важным вопросом в сфере правового регулирования вопросов защиты персональных данных.

Таким образом, анализ правового регулирования института персональных данных позволил выявить наиболее актуальные проблемы в сфере их правовой систематизации и защиты, решение выявленных проблем даст возможность субъектам максимально защитить свои персональные данные и не переживать за их несанкционированное использование.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — №31 (14.) — Ст.3451.
2. Хлестова Д. Р., Попов К. Г. К вопросу о правовых аспектах защиты персональных данных // Символ науки. — 2016. — № 4-3. — С. 136-138.
3. Постановление правительства РФ от 15 сентября 2008 г. № 687 (ред. от 18.01.2025) «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — №38. — Ст.4320.
4. Семенов Е.Ю., Лысенко Е.С. Проблемы правового регулирования автоматизированной обработки общедоступных персональных данных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2021. — С. 44-48.
5. Фастович Г. Г., Жикулина А. С., Рахвалова Н. А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 2. — С. 2-4.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — №31 (14.) — Ст.3448.
7. Еременко Татьяна Александровна Обезличивание персональных данных как механизм защиты конституционных прав человека // Вестник СГЮА. — 2023. — №1 (150).
8. Сычева М. И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — №10-3.
9. Слапкина Т. В. К вопросу определения объекта правоотношений по защите персональных данных в судебной практике // Инновационная наука. — 2017. — №3-2.
10. Новиков Роман Валерьевич Правовое регулирование оборота персональных данных как самостоятельного объекта гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. — 2019. — №3 (171).
11. Рузанова В.Д. Законодательство в области персональных данных как институт информационного законодательства // Юридический Вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5. №2. — С. 15-22.
12. Шебанова Надежда Александровна Охрана персональных данных: опыт международного регионального сотрудничества // Международное право и международные организации. — 2020. — №2.

References:

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (part 1) - Art. 3451.
2. Khlestova D. R., Popov K. G. On the Issue of Legal Aspects of Personal Data Protection // Symbol of Science. - 2016. - No. 4-3. - P. 136-138.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 15, 2008 No. 687 (as amended on January 18, 2025) "On Approval of the Regulation on the Features of Personal Data Processing Carried Out Without the Use of Automation Means" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2008. - No. 38. - Art.4320.
4. Semenov E.Yu., Lysenko E.S. Problems of legal regulation of automated processing of publicly available personal data // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - P. 44-48.
5. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - No. 2. - P. 2-4.
6. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on November 23, 2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (part 1) - Art.3448.
7. Eremenko Tatyana Aleksandrovna Depersonalization of personal data as a mechanism for protecting constitutional human rights // Bulletin of SSLA. - 2023. - No. 1 (150).
8. Sycheva M. I. Problems of legal regulation of personal data protection on the Internet // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 10-3.
9. Slavkina T. V. On the issue of determining the object of legal relations for the protection of personal data in judicial practice // Innovative Science. - 2017. - No. 3-2.
10. Novikov Roman Valerievich Legal regulation of personal data circulation as an independent object of civil legal relations // Law and state: theory and practice. - 2019. - No. 3 (171).
11. Ruzanova V.D. Legislation in the field of personal data as an institution of information legislation // Legal Bulletin of Samara University. - 2019. - Vol. 5. No. 2. - P. 15-22.
12. Shebanova Nadezhda Aleksandrovna Protection of personal data: experience of international regional cooperation // International law and international organizations. - 2020. - No. 2.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА НА САЙТЕ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» LEGAL FEATURES OF USING A CITIZEN'S IMAGE ON THE WEBSITE OF A PLASTIC SURGERY CLINIC IN THE INTERNET INFORMATION AND COMMUNICATION NETWORK

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,

адвокат, ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры». 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.

E-mail: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,

lawyer, NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm.

6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187, Russia.

E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье изображение рассмотрено с трех сторон: как нематериальное благо (составляющая частной жизни), как объект авторского права и как персональные данные. Обоснована важность правомерного использования и защиты изображений пациентов клиник пластической хирургии. Доказано, что изображения гражданин должны размещаться, в том числе в сети Интернет и использоваться только с их согласия. При этом необходимо получить согласие пациента как на само получение (изготовление) изображения, так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях. Изображение классифицируется как биометрические персональные данные, только если оно обрабатывается пластическим хирургом с целью идентификации субъекта персональных данных. При этом фотография как объект авторского права должна отражать личный подход автора и отличаться от других произведений. Гражданин, чье изображение было опубликовано и использовано без его согласия, вправе обратиться в суд с требованием удаления этого изображения, запрещения дальнейшего его распространения, компенсации морального вреда.

Abstract. In the article, the image is viewed from three sides: as an intangible asset (a component of private life), as an object of copyright and as personal data. The importance of the legitimate use and protection of patient images in plastic surgery clinics is substantiated. It has been proven that images of citizens should be posted, including on the Internet, and used only with their consent. At the same time, it is necessary to obtain the patient's consent both for the very receipt (production) of the image, and for its use for professional, scientific, educational and advertising purposes. An image is classified as biometric personal data only if it is processed by a plastic surgeon in order to identify the subject of personal data. At the same time, photography as an object of copyright must reflect the personal approach of the author and be different from other works. A citizen whose image was published and used without his consent has the right to apply to the court with a request to remove this image.

Ключевые слова: пациент, согласие, пластическая хирургия, фотография, изображение, использование изображений, публикация, пластический хирург, клиника пластической хирургии, персональные данные, Интернет, ответственность.

Keywords: patient, consent, plastic surgery, photography, image, use of images, publication, plastic surgeon, clinic, personal data, Internet, responsibility.

Для цитирования: Ястремский И.А. Правовые особенности использования изображения гражданина на сайте клиники пластической хирургии в информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_365.

For citation: Yastremsky I.A. Legal features of using a citizen's image on the website of a plastic surgery clinic in the Internet information and communication network // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 365-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_365.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В последние годы наблюдается значительный рост использования информационных технологий в качестве дополнительного инструмента в области здравоохранения, например, внедрение электронных медицинских карт, медицинских консультаций с использованием телемедицины и телемеханики, а также использование мобильных электронных устройств и смартфонов для получения изображений. Все эти технологии создают проблемы, связанные с правовыми и этическими аспектами использования фотографий для ведения пациентов, медицинского просвещения и научных исследований в медицинской практике.

В эпоху развития информационных технологий и цифровизации общества актуальным представляется исследование вопроса об использовании фотографий, размещенных в Интернете.

Результат пластической операции зависит от достигнутого эстетического улучшения внешнего вида пациента, который отображается в фотографиях пациента. При этом именно изображение пациента позволяет его идентифицировать.

Однако большинство медицинских работников либо плохо знают о правовых и этических требованиях к использованию и обмену изображениями, либо не заботятся о независимости пациентов в отношении использования их изображений, не уважая их право на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность.

Изображение гражданина представляет собой внешний целый или фрагментарный образ (облик) человека, визуально отличающий его от других людей¹.

Изображение пациента может давать информацию о его состоянии, характере и тяжести заболевания, виде проведенного медицинского вмешательства. Фотография пациента содержит конфиденциальную информацию и позволяет его идентифицировать. Поэтому место хра-

¹Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 37.

нения фотографий, должна быть надежно защищено от несанкционированного доступа.

Фотографии пациентов используются для обучения студентов-медиков, дальнейших научных исследований в сфере пластической хирургии. В подтверждение результатов новых клинических исследований и методик на семинарах, конференциях, симпозиумах, как правило, показываются фотографии пациентов. В дальнейшем эти исследования и методики, вместе с фотографиями, размещаются на сайтах клиник, в научных работах, в медицинской литературе, что способствует развитию и совершенствованию медицинской практики и обогащению знаниями.

Но даже с учетом большого значения изготовления и использования фотографий, право пациентов на их конфиденциальность имеет приоритет и должно соблюдаться всеми клиниками пластической хирургии. Поэтому изображения граждан должны размещаться и использоваться только с их согласия.

Демонстрация фотографии пациента является разглашением информации о причине обращения за оказанием медпомощи, свидетельствовать о характере и тяжести заболевания, факте проведения медицинского вмешательства¹.

При отсутствии согласия пациента, запечатленного клиникой на видео или фотографии, на съемку и использование соответствующего изображения, действия виновного лица образуют разглашение врачебной тайны. Для клиники рекомендуемой формой является письменная форма согласия. Это обусловлено возложением обязанности размещения и использования видео или фотографии лицом, непосредственно изображенным на нем.

Гражданский кодекс РФ в ст. 152.1 предусматривает, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи) допускаются только с его согласия. Если такое изображение распространено в сети Интернет, по требованию пострадавшего оно может быть удалено, пресечено или запрещено для дальнейшего распространения.

Наиболее предпочтительной формой является письменная форма согласия на использование изображения, в силу однозначного подтверждения наличия этого согласия, а также возможности установить основные условия (пределы) его использования.

Согласие пациента необходимо как на получение изображения (фотографирование или видеосъемку), так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях. Согласие пациента должно содержать все возможные виды и формы использования его изображений. Важно, чтобы пациенты были полностью проинформированы о последствиях публикации фотографий в Интернете, до подписания формы согласия.

При этом размещение гражданином его изображения в Интернете и общедоступность данного изображения не свидетельствует о наличии согласия на его свободное использование. Поэтому по умолчанию на использование изображения требуется согласие, за исключением случаев, прямо установленных законом².

Итак, пациенту необходимо знать, куда направляются клинические снимки, поскольку с развитием технологий и расширением возможностей подключения к Интернету возрастает вероятность ненадлежащего распространения фотографии или цифрового фотоизображения, что нарушает неприкосновенность частной жизни и права пациента на конфиденциальность. Информированное согласие должно быть средством, с помощью которого следует разъяснять все виды использования изображений пациента в медицинской карте, а также в последующем лечении, в учебных презентациях и научных публикациях.

При этом ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ не касается авторского права. В ней прямо указано, что изображенное лицо имеет право разрешить другому лицу, например пластическому хирургу, использовать свое изображение, в том числе в коммерческих целях.

Поскольку ст. 152.1 ГК РФ включена в главу о нематериальных благах, она направлена на пресечение нарушения неприкосновенности частной жизни человека. Нормы данной статьи регулируют право на внешний вид, которое принадлежит лицу в силу рождения³.

За неправомерную публикацию и использование изображения пациента виновное лицо несет гражданско-правовую ответственность, т.е. обязанность лица, нарушившего права другого лица, устранить последствия этого нарушения. Клиника привлекается к ответственности только в случае, если соблюдены условия гражданско-правовой ответственности: размещение и использование изображения пациента, противоправность действия (бездействия) клиники (ее персонала), т.е. отсутствие согласия пациента.

Итак, использование пластическим хирургом фотографии, находящейся в Интернете (в виде копирования, распечатки, отправления, редактирования и пр.), допускается по общему правилу с письменного согласия правообладателя, кроме случаев: использования изображения в личных целях (ст. 1273 ГК РФ), при правомерном цитировании (п. 1 ч. 1 ст. 1274 ГК РФ), в качестве иллюстраций в учебных целях (п. 2 ч. 1 ст. 1274 ГК РФ).

Необходимо получить согласие пациента как на само получение (изготовление) изображения (фотографирование или видеосъемку), так и на его использование в профессиональных, научных, учебных, рекламных целях. Публикация изображения пациента, запечатленного клиникой на видео или фотографии, в отсутствие его согласия на это, является разглашением врачебной тайны.

Персональные данные представляют собой информацию, относящуюся к физическому лицу. Поскольку фотографии содержат изображения лиц или человеческого тела, личности могут быть идентифицированы и эти фотографии являются личными данными по смыслу закона. Действительно, портретные фотографии могут быть даже лучшим идентификатором, чем имена людей. Персональные данные могут собираться

¹Согласие пациента на использование его изображения. URL: <https://www.zdrav.ru/articles/102066-qqe-16-m01-soglasie-patsienta-na-ispolzovanie-ego-izobrazeniya?ysclid=lm5q4vkn781282577>.

²Фридман В. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8.

³ Рожкова М.А. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к Главам 6-12 (Статут, Москва, 2014).

и обрабатываться только в целях и на условиях, определенных законом.

Физическими и юридическими лицами, которые собирают и обрабатывают такие данные (контролеры данных), являются лица, на которые распространяются обязательства по защите этих данных от злоупотреблений. Что касается портретной фотографии, то охраняемый интерес здесь - это не интерес правообладателя, а неприкосновенность частной жизни изображенного лица.

Анализ ст. 11(1) Закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее – Закон) показал, что фотографии могут относиться к биометрическим персональным данным¹. Однако изображение может являться таковым, только если цель ее обработки пластическим хирургом - идентификация субъекта персональных данных.

В случаях, когда фотография гражданина является обработанной для других целей, не имеющих ничего общего с их идентификацией, можно говорить о нормальном использовании пластическим хирургом фотографии, подпадающей под действие вышеупомянутой статьи 152.1 Гражданского кодекса РФ.

Размещенные в Интернете фотографии могут быть объектами авторского права, использование которых пластическим хирургом без разрешения на это правообладателя не допускается. Однако эти произведения должны быть результатом творческого труда автора, и, соответственно, являться результатом интеллектуальной деятельности (РИД).

Ввиду отсутствия в законе условий признания фотографических произведений защищенными авторским правом, автор пользуется авторским правом на любую фотографию в силу самого факта ее создания и независимо от ее художественной ценности².

Авторское право в широком смысле охватывает копирование, адаптацию, распространение копий для всеобщего сведения, публичное исполнение и трансляцию произведений. Это означает, что пользователю обычно требуется разрешение владельца (владельцев) авторских прав, если он хочет выполнить определенные действия, такие как копирование изображения или публикация его в Интернете.

Правомерное использование изображений допускается лишь при условии соблюдения авторских прав, предусматривающем наличие согласия правообладателя. При этом отсутствие запрета на использование, имени автора (правообладателя) рядом с фотографией, либо авторского знака не считается согласием.

Таким образом, изображение человека находится под защитой ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ, авторского права, а также Закона «О персональных данных».

Список литературы:

1. Гайдук В.П. Использование фотографий, взятых из Интернета: правовые риски, практика, рекомендации // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 6 // СПС «Консультант Плюс».
2. Гушина Я.Е. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Закон и общество: история, проблемы, перспективы. Материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ. Красноярск, 2022.
3. Коваленко Ю.А. Актуальные проблемы охраны изображения гражданина в сети «Интернет» // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е.В. Трофимов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт, 2021.
4. Кривогин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2.
5. Лушина В.Е. Незаконное использование фотоизображений граждан, размещенных в сети Интернет // Вестник магистратуры. 2015. № 3 (42).
6. Мазаев Д.В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113).
7. Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2.
8. Рожкова М.А. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к Главам 6-12 (Статут, Москва, 2014).
9. Фридман В. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8.
10. Marina Rozhkova, Olga Isaeva. Legal protection of photographs in the digital age: Russian regulation. SHS Web of Conferences 109, 01032 (2021).

References:

1. Gaiduk V.P. The use of photographs taken from the Internet: legal risks, practice, recommendations // IS. Copyright and related rights. 2022. No. 6 // SPS "Consultant Plus".
2. Gushchina Ya.E. Protection of the image of a citizen on the Internet // Law and society: history, problems, prospects. Materials of the XXVI Interuniversity International Scientific and Practical Conference of students and Postgraduates dedicated to the 70th anniversary of Krasnoyarsk State Agrarian University. Krasnoyarsk, 2022.
3. Kovalenko Yu.A. Actual problems of protecting the image of a citizen on the Internet // Pravo. Society. The State: a collection of scientific papers of students and postgraduates / ed. by E.V. Trofimov. Saint Petersburg : Saint Petersburg Institute, 2021.
4. Krivogin M.S. Features of legal regulation of biometric personal data // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 2.
5. Lushina V.E. Illegal use of citizens' photographs posted on the Internet // Bulletin of the Magistracy. 2015. No. 3 (42).
6. Mazaev D.V. Protection of a citizen's image on the Internet // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 6 (113).
7. Mikryukov V.A. On the differentiated consent of a citizen to the publication and use of his own image // Law and economics. 2013. No. 2.
8. Rozhkova M.A. The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on Chapters 6-12 (Statute, Moscow, 2014).
9. Friedman V. The right to an image: features of legal regulation and ways of protection // Intellectual property. Copyright and related rights. 2019. No. 8.
10. Marina Rozhkova, Olga Isaeva. Legal protection of photographs in the digital age: Russian regulation. SHS Web of Conferences 109, 01032 (2021).

¹Кривогин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 80-89.

²Marina Rozhkova, Olga Isaeva. Legal protection of photographs in the digital age: Russian regulation. SHS Web of Conferences 109, 01032 (2021). P. 3.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_368

УДК 347.91/95

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ЧАСТИЧНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ АРБИТРАЖНОГО СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ IMPLEMENTATION OF THE POSSIBILITY OF PARTIAL APPEAL OF JUDICIAL ACTS OF THE ARBITRATION COURT OF FIRST INSTANCE

ПИВЦАЕВ Евгений Игоревич,кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права СЗФ
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5.

E-mail: epivcaev@gmail.com;

PIVTSAEV Evgenii Igorevich,Candidate of Law, associate professor of North-West branch
of FGBOUVO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
197046, St. Petersburg, Alexander Park, 5.

E-mail: epivcaev@gmail.com

Краткая аннотация: Согласно действующему процессуальному законодательству возможность обжалования судебного акта арбитражного суда первой инстанции в части связана с правом лица, участвующего в деле, на заявление возражений относительно частичного пересмотра. В указанной статье поставлена проблема конкретизации требований к такому заявлению, в какой степени возражения лица должны быть мотивированными и достаточными для принятия апелляционным судом решения о необходимости пересмотра обжалуемого судебного акта в полном объеме с выходом за пределы доводов непосредственно апелляционной жалобы, а также поставлен вопрос о взаимосвязи между возражениями и конкретным судебным заседанием.

Abstract. According to the current procedural legislation, the possibility of appealing against the judicial act of the arbitration court of the first instance in the part is associated with the right of the person participating in the case to the statement of objections regarding partial review. The indicated article poses the problem of specifying the requirements for such a statement, to which the person's objection should be motivated and sufficient to make an appeal court on the need to revise the appealed judicial act in full with the entry of the arguments of the directly appeal, as well as the issue of the interconnection between the objections and the specific court session.

Ключевые слова: апелляционное обжалование; судебные акты; частичное обжалование; исковое производство; арбитражный суд.
Keywords: appeal; judicial acts; partial appeal; litigation; arbitration court.

Для цитирования: Пивцаев Е.И. Реализация возможности частичного обжалования судебных актов арбитражного суда первой инстанции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 368-370. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_368.

For citation: Pivtsaev E.I. Implementation of the possibility of partial appeal of judicial acts of the arbitration court of first instance // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 368-370. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_368.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

В соответствии с частью 5 статьи 268 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)¹ при частичном обжаловании решения суда первой инстанции суд апелляционной инстанции осуществляет проверку данного акта исключительно в указанной заявителем части. Указанная норма приводит оговорку: частичная проверка судебного акта проводится только если лица, участвующие в деле, не заявят возражений.

Анализ указанной нормы права не позволяет однозначно установить, какой именно правовой смысл закладывает законодатель в данные возражения, а также какова их правовая природа и при каких обстоятельствах они могут быть заявлены лицом, участвующим в деле, и противостоящим подателю апелляционной жалобы. Тем не менее, из редакции анализируемой нормы следует наличие прямого препятствия к рассмотрению апелляционной жалобы, оспаривающей решение суда первой инстанции в части, при наличии соответствующего волеизъявления со стороны, выигравшей спор в оспариваемой части.

В научной литературе отмечаются различные подходы к вопросу заявления возражений. Так, Морозова А.С. указывает, что закон не связывает наличие возражений с представлением лицом конкретных доводов, обосновывающих заявленные возражения [1, с.82]. Слепченко Е.В. отмечает, что апелляционный пересмотр судебного акта должен проводиться в рамках заявленной апелляционной жалобы [2, с.70]. Такой позиции придерживается и Кливер Е.П. [3, с.163].

Указанная правовая неопределенность приводила как к различным толкованиям термина «возражения» относительно частичного пересмотра решения суда первой инстанции в судебной практике, так и вызывала споры о соответствии нормы части 5 статьи 268 АПК РФ непосредственно Конституции РФ.

Определением от 21.05.2015 №1120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Микитинского Романа Александровича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 41, частью 5 статьи 268, пунктом 3 части 1 статьи 287 и статьей 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»² Конституционным Судом РФ дана оценка указанного положения, согласно которому часть 5 статьи 268 АПК РФ не предусматривает право апелляционного суда проверять решение в части, не оспариваемой в апелляционных жалобах по

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29.07.2002. - №30. - Ст.3012.

² Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 №1120-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Микитинского Романа Александровича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 41, частью 5 статьи 268, пунктом 3 части 1 статьи 287 и статьей 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] <https://base.garant.ru/71067734/> (дата обращения 27.03.2025).

инициативе лица, такую жалобу не подавшего, поэтому не может расцениваться как нарушающее права заявителя. Таким образом, Конституционный Суд РФ подтвердил фактическую невозможность пересмотра судом апелляционной инстанции выводов суда первой инстанции в случае отсутствия их обжалования, за исключением прямо установленных законом случаев перепроверки апелляционным судом соблюдения процессуальных норм, предусмотренных частью 4 статьи 270 АПК РФ.

Кроме того, данный вопрос и в настоящее время представляется актуальным, так как вызывает споры относительно конституционности данной нормы, что подтверждается определением Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 639-О,¹ в котором также приводится анализ части 5 статьи 268 АПК РФ и сделан вывод об отсутствии нарушения норм Конституции РФ. В частности, Конституционный Суд РФ указывает, что данная норма обеспечивает действие принципов диспозитивности и состязательности, которые связывают апелляционный суд доводами подателя апелляционной жалобы. Названные принципы позволяют осуществить выход за пределы доводов апелляционной жалобы исключительно в установленных законом случаях и не предполагают произвольного применения.

Представляется, что Конституционным Судом РФ имеется ввиду независимость от указания в апелляционной жалобе соответствующих доводов для пересмотра решения, и суд апелляционной инстанции осуществляет перепроверку соблюдения судом первой инстанции процессуальных норм (безусловные основания для отмены судебного акта по части 4 статьи 270 АПК РФ). Но и в данном случае Конституционный Суд РФ подтвердил недопустимость пересмотра выводов суда первой инстанции в необжалуемой части.

Верховный Суд РФ также приводит ряд разъяснений относительно толкования части 5 статьи 268 АПК РФ. В частности, в абзацах 1-3 пункта 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 №12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»² (далее – Постановление №12) высшей судебной инстанцией сформулирована процедура, которой руководствуется апелляционный суд в случае подачи возражений по части 5 статьи 268 АПК РФ. Однако названные разъяснения не раскрывают правовой смысл термина «возражения» относительно пересмотра судебного акта в части, а также не отражают цель, для достижения которой лицом, участвующим в деле, могут быть заявлены такие возражения. Кроме того, пункт 27 Постановления №12 не содержит указания на то, насколько мотивированными должны быть такие возражения, чтобы они были учтены апелляционным судом. Вместе с тем, правоприменительная практика, равно как и изложенные выше позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, однозначного ответа на поставленные вопросы не дают.

Из буквального толкования части 5 статьи 268 АПК РФ можно сделать вывод о том, что представление возражений означает невозможность для апелляционного суда пересмотреть решение суда в обжалуемой части и понуждает апелляционный суд к пересмотру судебного акта в полном объеме. Следует отметить, что разъяснения, изложенные в абзацах 1-3 пункта 27 Постановления №12, а именно фразу «имеются ли у них возражения по проверке только части судебного акта», можно толковать как понуждение апелляционного суда перепроверить судебный акт полностью, даже в тех частях, о пересмотре которых в апелляционной жалобе не заявлялось.

Представляется, что столь расширенное толкование противоречит самой сути апелляционного обжалования, установленной положениями статьи 257 АПК РФ, из которой следует, что любое несогласие с вынесенным арбитражным судом первой инстанции судебным актом, в том числе с мотивировочной частью, может быть выражено исключительно в виде апелляционной жалобы. Иной порядок в виде заявления перед судом апелляционной инстанции своего несогласия с выводами суда первой инстанции (например, в форме возражений), может открывать путь для злоупотребления процессуальными правами, когда фактически лицом, участвующим в деле, оспариваются выводы суда первой инстанции, но не соблюдаются требования статьи 260 АПК РФ о форме и содержании апелляционной жалобы, в том числе в виде уклонения от уплаты государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы.

Указанный подход представляется необоснованным с процессуальной точки зрения и противоречащим указанным нормам закона. Более того, при таком толковании термина «возражения» относительно частичной переоценки судебного акта первой инстанции необходимо учесть позицию Верховного Суда РФ о том, что апелляционный суд при частичном обжаловании судебного акта не может по результатам апелляционного судопроизводства ухудшить положение соответствующего подателя апелляционной жалобы, на что указано в определениях от 25.10.2022 №303-ЭС22-12461 по делу №А51-18148/2020, от 24.01.2022 № 309-ЭС21-16461 по делу №А07-25147/2020.

Так, в определении от 25.10.2022 №303-ЭС22-12461 по делу №А51-18148/2020³ Верховный Суд РФ указал на необходимость оценки положений части 5 статьи 268 АПК РФ с учетом диспозитивного характера названной нормы, а также на основе принципов состязательности и равноправия сторон. Из указанного следует, что ориентир Верховного Суда РФ на учет принципов состязательности и равноправия сторон подразумевает под собой то, что нереализация лицом, участвующим в деле, своего права на подачу апелляционной жалобы возлагает на него соответствующие риски. Указанные процессуальные риски, исходя из положений статьи 9 АПК РФ, выражаются в том, что его возражения на решение суда первой инстанции, заявленные в иной форме, нежели апелляционная жалоба, не могут быть положены в основу постановления апелляционного суда, пересматривающего решение суда первой инстанции полностью при его частичном обжаловании другой стороной.

При таких обстоятельствах можно сделать вывод о том, что понятие «возражения» относительно пересмотра судебного акта в обжа-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 639-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Микро-тех» на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 268 и частью 3 статьи 291.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный ресурс] <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-639-o/> (дата обращения 27.03.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 №12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Российская газета. – №156 (8210). – 2020.

³ Определение Верховного Суда РФ от 25.10.2022 №303-ЭС22-12461 по делу №А51-18148/2020 // [Электронный ресурс] https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1141379c-093d-4284-90b8-ba5747bc3543/fd7a9152-fc46-4d9d-963c-250e00b73493/A51-18148-2020_20221025_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.03.2025).

луемой части по части 5 статьи 268 АПК РФ не следует толковать как изложение доводов, оспаривающих решение в иной части, нежели та, в отношении которой подана апелляционная жалоба. Такие доводы не могут быть приняты судом апелляционной инстанции в отсутствие самостоятельной апелляционной жалобы.

Представляется, что возражения по части 5 статьи 268 АПК РФ следует рассматривать как возражения стороны, противостоящей подателю апелляционной жалобы, относительно рассмотрения апелляционной жалобы и переоценки решения в обжалуемой части в конкретном судебном заседании для того, чтобы представить данному лицу возможность сформулировать свои доводы, изложить их в форме апелляционной жалобы и подать ее в качестве второй апелляционной жалобы в рамках конкретного дела. В таком случае ограничение на рассмотрение апелляционной жалобы при наличии соответствующих возражений приобретает процессуальный смысл, проявляющийся в предоставлении лицу, участвующему в деле, возможность реализовать свои процессуальные права на обжалование судебного акта, если они не были им реализованы до даты судебного заседания по рассмотрению первоначальной апелляционной жалобы, частично оспаривающей решение суда первой инстанции.

Процессуальную связанность возражений с конкретным судебным заседанием можно установить из разъяснений пункта 27 Постановления №12, согласно которым в обязательном порядке содержание возражений вносится в протокол судебного заседания. Кроме того, в абзаце 3 пункта 27 Постановления №12 указано на то, что при отсутствии возражений до начала судебного разбирательства апелляционный суд может перейти к проверке судебного акта в оспариваемой части. Таким образом, Верховным Судом РФ указано на непосредственную связанность возражений, заявляемых по части 5 статьи 268 АПК РФ, с судебным заседанием. На основании вышеизложенного, возражения лица, участвующего в деле, относительно пересмотра судебного акта в части, являются возражениями о рассмотрении апелляционной жалобы в конкретном судебном заседании.

Список литературы:

1. Морозова А.С. Пределы рассмотрения дела арбитражным апелляционным судом // Сибирское юридическое обозрение. – № 2(21). – 2013. – С.79-82.
2. Слепченко Е.В. Проверка судебных актов по гражданским делам в апелляционном порядке // Вестник СПбГУ. – Серия 14. Право. – 2011. – №2. – С.66-73.
3. Кливер Е.П. Пределы рассмотрения дел арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 4(21). – С. 160-164.

References:

1. Morozova A.S. The limits of consideration of the case by the arbitration court // Siberian legal review. 2013, 2 (21).
2. Slepchenko E.V. Verification of judicial acts on civil cases in appeal // Bulletin of St. Petersburg State University. - Series 14. Law. - 2011. - No. 2. -S.66-73.
3. Kliver E.P. The limits of consideration of cases with arbitration courts of appeal and cassation instances // Bulletin of the University of Omsk. Series: Right. - 2009. - No. 4 (21). -S. 160-164.

СУДЕБНЫЕ АКТЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПЕРИОДА НЭПА: ПОРЯДОК ВЫНЕСЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ JUDICIAL ACTS IN CIVIL PROCEEDINGS OF THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD: PROCEDURE FOR ISSUING AND CONTENT

ФИЛОНОВА Олина Игоревна,

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
Александровский парк, 5, г. Санкт-Петербург, 197046, Россия.
E-mail: filonova2006@mail.ru;

FILONOVA Olina Igorevna,

Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law North-West Branch
of the Russian State University of Justice named V.M. Lebedev.
Aleksandrovsky Park, 5, St. Petersburg, 197046, Russia.
E-mail: filonova2006@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена историко-правовому опыту вынесения судебных актов в цивилистическом судопроизводстве в период новой экономической политики. На основе анализа гражданского процессуального законодательства, определений Кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР по гражданским делам, Циркуляров Верховного Суда РСФСР, хранящихся в архиве судебных актов народных судов рассматриваемого периода выявляются виды судебных актов (в частности, судебное решение, определение об обеспечении иска, определение об обеспечении доказательств), порядок их принятия, предъявлявшиеся требования. Анализируются структура и содержание судебного решения. Делается вывод о требовании точного и ясного изложения резолютивной части решения, указания на то, что именно и в каком размере присуждено, с целью избежать волокиты в гражданском судопроизводстве и обеспечить исполнимость судебных актов.

Abstract. The article is devoted to the historical and legal experience of issuing judicial acts in civil proceedings during of the new economic policy period. Based on the analysis of civil procedural legislation, decisions of the Cassation Collegium of the Supreme Court of the RSFSR on civil cases, Circulars of the Supreme Court of the RSFSR stored in the archive of judicial acts of people's courts of the period under review, the types of judicial acts (in particular, a judicial decision, a determination on securing a claim, a determination on securing evidence), the procedure for their adoption, and the requirements presented are identified. The structure and content of the judicial decision are analyzed. A conclusion is made about the requirement for an accurate and clear presentation of the operative part of the decisions, an indication of what exactly and in what amount was awarded in order to avoid red tape in civil proceedings and ensure the enforceability of judicial acts.

Ключевые слова: судебные акты, цивилистическое судопроизводство, гражданский процесс, решение суда, определение суда, новая экономическая политика.

Key words: judicial acts, civil proceedings, civil process, court decision, court ruling, new economic policy.

Для цитирования: Филонова О.И. Судебные акты в цивилистическом судопроизводстве периода НЭПА: порядок вынесения и содержание // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 371-373. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_371.

For citation: Filonova O.I. Judicial acts in civil proceedings of the new Economic Policy Period: procedure for issuing and content // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 371-373. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_371.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Вынесение решений суда и иных судебных актов является неотъемлемой частью цивилистического судопроизводства. От качества судебных актов зависит их исполнимость и в целом эффективность судопроизводства, что обуславливает актуальность темы и значимость научной разработки. В связи с чем, целесообразно обратиться к историко-правовому опыту периода новой экономической политики (далее – НЭП).

Гражданским процессуальным кодексом РСФСР от 10 июля 1923 г. (далее – ГПК РСФСР 1923 г.) [1] предусматривались следующие виды судебных актов при рассмотрении гражданских дел в первой инстанции: решение суда и судебный приказ как итоговые судебные акты и определение суда как промежуточный судебный акт.

Согласно ст.ст. 174-175, 178 ГПК РСФСР 1923 г., решение суда постановлялось большинством голосов, излагалось в письменной форме, подписывалось всеми судьями и объявлялось публично.

Ст. 176 ГПК РСФСР 1923 г. закрепляла требования к содержанию решения суда по гражданскому делу: а) время постановления; б) состав суда и наименование тяжущихся; в) указание предмета спора; г) основания решения и законы, которыми суд руководствовался; д) содержание вынесенного по делу решения и порядок его исполнения; е) порядок обжалования; ж) распределение судебных издержек.

В целях установления единообразия в практике судов и в виду того, что каждое исковое заявление должно было быть (если оно не приостановлено и не отложено) либо решено, либо прекращено навсегда, Верховный Суд РСФСР в Циркуляре № 7 от 22 февраля 1925 г. дал разъяснение: суд при рассмотрении исковых заявлений по гражданским делам обязан при рассмотрении дела по существу либо удовлетворить требования истца (полностью или частично), либо отказать в иске [2, с. 233]. Таким образом, гарантировалось, что каждый иск будет рассмотрен и разрешен в соответствии с законом, и уменьшался риск затягивания судебных процессов из-за неопределенности в отношении исхода судебного дела.

Анализ находящихся на архивном хранении решений суда периода НЭПа позволяет выделить в них (что закреплено и в современном гражданском процессуальном праве) структурные элементы: вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части.

30 сентября 1924 г. Кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР по гражданским делам (далее – ГKK Верховного Суда РСФСР) слушала дело по кассационной жалобе на решение Ленинградского губернского суда по иску Зуккерт М. Б. к Петрогуботкомхозу. В резолютивной части решения Ленгубсуда от 21 февраля 1924 г. было определено признать за истцей (Зуккерт М. Б.) право собственности на мебель и вещи домашнего обихода, находившиеся в занимаемой ею комнате. А 31 марта 1924 г. Ленгубсудом по этому делу было вынесено дополнительное определение: «разъяснить решение от 21 февраля 1924 г. в том смысле, что гр. Зуккерт имеет право на мебель и вещи домашнего обихода в занимаемой ею комнате в пределах нормы, по которой отдел коммунального хозяйства закрепил в собственность такого рода имущество за трудящимися одиночками». ГKK Верховного Суда РСФСР уточнила, что суды в изложении резолютивной части решения обязаны, хотя бы в самом сжатом виде, точно и ясно излагать, что именно и в каком размере присуждено и в чем именно отказано, во избежание затруднений при исполнении решения и для устранения волокиты при судопроизводстве, возникающей из-за необходимости в случае неполноты или неясности решения обращаться с ходатайствами о дополнении или истолкования решения. ГKK Верховного Суда РСФСР отметила, что и при наличии дополнительного решения по данному делу в роли судьи должен оказаться коммунох, определяя норму мебели и индивидуальных вещей, так как суд этот вопрос не разрешил. (Определение ГKK Верховного Суда РСФСР по делу № 3996-1924 г.) [2, с. 235-236].

Исходя из анализа вышеприведенного Определения ГKK Верховного Суда РСФСР, можно сделать вывод о предъявлявшемся требовании к содержанию резолютивной части решения суда по гражданскому делу – судебное решение, особенно его резолютивная часть, должно было быть максимально точным и ясным, что предполагало обязательность для суда четко и недвусмысленно указывать: что именно присуждено (конкретное имущество, денежные суммы, действия, которые ответчик обязан совершить), в каком размере присуждено (точные количественные характеристики присужденного, например, количество мебели, вещей домашнего обихода, денежной суммы), в чем именно отказано (точное перечисление тех требований истца, которые суд не удовлетворил). Точность и ясность резолютивной части решения суда объяснялась необходимостью обеспечения исполнения решения суда (судебным исполнителям и сторонам судопроизводства было понятно, что именно подлежало исполнению, и это уменьшало вероятность споров и задержек), предотвращение волокиты (отсутствовала необходимость обращаться в суд за дополнительным разъяснением или истолкованием неясного решения, что способствовало предотвращению волокиты, которая признавалась недопустимой в советском суде).

Верховный Суд РСФСР в Циркуляре № 36 от 11 ноября 1924 г. призвал суды неуклонно соблюдать следующие правила при составлении решений:

- 1) судебные решения по гражданским делам должны излагаться с исчерпывающей полнотой, чтобы сторонам не приходилось обращаться за дополнением решений в порядке ст. 181 ГПК РСФСР и за истолкованием решений в порядке ст. 185 ГПК РСФСР;
- 2) согласно ст. 176 ГПК РСФСР, в выносимых судом решениях должно быть точно и ясно определено, что именно и в каком размере подлежит взысканию;
- 3) в случае присуждения согласно ст. 180 ГПК РСФСР к передаче имущества натурой, в решении суда должен быть точно определен денежный эквивалент на случай невозможности взыскать в натуре [2, с. 234].

Верховный Суд РСФСР, таким образом, подчеркивал значимость ясности и полноты в изложении судебных решений по гражданским делам, что должно было способствовать вынесению судами точных, понятных и возможных для исполнения решений.

В 1923 г. в производстве народного суда 2 отделения г. Петрограда находилось гражданское дело по иску Петроблесток к производственному товариществу «Магистраль» о взыскании 280 млн. 800 тыс. руб. (1872 руб. золотом по курсу февраля 1923 г.). В 1922 г. Петроблесток договорился с товариществом о приобретении 1200 пудов железа и внес задаток. Товарищество не сдало железо и не вернуло задаток. Истец просил взыскать полученные в виде задатка 210600000 руб. и 10% неустойки с суммы заказа (702000000 руб.) – 702000000 руб., что составило 280800000 руб. Истцом суду были представлены доказательства – расписка о получении задатка и уведомление о принятии заказа на железо. Ответчик представил телеграмму, содержащую запрет до 15 ноября 1922 г. собственной погрузки грузов, направлявшихся по Николаевской железной дороге, кроме продовольствия, топлива, фуража, грузов воинских. Народный суд удовлетворил иски требования, в мотивировочной части решения указав следующее: ссылка ответчика на то, что невыполнение договора последовало вследствие запрещения погрузки со стороны Управления бывшей Николаевской железной дороги, неосновательна, так как ответчик не доказал, что товар подходил под действие указанного распоряжения, тем более, что срок исполнения договора, им же предусмотренный, составлял всего два дня, и товарищество должно было уже иметь в своем распоряжении указанный товар, если оно заключало договор на столь короткий срок [3].

Таким образом, мотивировочная часть решения включала не только нормативное обоснование, но и содержала оценочные категории, как например, то, что за слишком короткий срок, установленный договором, можно сдать заказчику лишь тот товар, который уже находится в распоряжении исполнителя, и перевозка товара из отдаленной местности не предполагается.

Анализ работ деятелей юстиции и архивных материалов периода НЭПа позволяют сделать вывод о классовости советского суда и учете классовой принадлежности сторон при вынесении судебных актов [4, с. 69-70, с. 82-83]. Народный суд 2 отделения г. Ленинграда 4 февраля 1925 г. в составе судьи и двух народных заседателей, рассмотрев дело по иску Голенищевой Е. Ф. к Янович А. Н. о признании прав на рояль, и отказав в иске, указал в мотивировочной части решения (наряду с другими основаниями): «принимая во внимание ... что ответчик является трудящимся...» [5]. Таким образом, в судебных актах периода НЭПа отражался учет социального положения сторон имущественных споров.

К промежуточным судебным актам, упоминавшимся в гражданском процессуальном законодательстве, можно отнести:

- 1) определение об обеспечении исков (ст. 90 ГПК РСФСР 1923 г.);
- 2) определение о допущении обеспечения доказательств (ст. 127 ГПК РСФСР 1923 г.).

Архивные материалы содержат примеры судебной практики по вынесению определений об обеспечении иска и об обеспечении доказательств. Так, при рассмотрении гражданского дела по иску Правления жилищного товарищества к Семенову М. С. был наложен арест в порядке обеспечения иска на квартирную обстановку, находившуюся в квартире у Казаковой М. С., принадлежавшую ей на праве собственности. Казакова М. С. обратилась в суд с просьбой признать право собственности на квартиру и приостановить продажу имущества. В феврале-апреле 1924 г. данное дело находилось в производстве народного суда 2 отделения г. Ленинграда. Народный судья направил в Коллегию судебных исполнителей предложение приостановить продажу и вывоз имущества, принадлежавшего Казаковой М. С. до разрешения гражданского дела. При разрешении дела по существу народный суд в резолютивной части решения определил: признать за гражданкой Казаковой право собственности на имущество, находившееся в ее квартире; постановление народного суда о наложении ареста на часть этого имущества в обеспечение иска жилищного товарищества к гражданину Семенову отменить [6].

Данное дело содержит интересный пример, когда определение об обеспечении иска, вынесенное в рамках одного гражданского дела (по иску жилищного товарищества к гражданину Семенову), стало основанием для другого дела (по иску гражданки Казаковой к гражданину Семенову и жилищному товариществу), и в рамках второго дела было отменено.

Народным судом 5 отделения в 1924 г. рассматривалось гражданское дело по иску дома Коммуны Ленинградского губернского комиссариата об обеспечении доказательств об определении количества и качества ремонта квартиры и его стоимости. Гражданин К. 2 октября 1923 г. заключил с домоуправлением соглашение, по которому домоуправление предоставило гражданину квартиру, а гражданин был обязан в течение 3 месяцев произвести полный ремонт согласно смете. Квартирплатой покрывалась потраченными гражданином К. расходами по ремонту (552 руб. золотом) впредь до полного погашения суммы. С момента заключения соглашения прошло 4,5 месяца, а гражданин К. за это время ремонт не произвел, в доме не прописался, ключей не возвратил, и неизвестно где находился. Домоуправление обратилось в народный суд с иском об обеспечении доказательств, в котором просило путем местного осмотра специально назначенными судом экспертами или путем осмотра судом (в полном составе или председательствующим в судебном заседании) установить:

- 1) производил ли гражданин К. ремонт в квартире;
- 2) если производил ремонт, то что именно выполнено из сметы;
- 3) если производил ремонт, то какова его стоимость;
- 4) имеется ли в квартире имущество, принадлежащее гражданину К.

Народный судья направил поверенному домоуправления извещение о том, что домоуправлению надлежит внести сумму расходов для вызова экспертов и назначения экспертизы в размере 6 червонцев. Поскольку сумма уплачена не была, домоуправлению было направлено повторное извещение. Народный суд в составе народного судьи и двух народных заседателей определил: принимая во внимание, что на вторичное извещение вновь ответа не последовало, исковое заявление считать неподанным [7].

На основе анализа судебных актов и актов толкования Верховного Суда РСФСР в период НЭПа, можно сделать следующие выводы. Содержание судебного акта регламентировалось законодательно ГПК РСФСР 1923 г. Разъяснения Верховного Суда РСФСР имели руководящее значение для установления единообразия судебной практики и определения правил, которых должны были придерживаться суды при вынесении судебных актов. Циркулярные постановления Верховного Суда РСФСР и определения Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР подчеркивали необходимость точного и ясного изложения резолютивной части решений, указания на то, что именно и в каком размере присуждено, определения денежных эквивалентов при присуждении имущества. Это свидетельствует о стремлении избежать волокиты в гражданском судопроизводстве и обеспечить возможность исполнения судебных актов. Одним из структурных элементов решения суда по гражданскому делу являлось указание предмета спора. Рассматривавшиеся судом дела касались различных аспектов гражданских правоотношений: права собственности на имущество, взыскания коммунальных платежей, исполнения обязательств по договору и других, что отражает широкий спектр вопросов, возникавших в гражданском обороте с переходом к НЭПу. Суды активно применяли обеспечительные меры – арест имущества для гарантирования исполнения будущих судебных решений, и определение об обеспечении иска являлось одним из судебных актов. Суды также выносили определения об обеспечении доказательств, когда, например, путем местного осмотра назначенными судом экспертами или самим судом требовалось установить определенные обстоятельства, имевшие значение для дела.

Список литературы:

1. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.
2. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / Сост. Председатель Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР С. В. Александровский; предисл. Я. Н. Бранденбургского. Москва : Юридическое издательство НКЮ, 1925. 453 с.
3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 808. Оп. 3. Д. 163.
4. Винниченко О. Ю., Филонова О. И. Модернизация судебной системы в период нэпа : монография. Курган : Курганский государственный университет, 2013. 172 с.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 808. Оп. 3. Д. 106.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 808. Оп. 3. Д. 33.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 811. Оп. 5. Д. 79.

References:

1. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of July 10, 1923 "On the introduction of the Civil Procedure Code of the RSFSR" (together with the "Civil Procedure Code of the RSFSR") // Collection of laws RSFSR. 1923. No. 46-47. Article 478.
2. Civil Procedure Code of the RSFSR. With article by article systematized material / Comp. Chairman of the Civil Cassation Collegium of the Supreme Court of the RSFSR S. V. Aleksandrovsky; foreword by Ya. N. Brandenburgsky. Moscow: Legal Publishing House of the NKJ, 1925. 453 p.
3. Central State Archives of St. Petersburg. Collection 808. Inventory 3. File. 163.
4. Vinnichenko O. Yu., Filonova O. I. Modernization of the judicial system during the NEP period: monograph. Kurgan: Kurgan State University, 2013. 172 p.
5. Central State Archives of St. Petersburg. Collection 808. Inventory 3. File 106.
6. Central State Archives of St. Petersburg. Collection 808. Inventory 3. File 33.
7. Central State Archives of St. Petersburg. Collection 811. Inventory 5. File 79.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_374

УДК 346.54

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

ЕФИМЦЕВА Татьяна Владимировна,

заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права

Оренбургского института (филиала)

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»;

профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»;

профессор кафедры гражданского и предпринимательского права УВО «Университет управления «ТИСБИ»

доктор юридических наук, доцент.

460000, Россия, г. Оренбург, Комсомольская ул., 50.

ORCID ID: 0000-0003-4295-6046

E-mail: tve-26@mail.ru;

EFIMTSEVA Tatiana Vladimirovna,

Head of the Department of Entrepreneurial and Natural-resources Law

of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA);

Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Orenburg State University;

Professor of the Department of Civil and Business Law of the TISBI University of Management

Doctor of Law, Associate Professor.

460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya St., 50.

ORCID ID: 0000-0003-4295-6046

E-mail: tve-26@mail.ru

Краткая аннотация. Развитие государственно-частного партнерства – одна из основных задач современного российского общества, решение которой следует начинать с нормативно-правового регулирования. В статье представлены проблемы реализации механизма государственно-частного партнерства на практике и указаны конкретные мероприятия, направленные на решение выявленных проблем.

Abstract. The development of public-private partnership is one of the main tasks of modern Russian society, the solution of which should begin with regulatory regulation. The article presents the problems of implementing the mechanism of public-private partnership in practice and identifies specific measures aimed at solving the identified problems.

Ключевые слова: экономика, социальные обязательства, государственно-частное партнерство, государство, частный бизнес, соглашение, разгосударствление, финансирование, окупаемость, прибыль.

Keywords: economy, social obligations, public-private partnership, government, private business, agreement, denationalization, financing, pay-back, profit.

Для цитирования: Ефимцева Т.В. Государственно-частное партнерство: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 374-376. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_374.

For citation: Efimtseva T.V. Public-private partnership: problems of theory and practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 374-376. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_374.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2025**Дата публикации: 30.05.2025**

В последнее время государственно-частное партнерство (ГЧП) становится все более востребованным механизмом решения долгосрочных планов при создании транспортной инфраструктуры, в строительстве, коммунальном хозяйстве, здравоохранении, образовании, в сфере обороны, науки и других областях.

Основная задача данного механизма заключается в том, что при сотрудничестве с бизнесом у государства появляется возможность снизить нагрузку на бюджет и использовать более гибкую и менее бюрократическую систему управления проектом. Бизнес, в свою очередь, получает набор гарантий и преференций (возможность долговременного управления государственными активами, причем часто на льготных условиях, и др.). Однако на практике реализация проектов ГЧП сталкивается с различными трудностями [4].

Среди европейских стран по количеству реализуемых проектов ГЧП первое место устойчиво занимает Великобритания, за ней следуют Франция и Германия (по количеству соглашений, но по стоимости заключенных контрактов все они уступают Италии).

При анализе зарубежного законодательства о ГЧП особый интерес представляет опыт Великобритании, в которой впервые появились такие отношения. Именно в Великобритании в 1992 году на государственном уровне были закреплены различные способы функционирования ГЧП в связи с разработкой так называемой «частной финансовой инициативы». При этом частный сектор получил право строить объекты, используя собственные ресурсы, эксплуатировать их в течение некоторого времени, получая от этого доход; расходы частного инвестора компенсировались либо за счет доходов от эксплуатации объектов, либо за счет платежей из бюджета.

Франция также обладает давними традициями ГЧП, включая «товарищества смешанной экономики». «Товарищества смешанной экономики» – прямые порождения процесса сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом. Это – акционерные общества или товарищества с ограниченной ответственностью, часть акций или паев которых принадлежит государству в то время, как другая их часть покрыта частными лицами, физическими или юридическими [7, с. 611]. При этом все проекты ГЧП разделены на концессионные соглашения и партнерские контракты, у которых разное законодательное обеспечение, и их реализацию координируют разные институты.

В Германии ГЧП стало активно развиваться со второй половины 1980-х годов. 1 сентября 2005 года был принят Закон «Об ускорении реализации государственно-частных партнерств и об улучшении общих правовых условий для них». Данным Законом были внесены поправки в ряд статей бюджетного и налогового законодательства, а также установлены иные правила регулирования размещения государственных заказов и финансирования строительства автомагистралей за счет частных инвестиций. Так, например, для расширения возможностей ГЧП в бюджетное законодательство Германии было включено положение о расчете экономической целесообразности с учетом распределения рисков.

В целом в большинстве государств контракты в этой сфере рассматриваются как административные договоры, которые заключаются между государством (или муниципалитетом) и частной фирмой для того, чтобы вести общественно необходимую и полезную деятельность. В административных контрактных отношениях риски и расходы полностью несет государство, и право собственности на объект не переходит к частному партнеру.

В зарубежной практике не существует как такового типового контракта о проекте ГЧП, можно говорить лишь об общих положениях, которые должны быть закреплены в контракте. В различных государствах складывались и продолжают складываться специфические правовые традиции взаимодействия государственного и частного сектора в решении социально-экономических задач. Конкретные правовые средства, позволяющие эффективно использовать ГЧП, могут варьировать в зависимости от национального правового порядка и иных особенностей конкретного общества.

В России на государственном уровне ГЧП до сих пор рассматривается с точки зрения реализации отдельных проектов, решения конкретных бюджетных и социальных проблем, но вне макроэкономического контекста – общей стратегии разгосударствления и структурного развития экономики. В российской экономике постепенно выстраивается структура отношений между государством и бизнесом, призванная обеспечивать их взаимодействие для оптимизации рисков и привлечения ресурсов частного капитала в сферы традиционно государственного управления (жилищно-коммунальное хозяйство, социальное обеспечение, культурное наследие, транспортная инфраструктура и пр.) [6]. Иными словами, в нашей стране ГЧП рассматривается как альтернатива приватизации. Такая модель взаимодействия сохраняет за государством ведущие функции контроля в значимых секторах экономики, раскрывая потенциал частного предпринимательства, то есть представляет собой форму отношений, которая позволяет государству оптимизировать реализацию своих обязанностей перед обществом, переложить свои социальные обязательства перед народом на бизнес.

Сегодня общепризнанного определения государственно-частного партнерства не существует. Даже в Евросоюзе, страны которого проводят унификацию законодательства во многих областях, нет единого толкования этого понятия [1, с. 45]. Всемирный банк, систематически обобщающий практику ГЧП во многих странах, понимает это явление как «долгосрочное, юридически оформленное соглашение между органами государственной и муниципальной власти или подконтрольными им юридическими лицами, с одной стороны, и частными структурами, с другой стороны, предусматривающее создание общественного имущества или общественных услуг, в процессе которого частный партнер принимает на себя существенную часть риска и управленческой ответственности».

В то же время в практике разных стран и в трактовке различных экспертов под ГЧП подразумеваются самые разнообразные формы взаимодействия государственных и негосударственных структур, иногда выходящие за рамки приведенного определения. К таким формам в России и за рубежом нередко относят концессионные соглашения, инвестиционные контракты, финансовую аренду (лизинг), совместные (смешанные) компании, контракты жизненного цикла, соглашения о разделе продукции (СРП) и т.д. Однако единого мнения в доктрине относительно форм ГЧП также нет.

В Российской Федерации принят Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон о ГЧП), который определяет такое партнерство как «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества». Однако в самом Законе (ст. 2) и в практике федеральных органов исполнительной власти признано, что ГЧП как явление не ограничивается рамками данного Закона, поскольку существуют и другие нормативные правовые акты (о концессиях, о соглашениях о разделе продукции, об особых экономических зонах и т.д.), регулирующие различные формы сотрудничества общественных и частных структур, относимые в России и в мире к ГЧП [3]. Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод о том, что по своей сути государственно-частное партнерство является формой присвоения частным бизнесом государственных средств, так как государство выделяет средства из бюджета, а созданный (реконструируемый) объект переходит в собственность инвестора. Инвестор пользуется этим объектом до тех пор, пока объект приносит ему прибыль, после чего убыточные объекты перекладываются на государство. Так работает экономика в условиях капитализма.

К общим признакам ГЧП в официальном понимании (отраженном в разных формулировках в различных документах) относятся: юридическое оформление взаимодействия, его долгосрочный характер, разделение рисков и привлечение частных инвестиций в общественно зна-

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. - № 29 (часть I). - Ст. 4350. До этого момента в России законодательство о ГЧП разрабатывалось только на региональном уровне.

чимые проекты. Такая трактовка в целом соответствует распространенной мировой практике, но содержит и российский акцент. Примечательно, к примеру, что в определениях многих авторитетных зарубежных структур, включая и упомянутую формулировку Всемирного банка, нет ни слова про происхождение и распределение инвестиций [5, с. 112-113].

Нужно отметить, что в России имеется множество проблем в практике ГЧП, среди которых можно выделить следующие: несовершенство нормативно-правовой базы разграничения полномочий органов государственной власти на разных уровнях; фискальная направленность налогового законодательства; высокая ставка рефинансирования и невозможность обеспечения долгосрочного финансирования проектов ГЧП; отсутствие независимой судебной системы; коррупция, препятствующая развитию частного финансирования проектов ГЧП; политизированность и направленность на «глобальную повестку» правовых и экономических решений.

Соответственно, к основным способам решения указанных проблем относят следующие: совершенствование правовой регламентации и стимулирование совместного финансирования; развитие косвенного финансирования; гибкая политика в сфере налогов и тарифов; формирование правовых основ коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности (НИОКР); льготное кредитование в целях поддержки отечественных производителей; выдача лицензий предпринимателям, ориентированным на импортозамещение; введение импортных пошлин на товары и поддержка отечественного производства; снижение ставок налогов, и прежде всего налога на добавленную стоимость; организация «прозрачных» конкурсов на право заключения соглашений о ГЧП; развитие правовых механизмов использования проектных и инфраструктурных облигаций [2].

Однако пересмотр стратегии социально-экономического развития нашей страны, учитывая возможности ГЧП, невозможно провести при сохранении существующей системы государственной власти. Все предлагаемые меры и мероприятия не способны что-либо изменить к лучшему в жизни общества.

Список литературы:

1. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. - № 9. - С. 41-50.
2. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / под редакцией И.Н. Ткаченко. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 188 с.
3. Маслова С.В., Еремин В.В. 2023. Проблемы правового регулирования государственно-частного партнерства в российских правовых исследованиях до и после принятия Федерального закона о государственно-частном партнерстве. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Том 14, выпуск 1. – С. 141–158. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.109>
4. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией Е.И. Марковской. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 491 с.
5. Михеев А.А. Власть и государственно-частное партнерство в фокусе российских приватизационных практик // Власть. – 2016. - № 3. - С. 110-124.
6. Соколов М.Ю., Маслова С.В. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / М.Ю. Соколов, С.В. Маслова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 212 с.
7. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в двух томах. — Том 2 / Е.А. Флейшиц; под редакцией А.Л. Маковского. — Москва: Статут, 2015. — 720 с.

References:

1. Varnavskiy V.G. Public-private partnership: some issues of theory and practice // World economy and international relations. - 2011. - No. 9. - pp. 41-50.
2. Public-private partnership: a textbook for universities / edited by I.N. Tkachenko. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 188 p.
3. Maslova S.V., Eremin V.V. 2023. Problems of legal regulation of public-private partnership in Russian Legal Research before and after the adoption of the Federal Law on Public-Private Partnership. Part One // Bulletin of St. Petersburg University. Pravo. – 2023. – Volume 14, issue 1. – pp. 141-158. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.109>
4. Mechanisms of public-private partnership. Theory and practice: textbook and practicum for universities / under the general editorship of E.I. Markovskaya. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 491 p.
5. Mikheev A.A. Power and public-private partnership in the focus of Russian privatization practices // Power. 2016. No. 3. pp. 110-124.
6. Sokolov M.Yu., Maslova S.V. Public-private partnership: a textbook for universities / M.Yu. Sokolov, S.V. Maslova. — 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 212 p.
7. Fleishits E.A. Selected works on civil law: in two volumes. — Volume 2 / E.A. Fleishits; edited by A.L. Makovsky. — Moscow: Statute, 2015. 720 p.